

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Куйкина Евгения Сергеевна

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В БАЛЛАДАХ В. А. ЖУКОВСКОГО

Специальность 10.01.01 – русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Мальчукова Татьяна Георгиевна

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Античная культура в образовании и раннем творчестве В. А. Жуковского	12
1.1. Осведомленность В. А. Жуковского в античной традиции.....	17
1.2 Взгляды В. А. Жуковского на перевод	50
1.3 Первоначальные переводы В. А. Жуковского античных образцов.....	60
1.3.1 Стихотворение «Сафина ода» (1806)	61
1.3.2 «К Делию» (1809) – перевод оды Горация (Carm. II, 3).....	69
1.4 Ранние «античные» баллады В. А. Жуковского.....	77
1.4.1 Баллада «Кассандра» (1809).....	78
1.4.2 Баллада «Ивиковы журавли» (1813)	89
1.4.3 Греческие источники баллады «Ахилл» (1812—1814).....	100
Глава 2. Переводы В. А. Жуковского из античного эпоса	111
2.1 «Цейкс и Гальциона» (1819) – отрывок из «Метаморфоз» Овидия в переводе В. А. Жуковского	114
2.2 «Разрушение Трои» (1822) – перевод второй книги из «Энеиды» Вергилия	122
2.3 «Отрывки из “Илиады”» (1828).....	131
Глава 3. Рецепция греческих мифологических сюжетов в позднем балладном и драматургическом творчестве В. А. Жуковского	140
3.1 Поздние «античные» баллады В. А. Жуковского	141
3.1.1 Гомеровский эпос в балладе «Торжество победителей» (1828).....	141
3.1.2 «История» Геродота и баллада «Поликратов перстень» (1831).....	152
3.1.3 Античные источники баллады «Жалоба Цереры» (1831).....	164
3.1.4 Баллада «Элевзинский праздник» в свете античных традиций (1833).....	174
3.2 Миф о царе Эдипе в творчестве В. А. Жуковского.....	185
Глава 4. Поэма Гомера «Одиссея» в интерпретации В. А. Жуковского	196
Заключение	223
Список литературы	230

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению античных сюжетов в балладах В. А. Жуковского в контексте развития античных традиций в творчестве поэта.

В филологической науке с именем Жуковского связано становление и теоретическое осмысление балладного жанра в русской литературе. Жуковскому принадлежит 39 баллад, большинство из которых переводные (5 оригинальных). С точки зрения хронологии, в творчестве Жуковского выделяются три периода обращения к балладному жанру: 1808—1814, 1816—1822, 1828—1832. Между этими периодами есть временные интервалы, что отражает эволюцию переводческих принципов, эстетических и философских взглядов поэта. Баллады Жуковского представляют собой художественное целое, объединенное единством жанра и смысла. В исследованиях литературоведов обращает на себя внимание множественность классификаций баллад поэта. Один из первых исследователей переводческого наследия Жуковского В. Е. Чешихин в монографии «Жуковский как переводчик Шиллера» назвал три периода балладного творчества Жуковского: «лирический», «эпический» и «дидактический»¹. Согласно тематической классификации И. М. Семенко, баллады Жуковского делятся на «национально-исторические (русские), средневеково-рыцарские и античные»². «Античными» И. М. Семенко называет баллады на античную тему, к которым относятся «Кассандра» (1809), «Ивиковы Журавли» (1813), «Ахилл» (1812—1814), «Торжество победителей» (1828), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831), «Элевзинский праздник» (1833). Баллада «Ахилл» – оригинальное произведение В. А. Жуковского, остальные представляют собой переводы из Шиллера. Исследовательница Р. В. Иезуитова называет их «балладами в античном роде»³.

«Античные» баллады фигурируют в первом и третьем периодах балладного творчества Жуковского и являются одной из форм рецепции русским поэтом античного наследия, классическим контекстом к переводу «Одиссеи», главного поэтического труда Жуковского, наряду с чтением трудов западно-европейских классицистов по античной словесности, изучением классических языков и переводами из античных авторов.

¹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера. Критический этюд (увенчанный Императорскою Академиею Наук, премией за сочинение о В. А. Жуковском). Рига : Типо-литография Б. Серенсена, 1895. С. 169.

² Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М. : Худож. лит., 1975. С. 165.

³ Иезуитова Р. В. В. А. Жуковский // История русской литературы : в 4 т. / редкол. : А. С. Бушмин, Е. Н. Купрянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. К. Д. Муратова, Н. И. Пруцков (гл. ред.). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2 : От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 124.

Актуальность исследования

Истории изучения творчества Жуковского уже 200 лет. Наука о Жуковском прошла долгий путь от полемики вокруг поэтики балладного жанра до классических работ В. Г. Белинского, П. А. Плетнева, С. П. Шевырева, П. Загарина, В. И. Резанова, А. Н. Веселовского, В. М. Эйхенбаума, Ц. С. Вольпе, Г. А. Гуковского, аналитических исследований современных ученых-литературоведов. Были опубликованы ценные биографические и литературоведческие исследования. Большое количество статей и монографических работ посвящено художественному методу Жуковского, поэтике романтизма в его произведениях. Развивалась наука о переводе, в рамках которой появлялись исследования, сравнивающие переводы Жуковского с иноязычными подлинниками, изучающие переводческие принципы поэта, восприятие Жуковским западноевропейской словесной культуры⁴.

С 1980-х годов в изучении творчества Жуковского произошли существенные изменения, значительно увеличился масштаб исследований, посвященных изучению биографии и творчества поэта как в отечественной науке, так и в зарубежной славистике. Прежде всего, этому содействовало празднование в 1983 году 200-летия со дня рождения поэта. Другим событием, способствовавшим активизации научного сообщества, событием, открывшим широкий простор деятельности поэта, стало изучение библиотеки Жуковского в Томске. При описании и изучении сохранившихся книг библиотеки поэта ученые Томской филологической школы обнаружили множество маргиналий, замечаний, подчеркиваний, знаков согласия и возражения Жуковского-читателя, множество предварительных планов, черновых вариантов переводов, незавершенных произведений, списков источников для оригинального творчества. Описание и новые данные библиотеки Жуковского отражены в научных публикациях⁵. Исследование библиотеки в сочетании с изучением рукописного наследия поэта в русских и

⁴ Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Поэты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 137—164; Гоголь Н. В. Об Одиссее, переводимой Жуковским // Собр. соч. : в 8 т. М. : Терра-Книжный клуб, 2001. Т. 7. С. 66—74; Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков / 2-е изд. М. : Индрик, 2001. 400 с.; Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л. : Наука, 1982. С. 77—89; Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы : сб. ст. / под ред. акад. М. П. Алексеева. М. ; Л. : АН СССР, 1963. С. 5—63; Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л. : Наука, 1972. С. 222—284; Реизов Б. Г. В. А. Жуковский, переводчик Вальтера Скотта («Иванов вечер») // Русско-европейские литературные связи: сб. ст. к 70-летию академика М. П. Алексеева. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 439—446; Тураев С. В. Шиллер в переводах В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М. : Наука, 1988. С. 275—288; Цветаева М. И. Два «Лесных царя» // Просто сердце. Стихи зарубежных поэтов в переводе Марины Цветаевой. М. : Прогресс, 1967. С. 88—95; Чехихин В. Е. Жуковский, как переводчик Шиллера : критический этюд (увенчанный Императорскою Академиею Наук, премией за сочинение о В. А. Жуковском). Рига : Типо-литография Б. Серенсена, 1895. 172 с.; Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 248 с.

⁵ Список публикаций ученых Томской филологической школы и обзор современных исследований подробно см.: Канунова Ф. З. В. А. Жуковский в исследованиях и изданиях Томской филологической школы / Ф. З. Канунова, Ю. М. Прозоров // Русская литература. 2008. № 1. С. 263—269; Янушкевич А. С. «При свете Жуковского» : обзор отечественных и зарубежных исследований 2009—2013 гг. : к 230-летию со дня рождения В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 183—192.

зарубежных архивах способствовало осмыслению творчества Жуковского в контексте русской и мировой словесной культуры, что повлекло за собой издание Полного собрания сочинений и писем в 20 томах, сборников литературоведческих трудов («Библиотека В. А. Жуковского в Томске»⁶, «Жуковский и русская культура»⁷, «Жуковский и литература конца XVIII—XIX века»⁸, «Жуковский и время»⁹, «Жуковский: исследования и материалы»¹⁰), появление научных центров по изучению творческого наследия поэта, издание ранее не опубликованных произведений.

Исследование своеобразия и форм рецепции античной словесной культуры в балладном творчестве Жуковского актуально, так как этот вопрос до сих пор остается наименее изученной частью творческого наследия Жуковского. Очевидно, это обусловлено традицией рассматривать произведения Жуковского, особенно баллады, с точки зрения поэтики романтизма.

Жуковский вошел в историю русской литературы как поэт-романтик. В 1822 году о нем писал П. А. Плетнев, называя «воспитанником и основателем в России романтической школы»¹¹. В 1830—1840-е годы В. Г. Белинский поддерживал романтическую концепцию творчества Жуковского и писал в своих статьях, что он «ввел в русскую поэзию романтизм»¹². Вплоть до настоящего времени взгляд Плетнева и Белинского остается определяющим в истолковании творческого наследия Жуковского¹³. Даже труд академика А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (СПб., 1904) о традициях сентиментализма в творчестве русского поэта не поколебал этой концепции. Ставшие уже классическими исследования XX века Ц. С. Вольпе, Р. В. Иезуитовой, В. М. Марковича, И. М. Семенко, А. С. Янушкевича интерпретировали творчество поэта и, в особенности, его баллады в контексте эволюции русской литературы от эпохи классицизма XVIII века к

⁶ Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. Ч. 1. 530 с. ; 1984. Ч. 2. 646 с. ; 1988. Ч. 3. 578 с.

⁷ Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; ред. Д. С. Лихачев, Р. В. Иезуитова, Ф. З. Канунова. Л. : Наука, 1987. 504 с.

⁸ Жуковский и литература конца XVIII—XIX века : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. В. Ю. Троицкий. М. : Наука, 1988. 320 с.

⁹ Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. 360 с.

¹⁰ Жуковский : исследования и материалы / Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Томский гос. ун-т»; [ред. : А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова]. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2010. Вып. 1. 541 с. ; Жуковский : исследования и материалы : сб. науч. трудов [Электронный ресурс] / [гл. ред. А. С. Янушкевич] ; Томский гос. ун-т. Электрон. кн. Томск, 2013. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000458050>, свободный. Аналог. печ. изд. (Изд-во Томского ун-та, Вып. 2. 745 с.). (01.08.2016).

¹¹ Плетнев П. А. Записка о сочинениях Жуковского и Батюшкова // Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб. : Тип. Н. Греча, 1822. С. 308.

¹² Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. ред. кол. : Н. К. Гей, В. И. Кулешов, Ю. В. Манн, С. И. Машинский, М. Я. Поляков, Г. А. Соловьев, Ю. С. Сорокин. М. : Художественная литература, 1981. Т. 6. С. 113.

¹³ Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 11—12.

романтизму XIX века. Принципы периодизации литературных эпох подкрепляются современной наукой о творчестве Жуковского. Концепция культурного перелома на рубеже XVIII—XIX веков, предложенная С. С. Аверинцевым и А. В. Михайловым¹⁴, объединила большие стили – классицизм, барокко, просвещение, сентиментализм, ориентировавшиеся на античное наследие, и противопоставила их романтизму XIX века с его установкой на национальную культурную традицию. В то же время в 1990-е годы в науке начинает высказываться и утверждаться мнение о непреходящем значении античного наследия, не только в эпоху классицизма, барокко, Просвещения, сентиментализма, но и в новых литературных направлениях XIX века, романтизме, реализме, а также в последующие периоды развития отечественной словесности.

Изучению художественного восприятия античного наследия в России посвящены обширные монографии: М. А. Wes. *Classics in Russia 1700—1855: Between Two Bronze Horsemen*. Leiden; NY; Köln 1992. 366 p.; Фролов Э. Д. *Русская наука об античности: Историографические очерки*. СПб., 1999. 542 с. и работы Б. М. Гаспарова «Русская Греция, русский Рим» (*Christianity and the Eastern Slavs*. Berkley; Los Angeles; London, 1994. Vol. II: *Russian Culture in Modern Times*. P. 245—287) и Г. С. Кнабе «Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России» (М.: РГГУ, 1999. 238 с.). Однако исследователи А. К. Гаврилов¹⁵ и Т. Г. Мальчукова¹⁶ говорят о том, что об окончательном решении вопроса об античных традициях в истории русской словесности говорить еще преждевременно, так как в связи с трагическими историческими событиями XX века русская филологическая наука в большинстве своем утратила связи с «основополагающими для европейских национальных литератур традициями греко-римской античности и христианства»¹⁷ и потому невнимательна к «претворению этих традиций в русской литературе»¹⁸. Автор настоящей работы отталкивается от методологически значимого положения исследователя рецепции античного наследия в русской литературе профессора Т. Г. Мальчуковой о том, что «в России вслед за

¹⁴ Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // *Поэтика древнегреческой литературы*: сб. ст. М. : Наука, 1989. С. 3—14; Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Аверинцев С. С. *Поэты*. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 137—164; Аверинцев С. С. Славянское слово и традиция эллинизма // *Вопросы литературы*. 1976. № 11. С. 152—162; Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX веков // Михайлов А. В. *Языки культуры* : учеб. пособие по культурологии. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 509—521; Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII—XIX веков // *Языки культуры* : учеб. пособие по культурологии. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 522—563; Михайлов А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII—XIX веков // *Обратный перевод : русская и западно-европейская культура : проблемы взаимосвязей*. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 19—33.

¹⁵ Гаврилов А. К. Из новейшей историографии русского антиковедения // *О филологах и филологии* : статьи и выступления разных лет. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 79—100.

¹⁶ Мальчукова Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы) // *Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе* / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Новый Хронограф, 2015. С. 6—50.

¹⁷ Там же. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 35.

западноевропейскими странами в XVII—XVIII вв. Возрождение греко-римской культуры состоялось и привело к развитию русской архитектуры и скульптуры античных форм и стиля в Петербурге, как и в оформлении центра едва ли не всех русских городов и даже усадеб, к созданию русской античности – полной библиотеки древних авторов на русском языке благодаря труду поэтов и ученых переводчиков на протяжении четырех столетий с XVII по XX в., что сразу приблизило широкое русское просвещение к европейскому образованию и, наконец, к возникновению классической русской литературы XIX—XX вв.»¹⁹.

Опираясь на опыт предшественников, диссертант понимает русскую культуру «как культуру национальную и европейскую, развивающую две основополагающие традиции – христианскую и классически-ренессансную»²⁰. Рецепция античности в России имела национальную особенность, которая, с одной стороны, выражалась в ее синтезе с Православием, с другой стороны, в особой интерпретации античных источников. Возрождение греко-римской культуры в России соответствовало по времени европейскому классицизму, барокко, Просвещению, рококо, сентиментализму, романтизму, что дало возможность русским авторам освоить античную словесность в многообразных формах, не стесняя себя классицистической поэтикой Н. Буало, и интерпретировать древние тексты в духе романтической идеи национального своеобразия. Для русской литературы характерно многообразие форм рецепции античной словесности: «перевод, точный и вольный, подражание, переделки на наши нравы, использование образов, мотивов, сюжетов, нравственно-политических и философских идей, художественно-эстетических концепций, наконец, поэтических и прозаических жанров»²¹.

В настоящей работе впервые исследуются эти научные вопросы на материале «античных» баллад Жуковского в сочетании с переводами Жуковского из античной поэзии, упоминаниями античных авторов в эпистолярном, критическом, художественном наследии; исследуется осведомленность Жуковского в греко-римской словесной культуре, изучаются переводческие принципы, анализируются переводы из античных авторов, а также определяются античные источники баллад; выявляются реминисценции памятников античной словесности в балладных текстах; устанавливается взаимосвязь «античных» баллад с другими претворениями античной культуры в творчестве Жуковского и определяется значение внимания Жуковского к классическому наследию в литературном процессе конца XVIII — начала XIX веков.

Целью исследования является изучение баллад Жуковского на античный сюжет в контексте развития античных традиций в творчестве поэта.

¹⁹ Мальчукова Т. Г. О своеобразии и формах рецепции античной словесности в русской литературе // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX в. : сб. ст. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 19.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 19.

Задачи исследования:

- 1) прояснить осведомленность Жуковского в античной литературе;
- 2) изучить место и роль классической культуры в образовании и самообразовании Жуковского;
- 3) определить круг античных авторов, жанров и мифологических сюжетов, интересующих поэта;
- 4) выявить основные формы рецепции греческих мифологических сюжетов в творчестве Жуковского;
- 5) изучить принципы перевода Жуковского на примере «античных» баллад и переводов классических текстов от ранних опытов до итогового перевода «Одиссеи»;
- 6) проанализировать переводы Жуковского античной лирики («Сафина ода», ода «К Делию») и античного эпоса («Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия, «Отрывки из “Илиады”» и «Одиссею» Гомера) в контексте переводческих принципов Жуковского и литературно-исторической ситуации конца XVIII — начала XIX века;
- 7) проанализировать «античные» баллады Жуковского в контексте внимания поэта к античной словесной культуре;
- 8) обосновать вопрос выбора Жуковским балладного жанра как формы рецепции греческих мифологических сюжетов;
- 9) исследовать значение античной культуры в творчестве Ф. Шиллера и определить роль немецкого посредничества в восприятии античности Жуковским;
- 10) определить значение античного наследия в творчестве Жуковского, поэта кризисной эпохи смены веков и диалога культур: античности и христианства, античности и романтизма.

Объектом исследования являются печатные источники переводов Жуковского из античных авторов «Сафина ода», «К Делию», «Цейкс и Гальциона», «Разрушение Трои. Из *Энеиды* Вергилия», «Отрывки из “Илиады”», «Одиссея», «античных» баллад Жуковского «Кассандра» (1809), «Ивиковы журавли» (1813), «Ахилл» (1812–1814), «Торжество победителей» (1828), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831), «Элевзинский праздник» (1833). Также **материалом** для исследования послужило художественное, критическое, философско-эстетическое, эпистолярное наследие, опубликованные материалы архива и личной библиотеки поэта. Дополнительно привлекаются немецкие тексты баллад, письма, философско-эстетические, исторические работы Ф. Шиллера, греческие и латинские тексты античных авторов.

Предметом исследования является рецепция античной словесности в балладах Жуковского в контексте образования и самообразования поэта, изучения им классических языков и культуры, переводов из античных авторов.

Методологическую и теоретическую основу диссертации составили работы по рецепции античного наследия в европейской и отечественной словесности (С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, А. К. Гаврилов, М. Л. Гаспаров, Ф. Ф. Зелинский, С. А. Кибальник, Г. С. Кнабе, Е. П. Литинская, А. И. Любжин, Т. Г. Мальчукова, А. В. Михайлов, Е. Н. Свиясов, Л. И. Савельева, А. А. Тахо-Годи, О. В. Творогов, Т. А. Шарыпина), работы по сравнительному литературоведению (М. П. Алексеев, А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский). При изучении истории русской литературы XVIII–XIX веков и специально по творчеству Жуковского наиболее важными стали работы В. Э. Вацура, Н. Ж. Ветшевой, Г. А. Гуковского, Э. М. Жиликовой, Р. В. Иезуитовой, Ф. З. Кануновой, В. Н. Касаткиной, С. А. Кибальника, В. И. Кулешова, О. Б. Лебедевой, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна, В. М. Марковича, С. А. Матяш, Н. Б. Реморовой, И. М. Семенко, Г. Ф. Фридлендера, С. Е. Шаталова, А. С. Янушкевича, В. Н. Ярхо. По теории и истории перевода и специально по переводам Жуковского из Шиллера основополагающее значение имели работы С. С. Аверинцева, В. Беньямина, В. В. Биbihина, Н. К. Гарбовского, А. А. Дерюгина, А. Н. Егунова, В. Н. Комиссарова, Ю. Д. Левина, С. В. Тураева, Г. А. Чупиной, Е. Г. Эткинда, В. Е. Чешихина. Восприятие русским поэтом немецкой словесности и особенно поэзии Ф. Шиллера рассматривали О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, Г. И. Ратгауз, Н. Б. Реморова, С. В. Тураев, В. Е. Чешихин. История и поэтика балладного жанра представлена в работах М. П. Алексеева, Д. М. Балашова, Н. Ж. Ветшевой, И. Ю. Веницкого, Ц. С. Вольпе, Э. М. Жиликовой, Р. В. Иезуитовой, Н. В. Измайлова, В. М. Марковича, С. А. Матяш, А. С. Немзера, В. Я. Проппа, И. М. Семенко, А. С. Янушкевича.

Тема диссертационного сочинения, поставленные цель и задачи определили выбор рецептивного, историко-литературного, историко-типологического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, мифологического, формального и биографического подходов к анализу литературных явлений.

Научная новизна. В работе впервые исследуются античные баллады Жуковского в их связи с античными традициями в творчестве Жуковского от теоретико-эстетических взглядов поэта до анализа переводов античных авторов. Устанавливаются новые античные источники баллад, изучение которых позволяет сделать выводы об осведомленности Жуковского (и дополнительно Ф. Шиллера) в греческой культуре. «Античные» баллады рассматриваются как классический контекст к переводу «Одиссеи» – главного труда Жуковского.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. На основании изучения поэтического, критического и эпистолярного наследия Жуковского, а также материалов библиотеки поэта и биографических данных установлено, что следование классической традиции имело важное значение в творчестве Жуковского, поэта, переводчика, литературного критика эпохи романтизма.

2. Освоение Жуковским балладного жанра было тесно связано с осмыслением теоретических идей и художественных открытий немецких поэтов Ф. Шиллера и Г. А. Бюргера.

3. В результате изучения материалов библиотеки Жуковского, его эпистолярного наследия и эстетических работ, а также творческой биографии Ф. Шиллера установлены новые источники «античных» баллад («Илиада» Гомера, Гомеровы гимны, трагедии Эсхила «Агамемнон», «Прометей прикованный», трагедия Софокла «Филоклет», «История» Геродота, «География» Страбона, и «Описание Эллады» Павсания).

4. В баллады на античные сюжеты Жуковский привносит такую особенность гомеровского стиля, как составные эпитеты, а также, ориентируясь на теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова, использует славянизмы как средство архаизации и создания высокого стиля.

5. В результате изучения теоретических работ Жуковского о переводе 1809—1810 годов «О басне и баснях Крылова» (1809), «Радамист и Зенобия» (1810), «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810), определяется, что в первоначальных опытах перевод воспринимался Жуковским как *воссоздание* духа и формы подлинника, что давало возможность переводчику проявить свое творческое дарование, создать совершенное произведение и выступить соперником оригинального автора.

6. Позже, в переводах эпических памятников («Слово о Полку Игореве» в 1817—1819 годы, «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, «Отрывки из “Илиады”» в 1828 году, «Одиссея» в 1842—1849 годы и др.), Жуковский по возможности стремится к дословной точности.

7. В результате сравнительного анализа языка перевода и оригинальных текстов в работе составлены списки составных эпитетов, неологизмов, эквивалентов иноязычных поэтических формул, которые обновили поэтический стиль Жуковского и обогатили русский литературный язык.

8. Античные темы и мотивы переосмыслены Жуковским в контексте христианских идей милосердия, смирения и всепрощения.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в истолковании наследия Жуковского в контексте культурно-исторического процесса и выявления духовных истоков его творчества.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью ее использования в издательском деле при составлении комментариев к текстам Жуковского, а также при чтении лекционных курсов по истории русской литературы первой половины XIX века.

Апробация работы

Основные положения настоящего исследования были отражены в докладах на международных научных конференциях: «Россия и Греция: диалоги культур» (Петрозаводск, 2007); «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения», Великий Новгород, 2013); на научно-методических семинарах по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла (Н. Новгород, 2007, 2011); в статьях, выполненных при поддержке грантов РГНФ в 2007—2015 годы. По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы, включающего 382 наименования. Объем работы составляет 262 страницы.

В первой главе рассматриваются античная культура в образовании и творческой деятельности Жуковского, исследуются взгляды Жуковского на перевод и анализируются первые переводы античной лирики (стихотворения «Сафина ода» и «К Делию») и ранние «античные» баллады («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Ахилл»).

Во второй главе анализируются переводы фрагментов античного эпоса («Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия и «Отрывки из “Илиады”»).

В третьей главе исследуются «античные» баллады Жуковского 1820—1830-х годов («Торжество победителей», «Поликратов перстень», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»), а также античный сюжет о царе Эдипе в восприятии Жуковского.

В четвертой главе исследуется язык и стиль перевода «Одиссеи» Гомера.

ГЛАВА 1. АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАНИИ И РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

В. А. Жуковский вошел в историю русской литературы как новатор, провозвестник нового литературного направления, познакомивший отечественную словесность с достижениями эстетической теории Западной Европы, ставший «властителем дум»²², наставником молодых литераторов и не только их. «Неизмерим подвиг Жуковского и велико значение его в русской литературе! – писал В. Г. Белинский в 1843 году. – Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзии элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзии душу и сердце, познакомив ее с таинством страданий, утрат, мистических откровений и полного тревоги стремления в “онный таинственный свет”»²³. В. Г. Белинский был убежден, что именно Жуковский «привел в русскую поэзию романтизм <...> путем подражания и заимствования – единственно возможного пути для литературы, не имевшей <...> корня в общественной почве и истории своей страны»²⁴.

В. Г. Белинский вкладывал в понятие «романтизм» особый смысл. Он считал его принадлежностью «не одного только искусства, не одной только поэзии»²⁵, но видел источник романтизма в самой жизни, «в таинственной внутренности груди, в мистической сущности бьющегося кровью сердца»²⁶.

Всматриваясь в мировую историю, в духовную культуру самых разных народов начиная с древних времен, В. Г. Белинский везде находит элементы романтизма, везде, где есть «внутренняя, задушевная жизнь человека, та таинственная почва души и сердца, откуда поднимаются все неопределенные стремления к лучшему и возвышенному»²⁷. Романтизм нашел свое воплощение в родовых ценностях людей древнего Востока, в искусстве античной Греции, в беспокойной, страстной и одновременно таинственной духовной жизни Средних Веков. В отличие от эпохи античности, когда желания сердца «ограничивались и уравнивались другими сторонами эллинского духа», общественной и гражданской, Средние Века, по В. Г. Белинскому, были похожи на царство безумия, где «смерть была жизнью, а жизнь –

²² Касаткина В. Н. Поэзия В. А. Жуковского : в помощь преподавателям старшекласникам и абитуриентам. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 2002. С. 3.

²³ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. / [редкол.: Н. К. Гей и др.]. М. : Худож. лит., 1982. Т. 6. С. 181.

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Там же. С. 114.

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Там же. С. 115.

смертию, и мир распался на два мира, – на презируемое *здесь* и неопределенное <...> *там*²⁸. Тогда «все жило и дышало чувством без действительности, порыванием без достижения, стремлением без удовлетворения, надеждою без совершения»²⁹. Тогда единственно значимой стала красота внутренняя, не похожая на красоту мраморной статуи древнего эллина, «строго правильную, с изящными формами»³⁰. Тогда человеческое сердце стало дороже всех сокровищ земли. Благодаря творчеству Жуковского русская поэзия, по словам Белинского, познала тайны романтизма Средних Веков³¹, а значит, романтизма христианского. Белинский в данном случае опирается на одно из распространенных мнений европейской эстетической теории, согласно которому романтизм начала XIX века есть возрождение романтизма Средних веков, романтизма христианского, благодаря обращенности к внутренней жизни человека и вере в существование иного, лучшего, мира и в бессмертие души.

А. Н. Веселовский, характеризуя теоретические взгляды на возникновение романтического, выделяет определение романтизма, сформулированное немецкими романтиками (Шлегель, Сталь, Гейне), в трудах которых «романтическими назывались самобытные течения христианской литературы от трубадуров и Данте до Шекспира, Сервантеса и далее – в противоположность к классицизму и его позднейшим переживаниям. Новейший романтизм представляется возрождением средневекового, феодально- и народно-христианского»³². Думается, что такого же взгляда на происхождение романтизма придерживался и Жуковский, когда в 1810-е годы при чтении труда предшественника немецких романтиков Жан-Поля Рихтера «Подготовительная школа эстетики» Жуковский отмечает в тексте параграф об «источнике романтической поэзии». Приведем материал из этого параграфа, который, судя по пометам, основательно изученным томским исследователем А. С. Янушкевичем, вызвал интерес Жуковского-читателя: «Происхождение и характер всей новой поэзии так легко выводимы из христианства, что романтическое можно с таким же успехом назвать христианским. Христианство, как Страшный суд, уничтожило весь чувственный мир со всеми его очарованиями (искушениями), оно загнало его в могильный холм, в небесную сферу и поставило на его место новый духовный мир»³³.

Также в сочинении «О драматическом искусстве и литературе» Августа Шлегеля, по определению Н. Я. Берковского, «самой ясной головы среди романтиков»³⁴, которого издание

²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 123—124.

²⁹ Там же. С. 124.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Там же. С. 134.

³² Веселовский А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М. : INTRADA, 1999. С. 18.

³³ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. Ч. 2. С. 184—185.

³⁴ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л. : Худож. лит., 1973. С. 21.

1817 года имелось в библиотеке Жуковского, русский поэт на с. 22 помечает следующий фрагмент текста, соглашаясь с положением немецкого автора: «Рыцарство, любовь и честь являются вместе с самой религией предметом естественной поэзии, которая в средние века излилась в невероятном изобилии и предшествовала более развитому романтическому духу»³⁵.

О христианстве в творчестве Жуковского не раз писали исследователи, в том числе современные³⁶. Приведем в пример высказывание С. Соловьева, написанное им на заре XX столетия: «Уже с первых шагов на литературном поприще сказывается направление Жуковского: он романтик, воспитавшийся, главным образом, на немецких образцах; романтик, который проводит принципы единства поэзии, жизни и религии в литературе»³⁷.

В статье 1845 года «О меланхолии в жизни и поэзии» Жуковский отмечал: «Христианство открыло нам глубину нашей души, увлекло нас в духовное созерцание, соединило с миром внешним мир таинственный, усилило в нас все душевное: это отразилось на жизни действительной; страсти сделались глубже, геройство сделалось рыцарством, любовь — самоотвержением, все получило характер какой-то духовности»³⁸.

Ориентированность произведений поэта на изображение душевных переживаний подчеркивали многие ученые. Так, академик А. Н. Веселовский, относивший творчество Жуковского к сентиментальному направлению в литературе, важную особенность его поэзии видел во внимании к сокровенной сущности человека, к внутренней жизни, загадочной для непосвященных, но понятной и близкой чуткому, отзывчивому сердцу ближнего. Этот вопрос ученый осветил в своем последнем труде «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”». Исследователь Ц. С. Вольпе высоко ценил Жуковского за то, что «в его творчестве личность и внутренний мир человека становятся центральным содержанием

³⁵ Цит. по: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 193.

³⁶ См.: Айзикова И. А. Философско-исторические и религиозно-нравственные проблемы в прозе В. А. Жуковского // Вестник ТГПУ. Сер. : Гуманитарные науки (филология). 2003. Вып. 1 (33). С. 9—14 ; Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы и образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8 : Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 5. С. 168—196 ; Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с. ; Жиркова М. А. Преображающая сила молитвы : стихотворная повесть В. А. Жуковского «Капитан Бопп», 1843 // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12 : Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. — С. 352—368 ; Канунова Ф. З. Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В. А. Жуковского (1830—1840) // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3 : Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 159—169.

³⁷ Соловьев С. Взгляды Жуковского на поэзию. Харьков : Тип. «Печатное Дело» кн. К. Н. Гагарина, 1902. С. 10.

³⁸ Жуковский В. А. Сочинения : в 6 т. / под ред. П. А. Ефремова. СПб. : И. И. Глазунов, 1878. Т. 6. С. 71. Изучению «феномена меланхолии» в русской литературе конца XVIII — начала XIX века посвящена диссертация А. Г. Садовникова (Садовников А. Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2009. 25 с.).

истории»³⁹. Сходного мнения придерживался литературовед Г. А. Гуковский. В своей монографии «Пушкин и русские романтики» он последовательно доказывает заслугу сочинителя в открытии человеческой души, психологического анализа в русской поэзии⁴⁰.

Поэт «остался в стороне от веяний романтического индивидуализма, которым в разной степени были затронуты его современники, – поясняет исследовательница второй половины XX века И. М. Семенко, – ибо с индивидуализмом оказались несовместимы сами основы его мироощущения»⁴¹. Может быть, поэтому «он остался далек от влияния Байрона и не принял Лермонтова»⁴². По натуре скромный и целомудренный⁴³, Жуковский видел в их бунтарской, гордой разочарованности «пошлую расслабленность души, произведенную не бурей страстей и не бедствиями жизни, а просто неспособностью верить, любить, постигать высокое, неспособностью предаваться какому-либо очарованию»⁴⁴. Жуковский писал Козлову от 27 января 1833 года: «... Многие страницы его (Байрона. — *Е. К.*) вечны, но и в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам-утешителям жизни. Что такое истинная поэзия? Откровение божественное произошло от Бога к человеку и облагородило здешний свет, прибавив к нему вечность. Откровение поэзии происходит в самом человеке и облагораживает здешнюю жизнь в здешних ее пределах. Поэзия Байронова не выдержит этой проверки»⁴⁵.

«Поэзия В. А. Жуковского – поэзия примирения, растворения человека в мире, полном дыхания божества», – как справедливо отметила И. М. Семенко⁴⁶. Согласно наблюдениям исследовательницы, Жуковский стремился создать в своих творениях «гармонический, высокий, устойчивый в своей идеальности, особый поэтический мир, в котором сублимированы общечеловеческие нравственные ценности: “добродетель”, “истина”, “великое”, “прекрасное”. Добро и прекрасное для Жуковского неразрывны»⁴⁷, – заключает И. М. Семенко. Думается, последнее замечание является весьма существенным. Ведь для поэта, в душе которого горит небесный огонь⁴⁸, поэта, ощутившего ответственность перед своими читателями, лира не есть забава, а божественный дар, возвышающий души людей. «Взгляды Жуковского на поэзию и поэта – высоко этические; они имеют и будут иметь большое воспитательное значение», – заключает С. Соловьев при анализе определений поэзии в творческом наследии поэта⁴⁹.

³⁹ Жуковский В. А. Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. Ц. С. Вольпе. М. ; Л. : Сов. писатель, 1936. С. 16.

⁴⁰ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. : Художественная литература, 1965. С. 44.

⁴¹ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 82.

⁴² Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 100.

⁴³ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 13.

⁴⁴ Жуковский В. А. Сочинения : в 6 т. Т. 6. С. 101—102.

⁴⁵ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Художественная литература, 1960. Т. 4. С. 600.

⁴⁶ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 81.

⁴⁷ Там же. С. 81.

⁴⁸ Соловьев С. Указ. соч. С. 12.

⁴⁹ Там же. С. 10.

Академик Петербургской Академии Наук, литературовед, этнограф XIX века А. Н. Пыпин в книге «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки», ссылаясь на слова поэта «поэзия есть добродетель», справедливо отмечал, что Жуковский понимал поэзию как «наставительницу людей в добродетели и религиозном смирении»⁵⁰ и в своем творчестве «проповедовал любовь к добру и истине, пробуждал внутреннюю жизнь чувства, внушал гуманное отношение к людям»⁵¹.

Античная культура стала благодатной почвой, позволившей Жуковскому объединить эстетическое и нравственное начала как в переводах, так и в новом для русской поэзии в жанре романтической баллады.

В данном случае к творчеству Жуковского применимо понятие «энтелехия культуры», выработанное филологом-антиковедом Г. С. Кнабе при исследовании «судьбы античного наследия» в русской культуре: «Энтелехия культуры... представляет собой поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой, позднейшей эпохе и способными удовлетворить ее внутренние потребности и запросы»⁵².

Взаимодействие культур, по определению Г. С. Кнабе – «актуализация культурного наследия»⁵³, часто происходит в переходные периоды истории, каким был рубеж XVIII–XIX веков. В этот период происходила смена больших литературных стилей: классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма. По замечанию А. В. Михайлова, «это не смена, а наслоение одного на другое и отчасти сосуществование разного и переплетающегося»⁵⁴. Рассматриваемая проблема была близка Ю. М. Лотману, который кратко и ёмко охарактеризовал русскую литературу конца XVIII – начала XIX века как эпоху «еще не» и «уже не», «исторический и культурный аромат которой заключен в богатстве, неопределенности, незавершенности»⁵⁵.

Учитывая эту особенность эпохи, В. М. Маркович говорит о многогранности творчества Жуковского и трудности отнесения к какому-либо одному литературному направлению: «повидимому, настало время для осознания того, что поэзия Жуковского, в сущности не была

⁵⁰ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. Изд-е 4-е. СПб. : М. М. Стасюлевич, 1909. С. 25.

⁵¹ Там же. С. 28.

⁵² Кнабе Г. С. Русская античность : содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России : программа-конспект лекц. курса. М. : РГУ, 1999. С. 19. Проблему «далеких контекстов» выделяет в своих работах М. М. Бахтин и рассматривает развитие литературы как непрерывный диалог между различными культурами, который уходит «в бесконечное прошлое и в бесконечное будущее» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 393).

⁵³ Там же. С. 19.

⁵⁴ Михайлов А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII—XIX веков // Обратный перевод : русская и западно-европейская культура : проблемы взаимосвязей. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 20.

⁵⁵ Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : анализ. поэтич. текста : статьи и исслед., заметки, рецензии. СПб. : Искусство-СПБ, 1996. С. 325.

достоянием одного направления и вряд ли может быть “распределена” в каком-то хронологическом порядке между двумя или тремя направлениями, сменяющимися друг друга в литературе»⁵⁶.

1.1 Осведомленность В. А. Жуковского в античной традиции

Наследие греко-римской античной культуры – одно из важных составляющих творчества Жуковского. Переводы из древних поэтов (Гомера, Сапфо, Софокла, Вергилия, Горация, Овидия), многочисленные вариации на их темы, эпиграммы в духе греческой антологии, сюжеты баллад, развивающие темы из античной литературы и истории, имена и образы греческих и римских богов и героев наполняют произведения и письма поэта. Критические статьи и заметки «О басне и баснях Крылова» (1809), «О сатире и сатирах Кантемира» (1809), «Московские записки» (1809), «Радамист и Зенобия» (1810), «Электра и Орест» (1811), а также черновые наброски и планы, состав библиотеки являются документальными свидетельствами живого интереса Жуковского к античному наследию и частых раздумий поэта о культуре прошлых веков.

Исследователь Г. А. Чупина, анализируя художественное наследие поэта, его переписку, материалы личной библиотеки, говорит о значительном месте, которое занимали произведения древнегреческих и римских авторов в творчестве Жуковского: «Античность постоянно привлекала внимание русского поэта. В своем поэтическом мире он широко и разнообразно использовал античные образы, темы и мотивы, оставил немало выписок из критической литературы и цивилизации, отзывов о различных представителях греческой и римской литературы. На книжных полках его личной библиотеки значительное место занимали произведения древних авторов»⁵⁷.

Гомеру в творчестве и библиотеке Жуковского было отведено важное место. По наблюдениям исследователя Г. А. Чупиной, Гомер был одним из «наиболее почитаемых и волновавших поэтическое воображение Жуковского» и «“сопровождал” его на протяжении

⁵⁶ Маркович В. М. Книга Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении // Наследие Александра Веселовского : исследования и материалы. СПб. : Наука, СПб. отд-е, 1992. С. 205.

⁵⁷ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. Ч. III. С. 434.

почти всей его творческой жизни»⁵⁸. «В библиотеке Жуковского обнаружено более двадцати различных изданий Гомера на шести языках (древнегреческом, русском, итальянском, английском, немецком, французском)»⁵⁹. Также об интересе Жуковского к античности свидетельствует то, что огромное место в его библиотеке отведено литературе по гомероведению, истории гомеровского общества, античной географии и мифологии. Эти книги хранят в себе следы внимательного Жуковского-читателя – пометы и “экстракты”»⁶⁰.

Восприятию и творческой интерпретации античного наследия способствовало образование, полученное Жуковским в Благородном пансионе при Московском университете, а также последующие годы самообразования, которое «началось в мечтательном уединении Белёва, удалось в изолированности петербургской придворной сферы, завершилось в отчужденности Дюссельдорфа и Баден-Бадена»⁶¹.

Благородный пансион при Московском университете, в котором довелось учиться Жуковскому с 1787 по 1801 годы, «был в свое время едва ли не лучшим у нас подготовительным учебным заведением к университету. Впрочем пансион был совершенно самостоятельным заведением, и многие воспитанники ограничивались только им»⁶². С учебной программой пансиона знакомит «Объявление», напечатанное в 1783 году: «Императорский Московский университет в пансионе своем приемлет на себя обучать питомцев, во-первых, основательному познанию христианского закона, потом самонужнейшим светским наукам, как-то всей чистой математике, т. е. арифметике, геометрии, тригонометрии и алгебре, некоторым частям смешанной математики и в особенности артиллерии и фортификации; тако ж философии, особливо нравственной (моральной), истории и географии, и российскому стилю, присовокупя к тому искусство рисовать карандашом, тушью и сухими красками, танцевать, фехтовать и музыке; а наконец и разным языкам, яко нужным орудиям учёности, как-то: российскому, немецкому, французскому и итальянскому, а кому угодно будет – тако ж латинскому и греческому...»⁶³.

⁵⁸ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 434.

⁵⁹ Там же. С. 434.

⁶⁰ Burkhardt G. Die Mythologie des Homer und Hesiod. 1844; Eschenburg. Handbuch der klassischen Literatur, 1792; Forbiger. Handbuch der alten Geographie. Bd. 1—2, 1842—1844; Geppert. Über der Ursprung der Homerischen Gesänge, 1—2, 1840; Müller W. Homerische Vorschule, 1836; Nitzsch. Erklärende Anmerkungen zu Homer's Odyssee, 1—3, 1826; Nitsch P. Kurzer Entwurf der alten Geographie, 1802; Schreiber K. Ithaca oder Versuch einer geographisch-antiquarischen Darstellung der Insel Ithaca nach Homer und neuern Reisenden, 1829; Schwarb G. Die schönsten Sagen des klassischen Altertums, 1—3, 1838—1840; Sickler F. Handbuch der alten Geographie, 1830; Völker K. Über Homerische Geographie, 1830; Herrmann M. Mythologie der Griechen, 1—2, 1801; Hirt A. Bilderbuch für Mythologie, Archeologie und Kunst, 1—2, 1805—1806 (См.: Библиотека В. А. Жуковского : описание / сост. В. В. Лобанов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. №754, 995, 1034, 1097, 1711, 1756, 1755, 2076, 2092, 2125, 2344, 2646, 2647. С. 114, 148, 154, 162, 237, 243—244, 284, 286, 290, 317, 364).

⁶¹ Веселовский А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» ... С. 14.

⁶² Архангельский А. С. В. А. Жуковский. Биографический очерк // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. / под ред., с биографич. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб. : А. Ф. Маркс, 1902. Т. 1. С. V—XXX.

⁶³ Там же. С. VI.

В XVIII—XIX веках приобретало важность классическое образование, которое «в большой степени основывалось на изучении античных языков и литератур и исходило из их решающей роли в нравственном и гражданском воспитании подрастающего поколения»⁶⁴. В Благородном пансионе, благодаря трудам его инспектора (1791—1824 годов) «выдающегося педагога» Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, «упор делался на нравственном воспитании»⁶⁵, что определило судьбу пансиона – ставшего одним из лучших учебных заведений в России того времени⁶⁶.

Однако биограф Жуковского профессор А. С. Архангельский делает важное замечание о недостаточности образования, полученного молодым поэтом в Пансионе: «Правда, пансион не обогатил поэта большими серьезными знаниями; но духовная атмосфера пансиона как нельзя лучше способствовала общему развитию его умственных способностей, и в частности его поэтических дарований»⁶⁷. Под «серьезными знаниями» имеются в виду классические языки, латинский и древнегреческий, которые не преподавались в Благородном пансионе в годы учения Жуковского. Недостаток классического образования сознавался Жуковским существенным. Так, в письме 1845 года к декабристу, переводчику античных авторов А. Ф. Фон-дер-Бриггену Жуковский, оглядываясь на прожитые годы, пишет: «Я часто, часто сетовал на свое совершенное невежество в латинском и греческом языке»⁶⁸ и далее пишет о важности знания классической литературы: «Не всем бывает и возможность, и охота, и время перечитать классиков сполна [многое в них для большей части читателей и не может быть привлекательно]; но совершенное незнание классиков есть великая прореха в умственном образовании»⁶⁹.

В статье «О поэзии древних и новых» (1811) Жуковский признает взгляд немецкой эстетики на античную преэминентность европейской литературы: «Формы, найденные нами в произведениях древних, сохранили мы и в своих; и способы выражения, и тон, и механизм стихов – все заимствовано нами от греков и римлян. <...> Стихотворцы наши, не выключая и тех, которые отличаются характером собственным, более или менее в том или другом показывают, что они обязаны некоторою частью образования своего или римлянам, или грекам»⁷⁰.

⁶⁴ Кнабе Г. С. Указ. соч. С. 121.

⁶⁵ Любжин А. И. История русской школы императорской эпохи : в 3 т. М. : Никея, 2014. Т. 1. : Русская школа XVIII столетия. Кн. II. С. 520.

⁶⁶ Любжин А. И. История русской школы императорской эпохи : в 3 т. Т. 1. С. 516.

⁶⁷ Архангельский А. С. Указ. соч. С. VII.

⁶⁸ Жуковский В. А. Сочинения : в 6 т. Т. 6. С. 615.

⁶⁹ Там же. С. 617.

⁷⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 12. С. 318.

После окончания Благородного пансиона, отслужив год в Соляной конторе, в 1802 году, «живо ощущая недостатки школы»⁷¹, Жуковский возвращается в родные края, в Мишенское, где принимается за труд самообразования. «Ученье теперь мне всего нужнее, потому что я совсем ничего не знаю, а, кажется, время что-нибудь знать»⁷², – пишет он другу Александру Тургеневу в августе 1805 года.

Уже в 1803 году друзья Ал. Тургенев и А. С. Кайсаров звали Жуковского на учение за границу. Планировалось слушать лекции в университетах Геттингена, Иены, Парижа. «Путешествие должно положить начало моей будущей жизни» – писал Жуковский Ал. Тургеневу 8 января 1806 года, но задуманный проект обучения за границей не состоялся. «Тогда он принялся за “лекции” самому себе, серьезно, даже педантично, тому свидетельством его дневники. Забота обращена не только на самообразование, на распорядок занятий, причем составлена “роспись во всяком роде лучших книг”, но и на самопознание <...>»⁷³.

«Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805 год) имеет важное значение для понимания характера эстетического самообразования поэта. Материалы «Росписи» приведены в «Разысканиях о сочинениях В. А. Жуковского» исследователем В. И. Резановым⁷⁴, тщательно изучившим рукописное наследие Жуковского. «Роспись» состоит из 23 разделов: «Исторія», «Натур. исторія», «Технологія», «Метафизика», «Логика», «Мораль», «Эстетика», «Грамматика», «Риторика», «Пиитика», «Критика», «Воспитаніе», «Политика, юриспруденція, права народыя и проч.», «Физика», «Медицина», «Географія», «Путешествія», «Поэзія», «Романы», «Свободныя художества», «Экономія», «Землепашество», «Смѣсь». «Роспись» характеризует литературные интересы молодого поэта, его желание восполнить недостающее образование, в том числе классическое. По верному замечанию О. Б. Лебедевой, «Роспись» «отражает степень и направление знакомства Жуковского с античной литературой и ее критикой»⁷⁵. Для чтения Жуковский наметил произведения греческих и римских авторов, а также исследования по античной культуре. Разделы «Исторія», «Метафизика», «Логика», «Мораль», «Географія», «Путешествія», «Смесь» открываются античными источниками, которых более всего в разделе «Поэзія»:

⁷¹ Веселовский А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» ... С. 130.

⁷² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. / под ред., с биографич. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб. : А. Ф. Маркс, 1902, Т. 12. С. 87.

⁷³ Веселовский А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» ... С. 130.

⁷⁴ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 1—2. СПб. : Сетат. тип., 1906—1916. Вып. 2. 1916. С. 242—248.

⁷⁵ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 3. С. 466.

«Idylles de Theocrite, par Chabanon; Oeuvres d’Homère, par Pope; Pindare, tr. de Chabanon; Odes d’Anacreon par Gail; Lucrèce, tr. de Lagrange; Virgile, trad. de Voss ave l’original; Georgiques de Virgile, Eneide, Pastorals – par Delille et Dryden; Métamorphoses d’Ovide; Oeuvres d’Horace; Epîtres et satires d’Horace, par Wieland; Lucain, par Marmontel; Tibulle, par Mirabeau; Juvenal, par Dussaulx; Homère par Voss et Stolberg; <...> Sophocles de Rochefort; Euripide; Eschile»⁷⁶.

Судя по транскрипции имен греческих и римских авторов, а также имен их переводчиков в «Росписи» Жуковский воспринимал античную литературу на раннем этапе знакомства с нею через посредство французской культуры. О том, что Жуковский ориентировался на французскую культуру в восприятии античности свидетельствуют также имена французских просветителей, теоретиков эстетики классицизма, представленные в «Росписи». Как справедливо замечает О. Б. Лебедева, изучающая французскую традицию в восприятии античности в штудиях Жуковского, «французский классицизм, его литература и эстетика в полном смысле слова вскормлены античностью, греческими и римскими “образцами”»⁷⁷. «Французские книги преобладают, – замечает В. И. Резанов, указывая на преобладание «французских авторитетов» в составленной Жуковским «Росписи», – английские и немецкие издания встречаются лишь сравнительно редко. При этом, Жуковский всецело охвачен старым, до-романтическим литературным течением; из новых писателей он называет лишь очень немногих, напр. Шатобриана, Шиллера, Гете»⁷⁸.

В период самообразования в 1805–1806 годы при чтении труда по эстетике немецкого критика Иоганна Иоахима Эшенбурга «Handbuch der Klassischen Literatur. Enthaltend Archäologie, Notiz der Klassiker, Mythologie, griechische Altertümer, römische Altertümer» (Berlin und Stettin, 1792) на нижней обложке книги Жуковский составляет список античных авторов, творчество которых, по-видимому, привлекло его внимание. В этом списке указаны имена древних греческих и римских поэтов, трагиков, историков, философов, ораторов:

Musäus	Lucretius
Homer	Catull
Anacreon	Tibullus

⁷⁶ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 246. В. И. Резанов предполагает, что Жуковский, составляя список книг, намеченных для перевода и экстрактов, имел перед глазами «обстоятельный каталог какого-нибудь хорошего тогдашнего книжного магазина; отсюда и наметил наш поэт сочинения, которые его интересовали» (Там же. С. 248). Исследователь приводит пример подобного каталога, напечатанного в Петербурге в 1788 году: «J. J. Weitbrecht, libraire de la cour impériale, под названием «Livres françois»; книжка представляет солидный том более чем в 300 страниц; отделы каталога: Litterature, Logique, Rhetorique, Théâtre, Histoire, Geographie, Voyages, Arts, Grammaires, Education, Histoire naturelle, Jurisprudencè, Agriculture, и др.; кроме французских указаны книги также итальянские, английские, немецкие, переводы классиков» (Там же. С. 248).

⁷⁷ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 466.

⁷⁸ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 251.

Sappho	Propertius
Pindar	Virgil
Eshilus	Horaz
Sophocles	Ovid<ius>
Euripides	Lucan
Aristophan	Martial
Menandr	Juvenal
Theokrit	_____
Moschus	

Lysias	Cicero
Demosthen	Quintilian
Aeschines	Seneca
_____	Plinius

Aristotel	Caesar
Longinus	Sallustius
_____	Nepos
Xenopon	Tit Livius
Platon	Paterculus
Teophrast	Tacitus
Lucian	Florus
Plutarch	Suetonius
_____	Justinus
Herodot	Aurelius
Thucidides	
Xenophon	
Polibius ⁷⁹	

Произведения этих древних авторов впоследствии были приобретены Жуковским и вошли в состав его библиотеки.

В 1805–1807 годы Жуковский внимательно читал и изучал произведения французских классицистов XVIII века: 5 томов «Принципов литературы» Шарля Баттё⁸⁰, 16 томов Жана

⁷⁹ Цит. по: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 147—148.

⁸⁰ Principes de la literature. Par M. l'abbé Batteux. T. 1—5. Paris, chez Desaint et Saillant, 1777 (Библиотека В. А. Жуковского: описание / сост. В. В. Лобанов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. № 612. С. 95).

Франсуа Лагарпа «Лицей, или курс словесности древней и новой»⁸¹, 17-томное собрание сочинений Жана-Франсуа Мармонтеля, включающего «Элементы литературы»⁸², основательно проштудированные Жуковским-читателем.

Чтение теоретиков литературы и эстетики XVIII века явилось первым этапом в становлении эстетических взглядов молодого поэта. Труды Баттё, Лагарпа, Мармонтеля и других представителей французской классицистической эстетической школы, широко распространенные в XVIII веке, в начале XIX века в России еще являлись основой для университетских курсов по теории и истории словесности. По этой причине знакомство Жуковского с указанными выше трактатами было важным и необходимым условием самообразования.

Исследователь Н. Е. Разумова указывает на «четкость» и «упорядоченность» в изложении теории искусств в этих сочинениях, что «облегчало работу» поэта «по приобретению систематических знаний»⁸³.

Читая книги по литературе и эстетике «с пером в руках»⁸⁴, Жуковский подчеркивал интересующие его теоретические суждения, отмечал знаком «NB», оставлял примечания на полях, а переводил некоторые отрывки. Об основательной работе Жуковского-читателя свидетельствует также «Конспект по истории литературы и критики», создание которого происходило одновременно с чтением трудов европейских просветителей, в период с 1805 по 1811 годы.

Связанный с кругом чтения Жуковского тех лет, «Конспект» представляет «продуманную систему выписок из произведений виднейших западноевропейских критиков»⁸⁵. Большую часть «Конспекта» составляют размышления и замечания поэта о важных для него положениях эстетической теории. «Конспект» включает в себя разделы «Эпическая поэма», «Лирическая поэзия», «Сатира», «Драма» (есть еще два раздела: «Критические замечания на стихотворцев» и «Краткие заметки, имеющие отношение к изящным искусствам, эстетике, риторике и поэзии», представляющие лишь предварительные наброски, списки сочинений, имен, эстетических понятий»⁸⁶. Все разделы, за исключением «Драмы», начинаются с анализа античных образцов жанра и построены по хронологическому принципу. Раздел «Эпическая поэзия» начинается с

⁸¹ Lucée, ou cours de littérature ancienne et moderne. Par J. F. Laharpe. 16 tomes en 19 vols. Paris, H. Agasse, 1799—1805. (Там же. № 1474. С. 207—208).

⁸² В библиотеке Жуковского имеется следующее семнадцатитомное издание сочинения Мармонтеля: Oeuvres complètes de M. Marmontel, historiographe de France. Edition revue et corrigée par l'auteur. T. 1—17. Paris, Née de la Rochelle, 1787—1788. (Там же. № 1604. С. 223—224).

⁸³ Разумова Н. Е. В. А. Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 2. С. 36.

⁸⁴ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 248.

⁸⁵ Лебедева О. <Конспект по истории литературы и критики> : [примечания] / О. Лебедева, А. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 458.

⁸⁶ Там же. С. 457.

анализа греческих поэм «Илиада» и «Одиссея» Гомера и латинского эпоса – «Энеиды» Вергилия. Раздел «Лирическая поэзия» также наполнен именами греческих и римских авторов: Алкей, Анакреон, Бахилид, Ивик, Музей, Орфей, Пиндар, Сапфо, Симонид, Гораций. В этом разделе особое место уделено Еврейской поэзии. В разделе «Сатира» значатся имена Энния, Пакувия, Луцилия, Горация, Персия, Ювенала. Отбор материалов по античной литературе и ее критике в «Конспекте» позволяет говорить о важности античной культуры в образовательных штудиях Жуковского.

Ученые предполагают, что начало раздела «Драма», где говорилось о древнегреческих трагиках Эсхиле, Софокле и Еврипиде, было утрачено. Изучение библиотеки Жуковского позволило О. Б. Лебедевой сделать вывод, что античную драму Жуковский изучал по трудам немецких ученых Иоганна-Каспара-Фридриха Манзо и Христиана-Фридриха-Вильгельма Якобса, последователей Иоанна-Георга Зульцера по книге «Прибавления к всеобщей истории изящных искусств Зульцера». Статьи немецких филологов «Эсхил», «Софокл», «Еврипид» Якобса и «О некоторых различиях между греческой и немецкой трагедией» Манзо оказались интересными для русского поэта. Это предположение документируют обширные пометы Жуковского-читателя в указанном издании, которое Жуковский в своих записях называл *Zusätze* («Прибавления») ⁸⁷. О. Б. Лебедева, изучившая систему помет в «Прибавлениях» пишет, что Жуковский отдает предпочтение Софоклу, отчеркивая положения о «нравственном достоинстве героев Софокла и о том возвышающем действии, которое его трагедии оказывают на душу зрителя» ⁸⁸.

«Конспект...» Жуковского, согласно исследованиям А. С. Янушкевича, – «интересен не только для характеристики эстетической позиции Жуковского, но и для осмысления путей становления русской романтической эстетики вообще» ⁸⁹. Излагая основные положения теоретиков искусства в собственном переводе, с обширными примечаниями, в поисках своего творческого пути Жуковский вступает в полемику с европейскими авторами по некоторым вопросам классицистической эстетики, утверждая тем самым свой собственный взгляд на поэзию. С одной стороны, Жуковский признавал авторитет и «совершенство» древних авторов, а также моральное предназначение поэзии, с другой стороны, отстаивал творческую свободу поэта, внимание к «внутреннему человеку», эмоциональное воздействие на душу читателя и равнозначность произведений искусств разных народов и исторических эпох. Так, при чтении

⁸⁷ Charaktere der vornehmsten Dichter aller Nationen; <...> Von einem Gesellschaft von Gelehrten. Bde 1–8. Leipzig, Dyk, 1792–1806. (Nachträge zu Sulzers allgemeine Theorie der schönen Künste) (Библиотека В. А. Жуковского: описание ... № 2595. С. 356).

⁸⁸ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 488.

⁸⁹ Янушкевич А. С. Романтизм В. А. Жуковского как художественная система : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. М., 1985. С. 13.

эстетики Х. Блера, Жуковский уделяет особое внимание разделу об эпической поэзии и точно переводит следующий фрагмент текста, свидетельствующий, по словам Э. М. Жилияковой, о принятии поэтом «важнейшего положения классицизма о моральном воздействии произведений искусства на душу человека»⁹⁰: «Эпическая поэма есть самая моральная из всех родов поэзии, цель великой эпической поэмы состоит в том, чтобы каждая часть ее особенно и целостность ее взятые вместе, производили сильное впечатление на душу читателей, посредством великих примеров, ею представленных, и высоких чувств, которыми она должна быть наполнена»⁹¹. В то же время Жуковский возражает утверждению шотландского теоретика о природе художественного творчества: «Поэт пишет не по должности, а по вдохновению»⁹². Также при чтении «Принципов литературы» Шарля Баттё Жуковский принимает суждение классицистической эстетики о нравственной пользе поэзии, но при этом отстаивает романтическую «мысль о свободе творческой личности»⁹³: «Мне кажется, должна быть оставлена совершенная свобода поэту»⁹⁴, и далее: «Пускай всякий поэт избирает свою собственную дорогу!»⁹⁵.

Исследователь Э. М. Жилиякова, определяет суть эстетической позиции Жуковского, которая заключается «в том, что принципы романтической эстетики сочетаются с четко выраженными классицистическими тенденциями. Становление и развитие романтического мироощущения Жуковского предполагало не только отталкивание, но и глубокое, органическое усвоение принципов классицистической эстетики. Процесс взаимодействия классицистических и романтических тенденций в эстетике Жуковского был своеобразен и сложен»⁹⁶.

Жуковский обдумывал эту проблему, когда в 1810-е годы читал труд Августа Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе». В первой вступительной лекции на стр. 17 имеющегося в его библиотеке издания⁹⁷ внимание Жуковского, очевидно, привлекли следующие размышления немецкого автора: «Мы никогда не станем оспаривать предпочтение одного другому. Мир велик и многое может сосуществовать в нем. Но одностороннее произвольное предпочтение ни в коем случае не сделает человека знатоком искусства; его

⁹⁰ Жилиякова Э. М. Эстетика Х. Блера в восприятии В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 2. С. 124.

⁹¹ Цит. по: Жилиякова Э. М. Эстетика Х. Блера в восприятии В. А. Жуковского ... С. 124.

⁹² Там же. С. 125.

⁹³ Лебедева О. Б. «Принципы литературы» Шарля Баттё в чтении и осмыслении В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 2. С. 118.

⁹⁴ Цит. по: Лебедева О. Б. «Принципы литературы» Шарля Баттё в чтении и осмыслении В. А. Жуковского ... С. 113.

⁹⁵ Там же. С. 117.

⁹⁶ Жилиякова Э. М. Эстетика Х. Блера в восприятии В. А. Жуковского ... С. 124.

⁹⁷ Über dramatische Kunst und Literatur. Vorlesungen von August Wilhelm von Schlegel. Theile 1—2. 2. Ausgabe. Heidelberg, Mohr u. Winter, 1817. 1. [2], XIII, 378 с. ; 2. [2], III, 301 с. ; 3. [2], IV, VIII, 431 с. (Библиотека В. А. Жуковского: описание. № 2056. С. 281).

сделает таковым свободное принятие других взглядов совместно с отречением от своих личных склонностей»⁹⁸.

О. Б. Лебедева приводит любопытный архивный список материалов, составленный Жуковским для «Вестника Европы», редактором которого он был в 1808—1811 годы:

Для Вестника

Словесность. Переводы.

О романах Эбергард

О поэзии греков в героическое время

Различие между греческими и немецкими трагедиями

О соединении архитектуры с садоводством

Дух писателя

О победных песнях Евреев

Об арабской поэзии до Магомета

Zus<ätze>

О Теокрите

Ариосто

О бардах

Гораций

Анакреон

О поэзии древних и новых

О влиянии религии на общество

Изящная словесность

Из Zusätze

О красноречии древних

О красноречии французов

Идеалы древних

Разговоры о красноречии⁹⁹.

Этот список предполагаемых статей для «Вестника Европы» свидетельствует о большом авторитете коллективного труда немецких эстетиков для Жуковского, а также об интересе к «литературе древних: греков, римлян, кельтов, восточных народов»¹⁰⁰. Таким образом,

⁹⁸ Цит. по: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 193.

⁹⁹ Цит. по: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг ... С. 471.

¹⁰⁰ Там же. С. 472.

Жуковский был «связан прежде всего с немецкой традицией освоения античности»¹⁰¹. Обращение Жуковского к немецкой эстетике было для него «школой историзма», так как в этих трудах освещалась «проблема “древних” и “новых”, столь актуальная для русской критики 1800—1810 гг.»¹⁰², также в них не было «догматического и нормативного характера»¹⁰³, свойственного классицистической эстетике французской науки.

Показательно, что творения античных авторов в данном списке – Феокрита, Горация, Анакреона, а также в других планах и списках поэта, помещаются у Жуковского в одну категорию с песнями Евреев, арабской поэзией, примерами французского красноречия и поэтическими произведениями других народов. Широта литературных горизонтов Жуковского свидетельствует о том, что для русского поэта «сокровища всех стран и народов»¹⁰⁴ осознаются как равноправные. Историк литературы И. И. Замотин применяет к этому явлению, характерному для русской поэзии конца XVIII — начала XIX столетий и далее, понятие «всемирной поэзии», или, по-другому, «поэтической универсальности»¹⁰⁵. И. И. Замотин приводит в пример сочинения писателей этого периода – Г. Р. Державина, И. М. Муравьева-Апостола, К. Н. Батюшкова, П. Катенина. Так, Г. Р. Державин в теоретическом «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811—1815 годы) придерживается широкой точки зрения на поэзию и говорит о том, что поэзия есть богатство всех народов: «Египтян, Финикиян, Евреев, Индейцев, Греков, Римлян, Аравитян и прочих народов»¹⁰⁶. Г. Р. Державин рассматривает древних классических авторов наряду с новыми русскими и европейскими, что является «знаменем времени и вместе с тем ударом ложноклассицизму»¹⁰⁷. И. М. Муравьев-Апостол в «Письмах в Нижний Новгород» говорит о равноправии всех литератур, что каждая из них имеет свои представления об изящном, соответствующие своеобразию определенного народа и страны¹⁰⁸. К. Н. Батюшков в «Письме о сочинениях М. Н. Муравьева» (1814 год) придерживается сходного мнения о необходимости широкого взгляда на мировую словесность¹⁰⁹. П. Катенин в стихотворении «Мир поэта» (1822 год) рисует широкую

¹⁰¹ Кибальник С. А. Античная поэзия в России : очерки : XVIII — первая половина XIX в. СПб. : ИД «Петрополис», 2012. С. 283.

¹⁰² Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 472.

¹⁰³ Там же. С. 472.

¹⁰⁴ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе : в 2 т. / 2-е изд. испр. и доп. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1913. Т. 1. С. 60.

¹⁰⁵ Там же. С. 60.

¹⁰⁶ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии // Сочинения Державина: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб. : В тип. Имп. Акад. Наук, 1872. Т. 7 : Сочинения в прозе. С. 520.

¹⁰⁷ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 63.

¹⁰⁸ «Почитай Данта на итальянском, Сервантеса на испанском, Шекспира на английском, Шиллера на немецком: тогда ты приобретешь некоторое право произносить над ним приговор» (Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / изд-е подг. В. А. Кошелев. СПб. : Наука, 2002. С. 26).

¹⁰⁹ Имея в виду ограниченность и узость французского классицизма, К. Н. Батюшков пишет, что «исключительная страсть в какой-либо словесности может быть вредна успехам просвещения» и приводит

географию поэтического мира. Таким образом, появление понятия о «всемирной поэзии» открывало поэтам и читателям «необозримый поэтический горизонт»¹¹⁰. Отсюда последовал вывод о необходимости изучения богатства «всемирной поэзии» и разделении ее на две части: древнюю поэзию и новую¹¹¹. В печати появляются работы, свидетельствующие о проникновении в дух и формы произведений искусства разных времен: «О различии поэзии древней с новейшею» (1815 г. в «Амфионе», издаваемом Мерзляковым)¹¹², статья А. Хвостова «О стихотворстве» (в 3-ей книге «Чтения в беседе любителей русского слова», 1811 год)¹¹³. Н. И. Гнедич в «Рассуждении причинах, замедляющих успехи нашей словесности» (2 января 1814 года)¹¹⁴ указывает на важность изучения классической литературы, которая, по мнению автора, указывает нашей словесности путь к совершенству. И. И. Замотин отмечает, что «знакомство с древностью Гнедич не ограничивает, подобно Хвостову и Капнисту, только языком и метрикою: оно, по его мнению, должно состоять в основательном изучении античной поэзии и филологии вообще, которое во время Гнедича ограничивалось только словарями»¹¹⁵.

Об интересе к античной культуре в этот период свидетельствует также появление большого количества переводов греческих и римских классиков, хотя некоторое количество переводов античных авторов встречалось и ранее, в XVIII веке, например, у М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Е. И. Кострова. В начале XIX века «занятия классиками принимают более научный характер, — замечает исследователь, — переводы делаются старательно и даже с известным соревнованием авторов по отношению к языку и размеру, — одним словом, видимо уже переводчики яснее сознают литературное и пожалуй даже общественное значение римских и греческих классиков»¹¹⁶.

Так и Жуковский, следуя поэтическому духу своего времени, одновременно с чтением и изучением античного наследия и его осмысления в критических работах принимается за классические языки, в первую очередь за латинский, имея желание в перспективе читать в оригинале и переводить античных авторов. В письме к Ал. Тургеневу от 7 ноября 1810 года Жуковский с радостью сообщает: «... я нахожу удовольствие даже в том, чтобы учить наизусть

изречение Уварова: «Без основательных познаний и долговременных трудов в древней словесности никакая новейшая существовать не может; без тесного знакомства с другими новейшими мы не в состоянии объять все поле человеческого ума, обширное и блистательное поле, на котором все предубеждения должны бы умирать и все ненависти гаснуть» (Батюшков К. Н. Письмо к И. М. <Муравьеву>-А<постолу> о сочинениях г. Муравьева // Батюшков К. Н. Сочинения : в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Кошелева. М. : Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 64).

¹¹⁰ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 64.

¹¹¹ Там же. С. 65.

¹¹² Амфион : ежемесячное издание. М. : В Университетской типографии, 1815. Октябрь—ноябрь. С. 45—97.

¹¹³ Чтение в беседе любителей русского слова. СПб. : В медицинской типографии, 1811. Кн. 3. С. 3—30.

¹¹⁴ Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности. СПб. : В типографии Императорского театра, 1814. 48 с.

¹¹⁵ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 68.

¹¹⁶ Там же. С. 69.

примеры из латинского синтаксиса, воображая, что со временем буду читать Вергилия и Тацита. Теперь главные занятия мои составляют: история всеобщая, как приготовление к русской и к классикам, и языки, пока латинский, а через несколько времени и греческий»¹¹⁷. Далее в этом же письме Жуковский приводит цитату из послания Горация к Лоллию (Epist. I, 2, 35—37) на латинском языке, после чего просит друга «без всякого отлагательства» прислать ему «латинскую грамматику и греческую»¹¹⁸.

В 1806 году Жуковский создает стихотворение «Сафина ода», представляющее собой свободный перевод стихотворения легендарной греческой поэтессы Саффо (Сафо) (VII–VI вв. до н. э.), имея перед собой французские переводы-посредники Н. Буало и Ж. Делиля.

К 1809 году относится стихотворение «К Делию» – свободный перевод оды римского поэта Квинта Горация Флакка «К Деллию» (Carmina. II, 3). Жуковский переводил это произведение с французского прозаического подстрочника, обращаясь к изданию латинского текста, «опубликованного en regard с французским переводом»¹¹⁹.

Античность пленяла поэта общечеловеческими духовными исканиями, которые освещали в своих произведениях древние авторы. Не случайно на своем творческом пути Жуковский знакомится с древнегреческой трагедией. Особое внимание поэт уделяет трагедиям Софокла, повествующим о судьбе царя Эдипа («Эдип в Колоне», «Царь Эдип») и Филоктета («Филоктет»), которые он переводил и внимательно читал, оставляя пометы в тексте. В 1811 году Жуковский работает над переводом фрагмента трагедии Софокла «Филоктет» и создает оригинальный план трагедии «Царь Эдип». В 1831 году поэт возвращается к переводу «Филоктета», а в 1842 году переводит пролог и фрагмент «Царя Эдипа»¹²⁰. По наблюдению О. Б. Лебедевой, при изучении статьи «Еврипид» немецкого исследователя Якобса поэт делает в ней ряд помет, благодаря чему проявляются его предпочтения. Итак, Жуковский обозначил следующий отрывок: «Эсхил показал человечество в его силе, похищенный страстями и несчастьями Еврипид – в его слабости, Софокл же – в его достоинстве»¹²¹. Вероятно, именно это нравственное достоинство героев Софокла и было тем, что определило интерес русского романтика к его творчеству. Представляется, что в трагедиях Софокла внимание Жуковского привлекала тема взаимоотношения человека и судьбы. Перед лицом неумолимого рока

¹¹⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 12. С. 94.

¹¹⁸ Там же. С. 95.

¹¹⁹ Янушкевич А. К Делию («Умерен, Делий, будь в печали...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 1. С. 540. Французское издание, к которому обращался Жуковский: Les Poésies complètes d'Horace. Traduites par Batteux et F. Peyrard. T. 1—2. Paris, F. Louis, 1803 (Библиотека В. А. Жуковского : описание. № 1339. С. 190—191).

¹²⁰ Подробно о трагедиях Софокла в восприятии Жуковского см.: Лебедева О. Б. Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 3. С. 464—568; Она же. Неопубликованные переводы Жуковского из Софокла // Жуковский и русская культура. С. 272—293.

¹²¹ Цит. по: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. С. 488.

раскрывается духовный потенциал человека, нравственная стойкость личности во враждебном мире. Только человек, обладающий высокими моральными качествами, способен противостоять Року¹²². Однако, Жуковскому все же не удалось закончить перевод трагедий древнего классика, несмотря на многократное возвращение к замыслу. Успешным опытом Жуковского в этом жанре стал перевод трагедии Шиллера «Орлеанская дева» (1822).

Поэтическое мастерство Жуковского нашло свое воплощение в разных литературных жанрах: элегии, эпиграммы, басни, поэмы, повести, сказки¹²³. Однако наиболее ярко творческая личность художника выразилась в балладе. «Этот род поэзии им начат, создан и утвержден на Руси, – пишет В. Г. Белинский в статье, посвященной русской словесности конца 18 – начала 19 веков, – современники юности Жуковского смотрели на него как на автора баллад. <...> Под балладою тогда разумели краткий рассказ о любви, большею частью несчастный, могилу, крест, привидение, ночь, луну, а иногда и домовых и ведьм считали принадлежностью этого рода поэзии, – больше же ничего не подозревали. Но в балладе Жуковского заключался более глубокий смысл, нежели могли тогда думать»¹²⁴.

В литературной деятельности Жуковского жанр баллады получает теоретическое обоснование и осмысление. Жуковский, при изучении трудов по эстетике европейских теоретиков литературы, интересовался характером исторического развития балладного жанра. По верному замечанию А. С. Янушкевича, «немецкая эстетика, разрабатывающая теорию баллады, как нельзя лучше отвечала потребности русского поэта в выработке его творческих установок и теоретических принципов»¹²⁵. Немецкий критик Иоганн Иоахим Эшенбург, автор учебников по эстетике «*Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften*» (Berlin, 1783)¹²⁶ и «*Handbuch der klassischen Literatur. Enthalten Archäologie, Notiz der Klassiker. Mythologie, griechische Alterthümer, römische Alterthümer*» (Berlin, 1792)¹²⁷ вводит балладу в систему жанров позднего классицизма, причисляя ее к «легкой» поэзии. Жуковский обращался

¹²² Лебедева О. Б. 1840-е гг. Перевод фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» и использование драматургии Эврипида в рамках замысла «Повести о войне Троянской» // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 3. С. 552.

¹²³ См. специальную работу об античных лирических жанрах в творчестве Жуковского : Литинская Е. П. *Малые античные лирические жанры в творчестве В. А. Жуковского* // [Античные жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. Ч. 3. С. 21—39.](#)

¹²⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 135. В. Г. Белинский указывает, что глубокий смысл баллад поэта был связан с истоками этого жанра в романтизме Средних Веков, в романтизме христианском, обращенном к внутреннему миру человека, к тайне его сердца, к пониманию духовной стороны жизни. Эту особенность жанра баллады точно отметила исследовательница Р. В. Иезуитова: «Баллада явилась формой раскрытия таких сторон реальности и мироощущения личности, которые не получили и не могли получить своего воплощения в традиционных литературных жанрах. Она всей структурой и всей системой изобразительных средств обращена в сферу исключительного, таинственного, стихийного». Может быть, поэтому ее авторы обращались к «сюжетам из фольклора, средневековой литературы, античной мифологии», которые, далекие от повседневности и обыденности, позволяли проникнуть в мистическую сущность бытия (Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // *Русский романтизм* : сб. ст. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. С. 155—156, 159).

¹²⁵ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 148.

¹²⁶ Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 994. С. 148.

¹²⁷ Там же. № 995. С. 148.

к трудам Эшенбурга в 1805—1806 годы, когда вместе с изучением истории античной словесности он осваивает и теорию балладного жанра. В. И. Резанов говорит о творческом осмыслении Жуковским понятия баллады при конспекте теории поэзии Эшенбурга, когда поэт свободно относится к немецкому оригиналу и «выражает скорее собственное понимание данного вида лирики, чем переводит Эшенбурга»¹²⁸:

«Романс и Баллада. Романс и Баллада суть не иное что, как легкие лирические повествования важных, трогательных или веселых, трагических или смешных происшествий, – повествования, которых вся приятность зависит от искусства и живости повествователя. Источники их многообразны: мифология, история, рыцарство, монастырская жизнь, сцены из обыкновенной общественной жизни или произвольные вымыслы стихотворческой фантазии. Рассказ в романсах и балладах должен быть прост, натурален, легок, приятен и всегда приличен материи: весел и забавен, когда описываемое происшествие смешно или странно; простодушен, когда представляется какая-нибудь сцена из невинной пастушеской жизни или изображается грубость и простота деревенских нравов; живописен, когда стихотворец описывает что-нибудь чудесное, мрачное, ужасное или необычайное. Приятность и обманчивость сих рассказов зависят наиболее от того, когда читатель будет совершенно согласен, разумеется на то время, в образе мыслей с поэтом или с представленным им лицом, – следовательно, когда он не станет опровергать размышлением тех понятий, которые могут быть основаны на простоте ума, на легковерии, суеверности или на вымыслах необузданной фантазии, а напротив даст полную свободу всем впечатлениям неограниченно на себя действовать. Так как повествование романсов не может быть продолжительным, то стихотворец обязан пропускать все излишние подробности, больше намекать о некоторых обстоятельствах, нежели их описывать, и вообще наблюдать в рассказе своем быстроту и краткость. Множество романсов и баллад находим как у испанцев и французов, которых романсы однако не всегда повествовательные, так и у англичан, которые в сем роде поэзии, особливо в балладах ужасного содержания, могли бы получить первенство, когда бы немцы по праву его у них не оспаривали»¹²⁹.

Р. В. Иезуитова убедительно доказывает, что отнесение баллады в теории позднего классицизма к области «легкой поэзии» обусловило «смелое новаторство»¹³⁰ Жуковского в творческой интерпретации этого жанра. Новаторство поэта, по наблюдениям исследователя, заключалось в совершенствовании поэтического языка — выработке так называемого «балладного слога», «совершенство, гибкость и красоту которого признавали даже

¹²⁸ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 287.

¹²⁹ Цит. по: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 287—288.

¹³⁰ Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма ... С. 157.

литературные противники поэта»¹³¹. При создании своих баллад Жуковский, учитывая русскую традицию жанра¹³², ориентировался также на образцы европейских поэтов своего времени: Бюргер, Гёте, Саути, Вальтер Скотт, Уланд, Шиллер. Таким образом, все 39 баллад Жуковского, по замечанию исследователей, «представляют собой уникальную антологию европейской романтической баллады, написанную глубоко мыслящим и тонко чувствующим поэтом-лириком»¹³³. Жуковский признавал утверждение современников, воспринимавших его как создателя «нового рода» поэзии – балладного жанра: «Баллады – мой избранный род поэзии»¹³⁴.

Обращение к европейским образцам балладного жанра было обусловлено у Жуковского стремлением «предложить существенно иной, новый для русской поэзии путь в развитии баллады и приобщить отечественную литературу к литературному движению европейских стран, ближе познакомив с балладой, получившей уже всемирную известность и давшей толчок к интенсивному развитию балладного жанра»¹³⁵.

Перевод баллады Ф. Шиллера «Кассандра» (1809), сюжет которой восходит к троянскому кругу мифов, свидетельствует о внимании Жуковского к гомеровской традиции¹³⁶. Баллада «Кассандра» является вторым опытом Жуковского в этом жанре. «Кассандре» предшествует перевод баллады Бюргера «Lenore» («Людмила», 1808). О. Б. Лебедева называет последовательное появление двух переводов «эстетической манифестацией нового жанра в творчестве Жуковского и в русской поэзии начала XIX века»¹³⁷.

Баллады Шиллера и Бюргера отличаются друг от друга по своему внутреннему содержанию и производимому впечатлению благодаря различным взглядам их авторов на поэтическое

¹³¹ Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма ... С. 157.

¹³² Становление баллады как жанра литературного творчества в отечественной словесности относится к концу XVIII — началу XIX века. До Жуковского к интересующему нас жанру обращались М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин, Г. П. Каменев, Н. Ф. Мерзляков, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев, А. Х. Востоков а также другие менее известные и анонимные авторы. Р. В. Иезуитова, исследуя историю балладного жанра в эпоху романтизма, пишет о «поисковом характере» опытов литературных предшественников Жуковского, который «раскрывается в стремлении авторов трактовать балладный жанр в русском стиле, отыскивая национально характерные элементы балладной поэтики на путях сближения жанрового образца типа “Раисы” Карамзина с русским фольклором, понимаемым в соответствии с принципами доромантической эстетики как стилизация под “простонародность” (“Бедная Дуня” Остолопова и “Баллада” Долгорукова, в которых авторы подражают народной лирической песне) или как имитация “старинной поэзии”, трактованной в богатырско-сказочном и рыцарско-волшебном духе (“Тромвал” Каменева и “Светлана и Мстислав” Востокова)». Р. В. Иезуитова подчеркивает важность художественных исканий русских поэтов в начальном периоде истории жанра и говорит о том, что Жуковский, создавая свои баллады, учитывал национальную традицию (см.: Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма ... С. 141, 146).

¹³³ Вётшева Н. Ж., Жиликова Э. М. Баллады и повести Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / А. С. Янушкевич (гл. ред.). М. : Языки славянских культур, 2008. Т. 3. С. 229.

¹³⁴ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М. : Изд. «Русского архива», 1895. С. 104.

¹³⁵ Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма ... С. 146—147.

¹³⁶ Уже в 1810 году В. А. Жуковский читал поэмы Гомера на английском языке в переводе А. Попа, располагая также немецким переводом И. Г. Фосса (см.: Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 434).

¹³⁷ Лебедева О. Кассандра («Все в обители Приама...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 272.

искусство. Фр. Шиллер, историк и философ, считал, что поэзия должна быть образцом для современности, а писатель должен быть воспитателем для народа, устремлять его к прекрасному, благородному и истинному.

Над поэтическими принципами двух немецких авторов баллад Жуковский размышлял еще в 1806 году, когда делает в дневнике следующую запись, видимо, связанную с воспитанием племянниц Марии и Александры Протасовых: «Шиллера как стихотворца в роде баллад читать вместе с Бюргером», и далее: «Между тем вот некоторые замечания на баллады Бюргера и Шиллера. Бюргер в этом роде единственный, ибо он имеет истинно приличный тон избранному им роду стихотворения: ту простоту рассказа, которую должен иметь повествователь. Его характер: счастливое употребление выражений простонародных и в описаниях и в выражениях чувства; краткость и живость; приличие и разнообразие метров. В особенности изображает он очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежит к ужасу, производимому в нас предметами мрачными, призраками мрачного воображения; картины свои заимствует от таинственной природы того света, который не есть идеальный свет, созданный фантазией древних поэтов; но мрачное владычество суеверия. Шиллер менее прост и живописен; язык его не имеет привлекательной простонародности Бюргерова языка; но он благороднее и приятнее; он не представляет предметы так верно; но он украшает их красками блестящими; Бюргер действует на воображение, Шиллер на фантазию (то же воображение, но только такое, которому все предметы представляются сквозь призму поэзии, следственно, не в собственном, а в некотором заимствованном образе). Вообще Шиллеров язык ровнее, но он не так жив, и совершенство целого повредило несколько разительности частей, тогда как в Бюргере сия живость есть может быть следствие свободы, менее ограниченной. В Бюргере найдешь менее картин стихотворных, нежели в Шиллере; зато он ближе к простой, обыкновенной природе. Шиллер более философ, а Бюргер простой повествователь, который, занимаясь предметом своим, не заботится ни о чем постороннем»¹³⁸.

Эта запись позволяет говорить о диалектической позиции автора заметки и о его творческом самоопределении. О принятии Жуковским поэтического своеобразия двух немецких поэтов свидетельствуют одновременные переводы баллад Бюргера и Шиллера. «Простонародность и литературность, живописность картин и благородство мыслей, чувственное и мыслительное начала, действенное и рефлексирующее обозначили два направления балладных поисков»¹³⁹.

¹³⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 13. С. 36—37. См. статью Ф. З. Кануновой о переводах Жуковского из Бюргера: «Эволюция балладного нарратива в переводах В. А. Жуковского из Г. А. Бюргера» в кн.: Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е. Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820—1840-х гг. : проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 256—267.

¹³⁹ Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. С. 94—95.

Влияние знаменитого немецкого поэта простиралось на эстетические взгляды молодого Жуковского. А. С. Янушкевич, исследуя рукописное наследие Жуковского, обнаружил в «Конспекте по истории литературы и критики» (1804—1811 годов) списки названий всех произведений Шиллера по эстетике и критике, а также важнейших эстетических понятий немецкого автора. Это открытие позволило ученому сделать вывод о том, что «ко времени окончания “Конспекта” (1811 г.) Жуковский был знаком с важнейшими статьями Шиллера»¹⁴⁰. А. С. Янушкевич отмечает, что название «Писем об эстетическом воспитании человека» Жуковский повторяет в списках несколько раз¹⁴¹. Особенно внутренняя связь с эстетикой Шиллера заметна в статьях периода «Вестника Европы» в 1808–1814 годы. О влиянии шиллеровских «Писем об эстетическом воспитании человека» на формирование эстетических взглядов Жуковского-критика указывал еще И. И. Замотин в 1903 году¹⁴². В рассуждении «О нравственной пользе поэзии» 1809 года Жуковский высказывает основные мысли Шиллера, рассеянные в «Письмах об эстетическом воспитании человека». Р. В. Иезуитова установила, что статья «О поэзии древних и новых» 1811 года, достаточно известная в литературе о Жуковском, была навеяна идеями Шиллера из рассуждения «О наивной и сентиментальной поэзии»¹⁴³. Сопоставление эстетической мысли молодого Жуковского с идеями знаменитого немецкого поэта, по справедливому замечанию историка литературы И. И. Замотина, «не уменьшает заслуги В. А. Жуковского, провозгласившего новый принцип эстетической критики почти на два десятилетия раньше, чем он сделался предметом оживленных толков в нашей журналистике»¹⁴⁴.

В письме к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 года, находясь в долбинском имении Киреевских, Жуковский просил друга прислать ему собрание сочинений Шиллера: «Нет ли в Петербурге соч. Шиллера, вышедших после его смерти? Я желал бы иметь их»¹⁴⁵. «Так как в последующих письмах к Тургеневу новые упоминания об этих сочинениях отсутствуют, то есть основание думать, что просьба Жуковского была исполнена сразу же», – пишет исследователь А. С. Янушкевич¹⁴⁶. Собрание сочинений Шиллера в двенадцати томах (Fiedrich von Schillers sämtliche Werke. Stuttgart und Tübingen, 1812–1815), видимо, появилось в библиотеке Жуковского после выхода в свет последнего тома в 1815 году¹⁴⁷. А. С. Янушкевич указывает на то, что в восьмом томе этого издания сочинений Шиллера Жуковский оставляет пометы в

¹⁴⁰ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 174.

¹⁴¹ Там же. С. 173.

¹⁴² Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 80.

¹⁴³ Иезуитова Р. В. В. А. Жуковский // История эстетики : в 5 т. / М. Ф. Овсянников (гл. ред.). М. : Изд-во. Акад. художеств СССР, 1969. Т. 4., 1-й полутом. С. 62.

¹⁴⁴ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 81.

¹⁴⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу ... С. 130.

¹⁴⁶ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского ... С. 174.

¹⁴⁷ Там же. С. 174.

статье «О стихотворениях Бюргера» (1791). Жуковскому была интересна эта статья в связи с творческим восприятием балладного жанра и в связи с размышлением над полемикой двух немецких поэтов — Шиллера и Бюргера над основами поэтического творчества. Ф. Шиллер утверждает необходимость идеализации произведения искусства: «Необходимый прием поэта — идеализация ее предмета, без которой поэт не заслуживает имени поэта. Его дело — отделить все совершенное в предмете (будь то внешний облик, чувство или действие, ничто присущее его душе или пребывающее вне ее) от грубых, во всяком случае посторонних, примесей, собрать в одном предмете рассеянные во многих лучи совершенства, подчинить гармонии целого отдельные, нарушающие соразмерность черты, возвысить индивидуальное и местное до всеобщности. <...> Вот этого искусства идеализации мы часто напрасно ищем у Г. Бюргера. Не говоря уже о том, что, как нам кажется, его муза носит отпечаток чувственности, часто пошлой чувственности»¹⁴⁸. В статье «О стихотворстве Бюргера» Фр. Шиллер говорит о поэзии: «Все сокровища, накопленные опытом и разумом для человечества, должны под ее творческой рукой обрести жизнь, стать плодотворными и облечься в одеяния привлекательности. Нравы, характер, всю мудрость своего времени должна она собрать в своем зеркале в очищенном и облагороженном виде и силой идеализирующего искусства создать из самой современности образец для этой современности»¹⁴⁹. Фр. Шиллер не находил в балладах Бюргера мудрости, просвещающей народ, научающей добру и истине, но обнаруживал единение с народными суевериями: «Г. Бюргер нередко смешивается с народом, к которому ему следовало бы только нисходить, и вместо того чтобы, шутя и играя, подымать народ до себя, он зачастую любит уравнивать себя с ним»¹⁵⁰.

Между тем, Жуковский при чтении этой статьи, как замечает А. С. Янушкевич, обходит стороной, словно не замечает выпады Веймарского классика против поэзии Бюргера и подчеркивает размышления о высоком созидательном предназначении поэзии: «одна поэзия, пожалуй, воссоединяет разъединенные духовные силы, занимает в гармоничном союзе ум и сердце, пронизательность и остроумие, разум и воображение, как бы вновь возрождая в нас цельного человека»¹⁵¹. Также Жуковский отчеркивает слова Шиллера об общедоступности произведения искусства – трудной задаче поэта, которую «удачно разрешил»¹⁵² Бюргер.

Еще в письме от 8 января 1806 года Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Ради Бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии: она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм. Этому причина, конечно, то, что большая часть немецких

¹⁴⁸ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. / под общей ред. Н. Н. Вильмонта и Р. М. Самарина. М. : Государственное издательство Художественной литературы, 1957. Т. 6. Статьи по эстетике. С. 615.

¹⁴⁹ Там же. С. 609.

¹⁵⁰ Там же. С. 614.

¹⁵¹ Там же. С. 608—609.

¹⁵² Там же. С. 611.

философов живут в совершенном уединении, следовательно больше угадывают людей, видят их издали и больше применяют к себе. Французские все играют роль в большом свете, все подчинены хорошему тону, менее глубокомысленны и меньше имеют живости в чувствах, которые обыкновенно притупляются светскою жизнью. Один Руссо может быть исключением, но Руссо жил всегда в уединении. Итак, пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужен такой помощник, нужна философия, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай»¹⁵³.

В этих словах Жуковский высказывается о своем предпочтении немецкой словесности, которая расширяла поэтические горизонты, ставила под сомнение исключительность «французского вкуса», по-новому изучала древнюю поэзию. Русский писатель, поэт и литературный критик Н. А. Энгельгардт так толкует о переменах в немецкой литературе в конце XVIII — начале XIX века: «Одной из первых от французского вкуса стала освобождаться Германия, причем сначала ее писатели обращаются к классикам и именно это знакомство с источником отвращает их от французской подделки мишурного гуманизма. Их обнимает романтизм, скрытый в классиках, как живая душа их»¹⁵⁴. «Переход от французской подделки к античному подлиннику» Н. А. Энгельгардт называет «неоклассицизмом», относя к этому направлению поэтическое творчество Гете и Шиллера¹⁵⁵. Российский филолог-педагог А. Адольф пишет о «втором возрождении» — неогуманизме в Германии, который, направленный на познание древности, «должен был помочь возвратить утраченный идеал человечности»¹⁵⁶. Поэт и философ Гердер называет Грецию «храмом прекрасной природы, из которого большинство европейских наций Европы, вышедших из состояния варварства, получили законы и образцы. Из произведений греков ясно и понятно говорит нам гений человечества»¹⁵⁷.

Современный историк литературы С. А. Кибальник указывает на то, что определяющее значение в восприятии античного наследия в Европе Нового и Новейшего времени имели труды Иоганна Иоахима Винкельмана (1717—1768): «У истоков европейского неоклассицизма стоял И.-И. Винкельман. Принцип подражания древним был для него универсальным способом построения нового искусства»¹⁵⁸. В «Мыслях о подражании греческим образцам» (1755) И.-И. Винкельман писал, что «единственный путь для нас сделаться великими и, если можно, даже

¹⁵³ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 12. С. 88.

¹⁵⁴ Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия : критика, роман, поэзия и драма. СПб.: А. С. Суворин, 1902. Т. 1. 1800—1850. С. 237.

¹⁵⁵ Там же. С. 238.

¹⁵⁶ Адольф А. Главные моменты в истории преподавания древних языков // Аристей = Aristeas : журнал / учредители : Русский Фонд содействия образованию и науке, Ун-т Дмитрия Пожарского. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. Т. VIII. С. 219.

¹⁵⁷ Там же. С. 220.

¹⁵⁸ Кибальник С. А. Античная поэзия в России ... С. 184.

неподражаемыми – это подражание древним»¹⁵⁹. «Однако, по Винкельману, – продолжает С. А. Кибальник, – подражание должно быть не рабским, а творческим, – таким, чтобы древние образцы в новом творении воспроизводили “новую литературу”»¹⁶⁰. Литературовед-германист Т. А. Шарыпина признает, что «только после опубликования трудов Винкельмана стали возможны творческие изыскания и творческие находки в области освоения античного наследия в художественных исканиях Лессинга, Гете, Шиллера»¹⁶¹.

Письма Шиллера свидетельствуют о внимательном чтении и изучении памятников античной словесной культуры. Исторические, эстетико-философские сочинения «В чем состоит изучение всемирной истории и какова цель этого изучения» (IV), «Законодательство Ликурга и Солона» (V), «О Грации и достоинстве», «О возвышенном», «Размышления об употреблении низкого и пошлого в искусстве», «Письма об эстетическом воспитании человека», «О наивной и сентиментальной поэзии» (VI) позволяют говорить об устойчивом интересе веймарского классика к произведениям древности.

Т. Г. Мальчукова, исследуя эстетические труды Шиллера, отмечает, что «по типу художественного творчества Шиллер противопоставлял себя Гомеру, “наивному” поэту природы, в качестве “сентиментального” поэта идеала. Тем показательнее для него, как и для немецкого неогуманизма в целом и его вершины — веймарского классицизма, устойчивый интерес и постоянное возвращение к Гомеру во всех областях писательской деятельности»¹⁶².

Античность постоянно присутствует и в художественном творчестве Шиллера в виде сюжетов, образов, метафор, мотивов. Эпиграммы («Ксении» («Илиада», «Вольфовский Гомер», «Гомериды»), «Одиссей», «Грекомания»), философские стихотворения («Прощание Гектора», «Боги Греции», «Художники», «Идеал и жизнь», «Прогулка», «Мудрецы», «Тень Шекспира», «Счастье», «Песнь о колоколе», «Четыре века»), баллады («Жалоба Цереры», «Кольцо Поликрата», «Журавли Ивика», «Элевзинский праздник», «Геро и Леандр», «Кассандра», «Торжество победителей»), драматические произведения («Валленштейн», «Разбойники», «Орлеанская дева», «Мессинская невеста», «Вильгельм Телль») свидетельствуют о глубоком изучении Шиллером античной литературы.

Русская эстетическая мысль воспринимала фигуру Шиллера как поэта-классика, но не чуждого и современных романтических взглядов¹⁶³. В частности, в журнале «Атеней» в 1829

¹⁵⁹ Винкельман И.-И. Избр. произведения и письма / пер. А. А. Алявиной ; Вступ. ст. и ред. Болеслава Пшибышевского. М. ; Л. : Academia, 1935. С. 86.

¹⁶⁰ Кибальник С. А. Античная поэзия в России ... С. 184.

¹⁶¹ Шарыпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX—XXвв. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 1995. С. 25.

¹⁶² Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера // Филология как наука и творчество. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 73.

¹⁶³ Ф. Шиллер вошел в историю русской литературы на рубеже XVIII—XIX веков, когда стали появляться первые веяния предромантической и романтической эстетики. Имя создателя трагедии «Разбойники» и гимна «К

году появились две статьи по поводу трагедий Шиллера «Мессинская невеста» и «Вильгельм Телль»¹⁶⁴. Автор статей первую драму относит к «романтическо-классическим произведениям по формам», а вторую к «классико-романтическим произведениям по духу»¹⁶⁵. Самобытность произведений Шиллера состоит в том, что «Шиллер в периоде романтизма, в мире идей его, был истинным классиком, разумеется, не нелепо надутым, подобно ученикам французской школы, где надевали только на себя личины греков и римлян, где думали, что быть древним, значит только нарядиться в дедовский парик»¹⁶⁶. Ученый, литературный критик, философ, этнограф и журналист Н. И. Надеждин в диссертации «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (1830) говорит о «любви к классической древности» в романтической поэзии¹⁶⁷, приводя в пример творчество Клопштока, Гете и Шиллера. «И да будут нам побуждением и примером великие мужи ... Да будет великий Шиллер, посвятивший

Радости», как точно заметил Р. Ю. Данилевский, является знаковым для истории русской словесности наряду с именами других зарубежных поэтов, «наряду с Гомером, Шекспиром, Байроном, Гете, Гейне» (Данилевский Р. Ю. Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов // Русская литература. 1976. № 4. С. 139). Фридрих Шиллер стал «навсегда стал близким спутником русской литературы», так что в критике принято говорить о «русском шиллеризме». В России произведения Шиллера имели длительную традицию восприятия и освоения, и в начале этого пути значится фигура «первого русского романтика» Жуковского, ставшего «главным посредником между немецким поэтом и русским читателем» (Там же. С. 140).

В. Г. Белинский, который признавал особенности переводческого таланта Жуковского, замечая, что «многое он даже не столько переводил, сколько переделывал, иное заимствовал местами и вставлял свои оригинальные пьесы» (Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 135), «значение» и «заслугу» Жуковского в русской литературе видел в его переводах из Шиллера. В 1839 году Н. Полевой в «Очерках русской литературы» писал, что Жуковский «ввел в поэзию русскую одну из новых идей романтических — безотчетную мечтательность Шиллера» (СПб. : Тип. Сахарова, 1839. Ч. 1. С. 148).

В «Дневнике писателя» за 1876 году Ф. М. Достоевский записал: «Французский конвент 93 года, посылая патент на право гражданства *au roëte allemand Schiller, l'ami de l'humanité*, хоть и сделал тем прекрасный, величавый и пророческий поступок, но не подозревал, что на другом краю Европы, в варварской России, этот же Шиллер гораздо национальнее и гораздо роднее варварам русским, чем не только в то время — во Франции, но даже и потом, во все наше столетие, в котором Шиллера, гражданина французского и *l'ami de l'humanité*, знали во Франции лишь профессора словесности, да и то чуть-чуть. А у нас он вместе с Жуковским в душу русскую восался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / В. Г. Базанов (гл. ред.). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 23. С. 31).

Еще до вступления Жуковского на литературное поприще читающая публика была знакома с Шиллером по существующим уже переводам драматических произведений и, в особенности «Песни мира» (1792) Карамзина, представляющей собой переложение гимна «К Радости» Шиллера.

Историк литературы императорской России П. И. Вейнберг писал о том, что поэтический дар Шиллера был близок к дару проповедника, так как его произведения «так неотразимо действовали и продолжают действовать на молодые поколения, вдохновенно указывая светлый путь к красоте, добру и через них — к высшей свободе» (Вейнберг П. И., А. А. Вейнберг. Всеобщая история поэзии. СПб. : Паровая скоропеч. Г. Пожарова, 1903. С. 215). В конце XX века исследователь С. В. Тураев вновь говорит о том, что для русского человека поэзия Шиллера была близка именно стремлением к нравственному идеалу и духовностью: «Шиллер влиял не столько эстетическими принципами, сколько энергией своего гуманизма, нравственным пафосом. И влияние это было устойчивым, ибо совпадало с гуманистическими устремлениями передовых русских писателей» (Тураев С. В. Шиллер в переводах В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века / отв. ред. В. Ю. Троицкий. М. : Наука, 1988. С. 276). Также о переводах Жуковского из Ф. Шиллера см. : Шаманская, Л. П. Жуковский и Шиллер : поэтический перевод в контексте русской литературы : монографическое исследование. М. : Моск. Гос. Откр. Педаг. Ун-т им. М. А. Шолохова, 2000. 96 с.

¹⁶⁴ Вильгельм Тель. Трагедия Шиллера. Перев. А. Рошчева // Атений : Журнал наук, искусств и изящ. словесности, с присовокуплением «Зап. для сел. хозяев, заводчиков и фабрикантов. М. : Павлов, 1929. Ч. 4. Октябрь. С. 320. ; Вильгельм Тель. Трагедия Шиллера. Перев. А. Рошчев // Там же. С. 493—512.

¹⁶⁵ Там же. С. 497.

¹⁶⁶ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 290—291.

¹⁶⁷ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит., 1972. С. 246.

начатки своего юного гения изучению, усвоению и перенесению на родную почву отечественного языка классической древности и ее памятников!», – заключает критик¹⁶⁸.

Р. Ю. Данилевский говорит об «избирательном отношении Жуковского к Шиллеру», которое «свидетельствует, что переводчик видел разницу между собственной и шиллеровской точками зрения на задачи поэзии. Страстность лирики Шиллера, сохранявшаяся в различных формах на всех этапах его творчества, была Жуковскому чужда», – заключает исследователь¹⁶⁹. Известно, что Жуковский не принял ранних бунтарских произведений Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь», «Фиеско»)¹⁷⁰. Также ранняя лирика «необузданного»¹⁷¹ германского гения вошла в русскую литературу благодаря переводам другого поэта — М. Милонова (переложение стихотворения «Детоубийцам»). М. Милонову удалось передать мрачное содержание стихотворения Шиллера. Экспрессивный стиль М. Милонова («слог Милонова неуклончив, сжат и решителен», — писал А. Бестужев), отличающийся от стиля Жуковского, был отмечен современниками. В 1821 году в журнале «Благонамеренный» сравнивались две различные интерпретации шиллеровской поэзии у Милонова и Жуковского и говорилось, что «стихи Жуковского не выражают и в половину того, что чувствовал великий немецкий поэт» («Благонамеренный», 1821, ч. 16, № XXIII—XXIV, стр. 235)¹⁷². Однако известно, что постепенно бурный талант Шиллера «смирился», «уступив духу нации», «образовался, наконец, классическим художником»¹⁷³. Изучение древних, истории и философии, знакомство с Гете способствовало внутреннему перевороту творческого гения Шиллера¹⁷⁴. В 1796 году Шиллер писал: «Поразительно, как много развилось во мне от постоянного общения с Гете и от работы над древними, за которых я смог взяться впервые после “Дон Карлоса”»¹⁷⁵. Показательно, что Жуковский обращается к творчеству Шиллера-классика, прошедшего через школу философии, истории, эстетики.

¹⁶⁸ Надеждин Н. И. Литературная критика ... С. 246.

¹⁶⁹ Данилевский Р. Ю. Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов ... С. 142.

¹⁷⁰ Романтическая трагедия «Орлеанская дева» – единственное драматическое произведение Шиллера, которое перевел Жуковский (1821 год), хотя в планах задуманных для перевода произведений значатся еще две драмы Шиллера: «Дон Карлос» и «Деметриус», на перевод которых Жуковский так и не отважился. В. Г. Белинский так пояснил выбор русского поэта: «... никто, кроме Жуковского, не мог бы так передать этого по преимуществу романтического создания Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера Жуковский не был бы в состоянии так превосходно передать на русский язык» (Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 164). «Поэзия силы — не поэзия Жуковского» – писал Вс. Чешихин, комментируя «одухотворение» и «идеализацию» даже «Орлеанской девы» в переводе поэта-романтика (Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 120). Более всего славы Жуковскому принесли переводы баллад Шиллера на античные сюжеты.

¹⁷¹ Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. С. 194.

¹⁷² Данилевский Р. Ю. Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов ... С. 142.

¹⁷³ Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов ... С. 194—195.

¹⁷⁴ Там же. С. 196.

¹⁷⁵ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 7. С. 392.

В 1813 году Жуковский переводит балладу Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» – «Die Kraniche des Ibykus», сюжет которой восходит к древнегреческой легенде о смерти Ивика, поэта 2-ой половины VI в. до н. э.

По мотивам поэмы Гомера в европейских переводах, а также в переводе Н. И. Гнедича (отрывок о Приаме в ставке Ахилла, напечатанный в январском номере «Вестника Европы» за 1815 год) Жуковский пишет оригинальную балладу «Ахилл» (опубликована в журнале «Вестник Европы» за 1815 год № 4).

Филолог-фольклорист Д. М. Балашов, исследуя историю развития жанра баллады, отмечает, что «термин ‘баллада’ имеет международный характер»¹⁷⁶. Согласно «Словарю древней и новой поэзии» (1821), термин «баллада» по происхождению восходит к итальянскому слову «ballo»: «Ballo на итал. Языке значит пляска, отсюда ballada или ballata, называемая в уменьшительном ballatella, ballatetta, ballatina»¹⁷⁷. Историк литературы, профессор А. А. Гугнин дает более развернутое этимологическое описание слова баллада, указывая на его греческое происхождение: «Провансальское слово balada означает «плясовая песнь» (от balar – «плясать»), итальянское ballata – лирическая танцевальная песня (от ballare – «танцевать»), французское ballade или ballette (буквально – «плясовая песня») – все восходят к позднелатинскому ballāre – «плясать» (развившемуся из греческого βαλλίσιμος – «танец»)»¹⁷⁸.

Литературная баллада XVIII—XIX веков прошла длительный путь эволюции из глубины веков, постепенно утрачивая непосредственную связь с музыкой, пением и танцем, однако сохраняя напевность и мелодичность в лучших своих образцах. Исследователь Д. М. Балашов указывает на фольклорное происхождение балладного жанра и на его соответствие европейским средневековым балладам: «англо-шотландским, скандинавским, немецким, испанским, балладам южных и северных славян и другим»¹⁷⁹, переживающим расцвет в XIII—XIV веках. Отечественный славист-литературовед Н. И. Кравцов подчеркнул важность исследования истории жанра: «Суть дела состоит в том, что многообразие сюжетов: форм и типов (разновидностей) баллад — сложилось не сразу, а является результатом длительного развития жанра, которое состояло в обогащении его в связи с ходом жизни народа. Баллада существовала не изолированно от других жанров, а в непрерывном взаимодействии с ними, что также служило основой возникновения ее разновидностей»¹⁸⁰. В филологической науке есть

¹⁷⁶ Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1966. С. 3.

¹⁷⁷ Словарь древней и новой поэзии / сост. Н. Остолопов. СПб. : В Тип. Импер. Российской Акад., 1821. Ч. 1. С. 58.

¹⁷⁸ Гугнин А. А. Постоянство и изменчивость жанра // Эолова арфа : антология баллады. М. : Высшая школа, 1989. С. 7.

¹⁷⁹ Балашов Д. С. История развития жанра русской баллады ... С. 3—4.

¹⁸⁰ Кравцов Н. И. Славянская народная баллада // Проблемы славянского фольклора. М. : Наука, 1972. С. 197.

исследования, подтверждающие генетическую связь балладного жанра с древними эпическими сказаниями о богах, героях, животных¹⁸¹.

Академик М. П. Алексеев говорит о многообразии источников балладных сюжетов: «Происхождение сюжетов баллад очень различно: иные имеют своими источниками книжное предание, христианские легенды, произведения средневековой письменности, рыцарские романы, даже в отдельных и редких случаях произведения античных авторов, усвоенные через посредство каких-либо средневековых обработок и пересказов; другие восходят к устному преданию, представляют собой вариации “бродячих сюжетов”, пользовавшихся международным распространением. Третьи воспроизводят какое-либо историческое событие, видоизменяя, стилизуя его соответственно общим условиям песенной традиции»¹⁸².

А. А. Гугнин дает точное определение баллад, сообразное с пестротой их тем, источников и обработки: «повествовательные песни (или стихотворения) с драматическим развитием сюжета»¹⁸³. В этом определении отражена уникальность балладного жанра, соединяющего элементы эпоса, лирики и драмы.

Широкий интерес к народному творчеству и, в первую очередь, к балладе у «образованной публики»¹⁸⁴ проснулся во второй половине XVIII века, в связи с обращением к истории, народному прошлому. В это время появляются собрания баллад – «Поэмы Оссиана» (1760—1773) Джеймса Макферсона, «Реликвии древней английской поэзии» (1765) епископа Томаса Перси, «Песни шотландской границы», записанные Вальтером Скоттом (1802—1803), «Народные песни» (1778—1779) Гердера и др. Публикации текстов народных баллад сыграли важную роль в европейских литературах, инициировали создание литературной баллады. Огромную роль в развитии литературного жанра сыграли поэты периода «Бури и натиска» И. Г. Гердер, И. В. Гете, Г. А. Бюргер, Ф. Шиллер.

Становление балладного жанра в христианскую эпоху, «в европейском фольклоре у романо-германских народов и на национальных (а не классических) языках»¹⁸⁵ в начале XIX века позволяло считать его романтическим (в широком смысле слова), новым жанром, которого не знала античная литература.

¹⁸¹ Seemann E. Ballade und Epos // Probleme der Volksballadenforschung. Hrsg. von E. Pflüger-Bouillon. Darmstadt, 1975. S. 206—248; Гугнин А. А. Постоянство и изменчивость жанра // Эолова арфа : антология баллады. М. : Высшая школа, 1989. С. 7—26.

¹⁸² Алексеев М. П. Народные баллады Англии и Шотландии // История английской литературы. М. ; Л., 1943. Т. 1. Вып. 1. С. 221. См. также исследования: Бадина К. Ю. Любовная баллада в русской и англо-шотландской народных традициях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2012. 21 с. ; Голованова Н. Ф. Эволюция жанра баллады в эпической поэзии Мордвы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2009. 22 с.

¹⁸³ Гугнин А. А. Постоянство и изменчивость жанра ... С. 8.

¹⁸⁴ Там же. С. 17.

¹⁸⁵ Прозоров Ю. М. «Мой избранный род поэзии» : баллады В. А. Жуковского // Литература в школе : научно-методический журнал. 2016. № 1. С. 11.

Хотя Жуковский был не первым русским поэтом, обратившим свое внимание на балладу, современники признавали, что именно в его творчестве этот жанр обрел новую жизнь и широкую популярность. «Баллады Жуковского всегда осознавались современниками как совершенно оригинальное явление, ниспровергающее каноны и смешивающее стилевые стихии», – точно замечают ученые Н. Ж. Вётшева и Э. М. Жиликова¹⁸⁶. Однако вместе с признанием баллад Жуковского на страницах журналов появлялись и критические статьи, в которых высказывалось сопротивление новому жанру.

В 1810–1820-х годах в литературных кругах разгорается полемика вокруг поэтики балладного жанра и балладных опытов Жуковского.

Так, в 1815 году во время премьеры комедии «А. А. Шаховского» «Урок кокеткам, или Липецкие воды» «разразился скандал»¹⁸⁷, вызванный пародией «на личность» (поэт Фиалкин), античные баллады и «Людмилу» Жуковского¹⁸⁸. Скандал «инициировал» создание литературного общества «Арзамас», секретарем которого был сам Жуковский.

В 1816 году в журнальной полемике вокруг балладного жанра принимает участие Н. И. Гнедич в связи с появлением в печати баллады П. А. Катенина «Ольга» («Вестник Европы», 1816. № 9; «Сын отечества», 1816. № 24), источник которой был уже известен читателям «по неверному и прелестному подражанию» Жуковского («Людмила», «Вестник Европы», 1808. Ч. 39. № 9). В статье под названием «О вольном переводе Бюргеровой баллады Ленора» (1816) Гнедич сравнивает два перевода немецкой баллады и отдает предпочтение «Людмиле», которой свойственны «прелесть стиха, жизнь, движение и сладость, волшебная прелесть стихов»¹⁸⁹, в отличие от «Ольги», стихи которой «нейдут в душу», «сухи»¹⁹⁰, «оскорбляют слух, вкус и рассудок». Однако одновременно с признанием «Людмилы» Жуковского Гнедич выступил с критикой балладного жанра, указывая на «несообразности», «погрешности» и «картины в самом деле странные и несообразные с вероятием нашего народа»¹⁹¹.

К. Н. Батюшков одобряя поддержку Жуковского Гнедичем, тем не менее упрекнул Гнедича в нападении на «новейший» жанр поэзии: «Жаль только, что ты напал на род баллад. Тебе, как литератору, это непростительно. Все роды хороши»¹⁹².

Однако позднее К. Н. Батюшков соглашается с критикой баллады Гнедичем, признавая, однако, редкий талант Жуковского: «Он у нас великан посреди пигмеев, прекрасная колонна

¹⁸⁶ Вётшева Н. Ж., Жиликова Э. М. Баллады и повести ... С. 233.

¹⁸⁷ Там же. С. 233.

¹⁸⁸ Там же. С. 233.

¹⁸⁹ Критика первой четверти XIX века / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. М. Л. Майофис, А. Р. Курилкина. М. : Олимп ; АСТ, 2002. С. 292.

¹⁹⁰ Там же. С. 293.

¹⁹¹ Там же. С. 291—292.

¹⁹² Батюшков К. Н. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 398

среди развалин. Но твое замечание справедливо: баллады его прелестны, но балладами не должен себя ограничивать талант редкий в Европе. Хвалы и друзья неумеренные заводят в лес, во тьму. Каждого Арзамазца порозно люблю, но все они вкупе, как и все общества, бредят, корячатся и вредят. За твою критику надо благодарить, а не гневаться. Уверен, что в душе сам Жуковский тебе благодарен»¹⁹³.

К. Н. Батюшков в письме от 17 марта 1817 года разделяет упреки Вяземского балладному творчеству Жуковского (для чего он, мол, переводит немецких стихотворцев, лучше ему посвятить свои годы полезному делу): «Но я согласен с тобой насчет Жуковского. К чему переводы немецкие? Добро философов. Но их-то у нас читать и не будут. Что касается до литературы, их собственно литературы, то я начинаю презирать её... Право хорошего немного... Глубокомыслия пучина, а где рассудок? Слог Жуковского украсит и галиматью — но польза какая? То есть истинная польза? Удивляюсь ему. Не лучше ли посвятить лучшие годы жизни чему-нибудь полезному? то есть таланту, чудесному таланту! Или, как ты говоришь, писать журнал полезный, приятный, философский. Правда, для этого надо ему переродиться...»¹⁹⁴.

В 1810-е годы широко было известно «Письмо из Сибири» поэта и литературного критика А. Ф. Мерзлякова, где он говорит о несоответствии «новой» баллады известным эстетическим правилам: «Скажите, м. г., баллада имеет ли какие-нибудь для себя правила, так, как всякой другой род, получивший право гражданства в кругу литературы?»¹⁹⁵. Признавая жанровую традицию баллады Италии, Испании, Португалии и Франции, а также литературные права доромантической баллады «некоторых из осторожнейших писателей», А. Ф. Мерзляков, чувствуя новизну баллады в трактовке сюжетов, протестует против «нового» жанра: «Теперь Бог знает что: ни вероятия в содержании, ни начала, ни конца, ни цели, ни худой, ни доброй: все достоинство в слоге»¹⁹⁶.

Ф. Ф. Вигель, участник «Арзамаса», вспоминая свои молодые годы, пишет о восприятии баллад Жуковского современниками: «Упитанные литературою древних и французскою, ее покорною подражательницею <...> мы в выборах его увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это все принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешено-страстную Ленору со скачущим трупом любовника! Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец,

¹⁹³ Батюшков К. Н. Соч. : в 2 т. Т. 2.. С. 418—419.

¹⁹⁴ Там же. С. 424.

¹⁹⁵ Литературная критика 1800—1820-х годов / сост., примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. М. : Худож. лит., 1980. С. 187.

¹⁹⁶ Там же. С. 187.

даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус; по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма»¹⁹⁷.

Литературные замечания и укоры Жуковскому приходилось слышать не раз на протяжении своей писательской деятельности. Даже назначение Жуковского в конце 1817 года учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне, ставшей супругой царя Николая Павловича, вызвало нарекания и насмешки литераторов¹⁹⁸.

В. Г. Белинский (благодаря убедительной критике которого переводы баллад признавались и признаются в современном литературоведении важнейшей заслугой Жуковского-переводчика) в заключительной статье «Литературных мечтаний» (1834) называет русские сказки Жуковского, написанные греческим гекзаметром, «заблуждением могущественного таланта» и считает, что «Жуковский вполне совершил свое поприще и свой подвиг: мы больше не в праве ничего ожидать от него»¹⁹⁹.

В эстетических взглядах Жуковского сочетались как романтические, так и классицистические тенденции. Именно этим объясняется, с одной стороны, интерес Жуковского к народной старине и, с другой стороны, интерес к античному эпическому размеру – греческому гекзаметру – в русских сказках; с одной стороны, утверждение в русской литературе нового литературного жанра – романтической баллады – и вместе с тем – изучение классических языков и воссоздание произведений античных авторов в русском слове.

Достижением Жуковского стали переводы отрывков из античных эпических поэм Гомера, Вергилия и Овидия. Эти переводы были задуманы поэтом еще в раннем периоде творчества²⁰⁰, о чем свидетельствует «Перечень задуманных переводов и подражаний»», открытый

¹⁹⁷ Воспоминания Ф. Ф. Вигеля : в 7 ч. М. : Унив.тип. (Катков и К^о), 1864. Ч. 3. С. 135—136. См. также современные работы по эстетике «страшного» в балладах Жуковского: Анисимова Е. Е., Анисимов К. В. Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И. А. Бунина 1910-х гг. : поэтика баллады и эстетика «страшного» // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. : Филология. 2015. № 1 (33). С. 88—113 ; Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух ...» : «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского // Русская литература. 2016. № 2. С. 19—50.

¹⁹⁸ А. Бестужев, принадлежавший к либеральному кружку, упрекал Жуковского в эпиграмме 1824—1825 годов:
«Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял лавровый свой венец,
С указкой втерся во дворец;
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею...
Бедный певец!» (Цит. по: Поэты-декабристы : [сб. стихов] / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. М. Семенко]. Л. : Сов. писатель, 1960. С. 173).

Граф Д. Н. Блудов укорял Жуковского, что он «учит грамоте принцесс», сам учится придворному искусству, и шутливо называл поэта «бедным экс-балладником» (См.: письма Д. Н. Блудова к И. И. Дмитриеву от 27 июля 1820 года, от 3 ноября 1825 года в сборнике «Русский архив» (Русский архив. Историко-литературный сборник, издаваемый ежемесячными выпусками при Чертковской библиотеке библиотекарем Петром Бартневым и посвященный преимущественно изучению нашего отечества в XVIII и XIX столетиях. М. : В тип. В. Грачева и Комп., 1866. Год четвертый. № 1—12. С. 1653, 1657).

¹⁹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. С. 115.

²⁰⁰ Исследователи выделяют пять периодов в творчестве Жуковского: 1797—1807, 1808—1814, 1815—1825, 1826—1839, 1840—1852. См.: Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 10—11.

В. И. Резановым в бумагах поэта 1800-х годов, где в разделе «Эпическая поэзия» значатся: «Отрывки из Гомера, Вергилия и Лукана. Отрывки из Овидия»²⁰¹ «Цейкс и Гальциона» (1819) – точный перевод отрывка из латинского эпоса, XI книги «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (стихи 410–748). Жуковский переводил этот отрывок с латинского текста, имея перед собой также немецкий перевод.

«Разрушение Трои. Из “Энеиды” Вергилия» (1822) – перевод отрывка из II песни «Энеиды» Публия Вергилия Марона. Жуковский делал перевод с латинского подлинника. В современной филологической науке этот перевод назван «самым точным из переводов Жуковского из классического эпоса»²⁰².

В 1823 году молодой поэт Н. М. Языков, получив от Жуковского в подарок среди прочих сочинений перевод второй песни «Энеиды» Вергилия, сообщает родным: «Дай Бог, чтоб он всю ее перевел! Этот труд, достойный его дарования и даже бессмертия в какой бы то ни было словесности, ибо Жуковский верно переведет хорошо»²⁰³. А. С. Пушкин высоко ценил слог Жуковского-переводчика, называя его «гением перевода», «как Voss»²⁰⁴. В то же время Пушкин осуждал поэта-учителя за «отрывочность» переводов классических авторов: «... мне досадно, что он переводит и переводит отрывками»²⁰⁵.

П. А. Вяземский, напротив, будучи сторонником романтизма, уговаривал Жуковского оставить переводы с латыни, указывая на более близкий его поэтическому таланту жанр баллады. Так, в письме к Ал. Тургеневу он пишет о Жуковском: «Что душа Жуковский и что душа Жуковского? Не его дело переводить Вергилия и экзаметрами. Шиллер не брался за дело Фосса: такой перевод не дело поэта, каков Жуковский, а дело хорошего латиниста. Жуковский себя обманывает и думает обмануть других: в таком труде (поистине труд) нет разлития жизни поэтической, которая в нем кипит потаенно. Ее подавай он нам, а не спондеи считай по пальцам и не ройся в латинском словаре. В таком занятии дарование его не живет, а прозябает, не горит, а курится; не летает, а движется. Скажи ему это от меня. Зачем бросил он баллады? Что за ералаш? Свободный рыцарь романтизма записывается в учебные батальоны Клейнмихеля классиков! В нем ничего сродного с Вергилием!»²⁰⁶.

«Отрывки из “Илиады”» (1828), или «Малая Илиада» (по удачному определению А. Н. Егунова), представляет перевод нескольких отрывков из «Илиады»: «Прощание Гектора с Андромахой», «Отречение от гнева» и «Битва богов», соединенных гекзаметрами собственного

²⁰¹ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 252—253.

²⁰² Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского ... С. 174.

²⁰³ Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / под ред. и с объясн. примеч. [вступ. ст.] Е. В. Петухова. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук, 1913. С. 55.

²⁰⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. М. : Воскресенье, 1996. Т. 13. С. 138.

²⁰⁵ Там же. С. 40.

²⁰⁶ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. С. 381.

сочинения Жуковского. Этот перевод, выполненный Жуковским с немецких переводов-посредников – Фосса и Штольберга, был впервые опубликован в журнале «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1829. С. 76—119). К этому времени был также закончен полный перевод «Илиады» Н. И. Гнедичем, поэтому публикация перевода Жуковского была встречена им с неудовольствием.

Ученый А. Н. Егунов так комментирует публикацию перевода Жуковского как нарушение этических норм: «... вдохновившись переводом Гнедича, выступил, не считаясь с литературной этикой, со своей “Малой Илиадой”, объем которой вполне соответствовал вкусу и уровню гостиных: светские люди, прочитавшие вместо колоссальной поэмы изящные 600 строк Жуковского. Могли думать, что они достаточно ознакомились с “Илиадой”»²⁰⁷. Все же перевод «Отрывков» не был продиктован желанием русского поэта нанести ущерб славе Н. И. Гнедича. Возможность подобной конкуренции Жуковский отвергал: «Сей перевод сделан по некоторым особенным причинам. Переводчик, не знающий по-гречески, старался только угадывать Гомера, имея перед глазами немецкие переводы Илиады – Фоссов и Штольбергов. Сей опыт его не может быть сравниваем и не может выдержать сравнения с переводом Н. И. Гнедича, который передает нам самого Гомера, вслушиваясь в природный язык его; здесь, так сказать, один отголосок отголоска. Стихи, напечатанные курсивом, принадлежат самому переводчику: они служат соединением отрывков, вполне переведенных из “Илиады” и заимствованных из VI, XVII, XVIII, XIX и XX песней»²⁰⁸.

Исследователь Г. А. Чупина в работе о Жуковском «Первый опыт перевода Гомера» впервые указывает на хронологическое соответствие перевода Жуковского с его педагогической деятельностью – воспитанием наследника престола. Письмо к А. И. Тургеневу от 2 сентября 1828 года служит подтверждением этой научной догадке: «Перевожу для детей своих отрывки из “Илиады”, и уже перевел довольно»²⁰⁹. Г. А. Чупина предполагает, что Жуковский задумывал этот перевод как «книгу образовательную для юношества», о которой он также мечтал позднее, в 1845 году²¹⁰. Перевод Жуковского был принят читателями и признан как достойный. Так, А. С. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому восторженно оценивает перевод «Отрывков из Илиады»: «Читал “Цветы”? Каково “Море” Жуковского и каков его Гомер <...>»²¹¹. Литературный критик, религиозный философ И. В. Киреевский высоко оценил «Отрывки» из Гомера в переводе Жуковского: «Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которое не находили в других переводах: что у многих напыщенно и низко, то здесь

²⁰⁷ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков ... С. 297.

²⁰⁸ Северные цветы на 1829 год. СПб. : В Тип. Департам. народн. просвещ., 1828. С. 76.

²⁰⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу ... С. 247.

²¹⁰ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 438.

²¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. Т. 11. С. 38.

просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово – от души – может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою»²¹². В. Г. Белинский отмечает художественное достоинство произведения Жуковского: «... Отрывки из “Энеиды” и “Илиады” принадлежат к числу замечательных переводов Жуковского. В отрывках из “Илиады” стих легче, чем стих Гнедича; но в последнем, по нашему мнению, более жизни, более греческого духа и колорита»²¹³.

Работа над «Малой Илиадой» и мечта о создании «образовательной книги для юношества» вдохновили Жуковского в более поздний период творчества (четвертый) вновь обратиться к переводу «античных» баллад Ф. Шиллера – «Торжество победителей» (1828, сюжет этой баллады продолжает события «Илиады» Гомера), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831), «Элевзинский праздник» (1833).

Деятельность Жуковского как переводчика Шиллера охватывает десятилетия интенсивного труда, начиная с 1806 года («Отрывок. Подражание») до 1833 года, когда был сделан последний перевод — баллада «Элевзинский праздник».

В статье 1843 года В. Г. Белинский в особую заслугу Жуковскому ставит именно переводы баллад Шиллера: «“Рыцарь Тогенбург”, “Ивиковы журавли”, “Кассандра”, “Граф Гапсбургский”, “Поликратов перстень”, “Кубок” и пьесы Шиллера же – “Горная дорога”: все это переведено превосходно, – отмечает литературный критик. – Но если что составляет истинный ореол Жуковского как переводчика, – это его перевод следующих трех пьес Шиллера: “Торжество победителей”, “Жалоба Цереры” и “Элевзинский праздник”. Если бы, кроме этих трех пьес, Жуковский ничего не перевел, ничего не написал, – и тогда бы имя его не было бы забыто в истории русской литературы»²¹⁴.

Шесть «античных» баллад из Шиллера, названные В. Г. Белинским («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Торжество победителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник»), а также оригинальная баллада «Ахилл» на сюжет из «Илиады» Гомера стали открытием Жуковского в русской литературе, так как гармонически объединяли в себе, казалось бы, «две полярные противоположности»²¹⁵ — классицизм и романтизм. «Жуковский проложил себе собственный путь, в котором не было ему предшественников» – писал В. Г. Белинский, признавая новаторство русского поэта, его художественные открытия²¹⁶. Сам Жуковский признавал переводы баллад своим вкладом в русскую литературу. Так, в «Конспекте по истории русской литературы» (1826—1827 гг.) Жуковский пишет о себе в

²¹² Киреевский И. В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979. С. 65.

²¹³ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 175.

²¹⁴ Там же. С. 164.

²¹⁵ Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе ... Т. 1. С. 291.

²¹⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 111.

третьем лице: «Мне затруднительно говорить об этом авторе, которого я знаю лично, не потому, чтобы он был в числе писателей, известных мне по прекрасным стихам, а потому, что я сам — этот автор. Однако необходимо произнести справедливую оценку. Я думаю, что он привнес кое-что в поэтический язык, выражая в своих стихотворениях некоторые понятия и чувства, которые были новыми. Его стихотворения являются верным изображением его личности, они вызвали интерес потому, что они были некоторым образом отзвуком его жизни и чувств, которые ее заполняли. Оказывая предпочтение поэзии немецкой, которая до него была менее известна его соотечественникам, он старался приобщить ее своими подражаниями к поэзии русской... Он, следовательно, ввел новое, он обогатил всю совокупность понятий и поэтических выражений, но не произвел значительного переворота»²¹⁷.

Удачная практика переводов отрывков из латинских поэм Вергилия и Овидия, а также из «Илиады» Гомера, переводы шиллеровских баллад на античные сюжеты и оригинальная «античная» баллада «Ахилл» (из семи «античных» – три на сюжет Троянского круга мифов) стали подготовлением Жуковского для осуществления масштабного творческого замысла – перевода-воссоздания «Одиссеи» Гомера (1842—1844; 1848—1849). Греческий текст «Одиссеи» Жуковский переводит по немецкому подстрочнику, выполненному профессором Грасгофом, «великим эллинистом»²¹⁸, знатоком греческого языка, (имея перед глазами и немецкий перевод Фосса). В 1842 году в письме к великому князю Александру Николаевичу Жуковский признается: «Я принялся за Гомерову «Одиссею», которую с помощью знающего весьма хорошо греческий язык профессора перевожу с оригинала»²¹⁹.

Об ответственном подходе к воссозданию Гомера в русском слове, о тщательном изучении интерпретации греческого текста в русских и иностранных переводах, о чтении трудов ученых-антиковедов, оставивших комментарии к гомеровским поэмам, свидетельствует богатая библиотека поэта, описанная учеными томской филологической школы. В. В. Лобанов указывает, что в библиотеке обретается «Гомер — в двадцати с лишком различных изданий, в том числе «Илиада» на греческом языке (Лейпциг, 1822—1823), «Одиссея» на греческом языке (Вена, 1827—1828 и Ганновер 1837—1842). Сочинения Гомера имеются во французских, английских, итальянских и нескольких немецких переводах и содержат многочисленные пометы Жуковского. Есть и русские издания «Одиссеи» в переводе Петра Соколова (СПб., 1815) и «Одиссеи» и «Илиады» в переводах Ивана Мартынова (СПб., 1823—1825 и 1826—1828). Изучению тех или иных сторон творчества Гомера посвящены книги Фелькера «Итака, или Опыт географически-антикварного описания острова Итака по Гомеру и новейшим

²¹⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 366.

²¹⁸ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 658.

²¹⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 2 т. СПб. : Изд. А. А. Каспари, 1902. Т. 2. С. 599.

путешественникам» (Лейпциг. 1829), Вильгельма Мюллера «О гомеровской географии и мировидении» (Ганновер, 1830), «Введение в изучение «Илиады» и «Одиссеи»» (Лейпциг, 1836) и др.»²²⁰.

Обращение В. А. Жуковского к античным образцам, и особенно к Гомеру, традиционно для русской культуры. Интерес к античной литературе был свойствен древнерусской книжности. А. Н. Егунов в монографии «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» пишет, что, «хотя Гомер был переведен на русский язык в XVIII веке», с гомеровскими героями и темами «были знакомы на Руси чуть ли не с первых времен книжной письменности»²²¹. С именем Гомера древнерусский читатель мог познакомиться по византийской житийной и патристической литературе, а также по сказаниям троянского цикла, которые «проникали на Русь через древнеболгарские переводы византийских хронистов»²²². По подсчетам А. И. Соболевского, 99 % памятников древнерусской литературы домонгольского периода представляют собой переводы²²³. Книжники Древней Руси ценили в переводных текстах назидательность и душеполезность. Исследователь истории развития русской литературы Д. М. Буланин в работе «Древняя Русь» пишет по этому вопросу: «Эстетическое наслаждение не имело для средневекового человека самостоятельной ценности и не оправдывало сочинения, перевода или переписки определенного текста. Из него стремились извлечь какую-то пользу, а, по средневековым понятиям, наиболее полезно человеку то, что способствует спасению его души»²²⁴.

В 1847 году в письме к антиковеду графу С. С. Уварову Жуковский развивает мысль о нравственном воздействии античной эпопеи на юных читателей: «По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду жизни, как “Одиссея”, возбуждающая все способности души прелестью разнообразною»²²⁵.

После завершения работы над «Одиссеей» Жуковский задумывает перевести «Илиаду», несмотря на уже существующий перевод Н. И. Гнедича. В письме к П. А. Плетневу Жуковский делится своими планами: «Приходило в голову, и не раз искушение приняться за “Илиаду”, дабы оставить по себе полного Гомера. Мысль была та, чтобы перевести все по теперешнему

²²⁰ Лобанов В. В. История и состав библиотеки В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 1. С. 8.

²²¹ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 10. См. по этому вопросу также: Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л. : Изд-во АН СССР, 1979. Т. 33. С. 3—31 ; Творогов О. В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания : средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков : [тексты и переводы] / подгот. текста и ст. О. В. Творогова ; коммент. М. Н. Ботвинника, О. В. Творогова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 148—160.

²²² Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 21.

²²³ Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век. СПб. : Kioln ; Biohlau, 1995. Т. 1. С. 23.

²²⁴ Там же. С. 17.

²²⁵ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 661.

методу подстрочного немецкого перевода и потом взять бы из перевода Гнедича все стихи, им лучше меня переведенные (в чем, разумеется, признаться публике). Таким образом, два труда слились бы в один...»²²⁶. Этот труд Жуковского не был завершен, сохранилось лишь начало смелого замысла – перевод всей первой песни «Илиады» и отрывка из второй (1849—1850).

Материалы архива поэта позволили ученым установить, что одновременно с работой над «Одиссеей» у Жуковского возникает замысел «оригинального эпического произведения» – «Повести о войне Троянской»²²⁷. Сохранившиеся развернутые планы поэта дают представление о масштабе задуманного произведения, которое бы, объединив действия эпических поэм и сюжеты древнегреческих трагедий, «стало своеобразной поэтической энциклопедией Троянской войны», «ввело читателя в мир греческой мифологии»²²⁸. По своим особенностям «Повесть о войне Троянской», как и сокращенная «Одиссея», напоминали бы сочинения киклических поэтов древнейших времен, которые объединяли мифы эпического цикла (ὁ κύκλος – цикл, круг) и составляли собственные поэмы, по образцу гомеровских. Показательно также, что соотносится с планами Жуковского, – поэмы киклических авторов использовались в древней Греции для педагогических целей, в школьном обучении.

Таким образом, в результате изучения биографического материала, эпистолярного, эстетического наследия Жуковского, можно установить, что традиции греко-римской античной культуры составляют важную часть в образовании и литературной деятельности поэта и переводчика, литературного критика эпохи романтизма.

1.2 Взгляды В. А. Жуковского на перевод

В историю русской литературы Жуковский вошел как поэт-переводчик. В его творческом наследии переводы занимают значительное место не только по количеству, но и по художественной и исторической ценности. Переводческий талант Жуковского позволил ему познакомить русских читателей с сокровищницей мировой литературы. Жуковский стремился сделать достоянием русской словесности лучшие образцы всех жанров мировой поэзии:

²²⁶ Цит. по: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 423.

²²⁷ См.: Янушкевич А. С. Замысел «Повести о войне Троянской» / А. С. Янушкевич, О. Б. Лебедева // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 3. С. 532—546.

²²⁸ Там же. С. 534.

эпической поэмы, драмы, лирики. «Одиссея» Гомера явилась самым масштабным трудом Жуковского-переводчика. Переводы фрагментов латинского и древнегреческого эпоса – «Метаморфоз» Овидия, «Энеиды» Вергилия, «Илиады» Гомера – «воссоздание» античных подлинников в русской литературе. Переложения древнеиндийского героического эпоса «Махабхарата», иранского эпоса «Шах-Наме», немецких рейнских сказаний, старинных испанских народных песен – романсов о Сиде (по переложению И.-Г. Гердера) привнесли в поэзию свежий материал и расширили поэтические горизонты русской словесности. Сказки в народном стиле – переложения немецких народных сказок из сборника братьев Гримм, волшебных сказок Шарля Перро, древнегреческой поэмы «Война мышей и лягушек» (V в. до н. э.), русских народных сказок – были художественным откликом поэта на возрастающий в европейской и русской поэзии интерес к народной старине. В драматическом жанре перевод «Орлеанской девы» Ф. Шиллера – вклад Жуковского в русскую литературу и театральное искусство. Даже в лирике, субъективном роде поэзии, Жуковский опирался на богатые иноязычные источники. Также в любимом жанре поэта, балладе, важным оказалось освоение европейской традиции, из 39 только 5 баллад являются оригинальными.

Уникальность своего поэтического таланта – способность воссоздать иноязычный текст, сделать достоянием русской литературы лучшие образцы мировой поэзии – сознавал сам поэт-переводчик. В 1847 году, в пору усердной работы над «Одиссеей», Жуковский пишет Н. В. Гоголю: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужого – и все, однако, мое»²²⁹.

Н. А. Полевой один из первых дал характеристику Жуковского-переводчика в цикле работ по истории русской словесности. В статье «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1832) Н. А. Полевой писал: «Хочет ли он (Жуковский. – Е. К.) передать нам чужое, оно превращается в его собственное. Собственные создания Жуковского, напротив, до такой степени космополитны, так сказать, в мире литературном, что едва отличите их от переводов сего поэта»²³⁰. «Все говорят, – продолжает критик, – что переводы Жуковского верны и прекрасны. Мы согласны в этом, но не ищите в них различия красок, разнообразия тонов — *они верны сущностью, но не выражением*»²³¹. Эту характеристику Н. Полевой повторил в статье «Очерки русской литературы». С «Очерками...» Н. Полевого полемизировал В. Г. Белинский. В рецензии на «Очерки русской литературы. Сочинение Н. Полевого» (1839) В. Г. Белинский

²²⁹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 544.

²³⁰ Полевой Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского // Полевой Н. А. Литературная критика : статьи и рецензии, 1825—1842. / Н. А. Полевой, Кс. А. Полевой. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 211.

²³¹ Там же. С. 219.

укоряет критика в том, что он «не отдает должной справедливости Жуковскому»²³². И далее: «Г-н Полевой ставит Жуковскому в вину, что в его переводах из Шиллера, из Байрона и Гете один и тот же колорит: мы видим в этом только, что Жуковский везде был верен самому себе, своей великой идее, своему великому призванию, и ставим ему это в великую заслугу. От всех поэтов он *отвлекал* свое или на их темы разыгрывал собственные мелодии, брал у них содержание и, переводя его через свой дух, претворял в свою собственность»²³³.

В. Г. Белинский отмечает переводческий талант Жуковского: «Жуковский поэт, а не переводчик: он воссоздает, а не переводит, он берет у немцев и англичан только свое, оставляя в подлинниках неприкосновенным их собственное, и потому его так называемые переводы очень несовершенны, как переводы, но превосходны, как его собственные создания»²³⁴.

В статье «Сочинения Александра Пушкина» (Статья вторая, 1843 год) В. Г. Белинский дает более полную оценку переводов Жуковского. Приведем некоторые цитаты из этой статьи: «Хотя Жуковский всегда действовал как необыкновенно даровитый переводчик, но на него не должно смотреть только как на превосходного переводчика. Он переводил особенно хорошо только то, что гармонировало с внутреннею настроенностию его духа, и в этом отношении брал *свое* везде, где только находил его – у Шиллера по преимуществу, но вместе с тем и у Гёте, у Маттисона, Уланда, Гебеля, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Грея и других немецких и английских поэтов. Многое он даже не столько переводил, сколько переделывал, иное заимствовал местами и вставлял в свои оригинальные пьесы. Одним словом, Жуковский был переводчиком на русский язык не Шиллера или других каких-нибудь поэтов Германии и Англии: нет, Жуковский был переводчиком на русский язык романтизма средних веков, воскрешенного в начале XIX века немецкими и английскими поэтами, преимущественно же Шиллером. Вот значение Жуковского и его заслуга в русской литературе»²³⁵.

«Жуковский – необыкновенный переводчик и потому именно способен верно и глубоко воспроизводить только таких поэтов и такие произведения, с которыми натура его связана родственною симпатиею»²³⁶.

К 1846 году относятся работы Н. В. Гоголя («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», «Об Одиссее, переводимой Жуковским (Письмо Н. М. Языкову)», включенные в сборник «Выбранные места из переписки с друзьями», СПб., 1847), в которых он сформулировал понимание переводческого дарования Жуковского.

²³² Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 2. С. 246.

²³³ Там же. С. 251.

²³⁴ Там же. С. 251.

²³⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 135.

²³⁶ Там же. С. 170.

Н. В. Гоголь пишет о Жуковском как об оригинальном поэте, который открыл русской поэзии новый, «необыкновенный», таинственный мир ранее недоступных произведений европейских поэтов, в первую очередь немецких. Однако этот мир Жуковский показал «сквозь ясное стекло своей собственной природы»: «Не знаешь, как назвать его, – переводчиком или оригинальным поэтом, – замечает Н. В. Гоголь. – Переводчик теряет собственную личность, но Жуковский показал ее больше всех наших поэтов. Пробежав оглавление стихотворений его, видишь: одно взято из Шиллера, другое из Уланда, третье у Вальтер Скотта, четвертое у Байрона, и всё – вернейший сколок, слово в слово, личность каждого поэта удержана, негде было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь несколько стихотворений вдруг и спросишь себя: чьи стихотворения читал? – не предстанет перед глаза твои ни Шиллер, ни Уланд, ни Вальтер Скотт, но поэт, от них всех отдельный, достойный поместиться не у ног их, но сесть с ними рядом, как равный с равным. Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность – это загадка, но она так и видится всем. Нет русского, который бы не составил себе из самих же произведений Жуковского верного портрета самой души его»²³⁷.

Приведем еще одну цитату из этой статьи Гоголя: «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направленья... стих его стал крепче и тверже; все приуготовлялось в нем на то, дабы обратить его к передаче совершеннейшего поэтического произведения...»²³⁸. Гоголь говорит здесь о переводе Жуковским Гомеровой «Одиссеи», которая в 1846 году была готова уже наполовину. Этому переводу Гоголь посвятил специальную статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским (Письмо Н. М. Языкову)». «Вся литературная жизнь Жуковского была как бы приготовлением к этому делу. Нужно было его стиху выработаться на сочинениях и переводах с поэтов всех наций и языков, чтобы сделаться потом способным передать вечный стих Гомера, – уху его наслушаться всех лир, дабы сделаться до того чутким, чтобы и оттенок эллинского звука не пропал; нужно было мало того, что влюбиться ему самому в Гомера, но получить еще страстное желание заставить всех соотечественников своих влюбиться в Гомера, на эстетическую пользу души каждого из них; нужно было совершиться внутри самого переводчика многим таким событиям, которые привели в бóльшую стройность и спокойствие его собственную душу, необходимые для передачи произведения, замышленного в такой стройности и спокойствии; нужно было, наконец, сделаться глубже христианином, дабы приобрести тот прозирающий, углубленный взгляд на жизнь, которого никто не может иметь, кроме христианина, уже постигнувшего значение жизни. Вот скольким условиям нужно было

²³⁷ Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. М. : Терра – Книжный клуб, 2001. С. 213.

²³⁸ Там же. С. 215.

выполнится, чтобы перевод “Одиссеи” вышел не рабская передача, но прослышалось бы в нем *слово живó*, и вся Россия приняла бы Гомера, как родного!»²³⁹

Н. В. Гоголь высоко оценивает перевод «Одиссеи» как «воссоздание, восстановление, воскресение Гомера». Появление величественной поэмы древности на языке, «полнейшем и богатейшем всех европейских языков», должно произвести значительное влияние на общество в целом и на каждого человека в отдельности. В переводе «Одиссеи» Н. В. Гоголь услышал «слово живо» и потому предрекает, что «Одиссея» в русском слове своей «бесхитростной простотой» и «уравновешенным спокойствием» окажет благотворное влияние на мысли и речь новых русских писателей, «подействует на вкус и эстетическое чувство» читателей и критиков, обратит взгляд ученых на познание древнего мира, обновит, оживит и одухотворит общество в целом.

Статья Н. В. Гоголя «Об Одиссее» вызвала многие толки в литературных кругах. В 1846 году барон Е. Ф. Розен опубликовал рецензию с ироническим названием «Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее» в газете «Северная пчела» (№ 181. С. 772—773). Барон Е. Ф. Розен восстал на писателя, высмеяв его взгляды и надежды на успех русской «Одиссеи». Критику продолжил В. Г. Белинский в 1847 году в рецензии на книгу Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: «... что если, сверх чаяния, мистические предречения г. Гоголя о влиянии “Одиссеи” на судьбу русского народа вовсе не сбудутся и перевод этот, подобно переводу Гнедича “Илиады”, будет существовать только слишком для немногих?.. Ведь тогда кто ж не скажет: Наделала синица славы, А моря не зажгла!..»²⁴⁰

Однако Н. В. Гоголь верно судил об «Одиссее» Гомера как о произведении, содержание которого охватывает «весь древний мир», произведении, служившим *неиссякаемым* источником для поэтов древнего и нового времени. Н. В. Гоголь был справедлив, когда указывал на незаслуженное забвение «Одиссеи» в Европе и на эстетическое и нравственное влияние, которое может она оказать на русского читателя. Н. В. Гоголь также был истинен в суждениях о достоинстве перевода Жуковского.

Взгляды на художественный перевод Жуковский теоретически обосновал в ряде критических работ 1809—1810 годов.

В статье «О басне и баснях Крылова» (Вестник Европы, 1809, ч. 45, № 9, с. 35—67) Жуковский впервые излагает принципы художественного перевода, ориентированные на изобретательность («*по частям*»), воображение и искусство слога поэта-переводчика, делающие его автором оригинальным: «Не опасаясь никакого возражения, мы позволяем себе утверждать решительно, что подражатель-стихотворец может быть автором *оригинальным*, хотя

²³⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. С. 66—67.

²⁴⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. С. 233.

бы он не написал и ничего собственного. Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* – соперник»²⁴¹. К написанию этой статьи Жуковский был подготовлен изучением «Элементов литературы» – теоретического сочинения французского просветителя Ж.-Ф. Мармонтеля²⁴². Размышления Мармонтеля о переводе в статье «Traduction» оказались близки Жуковскому, в частности суждения классицистического теоретика о необходимости равного поэтического дарования оригинального автора и поэта-переводчика, что позволяет оценивать талантливый перевод наравне с подлинником²⁴³.

В статье «Радамист и Зенобия» (Вестник Европы, 1810, т. 54, № 22, с. 102—120) Жуковский на примере перевода трагедии Кребильона С. И. Висковатовым вновь говорит о необходимости для переводчика поэтического дарования: «Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить к основательному понятию о рифмах богатых и бедных, о цезуре, о грамматике, о том языке, с которого переводишь, и дарование стихотворное – и чем оно ближе к дарованию образца, тем лучше для подражателя; но я позволяю себе думать, что оно непременно должно быть с ним одинаково. “А что называете вы дарованием стихотворным?” Способность воображать и чувствовать сильно, соединенную с способностью находить в языке своем такие выражения, которые соответствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь!»²⁴⁴. В этой статье Жуковский не раз подчеркивает мысль о том, что «переводчик стихотворца есть в некотором смысле сам творец оригинальный»²⁴⁵, «переводчик остается творцом *выражения*, ибо для выражения имеет он уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам, без всякого руководства и без всякого пособия постороннего»²⁴⁶.

Работа Жуковского «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (Вестник Европы, 1810, ч. 49, № 3, с. 190—198) с указанием «С французского» имеет своим источником предисловие французского поэта-переводчика, представителя классицистической эстетики Жака Делиля к его переводу «Георгик» Вергилия на французский язык. В библиотеке Жуковского в Томске сохранилось издание римского поэта с предисловием Ж. Делиля и

²⁴¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 208.

²⁴² См.: Н. Е. Разумова. В. А. Жуковский — читатель «Элементов литературы» Мармонтеля // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 2. С. 35—74.

²⁴³ Приведем отрывок из статьи Мармонтеля о поэтическом таланте переводчика, равном таланту оригинального автора: «<...> успех перевода зависит от близости двух языков, а еще больше – гениев автора и переводчика. <...> знать два языка достаточно хорошо, значит уметь улавливать все связи, чувствовать все тонкости, оценивать все варианты; и даже этого недостаточно: надо приобрести навык легко подчинять своей воле язык, на котором пишешь; надо иметь пронизательность, силу, жар познания, почти равные гению, которым проникаются, чтобы делать одно с ним дело, так что дар творения был бы единственным преимуществом, которое его отличает <...> Если переводчик имеет тот же набор оттенков, что и оригинальный автор, он создаст точную копию, в которой увидят не что иное, как первый огонь гения <...> Чтобы с жаром подражать движениям красноречия, надо быть сопричастным таланту автора; так же, и в еще большей степени, для подражания краскам поэзии надо быть сопричастным таланту поэта» (Перевод Н. Е. Разумовой. Цит. по: Разумова Н. Е. В. А. Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля ... С. 67).

²⁴⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 285.

²⁴⁵ Там же. С. 286.

²⁴⁶ Там же. С. 286.

пометами Жуковского²⁴⁷. В этой статье Жуковский вслед за классицистическим теоретиком декларирует важность художественных переводов для развития и обогащения родного языка: «Переводы обогащают язык»; «... переводы, знакомя нас с понятиями других народов, знакомят в то же время и с теми знаками, которыми выражают они свои понятия; нечувствительно посредством их переходит в язык множество оборотов, образов, выражений...»; «... переводчик, можно сказать, ведет искусный торг, посредством которого доставляет своему языку сокровища иностранного; словом, переводы для языка то же, что путешествия для образованного ума»²⁴⁸.

Жуковский признавал взгляды на художественный перевод, высказанные Ж. Делилем о том, что поэтический перевод несовместим с буквализмом: «... излишнюю верность почитаю излишнею неверностью»²⁴⁹; «...никогда не должно сравнивать стихов переводчика с стихами, соответствующими им в подлиннике: о достоинстве перевода надлежит судить по главному действию целого»²⁵⁰. Перевод статьи французского поэта-классициста Жуковский дополняет примером английского автора эпохи предромантизма – Дж. Томсона²⁵¹.

Таким образом, Жуковский не видел противоречия между двумя литературными направлениями – классицизмом и романтизмом – в этом вопросе, признающими ценности художественного перевода, точного не в букве, а в духе. В эпоху классицизма, как и в эпоху романтизма писатели брались не просто формально переводить иноязычный подлинник, но старались приблизить его к русскому читателю, сделать его достоянием русской словесности, допуская при необходимости переделку *чужого* текста, лексические, синтаксические и стилистические замены. Таким образом, перевод воспринимался как *воссоздание* духа и формы подлинника, что давало возможность переводчику проявить свое творческое дарование, создать более совершенное произведение и выступить соперником оригинального автора.

В русской словесности традиция буквального перевода восходит к переводам религиозных текстов, выполненных монахами-книжниками с древнегреческого языка²⁵². Традиция художественного перевода, перевода-искусства, связана с появлением переводов светских произведений²⁵³.

²⁴⁷ Les Géorgiques de Virgile, traduites en vers française. Par M. l'Abbé De Lille. Discours préliminaire. Paris, 1784. P. 57—64.

²⁴⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 311, 312.

²⁴⁹ Там же. С. 313.

²⁵⁰ Там же. С. 314.

²⁵¹ Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского ... С. 66.

²⁵² См.: Шаталов Д. Г. По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2010. № 4. С. 38—47 ; Шаталов Д. Г. Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. Метафоры идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2011. № 1. С. 67—84.

²⁵³ Об истории перевода см.: Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, мест в науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2011. № 2. С. 3—22 ; Гарбовский Н. К.,

Позже, в переводах эпических памятников («Слово о Полку Игореве» в 1817—1819 годы, «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, «Отрывки из “Илиады”» в 1828 году, «Одиссея» в 1842—1849 годы и др.), Жуковский по возможности соблюдает также буквальную точность.

Баллады на античные сюжеты, хронологически и тематически близкие к переводам Жуковского из античного эпоса, также обнаруживают искусство поэта передать оригинальные тексты языком «гармонической точности».

А. С. Пушкин в статье «О Мильтоне и о Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» (1836) творчески характеризует свое понимание проблемы перевода и говорит о двух традициях перевода: о подстрочном переводе – «слово в слово» и об «исправительном переводе»²⁵⁴. Не отдавая предпочтения тому или другому виду перевода в отдельности, А. С. Пушкин говорит о необходимости диалектического единства буквальной точности и верности духу подлинника.

Пушкину, по наблюдению исследователя, «было мало только переводить, его гений требовал большего, он хотел открыть читателю то, что скрыто в чужом замысле»²⁵⁵. Пушкинское понимание художественного перевода было близко Жуковскому.

С. С. Аверинцев отмечал, что «... переводы Жуковского суть, как правило, именно переводы, и притом первые в истории русской литературы: не “переложения”, не “подражания”, связанные с подлинником только топикой и больше ничем, а попытка схватить и передать в русском стихе специфическую атмосферу иноязычного творения... Точности на разных уровнях, и смысловой, и художественной, но и самой простой, дословной, “буквалистской”, у Жуковского подчас поразительно много»²⁵⁶.

Однако литературная критика на протяжении XIX и в первую половину XX веков продолжала искать и осуждать отступления от подлинника в сочинениях Жуковского²⁵⁷.

Переворот в оценке переводов Жуковского произошел в последние десятилетия XX века. Г. М. Фридлендер в статье «Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского» (1987)

Костикова О. И. Исповедь великого переводчика или Первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2009. № 3. С. 2—36 ; Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Флинта ; МПСИ, 2008. 416 с.

²⁵⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. Т. 12. С. 137—146.

²⁵⁵ Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы : тезаурусный анализ. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2008. С. 120.

²⁵⁶ Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Поэты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 142—143.

²⁵⁷ См., например: Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 43 с.; Толстой И. И. Одиссея в переводе Жуковского // Гомер. Одиссея. М. ; Л. : Academia, 1935. С. 36—44; Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков / 2-е изд. М. : Индрик, 2001. 400 с.; Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистический очерк). М. : Высшая школа, 1968. С. 57—67; Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л. : Наука, 1973. С. 55—114; Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л. : Наука, 1985. С. 8—25; Ярхо В. Н. Жуковский — переводчик «Одиссеи» // Гомер. Одиссея. М. : Наука, 2000. С. 330—346.

пишет о верности Жуковского классическим традициям перевода: «И все же в силу своеобразного парадокса переводы Жуковского – несмотря на все обнаруженные в них прижизненной и последующей филологической критикой «неточности» и отступления от оригинала — остаются и сегодня классическими»²⁵⁸. «<...> переводы Жуковского не могут изучаться лишь как характерный образец следования принципам «субъективно-романтической» теории перевода. Они должны рассматриваться скорее как одно их высших, классических достижений подлинно поэтического русского переводоведческого искусства, поучительного также и для настоящего»²⁵⁹.

Во второй половине XX века в переводческой деятельности произошли значительные изменения, связанные с увеличением «международных контактов в политической, коммерческой, научно-технической и других областях, без которых немислимо существование современного человека».²⁶⁰ Наряду с большими тиражами художественных переводов литературных текстов значительно возросло количество нехудожественных, то есть информативных переводов, в различных сферах человеческой деятельности. Появилось много профессиональных переводчиков, окончивших специальные переводческие факультеты и отделения в высших учебных заведениях. Возрастание требований к точности передачи иноязычного текста привело к пониманию недостижимости «абсолютной тождественности перевода оригиналу»²⁶¹. Теоретик перевода В. Н. Комиссаров так поясняет причины этой переводческой проблемы: «Дело не только в неизбежных потерях, связанных с трудностями передачи особенностей поэтической формы, культурных или исторических ассоциаций, специфических реалий и других тонкостей художественного изложения, но и в несовпадении отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний»²⁶². Для характеристики перевода выдвигаются новые более мягкие условные понятия – «адекватность» и «эквивалентность»²⁶³. Исследователь в области современной теории перевода

²⁵⁸ Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. С. 25.

²⁵⁹ Там же. С. 27.

²⁶⁰ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. М. : ЭТС, 2000. С. 112.

²⁶¹ Там же. С. 117.

²⁶² Комиссаров В. Н. Современное переводоведение ... С. 117.

²⁶³ По определению В. Н. Комиссарова, «адекватность» перевода (от лат. *adaequo* *сравнивать, уравнивать, приравнивать, aequus равный*) – «соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации», «эквивалентность» перевода (от лат. *aequus равный valeo иметь силу, иметь значение, значить*) – «относительная общность перевода при отсутствии их тождества» (Там же. С. 113). Н. К. Гарбовский определяет термин «адекватность» как «соразмерное», «соответствующее», «правильное» воспроизведение иноязычного подлинника «в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности» (Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 286). Ученый говорит об относительности понятия «эквивалентность» («равноценность», «равнозначность») в теории перевода: «В самом деле, эквивалентность предполагает взаимозаменяемость сравниваемых объектов, но взаимозаменяемость не абсолютную, а возможную только в каком-либо отношении» (Там же. С. 265). См. также по этому вопросу: Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод : теория, практика и методика преподавания : учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2005. 192 с.; Семенов А. Л. Основы общей теории

Н. К. Гарбовский признает, что «сохранение формы оригинала в переводе невозможно, но в результате художественного творчества переводчика рождаются новые формы, отличные от оригинальных, и в художественности этих отличных форм смысл искусства перевода»²⁶⁴.

Так теория и практика перевода приходит к оправданию «неточностей» художественного перевода Жуковского, принятию его творческих интерпретаций произведений мировой литературы и признанию Жуковского «одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности»²⁶⁵.

Взгляды на художественный перевод переводчика XX века Н. М. Любимова во многом сходны со взглядами В. А. Жуковского. Н. М. Любимов в работе с показательным названием «Перевод – искусство» говорит о том, что художественный перевод не имеет ничего общего «с буквалистическим ремеслом», что «переводчик должен быть наделен писательским даром», что «у писателей-переводчиков гораздо больше черт сходства с писателями оригинальными, нежели черт различия»²⁶⁶.

Таким образом, можно сказать, что переводоведение вновь возвращается к идеям, высказанным по поводу художественного перевода Жуковским и Пушкиным, идеям, которые имел в виду современный исследователь Т. М. Топер, когда писал о следующих принципах художественного перевода: «идти навстречу иноязычному произведению, перенести его на свою почву или, наконец, «усвоить» его»²⁶⁷.

Об «усвоении» иноязычных текстов в творчестве Жуковского свидетельствует тот факт, что его переводы стали «неотъемлемой частью отечественной классической литературы»²⁶⁸.

перевода и переводческой деятельности : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / А. Л. Семенов. М. : Академия, 2008. 160 с.

²⁶⁴ Гарбовский Н. К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2010. № 3. С. 16. См. также: Гарбовский Н. К. Новый перевод : свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2011. № 1. С. 3—16. Исследователь Н. А. Исаева в работе «Современные подходы к изучению переводческого наследия В. А. Жуковского : анализ баллады “Уллин и его дочь”» изучает переводческую стратегию Жуковского, «копираясь на дескриптивный подход в переводоведении и его ключевую категорию “переводческой нормы”» (Вестник МГОУ. Сер. : Русская филология. 2011. № 2. С. 131).

²⁶⁵ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение ... С. 100.

²⁶⁶ Любимов Н. М. Перевод – искусство. 2-е изд., доп. М. : Сов. Россия, 1982. С. 7. См. также: Чуковский К. И. Высокое искусство : принципы художественного перевода. СПб. : Авалонь ; Азбука-классика, 2008. 488 с.

²⁶⁷ Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М. : Наследие, 2000. С. 74. См. также: Гуртева Т. Б. Художественный перевод как составляющая культурного диалога // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. 2009. № 1. С. 10—15.

²⁶⁸ Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы ... С. 93.

1.3 Первоначальные переводы В. А. Жуковского античных образов

Уже в начале своего творческого пути Жуковский обращается к источнику европейской литературы — античной греко-римской словесности. В ранние периоды творчества (с 1797 по 1814 годы) на пути к романтизму Жуковский в своей лирике воссоздает традиции античной поэзии в жанрах оды, элегии, послания, басни, эпиграммы, ориентируется на сюжеты, образы и темы произведений древних классиков, в частности Сапфо и Горация.

Жуковский не был одинок в своем призвании. Русская литература конца XVIII—первой трети XIX века, по верному замечанию исследователя Т. Г. Мальчуковой, «продолжала говорить на языке классической поэзии, используя греческие мифы и римские легенды, мифологические и исторические образы, топосы, мотивы, сюжеты и формы»²⁶⁹. Русская литература этого времени воспринимала античное наследие, с одной стороны, посредством собственной культурной традиции²⁷⁰, с другой стороны, через посредство французского классицизма, претворение и переводы античных подлинников в европейской словесности, и, постепенно освобождаясь от влияния французского вкуса, в поисках обновления и преображения художественного слова, ориентировалась непосредственно на античные образцы. Новое художественное возрождение античности, «ориентация на традиции античной поэзии, на самый дух античной культуры»²⁷¹ в литературоведении принято называть неоклассицизмом²⁷².

Русский неоклассицизм первой трети XIX века был близок соответствующим периодам развития европейских литератур: Веймарскому классицизму И. В. Гете и Ф. Шиллера,

²⁶⁹ Мальчукова Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы) ... С. 15.

²⁷⁰ См.: Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1900. IV, 229 с.; Соболевский А. И. Переводная литературы Московской Руси XIV—XVII веков. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1903. VIII, 460 с.; Радциг С. И. Античное влияние в древнерусской культуре // Вопросы классической филологии. М., 1971. Вып. 3—4. С. 3—65; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. : греческие рукописи в России / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 1977. 247 с.; Лазарев В. В. Византийское и древнерусское искусство : статьи и материалы. М. : Наука, 1978. 335 с.; Славятинская М. Н. Греко-славянские культурно-политические и языковые отношения // Славятинская М. Н. Учебное пособие по древнегреческому языку. М., 1988. С. 121—239.

²⁷¹ Кибальник С. А. Античная поэзия в России ... С. 182.

²⁷² См.: Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1902. Т. 1. 1800—1850. С. 232—238; Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе : в 2 т. 2-е изд. испр. и доп. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1913. Т. 1. 389 с.; Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. 120 с.; Кибальник С. А. Неоклассицизм в русской лирике конца XVIII — начала XIX века // На путях к романтизму : сб. науч. тр. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. С. 139—157. Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XIX века. М. : Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2007. 221 с.; Мальчукова Т. Г. О своеобразии и формах рецепции античной словесности в русской литературе // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3—30; Мальчукова Т. Г. Классицизм и неоклассицизм в истории русской литературы (к постановке проблемы и определению путей и методов изучения) // Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 3—152.

неоклассицизму во Франции (например, античные фрагменты А. Шенье, элегии Э. Парни), а также в Англии (например, античные реминисценции у английских поэтов Дж. Г. Байрона П. Б. Шелли, и писателей В. Скотта, О. де Бальзака).

Неоклассицистическое направление русской словесности характеризуют разнообразные реминисценции античного наследия в образах, темах, сюжетах, жанровых формах, а также переводы греческих и латинских текстов и подражания античным авторам²⁷³, в частности Сапфо²⁷⁴, Анакреону²⁷⁵ и Горацию²⁷⁶. Так и Жуковский в ранний период своего творчества обращается к переводам оды Сапфо и оды Горация.

1.3.1 Стихотворение «Сафина ода» (1806)

Творчество греческой поэтессы Сапфо (Сафо, Σαπφώ; в эолийском диалекте – Ψαλφώ) относится к первой половине VI века до н. э. Стихотворения Сапфо высоко ценились как в античном мире, так и потом, в течение многих и многих столетий. Еще в эпоху Римской империи произведения Сапфо были широко известны благодаря многочисленным спискам и цитатам греческих и римских писателей²⁷⁷. Большую славу с античных времен вплоть до нового

²⁷³ С. А. Кибальник справедливо указывает: «Освоение античной, главным образом древнегреческой поэзии – Гомера, Феокрита, Антологии – вело к проникновению в русскую литературу элементов историзма. С течением времени в результате этого явились на свет «русская Илиада» Н. И. Гнедича, идиллия в духе древних и антологическая поэзия. Исконно античные поэтические жанры постепенно освобождались от изменений, которые они претерпели под воздействием европейского классицизма, и возвращались к своим первоначальным формам. Помимо эпопеи, идиллии, антологической эпиграммы этот процесс достаточно ярко проявился также в жанре гимна, дифирамба, отчасти элегии, оды и стихотворной трагедии. Античные образы, темы органично входят в оригинальные произведения русских поэтов. В то же время поэзия лирическая успешно решает задачу воссоздания – в тех формах, которые доступны лирике, античного мира как такового» (Кибальник С. А. Античная поэзия в России ... С. 182—183). См. также : Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800—1810 годов // Проблемы историзма в русской литературе : конец XVIII — начало XIX в. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. С. 192—204.

²⁷⁴ См.: Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 41—258. Литинская Е. П. Вторая ода Сафо в художественной интерпретации В. А. Жуковского // Россия и Греция : диалоги культур : материалы I Международной конференции. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. Ч. 1. С. 100—106.

²⁷⁵ См.: Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. Сб. 8. С. 162—178; Зорин А. Л. «Вслед шествуя Анакреону» // Цветник. Русская легкая поэзия XVIII — нач. XIX века. М. : Книга, 1987. С. 5—53.

²⁷⁶ См.: Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина // Учен. зап. Томск. ун-та. 1955. № 24. С. 71—86; Мальчукова Т. Г. Кислова М. М. Гораций в избранных текстах и переводах. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. 124 с.

²⁷⁷ См.: Ярхо В. Н. Поэзия культового содружества : Сапфо и Алкей // Ранняя греческая лирика : миф, культ, мировоззрение, стиль / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Центр изучения античности ; отв. ред. И. В. Шталь. СПб. : Алетейя, 1999. С. 130—191.

времени получила вторая ода Саффо (Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν ἔμμεν' ὤνηρ)²⁷⁸. Этому стихотворению подражал древнегреческий поэт Феокрит (III век до н. э.)²⁷⁹, его перевел римский поэт Катулл (I век до н. э.) на латинский язык²⁸⁰, хвалил и признавал как непревзойденный образец в своем роде греческий писатель, неизвестный автор эстетического трактата «О возвышенном» (I век н. э.), (прежде авторство этого трактата приписывалось ритору III века Лонгину)²⁸¹. В этом трактате текст второй оды Саффо представлен наиболее полно:

Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν
 ἔμμεν' ὤνηρ, ὅττις ἐνάντιός τοι
 ἰσδάνει καὶ πλάσιον ἄδυ φωνεῖ-
 σας ὑπακούει
 καὶ γελαίς<ας> ἰμέροεν, τό μοι μάν
 καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόαισεν.
 ὡς σε γὰρ ἴδω βρόχε', ὡς με φώνας
 οὔδεν ἔτ' ἴκει,
 ἀλλὰ καὶ μὲν γλῶσσα ἔαγε λέπτον
 δ' αὐτίκα χρῶ πῦρ ὑπαδεδρομαικεν,
 ὀππάτεσσι δ' οὔδεν ὄρημμ', ἐπιρρόμ-
 βεισι δ' ἄκουαι,
 ἀ δέ μ' ἴδρωσ' ἀκχέεται, τρόμος δέ
 παῖσαν ἄγρει, χλωροτέρα δὲ ποίας
 ἔμμι, τεθνάκην δ' ὀλίγω ἴπιδεύης

²⁷⁸ Е. В. Свиясов отмечает: «Формально отсчет времени возможного знакомства с поэзией Сафо на Западе следует отнести к 1546 г., когда ученый-гуманист Р. Этьен (Estienne, 1503—1559) издал “Римские древности” греческого ритора и историка Дионисия Галикарнасского, где цитировал условно названный “Гимн Афродите” как пример стилистической и евфонической гармонии. Эта же ода и еще один фрагмент были опубликованы его сыном Анри в издании песен Анакреона – также на греческом языке (Anacreontis Teji odae. P., 1554). <...> Непосредственно с фрагментом (одой) 2 французский читатель мог познакомиться в переводе поэта “Плеяды” Р. Белло (Belleau, 1528—1577), опубликованном в издании Анакреона (Les Odes d’Anacreon Teien du grec. P., 1556)» (Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков ... С. 27).

²⁷⁹ Theoc. Φαρμακεύτρια (Idyll. II), ст. 105—109.

²⁸⁰ Carm. 51. М. фон Альбрехт указывает на первое издание стихотворений Катулла в Европе, по которому европейские читатели познакомились с его переводом второй оды Саффо: Catulli, Tibulli et Propertii carmina cum Statii Sylvis, Venetiis 1472 (Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. Т. 1. С. 401). Немецкий ученый среди многих подражаний и переводов лирики Катулла в европейской поэзии указывает на малоизвестный в литературоведении перевод carm. 51 Дж. Г. Байрона (Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы ... С. 399).

²⁸¹ О возвышенном, гл. X (VIII).

φαίνομ' <Ἄγαλλι>.

ἀλλὰ πᾶν τόλματον, ἐπεὶ κεν ἦι τά²⁸².

Приведем подстрочный перевод, выполненный филологом-классиком, литературоведом и историком античной литературы М. Л. Гаспаровым:

1. Видится мне равен богам
2. Тот мужчина, который напротив тебя
3. Сидит и изблужи сладкий
4. Слышит голос
5. И желанный смех, а от этого мое
6. Сердце в груди замирает:
7. Довольно мне быстрого на тебя взгляда, и уже
8. Говорить я не в силах,
9. Но ломается мой язык, тонкий
10. Тотчас пробегает под кожей огонь,
11. Глаза ничего не видят, шумом
12. Оглушен слух,
13. Обливаюсь я потом, дрожь
14. Всю меня охватывает, зеленее травы
15. Становлюсь, и чтоб умереть, немного,
16. Кажется, мне осталось
17. Но все нужно вытерпеть...²⁸³

В новое время большой славой пользовался перевод второй оды на французский язык поэта, теоретика классицизма Н. Буало²⁸⁴. Позднее этот перевод пересоздал в французском слове поэт Ж. Делиль²⁸⁵.

Наследие Саффо, известное в Европе по многим переводам и подражаниям²⁸⁶, вдохновлявшее ученых, поэтов, художников и музыкантов, было воспринято также отечественной словесностью. Исследователь Е. В. Свиясов проводит эту линию, начиная с первых переводчиков и подражателей – А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, Н. Львова и

²⁸² Текст приводится по изданию: *Anthologia lyrica graeca* / ed. E. Diehl. Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri. Athenis : D. N. Papadimas, MCMXXV. Vol. 1. P. 327—329.

²⁸³ Цит. по: Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. М. : Наука, 1986. С. 239.

²⁸⁴ В. И. Резанов указывает на издание 1729 года: *Oeuvres de N. Boileau Depréaux, avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-meme, nouvelle edition*, Amsterdam, 1729, tome II, *Traité du sublime*, chap. VIII, p. 23 (Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 354).

²⁸⁵ Как отмечает В. И. Резанов (Там же. С. 354): J. J. Barthélemy. *Voyage du Jeune Anacharsis en Grèce*. 1788 .

²⁸⁶ В. И. Резанов указывает на итальянский и немецкий переводы этого стихотворения: *Le odi di Anacreonte e di Saffo, recate in versi ital. da Franc. Sav. de'Rogati*, Calle. 1783, t. II, p. 209; Fritz Jacobis *Zeitschrift "Iris"*, 1775 (Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 354).

других – до поэтов двадцатого века – Вяч. Иванова, В. Вересаева, К. Бальмонта, М. Л. Гаспарова и многих других²⁸⁷.

Во времена Жуковского наблюдался всплеск интереса к творчеству древнегреческой поэтессы.

Е. В. Свиясов отмечает, что «с начала 1800-х гг. имя Саффо, переводы ее од переходят из одного журнала в другой, первая и вторая оды становятся своего рода образцами, стимулирующими литераторов к поэтическому соревнованию»²⁸⁸.

Наиболее часто, как ни одно другое произведение западноевропейской литературы, на русский язык переводилась вторая ода Саффо²⁸⁹. Самый ранний перевод этого стихотворения Саффо принадлежит А. П. Сумарокову:

Благополучен тот, кто всякой день с тобою,
 Всяк час твой слышит глас, твой зря приятный смех;
 Каких еще желать на свете сем утех,
 Имея всегда тебя перед собою! <...>²⁹⁰.

В 1800-е годы на страницах книг и журналов переводы и подражания второй оде Саффо появлялись действительно друг за другом: Г. Р. Державина (1794²⁹¹, 1802²⁹²), С. Марина (1800-е годы)²⁹³, Н. Столыпина (1802)²⁹⁴, И. Мартынова (1803)²⁹⁵, Д. Хвостова (1804)²⁹⁶, П. Голенищева-Кутузова (1805)²⁹⁷, Н. И. Бутырского (1806)²⁹⁸, А. Тейлса (1806)²⁹⁹, В. Г. Анастасевича (1808)³⁰⁰

²⁸⁷ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. : библиографический указатель / составитель Е. В. Свиясов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 79—81.

²⁸⁸ Свиясов С. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков ... С. 141.

²⁸⁹ По подсчетам С. В. Свиясова, «число переводов и подражаний 2-й оды достигает 51» (Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков ... С. 14).

²⁹⁰ Сумароков А. П. Сафина ода («Благополучен тот, кто всякой день с тобою...») // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Ч. 2, № 8. С. 148—149; Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Ч. 2. С. 146; Там же. 1787. С. 168 (см.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. ... С. 79).

²⁹¹ Державин Г. Р. Сафо («Блажен, подобится богам...»), 1794 // Аониды, или Собрание разных, новыз стизоторений. М. : В Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797. Кн. 2. С. 234—235; Державин Г. Р. Анакреонтические песни. СПб. : Тип. Шнора, 1804. С. 103; Соч. СПб. : Тип. Шнора, 1808. Ч. 3. С. 118.

²⁹² Державин Г. Р. Сафы второй перевод («Счастлив, подобится в блаженстве тот богам...»), 1802 // Соч. СПб. : Тип. Шнора, 1808. Ч. 3. С. 191.

²⁹³ Марин С. Н. Ода («Блажен, кто близ тебя – и о тебе вздыхает...»), [1800-е гг.] // Полн. собр. соч. М. : Образцовая тип. ЛПТ, 1948. С. 41.

²⁹⁴ Столыпин Н. Восторг («Какое чувство ощущаю?...»), 1802 // Новости русской литературы : прил. к газ. «Моск. ведомости». М. : В Унив. тип., 1802. Ч. 1. С. 383—384.

²⁹⁵ Мартынов И. «Тот сходен, кажется, с богами...» // Лонгин Д. О высоком или величественном. СПб. : В Императорской Типографии, 1803. С. 74—75.

²⁹⁶ Хвостов Д. Ода Сафо («Блажен, кто близ тебя и о тебе вздыхает...») // Друг просвещения. 1804. Ч. 1, № 1. С. 28.

²⁹⁷ Голенищев-Кутузов П. Ода VI («Блажен, кто будучи с тобою...») // Стихотворения Сафы. М. : В тип. Платона Бекетова, 1805. С. 21.

²⁹⁸ Бутырский Н. И. «Блажен, как жители небесны...» // Лицей : периодическое издание Ивана Мартынова. СПб. : Имп. Тип. 1806. Ч. 1, № 2. С. 12.

²⁹⁹ Тейлс А. Сафо («Счастлив, кто близ тебя вздыхает...») : Пер. Из Делиля // Лицей. 1806. Ч. 1, № 2. С. 14—15.

³⁰⁰ Анастасевич В. Песнь 6 по переводу Катулла («Соперник тот богов, я мню, кто лишь тобой...») // Стихотворения Сафы. СПб., 1808. С. 19.

и других³⁰¹. Русские поэты, по наблюдению исследователя В. И. Резанова, преимущественно переводили оды Сапфо, ориентируясь на французские переводы-переделки. Однако встречались и исключения.

Так, осенью 1803 года А. Ф. Мерзляков, начинающий в то время свою профессорскую карьеру при Московском университете, писал Жуковскому, «желая увлечь своего друга яркими образами древнего мира»³⁰²: «Пишу, перевожу... Тебя самого представляю я себе всегда почти в соединении или с Анакреоном или с Овидием, из которых кое-что перевожу... На этих днях окончил свой перевод Горациевой Пиитики... Скоро надеюсь отправить ее к тебе с другими пиэсами»³⁰³. По-видимому, в это время А. В. Мерзляков переводил и вторую оду Сапфо³⁰⁴. В его переводе, выполненном с греческого подлинника, сохранен античный размер (сапфическая строфа) и количество стрóf (четыре) оригинального греческого текста³⁰⁵.

Е. В. Свиясов предполагает, что А. Ф. Мерзляков, в то время уже маститый поэт, в своем творчестве уделяющий большое внимание античной литературе, «способствовал выходу» Жуковского, тогда еще «начинающего поэта, из греевского “оцепенения”, приобщению» его «к поэзии жизнедеятельной, искрометной, наконец, к поэзии чувственной, жизнеутверждающей»³⁰⁶.

Исследователи указывают на необычность второй оды Сапфо, в которой впервые описывалось интенсивное эмоциональное чувство влюбленности и его соматические проявления. Российский и советский филолог-классик, доктор греческой словесности Н. И. Новосадский так писал о второй оде Сапфо: «Едва ли можно найти в древнегреческой поэзии

³⁰¹ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. ... С. 79—81.

³⁰² Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков ... С. 160.

³⁰³ Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке Петром Бартевым. М. : Тип. В. Гречева и К°, 1871. Год девятый. № 2. С. 0145.

³⁰⁴ Этот перевод потом вошел в сборник «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев», М. : В Унив. тип., 1826, Ч. 2. С. 59: «К счастливой любовнице» (Равный бессмертным кажется оный Муж...).

³⁰⁵ Равный бессмертным кажется оный
Муж, – пред твоими, дева, очами
Млеющий, близкий, черплющий слухом
Сладкия речи, –
Взором ловящий страсти улыбки!..
Видела это: – оцепенела;
Сжалось сердце; в устах неподвижных
Голос прервался!
Замер язык мой... Быстрый по телу
Нежному пламень льется рекою;
Света не вижу; взоры померкли;
В слухе стон шумный!
В поте холодном трепет; ланиты
Былий изсохших зноом бледнее;
Кажется, смертью, таю, объята;

Я бездыханна (Текст приводится по изданию: Мерзляков А. Ф. Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л. : Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1958. С. 299).

³⁰⁶ Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVII — начала XX века. С. 160.

<...> стихотворение, где сила любви была бы изображена так ярко»³⁰⁷. Ученый Е. В. Свиясов в специально монографии о творчестве Саффо подчеркивал уникальность второй оды греческой поэтессы: «Ода Саффо — уникальное иррациональное произведение мировой поэзии. Оно словно шлет нам сигнал, говорящий о том, что эмоциональное чувство — это стихия и в то же время один из важнейших жизненных императивов»³⁰⁸.

Жуковский выполнил перевод второй оды Саффо – «Сафина ода» в 1806 году и напечатал в «Вестнике Европы» за 1807 год (Ч. 32. № 5. Март. С. 44). При переводе Жуковский опирался на французские источники — перевод Н. Буало³⁰⁹ и его переделку Ж. Делиля.

Перевод-переделка Ж. Делиля отличался от текста Н. Буало, главным образом, тем, что Ж. Делиль придавал стихотворению «некоторое подобие сапфической строфы»³¹⁰, которое Жуковский пытался воспроизвести в своем переводе. Строфическая структура, которую выбрал поэт, напоминает графический образ античного метра³¹¹. Первые три стиха каждой строфы

³⁰⁷ История греческой литературы / под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского, С. И. Радцига. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. С. 235.

³⁰⁸ Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVII — начала XX века. С. 17.

³⁰⁹ Перевод Н. Буало:

Heureux qui près de toi, pour toi seule soupire!
 Qui jouit du plaisir de t'entendre parler,
 Qui te voit quelquefois doucement lui sourire.
 Les dieux, dans son bonheur, peuventils l'égaler?
 Je sens de veine en veine une subtile flamme
 Courir par tout mon corps, sitôt que je te vois;
 Et dans les doux transports où s'égare mon ame,
 Je ne saurois trouver de langue ni de voix.
 Un nuage confus se répand sur ma vue:
 Je n'entends plus, je tombe en de douces langueurs;
 Et pâle, sans haleine, interdite, éperdue,
 Un frisson me saisit; je tremble, je me meurs (Текст приводится по книге: Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная

поэзия XVII — начала XX века. С. 40).

³¹⁰ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 359.

³¹¹ Сапфическая строфа, названная так по имени Саффо, состоит из трех «сапфических» стихов и одного «адолия»:

U-U--- || UU-U-U
 U-U--- || UU-U-U
 U-U--- || UU-U-U
 -UU-U

Перевод Ж. Делиля:

Heureux celui qui près de toi soupire,
 Qui sur lui seul attire ces beaux yeux,
 Ce doux accent et ce tendre sourire!
 Il est égal aux dieux.
 De veine en veine une subtile flâme
 Court dans mon sein, sitôt que je te vois;
 Et dans le trouble où s'égare mon âme,
 Je demeure sans voix.
 Je n'entends plus; un voile est sur ma vue;
 Je rêve, et tombe en de douces langueurs;
 Et sans haleine, interdite, éperdue,

Je tremble, je me meurs (Текст приводится по: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 359. О сапфической строфе в русской литературной традиции см. подробнее :

Жуковский написал рифмованным шестистопным пиррихированным ямбом, заключительный же стих каждой строфы — в два раза короче — трехстопным ямбом.

По наблюдению В. И. Резанова, первые три стиха каждой строфы восходят к переводу Н. Буало, каждый четвертый стих — к переработке Ж. Делиля³¹².

Сохранившиеся рукописи Жуковского, обнаруженные В. И. Резановым в фондах Императорской Публичной Библиотеки (Бум. Жук., № 12, л. 22), позволяют восстановить работу поэта над переводом. Сначала Жуковский перевел стихотворение от лица мужчины к возлюбленной женщине. Приведем черновой вариант перевода (по списку В. И. Резанова):

«Щастлив, кто близ тебя одной тобой пылает,
 Кто сладостью твоих речей одушевлен,
 Кого твой ищет взор, улыбка (восхищает) ободряет,
 С богами он сравнен!
 (Узрев тебя, томлюсь, в душе моей волненье)
 Когда (я зрю тебя) ты предо мной, в душе моей смятенье!
 (Стремится в нервах, Палит все нервы) Бежит по нервам огонь, в очах бледнеет свет,
 В трепещущей груди (тоска и наслажденье) и скорбь и восхищенье!
 Ни слов, ни чувства нет!
 Лежу у милых ног (твоих), горю огнем желанья,
 (В блаженстве страстного мучения томлюсь)
 Блаженством страстного (смятенья) волненья утомлен,
 Лью слезы, трепещу (в восторге) без сил и без дыханья,
 И с жизнью (разстаюсь) разлучен!»³¹³

Позднее Жуковский внес поправки в текст стихотворения, желая приблизить его к подлиннику, изменил 1, 10 и 12 стихи и превратил стихотворение в выражение чувств женщины к своему возлюбленному под названием «Ода Сафы к Фаону»³¹⁴:

«Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает <...>
 Блаженством *страстных тоски утомлена* <...>
 И жизни лишена»³¹⁵.

Дерюгин А. А. Третьяковский — переводчик : становление классицистического перевода в России. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1985. С. 59).

³¹² Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 360.

³¹³ Цит. по: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 360. Зачеркнутые слова в рукописи поставлены исследователем в скобки.

³¹⁴ Предание о безответной любви поэтессы Саффо к прекрасному Фаону встречается у латинского автора Публия Овидия Назона в сборнике поэтических посланий «Героиды» (15). Перевод этого послания Овидия имелся в библиотеке Жуковского во французском переводе (Sapho à Phaon. Héroïde. Une imitation très-libre de l'héroïde d'Ovide. s. l. ni d. 14 p. (Библиотека В. А. Жуковского: описание ... № 2027. С. 278). В. И. Резанов указывает, что историю любви Сафо к Фаону Жуковский мог хорошо знать также по стихотворению Н. М. Карамзина «Песнь Сафина» (Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... С. 360).

Однако, заметив, что французский текст стихотворения, следуя античному подлиннику, воспроизводит обращение женщины к женщине³¹⁶, поэт изменил заглавие, опустив упоминание о Фаоне, и назвал свое произведение «Сафина ода». С некоторыми поправками «Сафина ода» была напечатана в журнале «Вестник Европы» за 1807 год (№ 5. С. 44).

Жуковский, как поэт и переводчик, знаток русского языка, тщательно выбирает художественные средства для передачи характера, настроения иноязычного подлинника, и в том числе для выражения своей души³¹⁷. Жуковский опускает фразеологизмы Сапфо: «обливаюсь я потом», «зеленее травы становлюсь». В отличие от «любви-страсти» текста Сапфо, в переводе русского поэта сквозит также «душа» человека («в душе моей волненье»). Поэт наполняет свой перевод метафорами («тобой пылает», «прелестью обворужен», «в душе волненье», «палящий огонь», «в трепещущей груди и скорбь и наслажденье», «горю огнем желанья»). Метафоры, олицетворение («ищет взор»), оксюморон (блаженство тоски), а также усиление эмоционального напряжения к концу стихотворения – градация («В слезах вся трепещу без силы, без дыханья! И жизни лишена!») «оживляют» текст.

Указание жанра переводного стихотворения в заглавии «Сафина ода» видится неслучайным. «Сафина ода», не похожая на классицистические торжественные оды Г. Р. Державина и М. В. Ломоносова, была важна для Жуковского в данном случае как «память жанра». В этом стихотворении он воссоздает античный жанр оды в ее первоначальном смысле лирической песни, от греческого ᾠδή – песня.

Направление творчества Сапфо с античных времен на протяжении многих столетий вплоть до нового времени служило поводом для намеков на сомнительную нравственность греческой поэтессы³¹⁸. Не случайно творчество Сапфо стало известно на Руси только после реформ Петра Первого. Так, исследователь Е. В. Свиясов отмечает, что Сапфо «пришла в русскую литературу в революционное для идейных исканий время, связанное с преобразованиями Петра I, ломки старых, патриархальных отношений»³¹⁹. Замены в тексте стихотворения, предпринятые Жуковским, обусловлены желанием поэта сделать произведение греческой поэтессы более целомудренным. В данном случае Жуковский предпринимает попытку «очистить» подлинник так же, как впоследствии он хотел «очистить» «Одиссею», провидя в гомеровском эпосе потенциал образовательной книги для юношества. «Мне хотелось бы сделать два издания разом

³¹⁵ Там же. С. 360. Курсив В. И. Резанова.

³¹⁶ Первая строка в тексте Н. Буало: «Heureux qui près de toi, pour toi *seule* soupire!..»

³¹⁷ На эту особенность Жуковского-переводчика указывал В. Г. Белинский. См.: Белинский В. Г. Очерки русской литературы. Сочинения Николая Полевого // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 2. С. 251.

³¹⁸ Современная наука об античности к подобным сомнительным намекам не присоединяется. Подробнее см.: Ярхо В. Н. Поэзия культового содружества : Сапфо и Алкей // Ранняя греческая лирика : миф, культ, мировоззрение, стиль / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Центр изучения античности ; отв. ред. И. В. Шталь. СПб. : Алетейя, 1999. С. 130—191.

³¹⁹ Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX века ... С. 15—16.

“Одиссеи”, – писал Жуковский 12 (24) сентября 1847 года к графу С. С. Уварову, – одно для всех читателей, *полное*, другое для *юности*, с *выпусками* (весьма немногими) тех мест, которые не должны быть доступны юному возрасту³²⁰. Так и перевод оды Сафо в 1806 году Жуковский делал, как для выражения личных чувств³²¹, так и имея целью эстетическое образование русского читателя, открытие в поэтическом слове «внутреннего человека».

1.3.2 «К Делию» (1809) – перевод оды Горация (Carm. II, 3)

Стихотворение Жуковского «К Делию» было написано Жуковским в 1809 году и представляет собой свободный перевод оды II, 3 римского поэта Квинта Горация Флакка (65–8 до н. э.). Перевод Жуковского впервые был напечатан в февральском номере журнала Вестник Европы за 1810 год (Ч. 49. № 3. С. 188–189). В первых четырех прижизненных изданиях стихотворений Жуковского перевод помещался в разделе «Смесь». Свой перевод поэт квалифицировал как «Подражание Горацию». В пятом прижизненном издании стихотворений перевод опубликован с подзаголовком: «Из Горация».

Горацию приписывается авторство нескольких сочинений: Оды, Эподы, Сатиры, Послания (в состав книги посланий входит теоретический литературоведческий трактат *Ars poetica*). Еще в античную эпоху произведения Горация пользовались большим авторитетом и служили образцом, примером для подражания, живой теорией, благодаря чему он стал школьным автором. Немецкий филолог-классик так определил значение творчества Горация для Европы: «Наряду с Аристотелем он оказывает влияние на теорию и практику драмы, наряду с Ювеналом накладывает свой отпечаток на сатиру, наряду с Сенекой оставляет золотые слова моралистам. Однако прежде всего — наряду с Пиндаром — он стал крестным отцом новоязычной *высокой* лирики, эстетически задав тон стихотворцам, принудив их к предельной концентрации и одновременно сообщив высочайшее мнение об их деле»³²².

³²⁰ Цит. по: Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 661.

³²¹ Е. В. Свиясов устанавливает связь между переводом Жуковского любовного стихотворения греческой поэтессы и биографией поэта — зарождением первого нежного чувства к Марии Протасовой (См.: Свиясов С. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX века. С. 169—170.

³²² Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы / пер. А. И. Любжина. М. : Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2004. Т. 2. С. 809. К 1470 году относится первое издание произведений Горация в Европе (Там же. С. 809).

Гораций входит в русскую лирическую поэзию уже в XVIII веке, в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина. Вплоть до XX века римский классик Гораций служил источником для лирического творчества многих русских поэтов, в числе которых А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Б. Л. Пастернак и многие другие.

В русской поэтической традиции, согласно справочнику Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах»³²³, оду Горация II, 3 переводили поэты начиная с середины XVIII века Н. Н. Поповский³²⁴, Г. Г. Салтыков³²⁵, В. В. Капнист³²⁶. Названная ода Горация была популярна во времена Жуковского³²⁷, а также позднее к ней не раз обращались поэты-переводчики XIX и XX веков³²⁸.

Ода Горация (Carm. II, 3) посвящена его другу Квинту Деллию, участнику военного противостояния I в. до н.э. двух древнеримских политиков и военачальников Гая Октавия (Октавиана) и Марка Антония. Гораций в стихотворной форме обращается к Деллию со словами утешения и ободрения, напоминая о краткости жизни и необходимости радоваться каждому новому дню.

Стихотворение Жуковского называется «К Делию». В переводе изменилось имя адресата, к которому обращена ода. Вместо «Деллий» (лат. Dellius), у Жуковского — Делий (лат. Delius). Данное изменение позволяет сделать предположение, что перевод русского поэта не адресован конкретному лицу, Квинту Деллию. Делий — условное имя, которое может обозначать друга, собеседника, а также любого читателя Жуковского.

Исследователи указывают, что Жуковский переводил оду Горация с французского подстрочника³²⁹. Однако можно предположить, что во время работы над переводом Жуковский

³²³ Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. ... С. 285—286.

³²⁴ Поповский Н. Н. «Сноси напасти терпеливо...» // Полезное увеселение. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1760. № 2. С. 76—77; Оды Горациевы и Письмо его о стихотворстве. СПб. : Печатано в Императорской типографии, 1801. С. 1—2.

³²⁵ Салтыков Г. Г. К Квинту Деллию («Хоть мрачны на берегах Аверны...») // Друг просвещения. 1805. Ч. 2, № 6. С. 192—194.

³²⁶ Капнист В. В. Совет («В напастях, горести старайся...») // Капнист В. В. Лирические сочинения. СПб. : Печатано в типографии Ф. Дрехслера, 1806. С. 179—180.

³²⁷ Пушкин В. Л. К Делию («В несчастьи будь тверд, и в счастье не гордись!...»): Подражание Горацию // С.-Петербург. вестн. 1812. Ч. 1, № 1. С. 48—49; Норов А. С. К Делию («Храни в душе твоей равенство...») // Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. : Новое периодическое издание. В Санктпетербурге : В типографии Департамента внешней торговли . 1816. Ч. 13, № 32. С. 312—314; Мерзляков А. Ф. К Дели. («О Делий! Ты умрешь!.. умей и веселиться...») // Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. М. : В Унив. тип., 1817. Ч. 7. С. 30—31; Золотарев И. К. К Делию («Сноси в терпении судьбы удары гневной...») : подражание Горацию // Труды студентов-любителей отеч. слова в Харьков. ун-те. Харьков : В Унив. тип., 1819. С. 105—107 и др.

³²⁸ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. ... С. 285—286.

³²⁹ Ц. С. Вольпе пишет о переводе Жуковского: «Вероятно, он пользовался французским изданием латинского текста с прозаическим переводом» (См.: Жуковский В. А. Стихотворения : в 2 т. / ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л. : Советский писатель, 1940. Т. 2. С. 503). А. С. Янушкевич указывает, что «Жуковский переводил с прозаического подстрочника, пользуясь французским изданием латинского текста, опубликованного en regard с французским переводом (Les Poésies complètes d'Horace. Traduites par Batteaux et F. Peygard. T. 1—2. P., 1803. См.: Библиотека

заглядывал также и в латинский текст. В настоящей работе мы уже упоминали о занятиях Жуковским латинским языком в период самообразования в 1800-е годы. Показательно, что в письмах к А. И. Тургеневу 1810 года (в этом году перевод Жуковского оды Горация появился в печати), поэт не раз упоминал о своих занятиях латинским языком. Так в письме от 12 сентября 1810 года молодой Жуковский пишет: «Чуть ли и я со временем не примусь за греческую грамматику, а латинская уже и очень вертится в голове моей. В Белеве есть один латинус, которого я хочу прибрать в руки; тогда берегись Гельмгольд, а особенно Вергилий и Гораций; доведи Господи и до Тацита»³³⁰. 19 сентября 1810 года, Жуковский снова говорит А. И. Тургеневу о своем увлечении классическими языками: «Учу латинские вокабулы, читаю латинскую грамматику и думаю с восхищением о греческом языке, который NB почитаю необходимым для усовершенствования русского, ибо наш русский язык воспитан греческим, с которого переведены наши первые книги»³³¹. В письме от 7 ноября 1810 года Жуковский писал другу: «... я нахожу удовольствие даже и в том, чтобы учить наизусть примеры из латинского синтаксиса, воображая, что со временем буду читать Вергилия и Тацита. Теперь главные занятия мои составляют: история всеобщая, как и приготовление к русской и классикам, и языки, пока латинский, а через несколько времени и греческий. В этом же письме Жуковский цитирует понравившиеся ему строки из Посланий Горация (Epist. I, 2, 35–37) на латинском языке:

Et nī
 Posces ante diem librum cum lumine, si non
 Intendes animum studiis et rebus honestis,
 Invidia vel amore vigil torquebere³³².

Таким образом, эти свидетельства позволяют сделать вывод, что при переводе оды Горация (Carm. II, 3), а также и при последующих переводах древних римским классиков (Овидия в 1819 году, Вергилия в 1822 году) Жуковский, имея перед глазами европейские переводы, обращался также к оригинальному латинскому тексту. Приведем латинский текст оды Горация:

Aequam memento rebus in arduis
 servare mentem, non secus in bonis
 ab insolenti temperatam
 laetitia, moriture Delli,

В. А. Жуковского: описание ... № 1339. С. 190—191). См.: Янушкевич А. К Делию («Умерен, Делий, будь в печали...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 540.

³³⁰ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу ... С. 60, 63, 65.

³³¹ Там же. С. 70.

³³² Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу ... С. 77. Приводим наш перевод этих стихов Горация: «И если ты не попросишь до рассвета книгу со светильником, если не посвятишь себя занятиям и делам благородным, от зависти или от любви без сна будешь ворочаться».

seu maestus omni tempore vixeris,
 seu te in remoto gramine per dies
 festos reclinatum bearis
 interiore nota Falerni.
 quo pinus ingens albaque populus
 umbram hospitem consociare amant
 ramis? quid obliquo laborat
 lympha fugax trepidare rivo?
 huc vina et unguenda et nimium brevis
 flores amoenae ferre iube rosae,
 dum res et aetas et sororum
 fila trium patiuntur atra.
 cedes coemptis saltibus et domo
 villaque, flaavus quam Tiberis lavit,
 cedes, et exstructis in altum
 divitiis potietur heres.
 divesne prisco natus ab Inacho,
 nil interest, an pauper et infima
 de gente sub divo moreris
 victima nil miserantis Orci:
 omnes eodem cogimur, omnium
 versatur urna serius ocius
 sors exitura et nos in aeternum
 exilium inpositura cumbae.³³³

³³³ Латинский текст цитируется по изданию: Q. Horati Flacci Opera. Lipsiae: in aedibus V. G. Teubneri. D. N. Papadimas. Athens, 1984. P. 39—40. Приведем близкий к подлиннику эквиметричный перевод оды, выполненный А. П. Семеновым-Тян-Шанским, географом, энтомологом, почетным членом (с 1909 года) и президентом (с 1914 года) Русского энтомологического общества, а также талантливым переводчиком, погибшим в блокадном Ленинграде 8 марта 1942 года:

«Хранить старайся духа спокойствие
 Во дни напасти; в дни же счастливые
 Не опьяняйся ликованием,
 Смерти подвластный, как все мы, Делий.
 Печально ль жизни будет течение,
 Иль часто будешь ты услаждать себя
 Вином Фалерна лучшей метки,
 Праздник на мягкой траве встречая.
 Не для того ли тень сочетается
 Сосны огромной с тополя белого
 Отрадной тенью, не к тому ли
 Резвой струею ручей играет,
 Чтобы сюда ты вина подать велел,

Строфическая структура латинского текста – алкеева строфа, названная так по имени древнегреческого лирика Алкея (VII—VI вв. до н. э.). Алкеева строфа состоит из двух одиннадцатисложных стихов, одного девятисложного и одного десятисложного:

⏟-⏟-- ||- ⏟⏟-⏟⏟

⏟-⏟-- ||- ⏟⏟-⏟⏟

⏟-⏟---⏟-⏟

-⏟⏟-⏟⏟-⏟-⏟

Перевод Жуковского неэквиметричный. Поэт меняет в переводе строфическую структуру античного подлинника – алкееву строфу – на четырехстопный ямб с перекрестной рифмовкой³³⁴. Четырехстопный ямб в XIX веке был широко распространенным метром русской поэзии. По наблюдению М. Л. Гаспарова, «этот стих оказался тем нейтральным размером, который был так нужен романтизму, чтобы сломить жанровые перегородки и позволить поэту говорить обо всем от своего, а не от жанрового лица»³³⁵.

Таким образом, понимание жанра переводимого произведения у Жуковского отличалось от понимания оды в классицистической системе жанров, а было близко к античному источнику. В переводе с греческого языка ода – ὁδή – песня. Музыкальность и напевность стиха также гармонировали с замыслом Жуковского. Поэт-переводчик освобождает жанр оды от французского вкуса и приближает его к классическому образцу – ὁδή, что было необходимо для романтического поэта, так как раскрывало внутренний мир лирического героя, его жизненную позицию и духовные устремления. Для Жуковского важно было передать смысл,

Бальзам и розы, кратко цветущие,
Пока судьба, года, и Парок
Темная нить еще срок дают нам.
Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,
И дом с поместьем, и богатством
Всем завладеет твоим наследник.
Не все ли равно, ты Инаха ль древнего
Богатый отпрыск, рода ли низкого,
Влачащий дни под чистым небом, –
Ты беспощадного жертва Орка.
Мы все гонимы в царство подземное.
Вертится урна: рано ли, поздно ли –
Наш жребий выпадет, и вот он –

В вечность изгнанья челнок пред нами». (Текст приводится по: Мальчукова Т. Г. Гораций в избранных текстах и переводах / Т. Г. Мальчукова, М. М. Кислова. Петрозаводск, 1995 : Изд-во ПетрГУ. С. 16).

³³⁴ О передаче метра при переводе поэзии Горация красноречиво писал А. Фет: «Оды Горация, как и вообще произведения античной лиры – песни, музыка с определенным, часто весьма причудливым метром, которому подражать на новейших языках невозможно, а песнь, как стрела, требует быть оперенной. При сложности задачи переводчику не поможет ни труд, ни знакомство с оригиналом; ему нужна удача, которую называют вдохновением» (Цит. по: К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1883. С. 4).

³³⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха : метрика, ритмика, рифма, строфика. М. : Наука, 1984. С. 106.

авторскую идею произведения, которое он переводит, а также выразить свое понимание, свою душу.

Поэт вводит в перевод новые выразительные эпитеты: «токайское» (вино), «игривой» (ручеек), «излучистые» (брега), «ароматны» (масти), «приятны» (трели), «вечерняя» (пора), «пастушеская» (свирель), «дерновый» (стол), «чистое» (стекло), «быстрый... светлый» (ток), «добрый... неожиданный» (друг). Жуковский сохраняет метафорический стиль подлинника: («где тополь с ивой / Из ветвей соплетают кров», «нить дней твоих / У черной Парки под перстами») и, в то же время, вводит новые образы, в частности, сравнение, которого у Горация нет («Пусть смерть зайдет к нам ненароком, / Как добрый, но неожиданный друг»), олицетворения («розы, дышащие миг», «ударит час»). Поэт-переводчик обогащает текст образами из античной мифологии: «путь к Тенару»³³⁶, «при факеле Дианы»³³⁷, «пьем забвень»³³⁸

Показательно, что в третьем номере Вестника Европы за 1810 год, в котором было опубликовано стихотворение «К Делию», вышла статья «О сатире и сатирах Кантемира» (Вестник Европы, 1810, № 3, 5, 6, под заглавием «Критический разбор Кантемировых сатир с предварительным рассуждением о сатире вообще»), где Жуковский раскрывает свое понимание творчества римского поэта Горация: «Характер сего поэта – веселость, чувствительность, приятная и остроумная шутливость. Он живет в свете и смотрит на него глазами философа, знающего истинную цену жизни, привязанного к удовольствиям непорочным и свободе, имеющего пронизательный ум, характер откровенный и, наконец, способность видеть недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить их забавными»³³⁹.

При переводе оды Горация Жуковский, которому были близки жизнеутверждающий пафос и философские размышления античного поэта о скоротечности жизни, тем не менее расходится с поэтом-философом в решении этого главного вопроса человеческого существования. О принципиально иной позиции русского поэта свидетельствуют некоторые изменения подлинника, им предпринятые. Они свидетельствуют о религиозности поэта, хотя и не высказанной достаточно откровенно, но угадываемой читателем. Так, в переводе Жуковского нет образа неумолимого Орка, языческого бога подземного царства (другое имя Плутона, по-

³³⁶ Тенар – название мыса в Пелопоннесе, где находился храм Посейдона. Согласно легенде, в этом месте была пещера, через которую Геракл вывел Цербера из ада.

³³⁷ Диана – в римской мифологии богиня растительности, жизни и света. Как Артемида в Греции, Диана считалась богиней охоты, а также богиней Луны, как Геката. В искусстве Диану иногда изображают с факелом в руках.

³³⁸ Лета – река забвения в подземном царстве, из этой реки души умерших пили, чтобы забыть о своей прошлой жизни. Этот образ встречается также в письме в А. И. Тургеневу от 25 апреля 1817 года, после свадьбы М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера: «Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь, — столь же опасная, как первая, и почти похожая на смерть... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть» (Цит. по: Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. С. XVII).

³³⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 221.

гречески Аида). Поэт избегает упоминания о наследнике, который завладеет богатством хозяина после его смерти. Также перечень материальных благ («cedes coemptis saltibus et domo villaque flavos quam Tiberis lavit», то есть «ты покинешь купленные луга и дом, и виллу, омываемую мутным Тибром»), важный для лирического героя античного стихотворения, остается за пределами перевода русского поэта. В стихотворении «К Делию» поэт сожалеет о том, что с приходом смерти человек расстанется с тихой, врачующей душу природой и близкими друзьями, общение с которыми веселило его сердце:

Ударит час – всему конец:
 Тогда прости и луг с стадами,
 И твой из юных роз венец,
 И соловья приятны трели
 В лесу вечернею порой,
 И звук пастушеской свирели,
 И дом, и садик над рекой,
 Где мы, при факеле Дианы,
 Вокруг дернового стола,
 Стучим стаканами в стаканы
 И пьем из чистого стекла
 В вине печалей всех забвенья.³⁴⁰

³⁴⁰ Цит. по: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 1. С. 143. А. Ф. Воейков в послании «К Ж<уковскому>» (1813), перифразируя основные идеи стихотворения, выразил полное непонимание стихотворения «К Делию» и творчества Жуковского в целом:

Со друзьями ли беседеешь
 Под покровом кленов сетчатым,
 На ковре лугов узорчатом,
 Где ручей журчит по камышкам,
 Где шум сладкий бродит по лесу,—
 Ты, сливая голос с лирою,
 Поощряешь к наслаждениям,
 К сладострастию изящному.
 «О друзья мои! — вещаешь ты. —
 Жизнь есть миг, она пройдет, как сон,
 Как улыбки след прелестных,
 Как минутный Филомелы глас
 Умолкает за долиною.
 Посмотрите, как за часом час
 Оставляет нас украдкою.
 И как знать? Быть может, завтра же
 Мы уснем в могиле праотцев;
 Так почто же дни столь краткие
 Отравлять еще заботами,
 Подлой страстью сребролюбия,
 Домогаться пресмыканием
 Мзды за низкость жалких почестей?
 Насладимся днем сегодняшним!
 В чаше радости потопим грусть

Мысли, изложенные в этих строках, напоминают о веселых встречах друзей В. А. Жуковского, А. С. Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Мерзлякова, молодых участников Дружеского литературного общества в доме А. Ф. Воейкова на Девичьем поле³⁴¹. Таким образом, Жуковский воссоздает античную традицию пиршественной поэзии, лучшие образцы которой принадлежали поэтам древности Алкею, Анакреонту и Горацию³⁴².

По своему мировоззрению, Гораций был близок эпикурейской мудрости. «Его жизнеощущение, зовущее наслаждаться каждым днем как даром судьбы перед лицом смерти, так что из жизни уходишь удовлетворенным, как сытый гость с пира, – воплощенный эпикуреизм»³⁴³, – заключает немецкий исследователь Михаэль фон Альбрехт. Жуковский находил в философских взглядах римского поэта утверждение «значимости жизни, хотя она и временна»³⁴⁴.

В статье «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846) Жуковский по-новому осмысляет жизненную философию Горация: «Что такое меланхолия? Грустное чувство, объемлющее душу при виде изменчивости и неверности благ житейских, чувство или предчувствие утраты невозвратимой и неизбежной. Таким чувством была проникнута светлая жизнь языческой древности, светлая, как украшенная жертва, ведомая с музыкою, пением и пляскою на заклинание. Эта незаменимость здешней жизни, раз утраченной, есть характер древности и ее поэзии; эта незаменимость есть источник глубокой меланхолии, никогда не выражающейся в поэзии. Кто из новейших имеет более меланхолии Горация? Но Горациева меланхолия понятна; она его естественная, неискусственная физиономия, тогда как меланхолия новейших поэтов бывает часто одно кривляние. Христианство и в этом отношении, как и во всяком другом, произвело решительный переворот: там, где есть Евангелие, не может уже быть той меланхолии, о которой все запечатлено в доевангельском мире; теперь лучшее, верховное, всё заменяющее благо – то, что одно неизменно, одно существенно, дано один раз навсегда душе человеческой Евангелием. Правда, мы можем и теперь, как и древние, говорить: земное на минуту, все изменяется, все гибнет; но мы говорим так о погибели одних внешних, чуждых нам призраков,

И, стаканом об стакан стуча,
Смерть попросим, чтоб нечаянно
Посетила среди пиршества,

Так, как добрый, но неожиданный друг» (Текст приводится по: Поэты 1790—1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана ; подгот. текста М. Г. Альтшуллера. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 277).

³⁴¹ См.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» ... С. 120—121.

³⁴² См.: Мальчукова Т. Г. Стихотворение «19 октября» 1825 года в контексте античных и христианских традиций // Лирика А. С. Пушкина : (опыты интерпретации). Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 18—43.

³⁴³ Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы / пер. А. И. Любжина. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. Т. 2. С. 801.

³⁴⁴ Канунова Ф. З. Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В. А. Жуковского (1830—1840) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. трудов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 165.

заменяемых для нас верным, негибнущим, существенным, внутренним, нашим; а древние говорили о гибели того, что, раз погибнув, уже ничем заменяемо не было»³⁴⁵.

В этой статье, представляющей собой письмо от 3 (15) марта 1846 г., Жуковский полемизирует с П. А. Вяземским, сказавшим: «У нас смерть – начало всего». «Читая это, – возражает Жуковский, – подумаешь, что оно написано не живым, а мертвецом <...>, это хорошо для мертвых; но какая польза от этой тайны живущим, пока они живы, пока они действуют, любят, замышляют великое, страдают, терпят гонения и проч., проч.?»³⁴⁶ Далее Жуковский продолжает утверждать христианский отношение к краткости земного бытия и месту меланхолии в нем, и следовательно созидательное отношение к жизни: «Правда, у древних все жизнь, но жизнь, заключенная в земных пределах; и далее ничего: с нею всему конец. У христиан <...> всё, что душа, – нетленно, всё жизнь вечная. И всё это оттого, что у них есть *Один, Который смертью смерть попра и суцим во гробех живот дарова!*»³⁴⁷.

Исследователи признают духовную ценность произведений Жуковского, «замечательного русского мыслителя, религиозного философа и просветителя»³⁴⁸.

Таким образом, первые переводы Жуковского из античной поэзии (стихотворение «Сафина ода» и ода «К Делию») неэквиметричны. В переводах поэт воссоздает античный жанр оды в ее первоначальном смысле лирической песни. Эпитеты, метафоры, олицетворения Жуковского являются эквивалентами элементов стилистики оригинальных текстов и их европейских переводов. Главные темы античной поэзии – темы любви, дружбы, жизни и смерти переосмыслены в переводах Жуковского в контексте христианской этики.

1.4 Ранние «античные» баллады В. А. Жуковского

В филологической науке принято выделять три «балладных» периода в творчестве Жуковского. Первый период: 1808—1814, второй: 1816—1822; третий: 1828—1833. «Античные

³⁴⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 383—384.

³⁴⁶ Там же. С. 391—392.

³⁴⁷ Там же. С. 393.

³⁴⁸ Канунова Ф. З., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в современном мире : итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском университете // Вестник Томского государственного Университета [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Томск], 1998. Т. 266. URL: [http://violin.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/zhukovsky.html](http://violin.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/zhukovsky.html). Яз рус.(22. 06. 2016).

сюжеты фигурируют только в начале и в конце балладного творчества Жуковского»³⁴⁹ (1809—1814 и 1828—1833 годы). К ранним «античным» балладам относятся: «Кассандра» (вторая половина 1809 г.), «Ивиковы журавли» (август—декабрь 1813 г.), «Ахилл» (ноябрь—декабрь 1812 г.— 1—3 ноября 1814 г.).

1.4.1 Баллада «Кассандра» (1809)

О внимании В. А. Жуковского к гомеровской традиции в 1800-е годы свидетельствует перевод баллады Ф. Шиллера «Kassandra» (вторая половина 1809 г.). Баллада впервые была напечатана в ноябрьском номере Вестника Европы за 1809 год (Ч. 47. № 20. С. 258—264). В первых двух прижизненных изданиях стихотворений Жуковского баллада печаталась с подзаголовком: «Из Шиллера», в третьем издании Жуковский квалифицировал свой перевод как «Подражание Шиллеру».

Баллада «Кассандра» посвящена прекрасному и в то же время трагическому образу троянской царевны. Удивительна была судьба Кассандры. Гомер в поэме «Илиада» называет ее «прекраснейшей» (ἀρίστην) из дочерей Приама (Il. XIII 365—366). Согласно изысканиям А. Ф. Лосева, о пророческом даре Кассандры упоминает Пиндар, называя ее «девой-пророчицей» (Pyth. XI 49), «не имеющей к себе доверия»³⁵⁰. По Аполлодору, искусством предсказания Кассандра овладела благодаря богу Аполлону, «обещая ответить на его любовь взаимностью, а когда она не исполнила этого обещания, Аполлон лишил ее пророчества доверия со стороны людей»³⁵¹. Автор «Мифологической библиотеки» отмечает: «Гекуба родила дочерей Креусу, Лаодику, Поликсену и Кассандру. Желая сойтись с этой последней, Аполлон обещался преподать ей искусство предсказаний. Она же, научившись этому искусству, не сошлась с ним. Тогда Аполлон лишил ее предсказания веры» (Apollo. III 12, 5)³⁵². Также в трагедии Эсхила «Агамемнон» указывается, что даром прорицания троянскую царевну наделил бог солнца и света Аполлон.

³⁴⁹ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 165.

³⁵⁰ Лосев А. Ф. Античная мифология: с античными комментариями к ней : собр. первоисточников, ст. и коммент. : энцикл. олимпийских богов. М. : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2005. С. 405.

³⁵¹ Там же. С. 405.

³⁵² Текст приводится по изданию: Аполлодор. Мифологическая библиотека / изд-ние подгот. В. Г. Борухович. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 67.

«Вещать меня поставил Аполлон – вещун» (Aesch. Agam. 1202)³⁵³, – восклицает дочь Троянского царя, однако слова ее полны печали и горечи.

В трагедии Эсхила Кассандра сообщает, что после того как она отвергла любовь Аполлона, дар ясновидения оказался для нее напрасным. Многие беды предрекала она согражданам, предчувствовала несчастья, которые вот-вот обрушатся на стены родного города, но ничем не могла их отвратить. «Мне бог отмстил: никто моим не верил снам» (Aesch. Agam. 1211), – заключает жрица Аполлона. Речи Кассандры называли неясными, темными, а сама она до конца дней своих считалась безумной.

В балладе Жуковского представлено событие, относящееся к последним дням троянской войны. Кассандра, объятая горем, предвидит близкую гибель Илиона. В примечании к балладе В. А. Жуковский пишет: «Кассандра – дочь Приама и Гекубы. <...> Стихотворец представил ее в ту самую минуту, когда совершается брак Ахилла с Поликсеною, младшею дочерью Приама. Она слышит торжественные песни и в то же время предвидит ужасный конец торжества»³⁵⁴.

История о любви Поликсены, сестры Кассандры, и сына Пелея восходит к древнегреческим сказаниям «троянского цикла», вошедшим в одну из «малых» поэм, известных нам по позднейшим пересказам. Сюжет, легший в основу баллады, мы находим в мифологической библиотеке Гигина, писателя, жившего в середине II века от Р. Х. Древний собиратель мифов повествует о том, что «Поликсена, дочь Приама, была очень красивой девушкой». Ахилл же, храбрый ахейский воин, добивался ее руки и «пришел на» брачные «переговоры», где и «был убит Александром» (Higin. 110)³⁵⁵.

«Kassandra» – одна из поздних баллад Шиллера, была написана им в 1802 году, впервые опубликована в альманахе «Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1803». Ученые указывают на автобиографический подтекст этого сюжета. Баллада «Kassandra» «в значительной мере отражала, по свидетельству друзей Шиллера, личные настроения поэта. Его мучило тогда предвидение собственной близкой смерти, а также тяжелых испытаний, через которые должны будут пройти его близкие и его отечество»³⁵⁶.

Ф. Шиллер, как историк и философ, знал латинский и древнегреческий языки, переводил произведения античных авторов. В письме к Гете Шиллер пишет о «Мифах» Гигина, римского мифографа.: «Истинное наслаждение бродить среди этих сказочных образов, в которые вдохнул жизнь поэтический дух; нужно читать фабулы одну за другой, чтобы почувствовать всю

³⁵³ Трагедия Эсхила «Агамемнон» приводится в переводе В. Иванова по кн.: Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. 592 с.

³⁵⁴ Цит. по: Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 14.

³⁵⁵ «Мифы» Гигина здесь и далее приводятся в переводе Д. Торшилова по изданию: Гигин. Мифы / пер. с лат. Д. Торшилова; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. С. 160.

³⁵⁶ Апт С. Комментарии / С. Апт, Н. Вильмонт // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1955. С. 755.

благодатную полноту греческой фантазии»³⁵⁷. В балладе «Кассандра» есть следы этого чтения. Ф. Шиллер обращается к мифу, изложенному в мифологической библиотеке Гигина, о любви Ахиллеса к Поликсене и гибели Ахилла на брачном пире³⁵⁸.

Шиллер соединяет имя Поликсены с именем пророчицы Кассандры³⁵⁹. Единство и насыщенность сюжета создаются Шиллером благодаря тому, что миф о Поликсене представлен в балладе в воображении Кассандры, пророчество которой внезапно сбывается.

³⁵⁷ Гёте И. В., Шиллер Ф. Переписка: в 2 т. / вступ. ст. А. А. Аникста ; пер. с нем. и коммент. И. Е. Бабанова. М. : Искусство, 1988. Т. 2. С. 370.

³⁵⁸ «Когда данайцы, собираясь с победой отплыть от Илиона и возвращаться каждый на свою родину, делили добычу, голос Ахилла из могилы, как говорят, потребовал свою часть. Тогда Поликсену, дочь Приама, которая была очень красивой девушкой и из-за которой Ахилл и был убит Александром и Деифобом, когда он добивался ее и пришел на переговоры, данайцы принесли в жертву на его могиле» (Higin. 110).

³⁵⁹ Отдельно сюжет о Поликсене разрабатывает В Брюсов в стихотворении 1905 г. «Ахиллес у алтаря», снабдив его примечанием в письме к Чулкову (февраль 1905 г.): «Пока предлагаю Вам одно из классических стихотворений, в духе шиллеровских баллад, сколько могу судить, безукоризненное по форме, но несколько холодное и отрешенное от жизни» (Брюсов В. Собр. соч. : в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М. : Худож. лит., 1973, Т. 1. С. 625).

«Ахиллес у алтаря»

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица.

Дай, к устам твоим прикинув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я

С точки зрения формы перевод Жуковского очень близок подлиннику. Жуковский сохраняет стихотворный размер иноязычного подлинника – четырехстопный хорей, строфическую структуру – восьмистишная строфа, состоящая из двух четверостиший с перекрестной рифмовкой (АБАБ ВГВГ). В фонетическом отношении рифма баллады точная. В большинстве своем рифма бедная. Случаи употребления богатой рифмы почти в каждой строфе единично: коврам – храм; одна – удалена; оживлена – приведена; руках – облаках; позор – взор; опасной – ужасной; радость – сладость; венчальный – погребальный; младость – радость; дики – кдики; кинжала – жала; зная – родная; иду – найду; звучали – примчали; дес – Ахиллес. Примеры неточных рифм: забыт – Пелид; стыд – делит; чад – стократ; Поликсены – распаленный; златых – миг; ад – летят. Однако неточность этих рифм можно считать только графической.

В. А. Жуковский видел центр баллады в сложном мифологическом сюжете. Об этом свидетельствует примечание к балладе при первой журнальной публикации в Вестнике Европы (1809. № 20. С. 258) и при последующих публикациях баллады³⁶⁰.

Шиллер обогащает «Мифы» Гигина. Он вводит в повествование сведения из «Илиады» о сватовстве Офрионея (II. XIII, 363—383)³⁶¹:

На помосте алтаря. (Брюсов В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. С. 390).

³⁶⁰ «Читателям известно, что Ахиллес, сын богини Фетиды и Пелея (почему он и называется здесь Пелидом), в ту самую минуту, когда он стоял перед брачным алтарем с Поликсеною, дочерью Троянского царя Приама, убит Парисом, которого стрелою управлял Аполлон. Кассандра, сестра Поликсены, будучи жрицею Аполлона, имела несчастный дар предвидеть будущее. В. Ж.» Начиная с первого издания Стихотворений Василия Жуковского (в 2 ч. СПб., 1815—1816), примечание Жуковского представлено в другой редакции: «Кассандра – дочь Приама и Гекубы. Аполлон одарил ее предведением. По разрушении Трои досталась она на часть Агамемнона и вместе с ним погибла от руки Эгиста. Стихотворец представил ее в ту самую минуту, когда совершается брак Ахилла (названного здесь *Пелидом* по отцу его Пелею) с Поликсеною, младшею дочерью Приама. Она слышит торжественные песни и в то же время предвидит ужасный конец торжества. Известно, что Ахилл перед самым алтарем брачным умерщвлен Паридом, которого стрела направлена была Аполлоном».

³⁶¹ «Офрионея сразил кабезийца, недавнего в граде,

В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.

Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,

Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он

Подвиг великий: из Трои изгнать многолатных данаев.

Старец ему обещал и уже за него согласился

Выдать Кассандру, - и ратовал он, на обет положая.

Идомей на него медножальную пику направил

И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,

Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика:

С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:

«Офрионей! человеком тебя я почту величайшим,

Ежели все то исполнишь, что ты исполнить обречея

Сыну Дарданову: дочь тебе обещал он супругой.

То же и мы для тебя обещаем и верно исполним:

Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочь;

К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами

Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный.

Следуй за мной: при судах мореходных с тобой мы dokonчим

Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты».

Рек, - и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу

Критский герой» (пер. Н. И. Гнедича цит. по: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; предисл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 207).

«Und auch ich hab ihn gesehen,
Den das Herz verlangend wählt,
Seine schönen Blicke flehen,
Von der Liebe Glut beseelt.
Gerne möcht ich mit dem Gatten
In die heim'sche Wohnung ziehn,
Doch es tritt ein styg'scher Schatten
Nächtlich zwischen mich und ich»³⁶².

В переводе Жуковского:

«И моей любви открылся
Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
Полный сладостной тоской...
Но – для нас перед богами
Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
Тень Стигийская стоит»³⁶³.

Возможно, что при создании этих строк Шиллер учитывал также и сюжет из второй книги латинской поэмы «Энеида» Вергилия, о женихе Кассандры по имени Кореб. Согласно Вергилию, в тот день, когда греки переступили порог Илиона и подвергли его святыни разграблению, юный Кореб увидел Кассандру у храма Минервы, где ее захватили Ахейцы, и «в самую гущу врагов устремился на верную гибель» (Verg. Aen. II 408). Кореб погиб, сраженный врагами у алтаря богини Афины³⁶⁴. Приведем отрывок из второй песни «Энеиды» Вергилия о любви Кореба и Кассандры:

«iuvenisque Coroebus
Mygdonides: illis ad Troiam forte diebus
Venerat insano Cassandrae incensus amore,
Et gener auxilium Priamo Phrygibusque ferebat,
Infelix qui non sponsae praecepta furentis

³⁶² Здесь и далее немецкий текст баллады Ф. Шиллера приводится по изданию: Schillers Sämtliche Werke : vollftändig in vier Bänden : mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 164—167.

³⁶³ Текст баллады Жуковского «Кассандра» приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 16—20.

³⁶⁴ Показательно, что в 1822—1824 годы Жуковский выбирает для перевода именно вторую книгу из «Энеиды» (из двенадцати) римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.) – «Разрушение Трои» – рассказ Энея о падении Трои.

Audierit» (Verg. Aen. II 341—345)³⁶⁵.

«К нам и Хорев Мигдонид, в Илион приведенный судьбою
За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью,
С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный!
Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты
Он не поверил...»³⁶⁶

В пятнадцатой строфе предвидение Кассандры своей гибели на чужбине содержит отсылку к трагедии Эсхила «Агамемнон», где подробно описывается участь Кассандры, последовавшей в качестве военного трофея в Аргос за Агамемноном и погибшей от руки Клитемнестры.

«О горькая судьба,
Удел многострадальный!
И я в котел беды
Свою печаль влила»³⁶⁷. (Aesch. Agam. 1129—1132)

Таковы одни из последних слов Кассандры в трагедии Эсхила «Агамемнон».

Исследователь В. Чешихин в книге «Жуковский как переводчик Шиллера» сравнивает балладу Жуковского с немецким подлинником и определяет перевод «Кассандры» как «не всегда точный, но всегда мастерский перевод»: «В “Кассандре” Жуковский кое-что посмягчил, кое-что приукрасил, но сделал это так, что идея баллады не пострадала. Эта идея выражена в двустишии:

“Nur der Irrthum ist das Leben,
Und das Wissen ist der Tod” —

двустишии, переданном совершенно верно:

“Лишь незнанье – жизнь прямая;
Знанье – смерть прямая нам!”

В результате получается прекрасный перевод»³⁶⁸, в терминологии современного переводоведения – эквивалентный перевод.

В переводе Жуковского соблюдены 4-х-стопный хорей подлинника, число стихов и строф.

³⁶⁵ Текст приводится по изданию: P. Vergilii Maronis Opera : cum appendice : in usum scholarum / iterum recognovit Otto Ribbeck, praemisit de vita et scriptis poetae narrationem. Editio stereotypa. Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, MCMIII. P. 133.

³⁶⁶ Текст приводится в переводе В. А. Жуковского по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. С. 65.

³⁶⁷ Текст приводится в переводе С. Апта по изданию: Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. ; коммент. Н. Подземской. М. : Искусство, 1978. С. 225.

³⁶⁸ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 16.

Отклонения от подлинника отмечены В. Чешихиным в его монографии. Так, в первой строфе Жуковский заменяет реалистические жизнеописания романтической метафорой. В тексте Фр. Шиллера:

«Alle Hände ruhen müde
Von dem thränenvollen Streit»³⁶⁹.

То есть:

«Все усталые руки покоятся
после слезообильного боя»³⁷⁰.

В переводе Жуковского:

«Спит гроза минувшей брани;
Щит, и меч, и конь забыт».

Во второй строфе у Шиллера показано бурное «вакхическое веселье» народа на улице:

«Dampferbrausend durch die Gassen
Wälzt sich die bacchant'sche Lust»,

то есть:

«С глухим раскатом по улице
разносится вакхическое веселье»³⁷¹.

У Жуковского празднование скромнее, оно происходит во дворце и им ограничивается:

«Стогны дышат фимиамом;
В злато царский дом одет».

Жуковский соблюдает повторения немецкого текста. У Шиллера 4 раза употребляется глагол *Seh* (вижу). У Жуковского 6 раз – «вижу», 1 раз – «зрю». По наблюдению О. Б. Лебедевой, Жуковский анафорическим повтором слова «Вижу» «акцентировал визуальный аспект образности баллады»³⁷².

Жуковский усиливает контрасты с помощью антитезы. У Шиллера в 4 строфе:

«Ich allein muß einsam trauern,
Denn mich flieht der süße Wahn,
Und geflügelt diesen Mauern
Seh ich das Verderben nahn».

То есть:

«Я должна одна скорбеть,

³⁶⁹ Немецкий текст баллады Шиллера здесь и далее приводится по изданию: Schillers Sämtliche Werke : vollständig in vier Bänden / mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 164—167.

³⁷⁰ Перевод В. Е. Чешихина приводится по: Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 11.

³⁷¹ Перевод В. Е. Чешихина приводится по: Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 11.

³⁷² Лебедева О. Кассандра («Все в обители Приама...») ... С. 274.

потому что бежит меня сладкое опьянение.

И я вижу, как окрыленная
приближается гибель к этим стенам»³⁷³.

В переводе Жуковского: «Ужас мне – что радость там» и «Мчится Гибель».

В 5 строфе у Шиллера:

«Feste seh ich froh bereiten,
Doch im ahnungsvollen Geist
Hör ich schon des Gottes Schreiten,
Der sie jammervoll zerreißt».

То есть:

«Я вижу радостно готовится праздник,
Но в полном предчувствии дух,
Слышу я уже шаги бога,
Который их горестно прервет»³⁷⁴.

Перевод Жуковского поэтичен, используются слова и выражения высокого стиля: «горé», «Слышно бога приближенье, Предлетящего бедам».

В 6 строфе расхождение с подлинником, отмеченное О. Б. Лебедевой³⁷⁵. В немецком тексте:

«Schweres hast du mir beschieden,
Pythicher, du ager Gott!»,

То есть:

«Тяжелое ты определил мне,
Пифийский, ты злой бог».

У Жуковского:

«Я тобой всех благ лишена,
О предведения взор!»

Жуковский не принимает философского взгляда Шиллера на античную религию и избегает фразы Шиллера «злой бог», руководствуясь христианской этикой. Справедливо замечание В. Е. Чешихина о Жуковском как поэте, «который больше всего на свете боится фразы; в этом сказывается национальная черта переводчика – стыдливость выражения, замечаемая и в жизни, и в творчестве натур замкнутых и целомудренных, женственно-пассивных, словом – славянских»³⁷⁶.

³⁷³ Перевод наш. – Е. К.

³⁷⁴ Перевод наш. – Е. К.

³⁷⁵ Лебедева О. Кассандра («Все в обители Приама...») ... С. 274.

³⁷⁶ Чешихин В. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 12—13.

Всеволод Чешихин, наблюдательный исследователь переводов В. А. Жуковского из Шиллера, отмечает, что в данном случае переводчик значительно отходит от оригинала, «смягчает тон подлинника. Шиллеровская Кассандра презирает слепцов, не внемлющих ее пророчеству, и, обращаясь к “пифийскому богу”, говорит:

Для того, чтобы я возвещала тебя, оракул,
Зачем ты выбросил меня сюда,
В город вечных слепцов,
Просветив мне мой разум?

Жуковский, по-видимому, был мало отзывчив на гордое чувство избранной, возвысившейся над толпою, натуры. Гуманный по природе до сентиментальности, он отступает от подлинника, чтобы ослабить резкость настроения»³⁷⁷:

«Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья
И блаженных им стократ?»

«Скромными чадами» называет Кассандра своих сограждан, однако перед ее взором уже витают мрачные тени всепоглощающего Аида, образы грядущих преступлений.

В 8 строфе у Шиллера:

«Schrecklich ist es, deiner Wahrheit
Sterbliches Gefäß zu sein».

То есть: «Тяжко быть смертным сосудом твоей правды»³⁷⁸. У Жуковского библеизм: смертную скуделью.

В 10 строфе 1—4 строки у Шиллера:

«Nimmer mit dem Schmuck der Bräute
Kränzt' ich mir das duft'ge Haar,
Seit ich deinem Dienst mich weihte
An dem traurigen Altar».

То есть:

«Никогда украшением невесты
Не увенчаю я душистую голову,
С тех пор как посвятила я себя твоей службе
У печального алтаря»³⁷⁹.

³⁷⁷ Там же. С. 11—12.

³⁷⁸ Перевод наш. – Е. К.

³⁷⁹ Перевод наш. – Е. К.

У Жуковского контраст:

«Вижу факел погребальный;

Вижу ранний гроб открыт».

В 13 строфе в немецком тексте:

«Gerne möcht ich mit dem Gatten

In die heim'sche Wohnung ziehn».

То есть:

«Я хотела бы с супругом

Удалиться в домашнее жилище»³⁸⁰.

Жуковский усиливает контраст:

«Но для нас перед богами

Брачный гимн не возгремит».

В 14 строфе немецкого текста:

«Ihre bleichen Larven alle

Sendet mir Proserpina,

Wo ich wandre, wo ich walle,

Stehen mir die Geister da».

То есть:

«Своих бледных духов

Все шлет мне Прозерпина,

Куда я ни обращаюсь, куда ни брошусь,

Везде духи стоят передо мною»³⁸¹.

Жуковский усиливает движение: «Неотступные, летят», в последних двух строках этой строфы усиливает контраст. У Шиллера:

«Ein entsetzliches Gewühle,

Nimmer kann ich fröhlich sein».

То есть:

«Ужасающая сутолока,

Никогда не могу я быть радостной»³⁸².

В переводе Жуковского:

«Внемля радостные клики,

Внемлю их надгробный вой».

³⁸⁰ Перевод наш. – Е. К.

³⁸¹ Перевод наш. – Е. К.

³⁸² Перевод наш. – Е. К.

В 15 строфе у Шиллера:

«Nicht die Blicke darf ich wenden,
Wissend, schauend, unverwandt
Muß ich mein Geschick vollenden,
Failend in dem fremden Land».

То есть:

«Ни направо, ни налево
Не могу я бежать от страха;
Не могу обратить свой взор,
Зная, видя, без родных
Я должна свершить мою судьбу
Умирая (падая) в чужой стране»³⁸³.

Жуковский добавляет контрастные строки с помощью антитез:

«Там невидимого жала
Яд погибелью грозит»;
«Ты падешь, страна родная,
Я в чужбине гроб найду».

Конец 16 строфы у Шиллера:

«Und des Donners Wolken hangen
Schwer herab auf Iion».

То есть: «И тучи Грома (метонимия – громовника) нависают Тяжко над Илионом»³⁸⁴. В переводе Жуковского взгляд Зевса: «И карающий громами Грозно смотрит на Пергам».

Эмоциональность переводу Жуковского придают междометия: «Ах!» (ст. 53, 79, 87) и многоточия, отсутствующие в подлиннике: ст. 15 «Снова счастье над Пергамом»; ст. 37—38 «Зрю пиров уготовленья... Но... горé, по небесам»; ст. 53—54 «Ах! Почто она предвидит То, чего не отвратит?..»; ст. 86 «Мир цветущий пуст и дик...»; ст. 100 «Полный страстною тоской...»; ст. 120 «Я в чужбине гроб найду...»; ст. 121—122 «И слова еще звучали... Вдруг... шумит священный лес...»; ст. 126 «Боги мчатся к небесам...». В двух случаях в переводе имеются восклицательные предложения, тогда как в оригинальном тексте – повествовательные: ст. 68—69 «Мирный мрак минувших дней, с вами скрылись наслажденья!» и ст. 89 «Сладкий жребий Поликсены!». Думается, что эти восклицания введены Жуковским в качестве равноценной замены других восклицательных предложений подлинника, которые он ранее перевел повествовательно, как то: ст. 61—62 «Nimm, o nimm die traure Klarheit, Mir vom Aug

³⁸³ Перевод наш. – Е. К.

³⁸⁴ Перевод наш. – Е. К.

den blut'gen Schein!» – «Феб, возьми твой дар опасной, Очи мне спеши затмить»; ст. 65—66 «Meine Blindheit gib mir wieder Und den fröhlich dunkeln Sinn» – «Я забыла славить радость, Став пророчицей твоей».

Исследователь О. Б. Лебедева указывает, что баллада «Кассандра» Жуковского рассматривалась современниками преимущественно в двух направлениях: «в русле общей идеи шиллеризма Жуковского и позже – как неотъемлемая часть опытов Жуковского по переводу и переложениям античного эпоса»³⁸⁵. Так, В. К. Кюхельбекер написал поэму «Кассандра» (1822—1823) под впечатлением от баллады Жуковского и продолжающую ее сюжет. Показательна также запись поэта И. И. Козлова в своем дневнике от 9 мая 1825 года: «<...> прочли отрывок из “Энеиды”, переведенный Жуковским, и его балладу “Кассандра”»³⁸⁶. Эта запись свидетельствует о единстве восприятия баллады «Кассандра» и других произведений Жуковского о Троянской войне.

1.4.2 Баллада «Ивиковы журавли» (1813)

Баллада В.А. Жуковского «Ивиковы журавли» написана в 1813 году. Впервые она была напечатана в журнале «Вестник Европы» за 1814 год в № 3 и представляет собой перевод баллады Ф. Шиллера «Die Kraniche des Ibykus» («Журавли Ивика»). В первых двух прижизненных изданиях стихотворений Жуковского баллада печаталась с подзаголовком: «Из Шиллера». В третьем издании Жуковский квалифицировал свой перевод как «Подражание Шиллеру». В последующих изданиях баллада печаталась без подзаголовка.

Баллада «Die Kraniche des Ibykus» Ф. Шиллера была написана в 1797 году и впервые опубликована в «Musen-Almanach für das Jahr 1798». Сюжет баллады воспроизводит греческую легенду о смерти древнегреческого поэта Ивика (2-я половина VI века до н. э.), уроженца итальянского города Регия. Согласно преданию, Ивик был странствующим поэтом, путешествующим по Южной Италии и Сицилии, некоторое время жил у Самосского тирана Поликрата. Ивик был убит на пути в Коринф, где, по обычаю, раз в два года проходили состязания певцов в честь морского бога Посейдона и назывались Истмийскими играми. Творчество Ивика высоко ценилось античными филологами, которые рассматривали его в

³⁸⁵ Лебедева О. Кассандра («Все в обители Приама...») ... С. 274.

³⁸⁶ В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука, 1999. С. 175.

одном ряду с Алкеем, Сапфо, Пиндаром и другими поэтами древности. Современная филологическая наука приписывает Ивику обширный фрагмент из 48 стихов, неоднородный по своему содержанию. С одной стороны, еще с древности Ивик был известен как автор эротических стихотворений³⁸⁷, с другой стороны, находка фрагмента произведений Ивика в начале XX века позволяет говорить об эпической направленности творчества античного лирика, о его интересе к мифам о Геракле, об аргонавтах и Троянской войне³⁸⁸.

Легенда о смерти Ивика восходит к античным источникам. Так, Антипатр Сидонский (II—I вв. до н. э.) в эпиграмме (VII, 745) обстоятельно повествует о гибели Ивика от рук разбойников и последующем разоблачении убийц:

«Ивик, разбойники как-то убили тебя, ты из храма
Вышел на берег, куда и не ступала нога.
Но ты на помощь призвал журавлиную стаю, и птицы
Стали, к тебе прилетев, смерти свидетелем злой.
Ты не напрасно изгнал их: Эринния, кары богиня,
Крик услышав журавлей, смерть отомстила твою»³⁸⁹.

Ученый-литературовед А. Г. Горнфельд († 1941) в комментарии к балладе Ф. Шиллера указал также на более поздние художественные обработки названного сюжета: у византийского лексикографа Свида, гуманиста Эразма Роттердамского, в сборнике анекдотов и изречений «Adagia», у Фомы Фацелли в «De rebus Siculis»³⁹⁰.

Однако непосредственным источником балладного сюжета послужила история, изложенная в трактате древнегреческого философа, биографа и моралиста Плутарха († ок. 127 г. н. э.) «О болтливости» (14 глава): «для слова, вырвавшегося из уст, словно из гавани, ни остановки не существует, ни якоря; мчась с шумом и звоном, оно ввергает сказавшего в великую и страшную опасность. <...> А большинство болтунов губит себя вовсе без причины. <...> И разве не подобным образом были пойманы убийцы Ивика, когда, сидя в театре, начали при виде журавлей со смехом перешептываться, что, мол, явились Ивиковы мстители? Между тем Ивик пропал уже давно, его разыскивали, и те, кто, сидя поблизости, услышали этот шепот, тотчас

³⁸⁷ Марк Туллий Цицерон писал об Ивику: «Едва ли не больше всех пылал такой любовью регийский Ивик, судя по его сочинениям» (Сic. Tusc. V, 33, 71) (Текст приводится в переводе М. Гаспарова по изданию: Цицерон М. Т. Избранные сочинения / пер. с лат.; сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 319.

³⁸⁸ О творчестве Ивика см. подробнее: Рыжкина З. А. Эпическая традиция в творчестве Ивика // Ранняя греческая лирика (миф, культ, мировоззрение, стиль). СПб.: Алетейя, 1999. С. 101—113.

³⁸⁹ Текст эпиграммы в переводе Ю. Шульц приводится по изданию: Греческая эпиграмма / изд. подгот. Н. А. Чистякова. СПб.: Наука, 1993. С. 196—197.

³⁹⁰ См.: Собр. соч. Шиллера в переводах русских писателей: в 4 т. / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 431.

ухватились за это и донесли властям. Так, избличенные, они были подвергнуты пыткам, и наказали их не журавли, а болтливый зуд, заставивший проговориться об убийстве»³⁹¹.

Согласно изысканиям исследователя О. Б. Лебедевой, сначала на этот сюжет обратил внимание Гёте, но, по литературному обычаю того времени (так как конкуренция была нежелательна), Гёте уступил право разработки сюжета Шиллеру³⁹².

Шиллер, в свою очередь, признавая за Гёте право авторства творческой идеи, обращался к нему с просьбой дать рекомендации по творческой интерпретации античного сюжета. Гёте отвечал Шиллеру: «Журавли как перелетные птицы должны образовывать целую стаю, которая и проносится над Ивиком, так и над театром; они появляются как природный феномен и, таким образом, встают в один ряд с солнцем и другими закономерными явлениями. Этим устраняется также элемент чуда, поскольку, в сущности, нет никакой надобности в том, чтобы это были те самые журавли, <...> и такая случайность, как мне представляется, и создает собственно таинственное и необычное в этой истории». «Meo voto Ивик должен был бы встретиться с журавлями еще раньше, в пути, <...> пусть он увидит в этом доброе предзнаменование, а затем, попав в руки убийц, пусть обратится к уже знакомым ему журавлям, своим спутникам, и призовет их в свидетели. <...> Как видите, я стремлюсь <...> превратить этих журавлей в протяженный и широкий феномен, который, как мне кажется, прекрасно может быть связан с протяженной и всеохватывающей нитью Эвменид»³⁹³.

Шиллер с благодарностью принимал советы литературного друга: «Я постараюсь придать этим журавлям, которые являются ведь воплощением рока, бóльшую широту и значимость»³⁹⁴. И далее Шиллер замечал: «Между тем мое изложение не должно вступать с сферу чудесного, я намеренно избегал этого уже в черновом наброске, только оставил все это слишком уж неопределенным. Катастрофа должна объясняться простой, естественной случайностью. Эта случайность направляет полет стаи журавлей над театром; убийца находится среди зрителей, и хотя трагедия нисколько не тронула, не потрясла его (этого я не думаю), однако она напомнила ему об его злодеянии, а стало быть, и о том, что происходило при этом; душа его занята этим, и, следовательно, появление журавлей как раз в этот момент должно поразить его: он грубый и тупой парень, всецело подпадающий под власть мгновенного впечатления. При подобных обстоятельствах громкий возглас совершенно естествен <...> Балладу в ее нынешнем

³⁹¹ Текст цитируется по изданию: Плутарх. Соч. : пер. с древнегреч. / сост. С. Аверинцева ; вступ. ст. А. Лосева. М. : Худож. лит., 1983. С. 467—471.

³⁹² Гёте И. В. Переписка ... Т. 1. С. 361, 379, 380.

³⁹³ Там же. С. 400, 402.

³⁹⁴ Там же. С. 405.

измененном виде я послал Бёттигеру, чтобы узнать у него, не противоречит ли в ней что-либо древнегреческим обычаям»³⁹⁵.

И. М. Семенко, анализируя стихотворение «Ивиковы журавли», отмечает, что «в основе древнегреческой легенды, использованной Шиллером, лежит античная идея Возмездия»³⁹⁶, и делает акцент на преемственности образа богинь мщения Эриний от трагедии Эсхила «Эвмениды».

Жуковский снабдил свой перевод примечаниями, что также свидетельствует о внимательном отношении к переводимому тексту, а также об учительской заботе поэта-педагога о своих читателях. Так, первые два стиха баллады (*На Посидонов пир веселый, Куда стекались чада Гелы...*) поэт комментирует: «Под словом Посидонов пир разумеются здесь Истмийские игры, которые отправляемы были на перешейке (Истме) Коринфском, в честь Посидона (Нептуна). Победители получали сосновые венцы. Гела, Элла, Эллада – имена древней Греции». Стих 71. *Лишь Гелиос то зрел священный...* также снабжен примечанием Жуковского: «Гелиос – имя солнца у Греков». Стих 96. *И тихо выступает хор...* Жуковский поясняет: «Хор Эвменид (Эриний, Фурий). Сии богини, дочери Ноци и Ахерона, открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде»³⁹⁷.

Перевод Жуковского является эквиметричным: поэт сохранил четырехстопный ямб, однако обилие спондеев делает ритм русского стиха более разнообразным. Баллада «Ивиковы журавли» является единственной среди ранних баллад Жуковского, которая написана четырехстопным ямбом. Исследователь русского стихосложения С. А. Матяш в первом периоде балладного творчества (1808—1814) в балладах среди стихотворных размеров лидирует четырехстопный хорей³⁹⁸. «4Я – самый широко употребляемый размер в малых жанрах: им написана 1/5 часть всех лирических произведений»³⁹⁹, поэтому введение этого стихотворного размера в более крупную жанровую форму (баллада – лиро-эпический жанр) является метрическим новаторством Жуковского. В переводе соблюдается строфическая структура немецкого подлинника. Восьмистишная строфа состоит из двух двестишней и одного четырехстишия. Рифмы парные женские и парные мужские в двух двестишиях, открывающих строфу, и перекрестные женские и мужские в завершающем четверостишии: АА бб ВгВг. В фонетическом исполнении рифма баллады точная. Факты отступлений незначительны – йотированные рифмы: веселый – Гелы; обнаженный – искаженны; приметно – несметной;

³⁹⁵ Гёте И. В. Переписка ... Т. 1. С. 412—413.

³⁹⁶ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 218.

³⁹⁷ Цит. по: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 295—297.

³⁹⁸ Матяш С. А. Стих баллад В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 248.

³⁹⁹ Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М. : Наука, 1979. С. 28.

важно – протяжной; сраженной – сокровенно. Однако, по замечанию М. Л. Гаспарова, йотированные рифмы в поэзии Жуковского «канонизируются»⁴⁰⁰.

В абсолютном большинстве своем рифма бедная (в первой строфе: певцов – богов; мечтою – клюкою; Аполлон – он), только в единичных случаях богатая: вышине – весне; мне – стране; вы – главы; зову – главу; лица – певца; поражена – одна; народ – род; презренный – священный; разноплеменных – соединенных; была – перешла; мы – тьмы; полна – тишина; потекли – вдали; той – густой; вдали – журавли; мгновенье – откровенье; смятенный – обличенный; злодей – судей.

Историк русской литературы В. Е. Чешихин, исследуя перевод «Ивиковых журавлей» Жуковского, отмечает: «Размер сохранен в точности. Переводчик следит внимательнейшим образом за подлинником, строка за строкою. Перевод «Ивиковых журавлей» замечателен прежде всего тою свободою, которую позволяет себе Жуковский, никогда при этом ею не злоупотребляющий; это уже – свобода мастера, свобода воспроизведения»⁴⁰¹.

Так, уже во второй строфе Жуковский добавляет подробность, отсутствующую в подлиннике:

«Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевой небес»⁴⁰².

В данном случае поэт-переводчик делает образ более поэтичным, что свидетельствует о его таланте живописать картины природы.

В третьей строфе Жуковский решает заменить слова немецкого текста «*der Gastliche*», то есть «гостеприимный хозяин», на «Зевес-хранитель».

Добавление имени верховного бога греческого пантеона, думается, было предпринято Жуковским для того, чтобы приблизить текст к читателю, сделать его более понятным.

В шестой строфе поэт заменяет «*furchtbar Krähn*», то есть «страшное карканье», на «жалобно-стелющийся глас», что делает интонацию баллады более лирической.

Девятая-десятая строфы, в которых описывается смятение народа, знающего, что тайный убийца безнаказанно находится среди свободных граждан, отсылают к трагедии Софокла «Царь Эдип», перипетия которой была связана с поисками неизвестного убийцы фиванского царя Лая⁴⁰³:

⁴⁰⁰ Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 3. С. 295.

⁴⁰¹ Чешихин В. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 35.

⁴⁰² Текст баллады Жуковского «Ивиковы Журавли» приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 39—44.

⁴⁰³ Ср.: «Креонт: О царь, владел когда-то нашим краем
Лай, – перед тем, как ты стал править в Фивах.
Эдип: Слышал, но сам не видывал его.

«Но где их след? Кому приметно
 Лицо врага в толпе несметной
 Притекших в Посидонов храм?
 Они ругаются богам.
 И кто ж – разбойник ли презренный
 Иль тайный враг удар нанес?
 Лишь Гелиос то зрел священный,
 Все озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
 Между шумящею толпою,
 Злодей сокрыть в сей самый час,
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукой;
 Или теснится на ступени
 Амфитеатра за толпой».

Креонт: Он был убит, и бог повелевает,
 Кто б ни были они, отмстить убийцам.
Эдип: Но где они? В каком краю? Где сыщешь
 Неясный след давнишнего злодейства?
Креонт: В пределах наших, – он сказал: «Прилежный
 Найдет его, но не найдет небрежный».
Эдип: Но дома у себя, или на поле,
 Или в чужом краю убит был Лай? <...>
Эдип: К вам ныне обращаюсь, дети Кадма:
 Кто знает человека, чьей рукой
 Был умерщвлен когда-то Лай, тому
 Мне обо все сказать повелеваю. <...>
 Приказываю, кто бы ни был он,
 Убийца тот, в стране, где я у власти,
 Под кров свой не вводить его и с ним
 Не говорить. К молениям и жертвам
 Не допускать его, ни к омовеньям, –
 Но гнать его из дома, ибо он –
 Виновник скверны, поразившей город.
 Так Аполлон нам ныне провещал.
 И вот теперь я – и поборник бога,
 И мститель за умершего царя.
 Я проклиная тайного убийцу, –
 Один ли скрылся, много ль было их, –
 Клянусь, что если с моего согласия
 Как гость он принят в доме у меня,

Пусть первый я подвергнусь наказанью» (Стихи 103—113, 226—229, 239—254 из Пролога, Эписодия первого приводятся в переводе С. Шервинского по: Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С. Шервинского ; коммент Н. Подземской. М. : Искусство, 1979. С. 10, 15—16).

Поэт-переводчик вводит новые поэтические образы, выражая возмущение затаившимся злодеем. Холодное и кощунственное сердце убийцы раскрывается в этих эмоционально представленных образах. Жуковский был знаком с трагедией Софокла «Царь Эдип», в 1811 году составил план трагедии и замыслил ее оригинальный перевод.

Согласно исследованию О. Б. Лебедевой, эти строки из баллады «Ивиковы журавли» «оказали бесспорное влияние на фрагмент оригинального замысла трагедии «Царь Эдип», написанной в 1843 году по мотивам трех трагедий Софокла на сюжеты Фиванского цикла:

Креон: Лай от руки неведомых убийц

Погиб. Их гибели желают боги.

Эдип: Но где ж они? Кто темные отыщет

Следы давно свершившейся вины? <...>

Эдип: Но где

Свершилось убийство? В доме ль царском

Иль в поле? Здесь ли иль в земле чужой? <...>

Эдип: И это скрытое велят нам боги

Теперь разоблачить. Но кто узнает

Убийцу тайного? Кто след к нему

Укажет нам? С поднятой головою

В сияньи Гелиоса он, быть может,

Меж нами ходит, смело издеваясь

Над нашею бедою! Как открыть

Его в толпе народа?»⁴⁰⁴

В тринадцатой строфе Жуковский вводит новый поэтический образ («Священным страхом окружен»), усиливающий экспрессивность подлинника и передающий читателям эмоциональное напряжение:

«По древнему обряду, важно,

Походкой мерной и протяжной,

Священным страхом окружен,

Обходит вокруг театра он».

В этой строфе примечательно также медленное движение богинь мщения, точно переданное Жуковским с немецкого подлинника. «Образ тихого приближения богов к преступнику-жертве

⁴⁰⁴ Цит. по: Лебедева О. Б. Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1992. С. 139—145.

был <...> весьма распространен и в греческой, и в римской литературе»⁴⁰⁵, – отмечает исследователь А. К. Гаврилов. В античности было известно представление о том, что ноги богов «окутаны шерстью» – «*dii pedes lanatos habent*» (Петроний «Сатирикон», гл. 44), «благодаря чему грозное их приближение не слышно виновным, позабывшим о божеском возмездии из-за медлительности»⁴⁰⁶.

Новые подробности в четырнадцатой строфе в описании греческих богинь мщения в переводе Жуковского делают их образ более выразительным:

*«Эхидны движат с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов».*

Подробности, выделенные нами курсивом, делают образ богинь мщения более выразительным.

В пятнадцатой строфе поэт-переводчик «сгущает краски»⁴⁰⁷:

*«И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: казнь!»*

В. Е. Чешихин комментирует перевод этих строк: «<...> у Жуковского в этом стихе царит откровенная сила и энергия»⁴⁰⁸.

Шестнадцатая и семнадцатая строфы баллады, где выступает хор Эвменид, восходят к следующим строкам трагедии Эсхила «Эвмениды» (третья часть трилогии «Орестея»):

Хор: Скройся под землю он,
Будет и там
Настигнут.
Мечь на главу свою,
Дерзкий, навлек, – и мечь
Его найдет.
И на распутьи – казнь!

(Пролог, парод, антистрофа III)

Хор: Заведем хоровод! Вкруг убийцы кружить,
Песнь убийце сложить
Нам подземная Муза внушила –

⁴⁰⁵ Гаврилов А. К. *Lanati pedes* и позднее возмездие богов // *Philologia classica* : межвузовский сб. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. Вып. 4. *Notatiana*. С. 174.

⁴⁰⁶ Там же. С. 170.

⁴⁰⁷ Чешихин В. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 41.

⁴⁰⁸ Там же. С. 41.

И воспеть наш удел: человеческих дел
 Быть бессонною стражей – велела.
 Правый суд – скорый суд. Тех не тронет наш гнев,
 Чьи от солнца не прячутся руки,
 Ибо чисты они, беспорочная жизнь
 Протекает, счастливая, в мире.
 На того ж, кто укрыл, как сей муж под плащом
 Обагрённые кровию длани,
 Мы донос принесем, мы улики сберем,
 И на тяжбе убитых на том присягнем,
 И возмездия стребуем дани (Эпизодий второй, парод II)⁴⁰⁹.

В «Оресте» Эсхил повествует о том, как «неудержимая лавина страстей влечет за собой нагромождение преступлений, и как в ответ приходит отмщение. Вонзив жертвенный нож в тело своей дочери, Агамемнон своими руками уготовил себе то, что индейцы назвали бы кармой. <...> Велика ответственность человека. Посягая на закон Правды, он вызывает из тьмы разрушительные силы, которые, как буря, врываются в его жизнь. Вот где разгадка зловещей летописи дома Атридов: в их судьбе правит не произвол, а совершается законный приговор: Небо сурово, но справедливо»⁴¹⁰. Как когда-то Клитемнестра и Эгисф получили отмщение за убийство невинного песнопевца (Гомер «Одиссея», III, 267—271), так и теперь смертная участь ждет убийц Ивика.

В греческой философии существовало представление об Эринниях как хранительницах правды. «Солнце не перейдет своей меры, – говорит Гераклит, – иначе его бы настигли Эринии, союзницы Правды» (В 94Д)⁴¹¹.

Справедливость суда над совершившими злодеяние подчеркивается в балладе Жуковским, который называет Эринний Эвменидами, то есть благомыслящими, покровительницами законности.

Первые два стиха шестнадцатой строфы в русском переводе звучат так:

«Блажен, кто незнаком с виною,
 Кто чист младенчески душою!»

Видимо, Жуковский почувствовал Евангельский посыл немецкого текста и обратился к Евангельскому слову из Заповедей блаженств (Мф. 5: 3—12). Жуковский стремился

⁴⁰⁹ Трагедия Эсхила «Эвмениды» приводится в переводе В. Иванова по кн.: Эсхил. Трагедии. М. : Наука, 1989. 592 с.

⁴¹⁰ Мень А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. М. : Слово, 1992. Т. 4. С. 99—100.

⁴¹¹ Текст приводится в переводе М. А. Дынкина по изданию: Античные философы : свидетельства, фрагменты, тексты / сост. доц. А. А. Аветисьян ; предисл. и общ. ред. А. А. Аветисьяна. Киев : Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1955. С. 26.

проникнуть вглубь подлинника и увидел в нем возможность говорить с читателями о христианских истинах. В данном случае хорошо применимы слова В. Чешихина, что перевод Жуковского выполнен с «близостью (если не всегда к подлиннику, то обязательно – к намерениям автора)». Русский поэт «силой слова и поэтического образа, <...> превосходит подлинник»⁴¹², что соответствует мнению современного исследователя о переводах: «Жуковский становится настоящим творцом поэтического текста»⁴¹³.

В двадцатой строфе Жуковский меняет имя убийцы Ивика. У Шиллера *Timotheus* (Тимофей, букв. почитающий Бога от греч. τιμάω – ценить, чтить, почитать + Θεός – Бог). У Жуковского Парфений (от греч. παρθένος – неженатый, целомудренный, девственный, чистый). Если учитывать внутреннюю форму этих греческих, по своему происхождению, имен, то замену Жуковского вполне можно признать равнозначной. Оба имени («Почитающий Бога» и «Целомудренный») не соответствуют поступку героя и выполняют стилистическую роль антитезы в художественном тексте.

В двадцать первой строфе строка «как будто *свыше откровенья*» создает дополнительные христианские коннотации в переводе Жуковского.

В последней 23 строфе:

«И бледен, *трепетен, смятенный*,
Незапной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей:
Перед судилище судей:
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор».

Перевод Жуковского эмоциональнее подлинника.

Жуковский для усиления экспрессивности повествования вводит в текст последней строфы индивидуальные авторские эпитеты: жалобно-стениящий, гнусный, священный, страшный, трепетен, смятенный, смущенный, склоненный, тщетный. Если выразить мысль словами В. Е. Чешихина, то при переводе этих стихов баллады «Ивиковы журавли» Жуковский «перестает быть акварелистом и копирует картины великих мастеров масляными красками, столь же свежими и сочными, как краски оригинала»⁴¹⁴.

⁴¹² Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 41.

⁴¹³ Воронина И. П. К проблеме специфики поэтического перевода первой половины XIX века : переводы В. А. Жуковского из Гёте // Молодой ученый. № 7 (42). Июль, 2012. С. 141.

⁴¹⁴ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 35.

Описание внутренних переживаний уличенного убийцы отсутствует у Шиллера⁴¹⁵. Возможно, Жуковскому был важен незримый суд, который происходит в душе разбойников. Быть может, этот суд дарует преступникам осознание, что они вступили на ложный путь, позабыв правду, свое истинное земное предназначение. Примечательны в связи с этим строки из баллады Жуковского «Варвик» (1814, перевод баллады английского поэта Р. Саути «Lord William»), где говорится о душевных страданиях убийцы:

«Вотще Варвик с родных берегов уходит –
 Приюта в мире нет:
 Страшилищем ужасным совесть бродит
 Везде за ним вослед»⁴¹⁶.

Для передачи эмоционального напряжения Жуковский вводит в свой перевод баллады многоточия, отсутствующие в немецком подлиннике: ст. 12: «Он входит в Посидонов лес...»; ст. 27 «Идет заглохшею тропой...»; ст. 41—42 «И он боролся уж с кончиной... Вдруг... шум от стаи журавлиной»; ст. 58—59 «И внемлют гости Посидона, Что пал наперсник Аполлона...»; ст.: 94 «С Эгейских вод, с Фракийских гор...»; ст. 124 «Ему чужда дорога бед...»; ст. 155—156 «Парфений, слышишь?.. Крик вдали – То Ивиковы журавли!..»; ст. 159—160 «И видят... черной полосой Станица журавлей летит»; ст. 161 «Что? Ивик?...»; ст. 163 «Из уст в уста... шумит народ»; ст. 165—166 «Наш добрый Ивик! Наш сраженный Врагом неизвестным поэт!..».

В. Чешихин размышляет: «Рассматривая перевод “Ивиковых журавлей” в его целом, должно сознаться, что он ни в каком отношении не уступает подлиннику. Приходится допустить известную “согениальность” (Köngenialität, как говорят немцы) между переводчиком и поэтом, известную гармонию их индивидуальностей. И действительно, эти индивидуальности должны были гармонировать постольку, поскольку идеалист-классик, каковым был Шиллер, сходен с идеалистом-романтиком, каков был Жуковский. Вся разница между ними та, что Шиллер, как поэт более объективный, чаще Жуковского пользовался опытным наблюдением явлений внешнего мира как материалом для своего поэтического творчества. Внутреннее созерцание, индивидуальный элемент искусства (в противоположение наблюдению внешнему, элементу социальному в широком значении слова) был равно свойствен творчеству как автора, так и переводчика. Стоило только Жуковскому усилить реалистические краски в его поэтических образах – и он подымался до Шиллера, как мы это видим по переводу “Ивиковых журавлей”»⁴¹⁷. Если воспользоваться терминологией английского поэта и литературного критика Джона Драйдена (1631–1700), то перевод Жуковского, в данном случае, можно назвать

⁴¹⁵ Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. Казань : Изд-во Казан. Ун-та, 1980. С. 53.

⁴¹⁶ Текст приводится по: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 46.

⁴¹⁷ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 42—43.

«парафразой»: «<...> *парафраза*, “или перевод со свободой, где переводчик никогда не теряет автора из виду, однако не столь строго следуя его словам, сколько смыслу, причем этот последний допускается расширять, но не изменять”»⁴¹⁸.

Баллада «Ивиковы журавли» оказалась причастна к литературной полемике вокруг балладного жанра 1810-х годов. Катенин П. А. написал «русскую балладу» «Убийца» на основе сюжета «Ивиковых журавлей». Исследователь А. С. Янушкевич отметил, что «Катенин балладой “Убийца”, по сути дела, начал полемику с Жуковским, противопоставив «русскую балладу» «античной балладе» Жуковского, как годом позже он противопоставил свою концепцию жанра простонародной «русской баллады» («Ольга») русифицированной «европейской балладе» («Людмила») Жуковского – вольное подражание балладе Бюргера «Ленора») и опыту национальной интерпретации жанра Жуковским (оригинальная баллада «Светлана» – первая публикация в 1813 г.). Стиль баллады Катенина «Убийца» впоследствии высоко оценил А. С. Пушкин статье «Сочинение и переводы в стихах Павла Катенина» (1833, впервые – Литературные прибавления к Русскому инвалиду. СПб., 1833. № 26 от 1 апреля): «После *Ольги* явился *Убийца*, лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, *плешивым!* Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики»⁴¹⁹.

Таким образом, баллада в русской традиции оказалась далека от европейских образцов, на которые ориентировался Жуковский.

1.4.3 Греческие источники баллады «Ахилл» (1812—1814)

Над оригинальной балладой «Ахилл» Жуковский работал с ноября-декабря 1812 по ноябрь 1814 года.

А. С. Янушкевич, исследуя историю создания баллады, рукописные бумаги поэта, сочетает появление баллады с историей Отечественной войны 1812 года: «Беловой автограф первой строфы находится в рабочей тетради Жуковского сразу же вслед за стихотворением «Нина к

⁴¹⁸ Бибихин В. В. Джон Стайнер. После Вавилона: аспекты языка и перевода // Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература / отв. Ред и составитель О. Е. Лебедева. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 131.

⁴¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. Т. 11. С. 221.

своему супругу» – с датой: «1812 года 1 июня». Автограф, включающий текст 1–10 строф и являющийся отражением следующей стадии творческого процесса благодаря указаниям М. А. Протасовой: «Романово» и «Вильна», позволяет говорить о связи баллады с событиями Отечественной войны 1812 г.: пребыванием Жуковского при главной квартире русской армии и штабе Кутузова в селе Романове (ноябрь 1812 г.) и его лечением в госпитале Вильны (декабрь 1812 г.). В этом смысле начало работы над балладой не только было вызвано Отечественной войной 1812 г., но и берет свои истоки в атмосфере поэтической рефлексии Жуковского об участии в ней. Стихотворение «Певец во стане русских воинов», законченное 13–20 октября (его черновая редакция с пометами: «Октября 13. Чернь» и «Кончено 20-го» находится непосредственно перед текстом автографа № 2), и послание «Вождю победителей» (10 ноября) стали теми ориентирами, которые определили направление мысли и характер форм ее выражения в античной балладе. Античный материал органично вписался в реальные события русской истории»⁴²⁰. «Перерыв в работе над балладой (почти в течение двух лет, с декабря 1812 по ноябрь 1814 г.) был связан не только с обстоятельствами личной жизни поэта: болезнь, история драматической любви к Маше Протасовой, но и причинами творческого характера: идет поиск нового стиля. Думается, одним из импульсов, определившим новое обращение к тексту баллады в долбинскую осень 1814 г., стали реальные события, прежде всего заграничные походы русских войск и трагическая гибель Андрея Кайсарова в сражении под Гайнау 14 (26) мая 1814 г. Эти обстоятельства вновь обратили взор поэта к событиям недавнего прошлого – его участию в Отечественной войне 1812 г.»⁴²¹.

Поэт и ученый-литературовед А. Н. Егунов обращает внимание на то, что написание баллады «Ахилл» навеяно обращением В. А. Жуковского к гомеровскому эпосу: «Гнедичевский переводы отрывков из Илиады, напечатанные в январской книжке “Вестника Европы” за 1815 год, вызвали в следующем номере журнала (№ 4, февраль) появление стихотворения Жуковского “Ахилл”, варьирующего ту же тему. Жуковский мог, конечно, и раньше знать этот эпизод “Илиады”, но такое близкое, по времени, соседство с гнедичевским переводом не может быть случайным: оно свидетельствует о впечатлении, произведенном этим отрывком, и подтверждает свойство Жуковского заражаться чужим творчеством»⁴²². Среди отрывков, опубликованных Н. И. Гнедичем в «Вестнике Европы» – явление Ахиллу тени Патрокла (XXIII, 58–126), Приам в ставке Ахилла (XXIV, 695 и сл.), плач Андромахи над телом Гектора (XXIV, 695 и сл.). Реминисценции гомеровского эпоса есть в балладе «Ахилл», которая вошла в последующие собрания сочинений Жуковского (1816, 1818, 1824, 1835 и сл.).

⁴²⁰ Янушкевич А. Ахилл («Отуманилася Ида...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 3. Баллады. С. 316.

⁴²¹ Там же. С. 317.

⁴²² Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 199.

Филолог-классик, византист С. П. Шестаков (1895–1968) отметил связь баллады Жуковского «Ахилл» с переводом «Илиады» Гомера (1828) в статье «В. А. Жуковский как переводчик Гомера»: «Эпизоды, намечаемые в балладе: плач Ахилла о Патрокле, грозное явление его перед врагами на краю рва ахейского укрепления для устранения их и освобождения из их рук трупа погибшего друга, предсказание его вещим конем близкой смерти его самого – составляют значительную часть переведенного Жуковским отрывка из Илиады»⁴²³.

Ц. С. Вольпе в комментарии к балладе, соглашаясь с близостью баллады к Гомеровой «Илиаде», также говорит о влиянии «античных» баллад Шиллера: «Но если содержание “Ахилла” восходит к “Илиаде”, то самый характер разработки стихотворения с античным сюжетом Жуковскому подсказал Шиллер. Сопоставление “Ахилла” с “Кассандрой” подсказывает, что обе баллады построены по одному принципу»⁴²⁴.

Баллада «Ахилл» написана четырехстопным пиррихированным хореем. Восьмистишная строфа, состоящая из двух четверостиший с перекрестной рифмовкой, чередованием женских и мужских окончаний: АБАБ ВГВГ. С фонетической точки зрения рифма во всех случаях точная. Бедная рифма преобладает, но в практически в каждой строфе один-два раза – богатая: сверкает – окликает; костров – шатров; луны – отражены; опустелом – телом; колесницей – багряницей; врат – возврат; печальной – погребальной; стреда – отвида; пустота – сирота; дали – корабли; Трои – герои; одном – сном; воды – своды; места – красота; убирайтесь – оглашайтесь; видать – отдать; головы – вы; вы – главы; собою – судьбою; тишине – мне; мной – родной; влекомый – незнакомый; укажет – скажет; ночи – лучи; страх – прах; десницу – колесницу; священный – уединенный; Неоптолем – шлем; полет – дет; сверкает – окликает; костров – шатров. Йотированные рифмы: струны – юный; жестокой – далеко.

К Гомеровой «Илиаде» восходит описание скорбящего о Патрокле героя Ахилла (XXIV, 10—12)⁴²⁵, ночью, на морском берегу, вдали от других воинов:

«И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана;
Он главу на длань склонил».

Далее в балладе представлена встреча Ахилла с Приамом. Ахилл издали замечает колесницу троянского царя и берет в руки лиру. Жуковский понимает гомеровского персонажа в духе

⁴²³ Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1902. Вып. 22. С. 8.

⁴²⁴ Жуковский В. А. Стихотворения : в 2 т. / вступит. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л. : Сов. Писатель, 1939. Т. 1. С. 397.

⁴²⁵ «То на хребет он ложился, то на бок, то, ниц обратясь,

К ложу лицом припадал; напоследок, бросивши ложе,

Берегом моря бродил он, тоскующий» (Перевод Н. И. Гнедича приводится по изданию: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочй, 1982. С. 385).

современной ему романтической поэзии. В балладе показан романтический пейзаж: берег моря, луна.

Луна в «Илиаде» Гомера упоминается очень редко. Луна – в греческом языке ἡ σελήνη, появляется в сравнении (VIII, 553—559), в описании битвы (XVII, 367—368). Также луна была изображена на щите Ахилла (XVIII, 484). Месяц – ὁ μὲν встречается в сравнениях (XIX, 374, XXIII, 455). Приведем здесь сравнение из VIII песни (553—559) «Илиады», вероятно, замеченное Жуковским:

Οἱ δὲ μέγα φρονέοντες ἐπὶ πτολέμοιο γεφύρας
 εἶατο παννύχιοι, πυρὰ δὲ σφισι καίετο πολλά.
 ὡς δ' ὅτ' ἐν οὐρανῷ ἄστρο φαεινὴν ἀμφὶ σελένην
 φαίνεται ἀριπρεπέα, ὅτε τ' ἔπλετο νήμεος αἰθήρ,
 ἔκ τ' ἔφανε πᾶσαι σκοπιαὶ καὶ πρόωνες ἄκροι
 καὶ νάπαι· οὐρανόθεν δ' ἄρ' ὑπερράγη ἄσπετος αἰθήρ,
 πάντα δὲ εἶδεται ἄστρο, γέγηθε δὲ τε φρένα ποιμήν...⁴²⁶

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
 Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
 Словно как на небе около месяца ясного сонмом
 Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
 Всё кругом открывается — хólмы, высокие горы,
 Доли; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
 Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится...⁴²⁷

В переводе Н. И. Гнедича греческое слово «σελήνη» – «луна» – называется «месяц». Так, луна упоминается и в балладе Жуковского «Ахилл»:

«Отуманилася Ида;
 Омрачился Илион;
 Спит во мраке стан Атрида;
 На равнине битвы сон.
 Тихо все... курясь, сверкает
 Пламень гаснущих костров,

⁴²⁶ Греческий текст «Илиады» Гомера здесь и далее приводится по изданию: Homeri Ilias / recensuit Arthurus Ludwich. Lipsiae : In aedibus V. G. Teubneri, MDCCCXCII. Vol. 1. P. 345—346.

⁴²⁷ На это гомеровское сравнение также указывает Т. Г. Мальчукова. См.: Мальчукова Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв. Ч. 2. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 25—26.

И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.

Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящую пучиной
И брега отражены;
Виден в поле опустелом
С колесницею Приам:
Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам»⁴²⁸.

Еще одна деталь создает романтическую атмосферу в балладе Жуковского – лира в руках Ахилла, под аккомпанемент которой он поет о гибели Патрокла и жертвах Троянской войны, о своей близкой смерти, о горе отцов, не дождавшихся своих сыновей. Образ Ахилла, играющего на лире, вероятно, был навеян Жуковскому чтением IX песни «Илиады» (IX, 186—189), в которой греческие воины идут в ставку Ахилла по берегу моря, чтобы смягчить его гнев и видят в руках героя «звонкую лиру» – «φόρμιγξ λιγεία» которой он «дух услаждал, воспевая славу героев» – «τῆ ὅ γε θυμὸν ἔτερπεν, ἄειδε δ' ἄρα κλέα ἀνδρῶν»⁴²⁹.

В тексте «Илиады» есть небольшая бытовая подробность, оставленная Жуковским без внимания, о том, что Ахилл незадолго до встречи с Приамом окончил вечернюю трапезу и готов был отойти ко сну (XXIV, 473—476)⁴³⁰. Также Жуковский не воспроизводит в балладе эпизод о том, что царь Приам и Ахилл после переговоров вместе принимали в пищу, и рабыни приготовили для них две постели на крыльце для ночного отдыха (XXIV, 621—678).

Текст баллады снабжен авторскими примечаниями Жуковского. В одном из примечаний говорится: «Приам приходил ночью в греческий стан молить Ахилла о возвращении Гекторова тела. Мольбы сего старца тронули душу грозного героя: он возвратил Приаму обезображенный труп его сына, и старец невредимо возвратился в Трою»⁴³¹.

⁴²⁸ Текст баллады «Ахилл» Жуковского приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 67—73.

⁴²⁹ На этот эпизод также указывает Т. Г. Мальчукова. См.: Мальчукова Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века ... С. 26.

⁴³⁰ «Там Пелейона

Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
Близко стоя, слкжили; недавно он вечерю кончил,

Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался» (Перевод Н. И. Гнедича приводится по изданию: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 396—397).

⁴³¹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 65.

В 6 строфе описание мольбы Приама, склонение главы «во прах» перед Ахиллом и лобызание его руки – реплика гомеровской сцены из XXIV песни «Илиады»:

«Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
 Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»
 Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
 За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
 Оба они вспоминая: Приам – знаменитого сына,
 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
 Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
 Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому» (XXIV, 505—512)⁴³².

Описание погребения Гектора в 5 строфе баллады восходит к заключительным строкам XXIV песни «Илиады» (707—804):

«И с денницею печальной
 Воскурится фимиам,
 Огласятся погребальной
 Песнью каждый дом и храм;
 Мать, отец, вдова с мольбою
 Пепел в урну соберут,
 И молитвы их герою
 Мир в стране теней дадут».

В одном из примечаний к балладе Жуковский пишет: «Ахиллу было дано на выбор: или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою, он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его вскоре последует за смертью Гектора, и умертвил Гектора, мстя за Патрокла»⁴³³. Профессор Т. Г. Мальчукова отмечает, что в контексте нового времени «гомеровское противопоставление прославленной героической смерти и бесславной мирной жизни уступает место другой антитезе: известные исторические лица, великие люди и люди скромные, обыкновенные, безвестные»⁴³⁴. Это противопоставление было известно Жуковскому по переводу в 1802 году элегии Т. Грея «Сельское кладбище» (1751). Перевод этого стихотворения был посвящен другу Жуковского Андрею Ивановичу Тургеневу. В стихотворении английского поэта лирический герой при виде сельского кладбища размышляет о судьбе людей, покоящихся в могилах. Их прошлое поэт рассматривает с позиции христианина. Перед Божьим судом стремления к славе, к чинам, богатству кажутся ему

⁴³² Перевод Н. И. Гнедича цит. по: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесловие В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 397.

⁴³³ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 65.

⁴³⁴ Мальчукова Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века ... С. 30.

суетными и тщетными, а иные дела – даже великим злом. Поэт говорит о ценности в глазах Божьих красоты и богатства внутреннего человека. В элегии появляется образ юноши, несчастного поэта, угасшего раньше срока:

«Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
 Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
 Но музы от него лица не отвратили,
 И меланхолии печать была на нем...»⁴³⁵

В 1839 году Жуковский снова обратился к переводу этого стихотворения и посвятил его Александру Ивановичу Тургеневу «в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате»⁴³⁶. В новом гекзаметрическом переводе сохранилось прежнее понимание элегии Т. Грея. Жуковский вновь упоминает о безвременно угасшем певце:

«Юноша здесь погребен, неведомый счастью и славе,
 Но при рождении он был небесною музой присвоен»⁴³⁷.

Ахилл в балладе Жуковского размышляет о своем выборе героической судьбы и ранней смерти. Упоминание о двойной судьбе Ахилла в балладе свидетельствует о хорошем знакомстве Жуковского с поэмой Гомера и троянской историей. Слова о выборе жизненного пути звучат в «Илиаде» (IX, 410—416), они обращены к ахейским воинам, зовущим Ахилла в бой:

«Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:
 Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
 Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться,-
 Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
 Если же в дом возвращуся я, в любезную землю родную,
 Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
 И меня не безвременно Смерть роковая постигнет»⁴³⁸.

«μήτηρ γὰρ τέ μέ φησι θεὰ Θέτις ἀργυρόπεζα,
 διχθαδίας κῆρας φερέμεν θανάτοιο τέλος δέ.
 εἰ μὲν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχωμαι,
 ὄλετο μὲν μοι νόστος, ἀτὰρ κλέος ἄφθιτον ἔσται·
 εἰ δέ κεν οἴκαδ' ἵκωμι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν,

⁴³⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 1. С. 57.

⁴³⁶ Там же. Т. 2. С. 718.

⁴³⁷ Там же. С. 316.

⁴³⁸ Перевод Н. И. Гнедича цит. по: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесловие В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 142.

ᾠλετό μοι κλέος ἐσθλόν, ἐπὶ δηρὸν δέ μοι αἰὼν
ἔσσεται, οὐδέ κέ μ' ᾠκα τέλος θανάτοιο κιχέει»⁴³⁹.

В примечании Жуковского к балладе характеризуется внутреннее состояние Ахилла: «Мысль о близкой смерти следовала за ним повсюду, и в шумный бой и в уединенный шатер; наконец он слышал пророческий голос коней своих, возвестивших ему гибель»⁴⁴⁰. Образ коней Ахилла, которые, вдохновленные богиней Герой, предсказали Ахиллу его скорую смерть, восходит к XIX песне поэмы Гомера (399—423).

Таким образом, Жуковский включает в балладу «Ахилл» переложение некоторых сцен из «Илиады» Гомера, бывших еще до посещения Приама ставки Ахилла. К одной из таких сцен, использованных Жуковским, относится явление Ахиллу призрака Патрокла (XXIII, 71—72)⁴⁴¹. В XXIII песне «Илиады» дух Патрокла обращается к Ахиллу с просьбой:

«О! погребви ты меня, да сойду я в обитель Аида!

Души, тени умерших меня от ворот его гонят» (XXIII, 71—72)⁴⁴².

В балладе Жуковского нет упоминания о просьбе Патрокла.

Жуковский обращает мысль Ахилла к сыну Неоптолему. Ахилл воображает картину будущего: путешествие Неоптолема к берегам Трои, где он услышит рассказы о подвигах отца. Таким образом, Жуковский в балладе «Ахилл» перелагает не только сцены «Илиады», но передает сведения из троянского круга мифов. Образ Неоптолема, посетившего пределы троянской земли, восходит к трагедии Софокла «Филоклет». Исследователь О. Б. Лебедева в работе «Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах Жуковского» отмечает, что к 1811 г. поэт располагал двумя переводами «Филоклетета» – «адекватным немецким переводом Зольгера и переводом-переделкой Лагарпа»⁴⁴³. К 1811 году ученые относят перевод Жуковским первых 49 стихов трагедии «Филоклет»⁴⁴⁴. В 1814 году, в год завершения баллады, Жуковский активно участвовал в постановке «Филоклетета» на празднике в имении А. А. Плещеева⁴⁴⁵, что позволяет сделать вывод, что Жуковский был хорошо знаком с трагедией Софокла и воплотил в стихах баллады образ Неоптолема.

⁴³⁹ Текст приводится по изданию: Homeri Ilias / recensuit Arthurus Ludwich. Lipsiae : In aedibus V. G. Teubneri, MDCCCXII. Vol. 1. P. 373.

⁴⁴⁰ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 65.

⁴⁴¹ Этот эпизод из «Илиады» вдохновил К. Н. Батюшкова написание стихотворения «Тень друга». См.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 196; Ходанен Л. А. Мотив смерти друга в балладе В. А. Жуковского «Ахилл» и в элегии К. Н. Батюшкова «Тень друга» : античные и христианские коннотации // Жуковский и время : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 75—85.

⁴⁴² Перевод Н. И. Гнедича приводится по: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 364.

⁴⁴³ Лебедева О. Б. Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах Жуковского ... С. 507.

⁴⁴⁴ См. подробнее: Лебедева О. Б. Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах Жуковского ... С. 506—517.

⁴⁴⁵ См.: Соловьев Н. В. История одной жизни (А. А. Воейкова – «Светлана»). Пг., 1915. С. 32.

И. М. Семенко в книге «Жизнь и поэзия Жуковского» отмечает следующее: «Ранние “античные” баллады – “Кассандра” (1809), “Ивиковы журавли” (1813) и “Ахилл” (1812—1814) – несут на себе сильный отпечаток своего времени. С ними мы возвращаемся к допушкинскому времени, к поре юности Жуковского и расцвета Батюшкова. Античность в это время – живая тема, интерес к которой поддерживался традициями классицизма и новыми романтическими идеями»⁴⁴⁶.

Написание баллад о Троянской войне «Кассандра», «Ахилл», баллады на античный сюжет «Ивиковы журавли» было связано с обращением Жуковского к классическому эпосу, чтением и переводами античных авторов, Гомера и Вергилия, а также чтением и осмыслением драматических произведений Эсхила и Софокла.

Общей особенностью ранних баллад Жуковского на античные сюжеты является наличие слов высокой славянской нормы. Это усеченные формы прилагательных: «пурпурны», «веселы», «осененна», «священна», «полны», «лишенна», «окрыленна», «отчужденна», «скучну» («Кассандра»); «слиянны», «полуденны», «искаженны», «кипящи», «внимаем», («Ивиковы журавли»); «новы», «светлы», «очарованны», «ретивы», «мрачны», «робки», «хладну» («Ахилл»). Слова в описании внешности человека или античного божества: «очи», «главы», «лики» («Кассандра»); «главу», «главою», «главами», «ланитах», «очи», «власов», «главы» («Ивиковы журавли»); «главу», «длань», «ланит», «очей», «длани», «волоса», «очи», «ликком», «десницу», «багрянницей» («Ахилл»); описание действий: «зрю», «рдеет», «осенит», «внемля», «внемлю» («Кассандра»); «зреть», «зрит», «узрели», «мнил», «зрел», «внемлет» («Ивиковы журавли»); «зрится», «лобзал» («Ахилл»); слова: «обители», «дар вещанья», «горé», «вотще», «окрест», «почто» («Кассандра»); «чада», «брега», «скорби глас», «персти чада», «глас», «денницею», «доле», «чертог», «брани», «брег» («Ахилл»). Словосочетания: «ругаются богам» («Ивиковы журавли»), «союз запечатлел» («Ахилл»). И. М. Семенко отмечает, что слова высокого стиля в античных балладах создают атмосферу древности, как это присуще балладам Жуковского на сюжеты из русской и средневековой истории, «в целях создания колорита национальной архаики»⁴⁴⁷.

Жуковский в статье «О слоге простом и слоге украшенном»⁴⁴⁸ размышляет: «Мы должны более остерегать себя от излишней украшенности, нежели от излишней простоты, ибо первая и далее от прекрасного и более опасна, нежели последняя. Истина неоспоримая, что ум и страсть никогда не бывают совместны. Когда говорит чувство, тогда молчит воображение. <...> Таким

⁴⁴⁶ Соловьев Н. В. История одной жизни ... С. 212—213.

⁴⁴⁷ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 167.

⁴⁴⁸ Статья В. А. Жуковского «О слоге простом и слоге украшенном» представляет собой перевод статьи шотландского философа Д. Юма (1711—1776). Впервые эта статья была напечатана в «Вестнике Европы», 1811. Ч. 56. № 8. С. 284—292.

образом, и в тех сочинениях, в которых изображается человек, его действия, его страсти, потребно более простоты, нежели в таких, которые заключают в себе замечания и мысли»⁴⁴⁹. Напомним здесь, что Жуковский противопоставлял «античные», философские баллады Шиллера, повествовательным балладам другого немецкого автора Бюргера. Так, Жуковский считал возможным при переводе «античных» баллад использовать некоторые слова высокого стиля⁴⁵⁰, ориентируясь на теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова⁴⁵¹.

Литературный критик и беллетрист середины XIX века А. В. Дружинин в статье «Шиллер в переводе русских поэтов, изданный под редакциею И. В. Гербеля. Т. 1. СПб. 1857» называл Шиллера «великим поэтом юности» и изучил влияние немецкого автора на русских поэтов и читателей: «Влияние это не легко поддается анализу, – признает критик, – ибо на Руси оно не было широким, увлекающим влиянием, как, например, в Германии. Не взирая на все изящество, благородство, горячность, симпатичность, отличающие человека, подарившего миру «Орлеанскую Деву» и «Вильгельма Телля», масса русских читателей никогда не увлекалась поэзией Шиллера. <...> даже дивные баллады из греческого мира казались в свое время чем-то неудобопонятным, ибо греческий мир, с его героями и богами, являлся нам не иначе, как под причудливой маской французского псевдоклассицизма. Бюргерова «Ленора», нескладно подделанная под русские нравы, обошла Россию, не взирая на все свои несообразности, между тем как произведение, исполненное высочайшей мудрости и художественности:

Пал Приамов град священный,

Грудой пепла стал Пергам,

находило себе ценителей лишь между поэтами и небольшим числом лиц самого широкого образования»⁴⁵².

⁴⁴⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 310.

⁴⁵⁰ Подробнее о стиле русских литераторов конца XVIII — начала XIX веков см.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века : фонетика, морфология, ударение, синтаксис. 2-е изд., испр. — Leipzig : Zentralantiquariat der DDR, 1976. 467 с. ; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. : пособие для высших педагогических учебных заведений . 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1938. 448 с. ; Демидов Д. Г. Славянизмы в составе русской речи : творчество народа и творчество поэтов // Христианство и русская литература / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; отв. ред. В. А. Котельников. СПб. : Наука, 2002. Сб. 4. С. 68—86 ; Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 223 с. ; Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. : лексика. М. : Наука, 1964. 408 с.

⁴⁵¹ Лирические стихотворения, письма, эклоги и элегии должны придерживаться, согласно М. В. Ломоносову, «среднего штиля речений», который принимает некоторые «речения славенские, в высоком стиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 589). Значение теории М. В. Ломоносова в творческих исканиях Жуковского подтверждается данными состава библиотеки, пометами на полях ломоносовских сочинений, теоретическими работами поэта. Так, исследователь А. С. Янушкевич отмечает, что «Ломоносов сыграл не последнюю роль» в становлении художественного слога Жуковского (Янушкевич А. С. Жуковский и Ломоносов // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 1. С. 56).

⁴⁵² Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 7. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1865. С. 376—377.

В истории литературы сохранились свидетельства того, что балладу Жуковского «Ахилл» знал наизусть А. С. Пушкин⁴⁵³. Исследователь Т. Г. Мальчукова обнаружила интересное свидетельство П. В. Анненкова, чрезвычайно важное для истории текста баллады: «Жуковский нарочно ездил в Царское Село осведомляться о занятиях даровитого питомца Лицея и прочитывать ему свои стихотворения. Пушкин обладал необычайной памятью: целые строфы, переданные ему В. А. Жуковским, он удерживал надолго в голове и повторял их без остановки. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку»⁴⁵⁴. Основываясь на этих данных, Т. Г. Мальчукова предполагает: «Видимо, в это время, когда Жуковский был в Петербурге с июля 1815 года по март 1816 года и готовил к печати первое собрание своих стихотворений, он и читал Пушкину свою балладу «Ахилл», которую юный поэт, уже зная ее по публикации, тут же повторил “почти без ошибок”. Возможно, именно тогда Жуковский внес ряд изменений, отличающих позднейшую редакцию от первой публикации»⁴⁵⁵.

Так, К. Н. Батюшков в письме к П. А. Вяземскому в марте 1815 года высказывает непонимание творческого замысла Жуковского в балладе «Ахилл»: «В последней пиесе “Ахилл” стихи прелестны, но с первой строки до последней он [Жуковский] оскорбил правила здравого вкуса и из Ахилла сделал Фингала. Это наш Рубенс. Он пишет ангелов в немецких париках. Скажи ему это от меня»⁴⁵⁶. С характеристикой баллады К. Н. Батюшкова перекликается также суждение графа С. С. Уварова. В «Письме Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» граф С. С. Уваров иронически замечает: «... я вижу божественного Ахиллеса во французском платье»⁴⁵⁷. Современный исследователь А. С. Немзер указывает также на пародию А. А. Шаховского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815): «Пародия так забавна, – замечает ученый, – что хочется солидаризироваться с ее автором и осудить “Ахиллеса во французском платье” (или “в немецком парике”), впрочем, до той лишь поры, пока не вспомнишь, какое пространство чувства открывается в пародируемом оригинале»⁴⁵⁸.

⁴⁵³ Так, Л. Н. Майков пишет: «Пушкин обладал удивительной способностью запоминать стихи любимого им Жуковского; так, автор “Светланы” прочел ему свою балладу “Ахилл” немедленно после создания ее, и знаменитый слушатель тотчас же вслед за ним повторил ее всю, почти без ошибок» (Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 7. Стб. 203). В. К. Кюхельбекер также подтверждает знание А. С. Пушкиным этой баллады в письме Жуковскому от 10 ноября 1840 года: «Ваши сочинения воскресили для меня всё мое бывшее: при “Ахиллесе” я вспомнил, что я первый, еще в Лицее, познакомил с ним Пушкина, который, прочитав два раза, уже знал его наизусть» (РА. 1871. № 2. Стб. 0179).

⁴⁵⁴ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб.: Изд. П. В. Анненков, 1855. С. 48.

⁴⁵⁵ Мальчукова Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века. С. 23—24.

⁴⁵⁶ Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 325.

⁴⁵⁷ Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 13. СПб., 1813. С. 66.

⁴⁵⁸ Немзер А. С. «Сии чудесные виденья...» // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг совершив. М.: Книга, 1987. С. 173.

ГЛАВА 2 ПЕРЕВОДЫ В. А. ЖУКОВСКОГО ИЗ АНТИЧНОГО ЭПОСА

В читательских заметках «Обзор русской литературы за 1823 год» Жуковский обратил внимание на стихотворный перевод Н. Ф. Грамматина «Слова о полку Игореве». Поэт размышляет о самобытности языка этого книжного памятника древней русской поэзии и особенностях его перевода на современный поэту язык, опираясь на собственный опыт работы над «Словом...» в 1817—1819 годы. Оригинальность языка этого произведения представляет собой духовную ценность в глазах филологической и исторической науки, поэтому любое отхождение в сторону, уклонение от первоначального смысла искажает смысл, заключает Жуковский, имея в виду стихотворное переложение Н. Ф. Грамматина: «... в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит. В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое»⁴⁵⁹.

С подобным же вниманием Жуковский подошел к переводу отрывков из эпических поэм древности: из «Метаморфоз» Овидия («Цейкс и Гальциона» 1819), из «Энеиды» Вергилия («Разрушение Трои», 1822) и из «Илиады» Гомера («Связанные отрывки из “Илиады”» 1828).

При переводе этих отрывков из античного эпоса Жуковский старался передать стихотворный размер оригинальных текстов – гекзаметр, насколько возможно, верно передать античный метр в русском слове. Античное, греческое и римское, стихосложение основано на последовательном чередовании долгих (–) и кратких (U) слогов (метрическое стихосложение), долгий слог по длительности равен двум кратким. Гекзаметр, основной размер античной поэзии, состоит из шести стоп, где стопа – дактиль (– U U). Дактиль в античной поэзии – четырехдольная стопа: «арсис здесь образует вдудольный долгий слог, равновеликий ему тезис – два однодольных кратких слога»⁴⁶⁰. В любом месте шестистопника (реже в пятой стопе) возможна равнозначная замена дактилической стопы на спондей (– –). Таким образом, античный гекзаметр «имеет счет на четыре, безразлично, заполнен ли он трехсложными или двусложными стопами»⁴⁶¹. Схема дактило-спандейического гекзаметра с наиболее частой цезурой после третьего ударения:

— — — — — —
– UU – UU – || UU – UU – UU – U

⁴⁵⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 349—350.

⁴⁶⁰ Мальчукова Т. Г. Античность и мы. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 85.

⁴⁶¹ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 376.

В этой схеме представлены места возможной замены дактиля (– ∪ ∪) спондеем (– –), что определяло разнообразие античного метра. Разнообразие в гекзаметр также «вносят словоразделы между стопами – диэрезы и внутри стопы – цезуры, прерывающие стих паузой и меняющие его ритмический рисунок»⁴⁶².

В отличие от античного, метрического, стихосложения, русское построено на чередовании ударных и безударных слогов (тоническое стихосложение). При чтении античных стихов принято длинные слоги принимать за ударные, а краткие слоги за безударные. Ритм русской дактилической стопы – трехдольный (–' ∪ ∪). Спондеическая двудольная стопа (– –), предполагающая в русской передаче два идущих друг за другом ударных слога, оказалась неестественной, поэтому в русской поэзии допускается передача спондеических стоп хорееми (–' ∪). Следовательно, «гекзаметры – тонический и метрический – не равны по ритму», как «вальс и марш»⁴⁶³ – отмечал исследователь А. Н. Егунов. «В самом деле, стоит только попробовать скандировать русские гекзаметры, как всякий убедится, что под них удобно вальсировать», – продолжает ученый⁴⁶⁴.

В XVIII веке в России, как и в европейских странах, Англии и Франции, существовала традиция переводить гекзаметрические произведения античных авторов прозой или александрийским стихом (шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы с парной рифмовкой). Таковы прозаические переводы гомеровских поэм француженки Анны Дасье (1654—1720), и русских переводчиков XVIII века К. Кондратовича и П. Екимова; стихотворные переводы «Илиады» английского поэта XVIII века А. Поупа (1688—1744), французского поэта Антуана Удара де Ламотта (1672—1731), русского поэта и переводчика Е. Н. Кострова (1755—1796). Однако постепенно в литературных кругах стала происходить перемена вкуса, появилось желание изучить античный образец, приблизиться к первоисточнику⁴⁶⁵. Начались поиски новой формы для переложения античного эпоса. Стали появляться первые гекзаметрические переводы М. Н. Муравьева (1757—1807), В. Г. Рубана (1742—1795), А. Х. Востокова (1781—1864).

Н. И. Гнедич, в начале своего пути при переводе «Илиады» следовавший за Е. Н. Костровым, впоследствии пересмотрел свои взгляды на александрийский стих и принялся переводить Гомера тоническим гекзаметром, ориентируясь на немецкую традицию перевода Гомера Ф. Л. Штольберга и И. Г. Фосса. Гекзаметрический перевод Гнедича был не сразу принят читающей публикой, отказ Гнедича от александрийского стиха вызвал недовольство у

⁴⁶² Мальчукова Т. Г. Античность и мы ... С. 85.

⁴⁶³ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 377, 376.

⁴⁶⁴ Там же. С. 376.

⁴⁶⁵ Радищев в 1791 году в главе «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву» высказал пожелание, чтобы «Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, екзаметрах» (Текст приводится по изданию: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / изд. подгот. В. А. Зайцев. СПб. : Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1992. С. 95).

сторонников французского псевдоклассицизма. На страницах журналов разгорелась дискуссия вокруг гекзаметрической формы⁴⁶⁶.

Жуковский принял гекзаметр Н. И. Гнедича с пониманием, благодарностью и радостным предчувствием собственных поэтических опытов в форме гекзаметра⁴⁶⁷. Гекзаметр появляется в творчестве Жуковского во второй половине 1810-х годов в переводах из Клопштока и Гебеля, в арзамасских шуточных протоколах. Как отмечает исследователь метрики и строфики Жуковского С. А. Матяш, «гекзаметр занимает первое место среди всех метрических форм поэта»⁴⁶⁸. Гекзаметрические переводы Жуковского в малых жанрах были подготовкой поэта к переводам эпических поэм древности и написанию оригинальной поэмы.

Создание монументальной эпической поэмы со времен античности считалось вершиной творчества художника слова. Поэма увековечивала имя поэта, «приобщала к сонму великих»⁴⁶⁹. Так и Жуковский мечтал «уцепиться за бессмертие», создавая план поэмы «Владимир» на сюжет из русской истории в 1810-е годы. К написанию поэмы Жуковского всегда побуждал К. Н. Батюшков: «Желаю счастья нашему Жуковскому, желаю, чтобы он вполне оправдал высокое мнение мое о его высоком таланте: желаю, чтобы он не ограничивал себя балладами, а написал что-нибудь достойное себя, царя и народа... Поэму, поэму!»⁴⁷⁰

Таким образом, гекзаметрические переводы отрывков из вершинных эпических произведений классических авторов в 1810—1820-х годах были для поэта ступенькой на пути к своей мечте, к воплощению творческого замысла.

Исследователь А. С. Янушкевич заметил: «Тремя переводами фрагментов из эпических поэм Гомера, Вергилия и Овидия Жуковский намеревается создать цикл, являющий собой “героиду” человеческого поведения в различных жизненных ситуациях, – на войне, в любви, в горе, где перевод каждого отдельного отрывка представляет один из вариантов героического»⁴⁷¹.

⁴⁶⁶ Подробнее о дискуссии о гекзаметре см.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 157—182.

⁴⁶⁷ В письме к Н. И. Гнедичу (конец 1814—начало 1815) Жуковский выразил свое восхищение трудом поэта: «Вы выбрали себе славную работу: Россия будет вам благодарна за старика Гомера, которого вы ей усыновляете; я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцам Феба, ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою. Я сам осмелился сделать опыт перевода гекзаметром “Абадонны” – известный вам эпилог из Клопштоковой “Мессиады”» (Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 561).

⁴⁶⁸ Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX века. М. : Наука, 1979. С. 34.

⁴⁶⁹ Вулик Н. Овидий. М. : Молодая гвардия ; Соратник, 1996. С. 82.

⁴⁷⁰ Батюшков К. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. С. 398.

⁴⁷¹ Болгова Н. Цейкс и Гальциона. Отрывок из Овидиевых «Превращений» : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. С. 332.

2.1 «Цейкс и Гальциона» (1819) – отрывок из «Метаморфоз» Овидия в переводе В. А. Жуковского

Перевод Жуковского отрывка из латинского эпоса, (песнь XI, ст. 410—748) «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) датируется 13—20 декабря 1819 года. Впервые перевод был опубликован в Известиях Российской Академии (СПб., 1820. Кн. 8. С. 33—45) с примечанием, предшествующим тексту: «Потом, Член Академии Г. Над. Сов. и Кав. Николай Иванович Гнедич читал следующий перевод отсутствующего Члена Академии Г. Кол. Асс. и Кав. Василия Андреевича Жуковского с Латинского языка Российскими Экзаменами басни о Цейксе и Гальционе из одиннадцатой книги Овидиевых превращений. <...> Торжественное годовичное собрание было 8 января 1820»⁴⁷².

Таким образом, при первой публикации указывалось, что перевод Жуковского выполнен с латинского языка. Исследователи также не исключают обращения Жуковского к новоевропейским переводам. В составе библиотеки поэта имеются два издания «Метаморфоз» Овидия в немецких переводах, в которых сохранились пометы Жуковского-читателя: 1) *Des P. Ovidius Naso sämmtliche Werke. Übersetzt von H. Heynemann, N. G. Eichhoff und J. P. Krebs. Bde 1—4. Frankfurt a. M., J. C. Herrmann, 1797—1803*; 2) *Verwandlungen. Nach Publius Ovidius Naso von Johann Heinrich Voss. Theile 1—2. Berlin, Fr. Vieweg, 1798*. Перевод, принадлежащий Н. Heynemann, выполнен прозой. Перевод Иоганна Генриха Фосса (1751—1826) стихотворный.

Еще до начала работы над переводом отрывка из Овидия осенью 1819 года Жуковский, безусловно, был знаком с мифологическими сюжетами «Превращений» и осмыслял их в перспективе собственного творчества.

Имя Овидия значилось в бумагах Жуковского 1804—1805 годов. На эти творческие планы поэта указывает В. И. Резанов в книге «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского»⁴⁷³. Так, в 1804 году в перечне авторов, намеченных для перевода в разделе «Эпическая поэзия» обозначено: «Отрывки из Овидия». В «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» 1805 года в разделе «Поэзия» указано: «*Métamorphoses d'Ovide*».

С мифологическими сюжетами из «Превращений» Жуковский был знаком не только по переводам Овидия и различным мифологическим сборникам того времени, но и по театральным постановкам. Артисты балета представляли Зефира, Адониса, Венеру, Марса или

⁴⁷² Цит. по: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 5. С. 331.

⁴⁷³ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского ... Вып. 2. С. 252.

«перевплощались и в иных, более современных персонажей»⁴⁷⁴. В 1809 году в театральных рецензиях Жуковский пишет, «что век Овидиевых превращений еще не миновался»⁴⁷⁵.

Роспись названий «мифологических» и «греческих» баллад 1814 года, хранящаяся в Российской Национальной библиотеке (С.-Петербург) и опубликованная в третьем томе Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского: В 20 томах. (М.: Языки славянских культур, 2008. С. 233) также свидетельствует о знакомстве Жуковского с мифологическими сюжетами из Овидиевых «Метаморфоз». Первое название в списке «мифологических» баллад Жуковского «Ацис и Алциона» объединяет два мифологических сюжета из «Метаморфоз» («Превращений») Овидия: «Акид и Галатея» (XIII, 740—897)⁴⁷⁶ и «Кеик и Алкиона» (XI, 410—748).

Таким образом, сюжет, замысленный поэтом для баллады «Ацис и Алциона» в 1814 году реализовался в 1819 году в форме гекзаметрического перевода отрывка из латинского эпоса — «Цеикс и Гальциона».

Поэма Овидия «Метаморфозы» состоит из пятнадцати книг, объединяющих в себе двести пятьдесят мифов. «Метаморфозы» представляют собой не просто компендиум, собрание множества мифов, а своего рода «историю человечества»⁴⁷⁷ от начала времен, от древнего хаоса до эпохи правления Августа, века гармонии и порядка. Историю человечества Овидий показывает как непрерывный процесс превращений людей в животных, птиц, деревья, цветы, камни, родники. Мифы Овидия о превращениях имеют философское обоснование в учении Пифагора (VI в. до н.э.) о бессмертии души.

Миф, привлечший внимание поэта, повествует о Кеике, царе Фессалийского города Трахина, и его супруге Алкионе. Овидий повествует о любви верных супругов, Кеика и Алкионы, о их привязанности друг к другу и тяжелой разлуке, о предчувствии Алкионой несчастья, о гибели Кеика в море во время бури, о узнавании Алкионой тела утонувшего Кеика в морских волнах и

⁴⁷⁴ Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского ... С. 160.

⁴⁷⁵ Жуковский В. А. «Московские записки» // Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 9. С. 91.

⁴⁷⁶ В эпизоде об «Акиде и Галатее» Овидий рассказал трагическую историю любви морской нимфы Галатеи и пастуха Акида. Римский поэт контрастно описывает нежные чувства Галатеи и Акида и грубую страсть циклопа Полифема к Галатее, а затем гибель Акида от руки циклопа, охваченного ревностью. Однако по воле богов произошло чудо. Кровь Акида, погибшего под огромным камнем, брошенным Полифемом, превратилась в водный поток, который расколол каменную глыбу и стал рекой, сохраняющей имя Акида, возлюбленного Галатеи. Трактовка данного сюжета в античной словесности неоднозначна, что, возможно, послужило причиной отказа Жуковского художественно разрабатывать этот миф. Согласно некоторым античным источникам Галатея ответила циклопу взаимностью (Нонн. Деяния Диониса. XL, 565) и у них родилось потомство (Аппиан. Римская история. X, 2). Образ отвергнутого циклопа, проводящего жизнь в одиночестве, ослепленного Одиссеем, вызывал уже у античных авторов скорее чувство сострадания, чем отторжения (Вергилий «Энеида» III, 656—681. Четырехтомное немецкое издание 1803 года сочинений Вергилия было в библиотеке Жуковского: Vergilius, Pупlius Maro (70—19). P. Vergilius Maro Varietate Lectionis et perpetua adnotatione illustratus a Chr. Gottl. Heine. Vol. 1—4. Lipliae, C. Fritsch, 1803. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 2316. С. 313).

⁴⁷⁷ Вулих Н. Овидий ... С. 82—83.

желании разделить его участь. Но боги пожалели любящих супругов и превратили Кеика и Алкиону в птиц:

«Наконец пожалели их боги, и оба
В птиц превратились они; меж ними такой же осталась,
Року покорна, любовь...»⁴⁷⁸ (XI, 741—743)

У Жуковского имена героев переданы по позднелатинскому произношению: Сеух – Цеикс; Halcyone (вариативное написание без «придыхания» Alcyone) – Гальциона. В греческом языке ἄλκυών (у римлян alcedo или halcedo) – зимородок, птица, выводящая птенцов в тихие зимние дни⁴⁷⁹, от ἐν ἄλι κύειν – рождать, или выводить, детей на море.

Особенностью перевода Жуковского является лаконизм. В тексте 328 строк передают 336 строк латинского подлинника. Поэт стремился не только к краткости, но и к точности перевода, избегая сознательного распространения текста. Перевод «Цеикса и Гальционы» эквиметричный. Это был первый гекзаметрический перевод из «Метаморфоз» Овидия в русской поэтической традиции. В гекзаметре Жуковского почти нет двусложных хореических стоп (хореические стопы встречаются в 120 стихах из 328 строк перевода), гекзаметр его трехдольный, плавный, если использовать определение А. Н. Егунова, «вальсирующий». Гекзаметр Овидия также характеризуется обилием дактилей и «танцующим ритмом», по характеристике современного исследователя в области классической филологии Н. К. Малинаускене⁴⁸⁰.

Жуковский назвал свой гекзаметр «сказочным», «совершенно отличным от гекзаметра Гомерического». Он «должен составлять середину между стихами и прозой, то есть, не быв прозаическими стихами, быть однако столь же простым и ясным, как проза. Так чтобы рассказ, не смотря на затруднение метра, лился бы как простая, непринужденная речь»⁴⁸¹. Слово «сказочный» у Жуковского восходит к словам «сказ», «сказание», «сказывать».

Непрерывности гекзаметрического сказа способствует у Жуковского enjambement, то есть перенос незаконченной фразы с одной строки на другую. Показательно, что переносы (enjambements) у Жуковского часто независимы от латинского текста. Хотя гекзаметр Овидия

⁴⁷⁸ Текст приводится в переводе С. Шервинского по изданию: Овидий. Метаморфозы / пер. с лат. С. Шервинского; вступ. ст. С. Ошерова; примеч. Ф. Петровского. М.: Худож. лит., 1977. С. 286.

⁴⁷⁹ «По свидетельству Плиния (X, 32), означенная птица вьет себе гнездо зимою. За семь дней до зимнего солнцестояния (bruma), после которого, спустя столько же дней, выводит детей. Во все это время море стоит спокойно, а потому у мореплавателей означенные дни, в которые они безопасно отправлялись в море, назывались dies alcyonei, Alcyonides или Alcyonia... Гнезда свои вьют они в норах скал и берегов, и как нередко бывает, что эти гнезда. Оторванные силою воды, носятся по поверхности моря, то отсюда составилось мнение древних, будто они вьют свои гнезда на воде...» (Цит. по: Избранные басни из Метаморфоз Овидия со словарем и примечаниями / сост. Яков Смирнов и Василий Павлов. Изд. 5-е. М.: Тип. Т. Рис, 1883. С. 186—187).

⁴⁸⁰ Малинаускене Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период): курс лекций: материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 223.

⁴⁸¹ Жуковский В. А. Сочинения: в 6 т. Т. 6. С. 48.

богат переносами, поэт-переводчик местами вводит их дополнительно, что, как это ни странно, приближает перевод к античному подлиннику (86 переносов на 328 стихов перевода, в процентом соотношении – 26%). Поэтом движет желание сделать гекзаметр понятным для русского читателя, легким для восприятия, естественным, каким и был гекзаметр, размер эпической поэзии, в древности. «Эпос» в переводе с греческого (ἔπος) обозначает «слово», «произнесенное и рассчитанное на слушателя»⁴⁸². Приемом enjambement пользовался и Овидий, enjambement способствовал ритмическому разнообразию стиха и объединению гекзаметрических стихов, созданию ритмического единства внутри повествования.

В мифе о Кеике и Алкионе (Цейксе и Гальционе) Овидий показал жизнь в её полноте: жизнь народа, судьбу царя и простого человека, служителя, моряка, реальный мир и мир духовный, план человеческий и божественный, счастье и горе, расставание и встречу, штиль и морскую бурю, преодоление испытаний и чудо. Этот миф в художественной обработке Овидия представляет собой вершину, на которую поднялось античное искусство эпохи Августа. В нем сочетаются элегическое, эпическое и сказочное начала⁴⁸³. Гальциона, словно героиня любовных элегий Овидия, проливает потоки слез, бледнеет, наконец, теряет сознание, при расставании с любимым супругом. Приведем отрывок, в котором описываются чувства героини:

«consilii tamen ante sui, fidissima, certam
te facit, Alcyone; cui protinus intima frigus
ossa receperunt, buxoque simillimus ora
pallor obit, lacrimisque genae maduere profusis.
ter conata loqui, ter fletibus ora rigavit
singultuque pias interrumpente querellas
“quae mea culpa tuam” dixit, “carissime, mentem
vertit? ubi est, quae cura mei prior esse solebat?
iam potes Alcyone securus abesse relicta?» (Ovid. Met. XI, 415—423)⁴⁸⁴

Для понимания поэтического текста Овидия приведем выполненный нами подстрочный перевод этого отрывка:

Однако сперва о своем решении, вернейшая, он (Кеик. – *Е. К.*) уведомляет / тебя, Алкиона; у
которой тотчас внутри холод / кости испытали, и очень похожая на букс / бледность покрывает
лицо, щеки увлажнились от излившихся слёз. / Трижды пыталась сказать, трижды орошала
лицо слезами / и, прерывая рыдание, нежные жалобы / произнесла: «Какая моя вина, милый,

⁴⁸² Мальчукова Т. Г. Античность и мы ... С. 81.

⁴⁸³ Вулих Н. Овидий ... С. 114.

⁴⁸⁴ Латинский текст Овидия здесь и далее приводится по изданию: P. Ovidii Nasonis Metamorphoses / edidit William S. Anderson. Leipzig: BSB V. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1982. P. 266.

твой разум / перевернула? Где забота обо мне, которая была прежде? / Уже ты, безмятежный, можешь уйти, оставив Алкиону?

Перевод Жуковского выполнен мастерски. Овидий оказался близок русскому поэту психологизмом в описании характеров, «способностью вчувствоваться в человеческую душу»⁴⁸⁵:

«Он приходит к своей Гальционе, верной супруге,
 Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась и хладом
 Грудь облилася; бледность ланиты покрыла; слезами
 Очи затмились, трикраты ответ начинала – трикраты
 Скованный горем язык изменял; наконец возопила,
 Частым рыданием томно-печальную речь прерывая:
 “Милый супруг мой, какую виной от себя удалила
 Я твое сердце? Ужели не стало в нем прежней любви?
 Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальциону»⁴⁸⁶ (ст. 4—12).

В переводе Жуковского мы видим многоточие, отсутствующее в оригинале («Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась»), служащее для передачи эмоционального напряжения.

В приведенных нами стихах Жуковский нашел речевое выражение чувства любви, как ранее, в 1806 году, он открыл его при переводе второй оды Саффо и в героиде Овидия «Письмо Саффо к Фаону». Выражения поэта-переводчика «хладом грудь облилася», «очи затмились», «скованный горем язык изменял» являются реминисценцией второй оды Саффо: «τό μοι μάν καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόαισεν» – «от этого у меня замирает сердце в груди»; «ὥς με φώνας οὔδεν ἔτ' ἴκει, ἀλλὰ καὶ μὲν γλῶσσαι ἔαγε» – «говорить я не в силах, но немеет мой язык»; «ὀππάτεσσι δ' οὔδεν ὄρημι» – «глаза ничего не видят»⁴⁸⁷.

В свой перевод Жуковский вводит отсутствующее в подлиннике сложное образование: «томно-печальную речь». Дважды в данном отрывке к имени Гальциона Жуковский добавляет притяжательное местоимение «своя»: «к *своей* Гальционе», «*свою* Гальциону». А также притяжательное местоимение «мой», отсутствующее в оригинальном латинском тексте: «Милый супруг *мой*».

При переводе латинского слова *cura* (1. забота, 2. любознательность, 3. исследование, 4. труд, 5. разведение, 6. уход, 7. лечение, 8. почитание, 9. надзор, 10. питомец, любимец, 11.

⁴⁸⁵ Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы ... Т. 2. С. 861.

⁴⁸⁶ Текст «Цейкса и Гальционы» Жуковского здесь и далее приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. С. 23—31.

⁴⁸⁷ Греческий текст приводится по: Anthologia lyrica graeca / ed. E. Diehl. Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri. Athenis : D. N. Papadimas, MCMXXV. Vol. 1. P. 329.

заведование, управление, 12. опека, 13. беспокойство, тревога, 14. любовь, 15. возлюбленная)⁴⁸⁸ Жуковский выбирает далеко не первое его значение: «любовь». Слово *mens* (ум, мышление, рассудок) Жуковский переводит антонимом: «сердце» («*mens et animus* – ум и сердце»)⁴⁸⁹.

В тексте перевода всего «Отрывка» для передачи чувства персонажей и их состояния Жуковский также регулярно использует *патетические повторения*, характерные для стиля Овидия, а также вводит свои («а буря грозней и грозней» (ст. 77), «слишком, слишком» (ст. 167), «Ближе и ближе, видней и видней» (ст. 298), «сердце в ней боле и боле мутится» (ст. 303)); вводит *междометия* («Ах!» (ст. 25); «Ах!» (ст. 60); «ужасно!» (ст. 83); «увы!» (ст. 164) и слова, отсутствующие в оригинале («друг» (стт. 19, 29, 260), «душа» (стт. 37, 44), «нежно» (ст. 46), «томно шепнула» (ст. 47) и др.).

Эпический уровень текста проявляется у Овидия в реалистических деталях, бытовых подробностях. Особенно ярко эпическое мастерство античного автора обнаруживается при описании морской бури. «Морские сюжеты широко представлены в эпической традиции»⁴⁹⁰, однако «по богатству деталей, словно увиденных собственными глазами, Овидий превосходит своих предшественников»⁴⁹¹. В статье «О поэзии древних и новых» Жуковский восхищается способностью древних поэтов рассматривать природу и изображать ее в подробностях, «во всех отношениях и действиях»⁴⁹². Далее поэт размышляет: «Перемены годовых времен, восхождение и захождение небесных светил, свирепость бурного моря, ужас сражения, бедствие, причиняемое болезнями и мором, – вот предметы, изображаемые ими с удивительным совершенством»⁴⁹³. Этому искусству изображения природы и человека учился Жуковский у древних поэтов-классиков.

Описание бури, показанное Овидием с близкого расстояния, Жуковский передает максимально приближенно к латинскому подлиннику, внимательно следя за каждым словом оригинала. Русский поэт-переводчик воссоздает картину морской бури крупным планом, следуя слово в слово за Овидием:

«Воды буграми, и море то вдруг до самого неба
Рвется допрыгнуть и темные тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песок из глубокия бездны,
Мутно желтеет; то вдруг чернее стигийския влаги;
То, опадая и пеной шипящей разбившись, белеет.

⁴⁸⁸ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / 6-е изд., стер. М.: Русский язык, 2000. С. 215.

⁴⁸⁹ Там же. С. 480.

⁴⁹⁰ Мальчукова Т. Г. О горацанских реминисценциях в стихотворении А. С. Пушкина «Арион» // Мальчукова Т. Г., Кислова М. М. Гораций в избранных текстах и переводах. Петрозавоск : Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 81.

⁴⁹¹ Вулих. Н. Овидий ... С. 115.

⁴⁹² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т.12. С. 317.

⁴⁹³ Там же. С. 317.

Мчится трахинское легкое судно игралищем бури...» (Ст. 84—89).

Слово, введенное Жуковским при переводе: «игралище» – открытие поэта. Эта художественная деталь оживляет текст и тем самым позволяет поэту-переводчику подняться до своего античного образца и даже превзойти его.

В тексте Овидия последняя, самая сильная, высокая волна («decima unda» – «десятая волна» – в переводе Жуковского «девятый вал»), является главной силой, губящей корабль, стремящейся завладеть им, словно воин («miles» – у Жуковского «боец-великан», «вал-победитель»), упорно домогающийся славы подступает к осажденному городу. К волне обращается Кеик с последней просьбой, чтобы волна отнесла его тело к берегам Алкионы. И волна исполняет это прошение.

Морская стихия, представленная в тексте римского и русского поэтов, выступает как «своего рода сказочный персонаж в духе художественных сказок Нового времени»⁴⁹⁴.

Сказочную атмосферу создают и герои повествования: Гальциона – дочь бога ветров Эола, Цеикс – царь, сын утренней звезды Люцифера, а также бог Сна и богиня Ночи.

Приведем строки из латинского оригинала Овидия, в которых описывается богиня Ночи:

«ante fores antri fecunda papavera florent

innumeraeque herbae, quarum de lacte soporem

Nox legit et spargit per opacas umida terras...» (605—607)

То есть:

«Перед входом в пещеру обильные маки цветут

и несчетные травы, молоко которых

влажная Ночь собирает и орошает покрытые тенью земли»⁴⁹⁵.

В поэтическом переводе Жуковского:

«Вход пещеры обсажен цветами роскошного мака

С множеством трав: из них усыпительный сок выжимая,

Влажная Ночь благодатно кропит им усталую землю» (190—192).

Жуковский латинский эпитет «opacas ... terras» – «покрытые тенью земли» заменяет на «живое» слово – «усталые», а также вводит поясняющее определение «усыпительный сок». Введение в текст церковнославянизма «благодатно» в сочетании «благодатно кропит», позволяет поэту-переводчику развить и усложнить мысль римского поэта. Еще раз церковнославянизм с корнем «благо» Жуковский использует при описании бога Сна:

«Сон, живущих покой! о Сон, божество благодати!» (208).

В латинском тексте:

⁴⁹⁴ Вулих Н. Овидий ... С. 115.

⁴⁹⁵ Перевод наш. – Е. К.

«Somne, quies rerum, placidissime, Somne, deorum» (263).

То есть: «Сон, отдых от дел, самый спокойный, Сон, из богов».

Исследователь А. С. Янушкевич в монографии «В мире Жуковского» также отмечает христианизацию античного мифа в «Цейксе и Гальционе» Жуковского: «... в античные переложения он вносит именно современные эмоции, добиваясь особого настроения высокого деяния. История самопожертвования Гальционы в переложении “Метаморфоз” Овидия обретает характер святости и в то же время живого чувства за счет стыковки двух лексических рядов: старославянизмов и элегизмов. С одной стороны, “ланиты”, “очи”, “возопила”, “брег”, “чертог”, “одр”, с другой – “томно-печальная речь”, “печальная душа”, “лицо безнадежно печально”, “прощальная рука”, “грустное сердце”»⁴⁹⁶.

Кульминация повествования является чудо превращения.

В латинском тексте:

«... mirumque fuit potuisse: volabat,

Percutiensque levem modo natis aëra pennies

Stringebat summas ales misarabilis undas». (731—733)

В переводе Жуковского:

«Что же? о чудо! она взвилась, и над морем,

Воздух свистящий внезапно-расцветшим крылом разбивая,

Вдоль по зыбучим волнам полетела печальною птицей». (312—314)

Жуковский вводит в текст сложный эпитет, отсутствующий в латинском подлиннике: «внезапно-расцветший» (в латинском тексте: «modo natis pennis» – «только что образовавшимися крыльями»). Эта поэтическая находка русского поэта (как и замена эпитета в словосочетании «levem... aëra», то есть «лёгкий (т. е. «прозрачный») воздух» на «воздух свистящий») оживляет и освежает образ, воссозданный воображением римского поэта, благодаря чему перевод-воссоздание Жуковского вновь поднимается над оригиналом.

Таким образом, Жуковский создает полноценный художественный перевод отрывка из «Метаморфоз» Овидия. Поэт находит в родном языке «живое» слово для адекватного воссоздания античного эпоса в русской литературе.

Небольшие изменения, привнесенные Жуковским, одухотворяют текст, усиливают психологизм в изображении человека и природы.

⁴⁹⁶ Янушкевич А. С. В мире Жуковского ... С. 187. См. также: Литинская, Е. П. Переводы В. А. Жуковского из римских авторов : христианские традиции в интерпретации женских образов [Текст] / Е. П. Литинская // [Проблемы исторической поэтики : сб. науч. трудов / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозавод. гос. ун-т ; \[редкол. : В. Н. Захаров \(отв. ред.\) \[и др.\]. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 197—201.](#)

2.2 «Разрушение Трои» (1822) – перевод второй книги из «Энеиды» Вергилия

Вторую книгу из «Энеиды» Вергилия Жуковский переводил с мая по октябрь 1822 года. Н. И. Гнедич прочитал перевод Жуковского в публичном собрании Российской Академии 2 декабря 1822 года и 14 января 1823 года⁴⁹⁷. В альманахе «Полярная звезда» на 1823 год впервые был опубликован отрывок перевода (стихи 501—551) из второй книги «Энеиды» под названием «Смерть Приама». В этом же альманахе за 1824 год был опубликован другой отрывок перевода (стихи 431—500) под названием «Приступ к чертогам Приама». Полностью перевод второй книги был опубликован в третьем издании стихотворений Жуковского (СПб., 1824. Т. 3. С. 361—424) с подзаголовком «Опыт перевода *Энеиды*. Книга II».

Письмо к И. И. Дмитриеву от 11 февраля 1823 года свидетельствует о том, что Жуковский планировал продолжить свою работу над переводом «Энеиды», не ограничиваясь второй книгой: «Скажу вашему высокопревосходительству несколько слов о себе: я принялся за новое издание старого; надеюсь, сто будет хорошее. Между тем грожусь на “Энеиду”: вторая песнь кончена; мало-помалу переведу всю. Трудиться над переводом классика наслаждение необыкновенное»⁴⁹⁸.

Поэт Н. М. Языков радостно принял перевод Жуковского второй книги «Энеиды»: «Дай Бог, чтоб он ее всю перевел! Это труд, достойный его дарований и даже бессмертия в какой бы то ни было словесности: ибо Жуковский, верно, переведет хорошо»⁴⁹⁹.

Перевод Жуковский выполнил, обращаясь к латинскому оригиналу. Об этом свидетельствует примечание Жуковского к первой публикации отрывка в «Полярной звезде» (1823): «С Латинского – Жуковский». В письме к Н. И. Гнедичу в мае 1822 года Жуковский скромно поделился своими планами со знатоком древних языков: «Понемногу хочу познакомиться с латынью и на это употребить павловскую жизнь нынешним летом»⁵⁰⁰. Именно в Павловске 1822 года Жуковский приступает к своему переводу. Черновой автограф перевода содержит помету: «Начато 12 мая 1822 в Павловске».

⁴⁹⁷ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб. : Тип. Императорской Акад. Наук, 1885. Вып. 7. С. 466.

⁴⁹⁸ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 576.

⁴⁹⁹ Языков Н. М. <Из писем к родным> // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука, 1999. С. 180.

⁵⁰⁰ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 574.

В составе библиотеки Жуковского имеется несколько изданий «Энеиды»: на латинском⁵⁰¹, английском⁵⁰², немецком⁵⁰³ и французском⁵⁰⁴ языках, что позволяет сделать вывод, что поэт, кроме латинского текста, обращался также к переводам-посредникам, в том числе и к уже существующему переводу на русский язык В. Петрова (СПб., 1781—1786)⁵⁰⁵.

«Разрушение Трои» Жуковского – перевод второй книги (песни) латинской эпической поэмы «Энеида» («Aeneis») римского поэта Публия Вергилия Марона (Publius Vergilius Maro, 70–19 гг. до н. э.). «Энеида» состоит из 12 книг и является «поистине монументальным трудом»⁵⁰⁶ римского поэта. Построенная по образцу «Одиссеи» и «Илиады» Гомера, поэма демонстрирует глубокие знания поэта в греческой поэзии и мифологии, а также литературы по истории Италии доисторических времен. Материал «Энеиды» Вергилий расположил по схеме, заимствованной им у Гомера: книги I—VI описывают бегство Энея из Трои, соотносятся с «Одиссеей», книги VII—XII посвящены описанию подготовки к боям и военные подвиги, сближаются с «Илиадой». Поэма Вергилия «Энеида» «есть род прибавления к Илиаде»⁵⁰⁷. Во второй книге «Энеиды» главный герой повествования Эней рассказывает о падении Трои, о том, что не досказал Гомер в «Илиаде» и что предполагалось уже известным в «Одиссее»: в последний год войны греки построили деревянного коня, куда скрыли самых отважных воинов, а сами отплыли к мысу Тенедос, находившемуся неподалеку. Обман грека Синона и гибель Лаокоона побуждают доверчивых троянцев ввести деревянного коня в город. Ночью, когда Троя уснула, вражеское войско возвращается. Энею во сне является мертвый Гектор, повелевая покинуть родину, обреченную богами на гибель. Однако Эней предпочитает сражаться с врагами. Во время ночной битвы в горящей Трое военный отряд троянцев был разбит. Эней явился свидетелем гибели Приама, троянского царя. После чего по велению богов Эней выступает в путь с отцом Анхизом, сыном Асканием и оставшимися в живых соотечественниками. Жена Энея, Креуса, потерялась в захваченном врагами городе. Эней безуспешно искал ее, когда, наконец, призрак в образе Креусы явился ему и открыл его будущую судьбу.

⁵⁰¹ P. Vergilius Maro. Varietate lectionis et perpetua adnotatione illustratus a Chr. Gottl. Heine. Vol. 1—4. Lipsiae, C. Fritsch, 1803 (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 2316. С. 313).

⁵⁰² The works of Virgil, translated into English verse by John Dryden. London, J. Walker, 1818 (Там же. № 2317. С. 313).

⁵⁰³ Des Publius Vergilius Maro Werke von Johann Heinrich Voss. 2. Auflage. Bde 1—3. Braunschweig, Fr. Vieweg, 1821 (Там же. № 2318. С. 313).

⁵⁰⁴ L'Énéide, traduite par Jacques Delille. T. 1—4. Paris, Giguet et Michaud, 1804 (Там же. № 2320. С. 314).

⁵⁰⁵ В письме к Н. И. Гнедичу в мае 1822 года Жуковский просил прислать ему русский перевод «Энеиды» В. Петрова: «Нет ли у тебя “Энеиды” Петрова? Пришли ее, очень обяжешь». А в следующем письме Жуковский пишет: «“Энеиды” мне не надобно уже; я получил» (Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 574).

⁵⁰⁶ Покровский М. М. Вергилий // Вергилий П. Марон. Энеида. Избранные места с вводной статьей и комментариями акад. М. М. Покровского. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1946. С. 5.

⁵⁰⁷ Вергилий, в изложении Лукаса Коллинза / пер. с английского ; под ред. проф. С.-Петербургского ун-та И. Помяловского. М. : Изд. В. Ковалевского, 1876. С. 62.

Таким образом, Жуковский выбирает для перевода одну из самых трагических глав «Энеиды» Вергилия, демонстрируя этим постоянство своего интереса к Троянскому кругу мифов. Напомним здесь, что на сюжеты о Троянской войне Жуковским были к этому времени написаны две баллады «Кассандра» (1809) и «Ахилл» (1812—1814).

Непревзойденную художественную высоту первых книг поэмы Вергилия Жуковский отмечал уже в 1805–1810 годы, когда работал над «Конспектом по истории русской литературы и крики»: «Последние песни его (т. е. Вергилия. – *Е. К.*) не стоят первых. Он сам, конечно, это чувствовал, потому что хотел перед смертью сжечь свою поэму. Он взлетел так высоко, что должен был опуститься, и в самом деле трудно возвышаться, когда сюжет делается ниже»⁵⁰⁸.

Перевод Жуковского лаконичен, что объясняется большей вместимостью русского тонического гекзаметра по сравнению с античным: 804-м стихам латинского текста соответствуют 794 стиха перевода. Жуковский отнесся к переводу поэмы Вергилия с пиететом и отказался дописывать незавершенные вергилиевские стихи: 66, 233, 346, 614, 623, 640, 720, 767.

По сравнению с переводом отрывка из поэмы Овидия в переводе второй книги «Энеиды» Вергилия Жуковский более свободно и широко использует двусложные хореические стопы (из 794 строк перевода 230 стихов с хореическими стопами). Этим обусловлено желание поэта-переводчика приблизить русский тонический гекзаметр к латинскому стиху Вергилия, для которого характерно обилие двусложных спондеических стоп. Согласно античной метрической системе, спондеи имели характер величавости (*gravitas*)⁵⁰⁹. Михаэль фон Альбрехт указывает, что «Вергилию удастся сделать достоинство из частотности спондеев в латинском языке: он заставляет звучать долгие слоги и придает с их помощью мелодии стиха неторопливую красоту»⁵¹⁰. Приведем, к примеру, стихи Жуковского, в которых дактиль заменен спондеем в двух и более стопах:

Ст. 4. Как погибла Троя, как Приамово царство...

Ст. 29. Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов...

Ст. 37. Бросить или предать огню и пеплом развеять...

Ст. 89. Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы...

Ст. 560. Я один уцелел. И вдруг в преддверии храма...

Ст. 745. Всюду ужас! Даже молчание в трепет приводит...

Также Жуковский, сохраняя найденный им при переводе Овидия подход к переводу классического эпоса, употребляет в тексте многоточия для определения эмоциональных пауз

⁵⁰⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 33.

⁵⁰⁹ Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы ... Т. 2. С. 757.

⁵¹⁰ Там же. С. 757.

латинского текста. Так, например, художественно выразительны многоточия в описании гибели сына Приама, Полита (ст. 524—527):

«Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
Гонится... близко; нагнал, достигнул железом; пронзенный,
К лону родителей кинулся юноша в страхе, пред ними
Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови»⁵¹¹.

Профессор Гейдельбергского университета Михаэль фон Альбрехт отмечает драматизм Вергилия в трактовке мифологических и исторических событий: «... у Вергилия есть острое чувство драматического, трагического мироощущение, которое... с полной силой разворачивается в *Энеиде*»⁵¹². Исследователи А. Ф. Лосев, Н. К. Малинаускене подчеркивают «иррациональность», «страстность» поэмы Вергилия, несмотря на традиционное мнение о поэме как «рационалистической», «классицистически совершенной»⁵¹³.

Во второй книге, как и в «Энеиде» в целом, частотны слова, «указывающие на экстатические состояния»⁵¹⁴. Так, например, существительное *insania* – безумие (ст. 42), прилагательные *saevus* – дикий, свирепый («*saevus... Achilles*» – «дикий... Ахилл», ст. 29; «*dracones... saevaeque*» – «дикие ... змеи», ст. 225–226; «*saevus... horror*» – «дикий ужас», ст. 559; «*Iuno... saevissima*» – «Юнона... самая свирепая», ст. 612; «*saeva*» – «дикая», ст. 616), *amens* – безумный (ст. 314, 321, 745), *ardens* – пылающий («*Laocoön ardens*» -- «пылающий (от гнева. – *Е. К.*) Лаокоон», ст. 41, «*ardentesque oculos*» -- «пылающие глаза», ст. 210, «*ardentia lumina*», ст. 405, «*ardens... Pyrrhus*», ст. 529, «*ardentes clipeos*», ст. 734); *insanus* – безумный («*insano... amore*» – «безумной любовью», ст. 343, «*insano... dolori*» – «безумным страданием», ст. 776), *furiatus* – бешеный, ужасный от *furia* – фурия, ярость («*furiata mente*» – «яростно» (407, 588), глаголы *ardeo* – гореть, пылать («*ardemus*», ст. 105, «*ardet*», ст. 311, «*ardent*», ст. 316), *furo* – беситься, неистовствовать (*furis* (595), *furit* (759), *saevio* – свирепствовать («*saevit*», ст. 418).

Живость, наглядность художественных образов характерна для стиля Вергилия. Интуиция подсказала Жуковскому ввести в перевод выражения, в которых чувствовался бы эмоциональный посыл подлинника. Так, в стихах о гибели Приама: «Закипело Приамово сердце...» (ст. 528); «О чудовище!» (ст. 530); «яростно» (ст. 541); «беспощадно» (ст. 543). В латинском тексте эти выражения отсутствуют и принадлежат к творческим находкам Жуковского. В связи с указанным нами новаторством русского поэта, важное значение имеет

⁵¹¹ Текст «Разрушения Трои» Жуковского приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. С. 57—77.

⁵¹² Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы ... Т. 2. С. 736.

⁵¹³ Малинаускене Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период) : курс лекций : материалы для практических занятий. М. : ГЛК, 2006. С. 183. См. также: Лосев А. Ф. Хтоническая ритмика аффективных структур в «Энеиде» Вергилия // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве : [сб. статей] / отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л. : Наука, Ленингд. отд-ние, 1974. С. 143—160.

⁵¹⁴ Малинаускене Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период) ... С. 183.

его высказывание в статье «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810) о слоге «Энеиды», особенности которого переводчик должен стараться передать: «Не забывайте о характере поэмы: “Энеиду” нельзя переводить таким слогом, который приличен одним “Георгикам”»⁵¹⁵. «В эпосе мы видим почти весь мир перед собою, множество картин, блестящих, приятных, ужасных, трогательных; множество разнообразных страстей» (Курсив мой. – Е. К.)⁵¹⁶, – отмечал Жуковский в «Конспекте по истории литературы и критики» в 1805-1810 годы и рассматривал эпическую поэму, соотнося ее с античной трагедией: «Трагедия и эпическая поэма суть театр страстей»⁵¹⁷.

Жуковский внимательно относится к сохранению «анжамбеманного» течения латинской фразы. Вот некоторые примеры в переводе Жуковского, в которых «переносы» способствуют синтаксическому и смысловому объединению стихов:

Ст. 4—5:

«Troianas ut opes et lamentabile regnum

Eruerint Danai...»⁵¹⁸

«Как погибла Троя, как Приамово царство

Греки низринули...»

ст. 21—22:

«Est in conspectus Tenedos, notissima fama

Insula...»

«Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитый издревле

Остров...»

ст. 36—37:

«... Danaum insidias suspectaque dona

Precipitare...»

«... козни Данаев с их даром неверным

бросить...»

В процентном соотношении переносы составляют 25% текста (по нашим подсчетам, 201 случай на 794 строки перевода).

⁵¹⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 313. «Георгики» — дидактическая поэма Вергилия о сельском хозяйстве (29 г. до н. э.).

⁵¹⁶ Там же. С. 63.

⁵¹⁷ Там же. С. 64.

⁵¹⁸ Латинский текст «Энеиды» Вергилия здесь и далее приводится по изданию: P. Vergilii Maronis Opera : cum appendice : in usum scholarum / iterum recognovit Otto Ribbeck, praemisit de vita et scriptis poetae narrationem. Editio stereotypa. Lipsiae : in aedibus B. G. Teubneri, MCMIII. P. 46.

Особенностью стиля Вергилия является использование анафоры (единоначатия). Жуковский также в своем переводе использует анафоры, что сближает его перевод с латинским подлинником. Вот примеры точного следования Жуковского своему латинскому образцу:

Aut hoc inclusi lingo occultantur Achivi,

Aut haec in nostros fabricate est machine muros... (ст. 45—46).

Или ахейне здесь, заключенные в древе, таятся;

Или громада сия создана, чтоб, на гибель Пергаму... (ст. 45—46).

Apparet domus intus et atria longa patescunt,

Apparent Priami et veterum penetralia regum... (ст. 483—484).

Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,

Видима древняя храмина прежних царей и Приама,

Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага (ст. 478—480).

В последнем примере Жуковский распространяет анафору на третью строку. Любопытны также анафоры в русском переводе, которых мы не найдем в латинском тексте. Приведем эти строки:

Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;

Все дивятся великой громаде... (ст. 31—32).

Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,

Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына... (ст. 80—81).

О! всевышними, зрящими вечную правду богами.

О! правотой неизменною – если еще сохранилась... (ст. 139—140).

Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;

Видел Гекубу, и сто невесток ее, и Приама... (ст. 495—496).

По-видимому, дополнительные анафоры Жуковскому понадобились, чтобы компенсировать те места перевода, в которых он не сохранил этих «красот» латинского текста (в стихах 137—138; 187—188; 510—511; 675—676 и других). В 1810 году в статье «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» Жуковский выделил одно из качеств поэта-переводчика – передать в своем переводе красоту подлинника: «Он обязан, сколько возможно, представить

нам если не те же самые красоты, то по крайней мере такое же количество красот»⁵¹⁹. И далее поэт размышляет: если переводчик «предвидит, что принужден будет ослабить оригинал свой в этом месте, – пускай усилит его в другом и возвратит в конце похищенное в начале»⁵²⁰. Руководствуемый этой задачей, Жуковский в стихах 781-782 искусно меняет анафору латинского подлинника на эпифору:

Ter conatus ibi collo dare brachia circum;

Ter frustra comprehensa manus effugit imago... (ст. 792-793)

Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты

Я за летящую тению руки простер, и трикраты...

Жуковский сохраняет движение латинского текста: не делит длинные периоды на короткие предложения, и не пересказывает, торопливо устремляясь к концу текста, но переводит все поэтические образы подлинника и тем самым воссоздает величие античного эпоса. Так, в анализируемой книге «Энеиды» Вергилия есть замедляющие повествование развернутые «гомеровские» сравнения, взятые римским поэтом из мира природы – сравнение Энея с пастухом, и битвы – со стихийным бедствием (ст. 304—308); сравнение военного отряда Энея с голодными волками, ищущими добычу (ст. 355—360); сравнение Андрогея, неожиданно попавшего в окружение врагов, с человеком, наступившим на змею (ст. 379—382); сравнение Пирра, сына Ахилла, с молодой змеей (ст. 471—475). Приведем стихи 471—475 в переводе Жуковского:

«Так на солнце змея, напившись ядом растений,
Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
Скользкий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
Вьется в лучах и жалом тройным, разыгравшись, блещет».

Сравним поэтическое пересоздание Жуковского с переводом профессионального переводчика С. Ошерова:

«Так выходит на свет, напившись травой ядовитой,
Змейка: зимой холода под землей ее долго держали;
Юностью ныне блестя и сбросив старую кожу,
Скользкую спину она извивает и грудь поднимает
К солнцу опять, и трепещет язык раздвоенный в пасти»⁵²¹.

⁵¹⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 314.

⁵²⁰ Там же. С. 314.

⁵²¹ Текст приводится по изданию: Вергилий П. М. Собр. соч. / вступит. ст. д. ф. н. Дурова В. С. СПб. : Биографический институт «Студия Биографика», 1994. С. 152.

Перевод Жуковского, богатый смелыми и живыми художественными образами («расправляет красы молодые», «волнует», «вьется в лучах», «разыгравшись, блещет»), представляет мысленному взору читателей полную движения, зримую картину мира, создает «впечатление очевидности»⁵²² описываемых событий.

При переводе кратких фраз поэт избегает неоправданного их распространения. Сохраняя краткость афористических выражений Вергилия, Жуковский тем самым сохраняет и присущую им ёмкость и выразительность. «Язык поэмы выразителен, афористичен»⁵²³, – отмечает Н. К. Малинаускене. Вот примеры живого, близкого к авторской идее перевода Жуковским афоризмов римского поэта:

«*Quamquam animus meminisse horret luctuque refugit, incipiam*», ст. 12—13 – «Сколь ни тяжело душе вспоминать о бедах столь великих, Я повинуюсь», ст. 12—13.

«*Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes*», ст. 49 – «Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих», ст. 49.

«*Ab uno disce omnes*», ст. 65—66 – «В злодействе едином всех их узнай!» ст. 65—66.

«*Fuimus Troies, fuit Ilium*», ст. 325 – «мы были трояне, был Илион», ст. 323.

Итак, приведенные выше примеры убеждают в правоте Жуковского-переводчика, утверждавшего еще за десять лет до перевода «Энеиды», что «движение слога зависит особенно от смеси обширных периодов краткими фразами, и переводчик не должен ни похищать быстроты у сильного, отделившегося от других стиха, выражая его во многих словах, ни раздроблять на части периодов, которых главное достоинство – гармония и величие... Сильные черты надобно выражать с свойственною им краткостью... сила теряется от распространения»⁵²⁴.

Поэт-переводчик вводит отсутствующие в подлиннике сложные образования, отсылающие к гомеровской традиции, важной для Жуковского как источник мифологических образов, тем и сюжетов, в том числе как источник и образец для «Энеиды» Вергилия: дивно-огромный, гороподобный, бесполезно-прискорбная, благодушный, благовеющий, бедоносный, плачевно-ужасный, броненосная, стенобойный, неизбежно-ужасный, святотатный, чудотворный, обильно-медлительный, светоносный, робко-безмолвная.

Пять раз в переводе Жуковского встречается эпитет роковой: «отвержены роком» (ср. «*fatique repulsi*» – «отвержены роком», ст. 13), «день роковой наступил» (ср. «*dies infanda aderat*» – «невыразимый (или несказанный, неслыханный) день наступил», ст. 132), «роковая повязка» (ср. «*vittae deum*» – «повязки богов», повязки входили в римский ритуал

⁵²² Мальчукова Т. Г. Античность и мы ... С. 122.

⁵²³ Малинаускене Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период): курс лекций : материалы для практических занятий. М. : ГЛК, 2006. С. 183.

⁵²⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 314.

жертвоприношения, ст. 154), «время пришло роковое» (ср. «*vocat lux ultima victos*» – «последний день (то есть: конец, смерть) зовет побежденных», ст. 669), «ослепленная роком» (ср. «*misero... erepta fato*» – «ужасным (или мучительным, печальным) роком была похищена», ст. 738). А. С. Янушкевич отмечает, что эпитет *роковой* «сопрягает перевод Жуковского с поэтикой античной баллады»⁵²⁵.

Также стиль перевода Жуковского характеризуют слова высокой славянской нормы: ратник, риза, шуйца, десница, рамена, выя, вопияла, яримый. Неполногласные формы: очи, град, бразда, брег, врата, власы, праг, страж, младость, сей, твердь (в значении «небо». – *Е. К.*), супостат, пламень, храмина. Усеченные формы прилагательных и причастий: внимательны, утомленны, отверженны, потрясенны, разбросанны. Прилагательные женского рода в родительном падеже с архаическим окончанием: крепкия сосны, упорныя Трои, чистыя жизни, ветхия кровли, аргивския силы, свежия влаги, темныя тверди. Наречные формы: издревле, заране, доколе, трикраты, искони.

Жуковский вводит в текст, отсутствующие в подлиннике обращения: «Други!» (ст. 345, 351, 383), «Братья» (ст. 370); эмоциональные обращения-восклицания: «Боги!» (ст. 728), «Боги! Боги!» (ст. 192, 752).

Античное многобожие не смутило русского поэта. Жуковский почувствовал в античном эпосе не только, эстетическую, но и педагогическую ценность. Поэт-педагог и учитель, сначала своих племянниц, Александры и Марии Протасовых с 1805 года, затем с 1817 года учитель русского языка при великой княгине Александре Федоровне, а с 1826 – воспитатель наследника престола, великого князя Александра Николаевича⁵²⁶, Жуковский интересовался вопросами нравственного влияния поэзии на читателя. В связи с переводом античного эпоса любопытными оказываются размышления поэта о моральной пользе эпической поэмы: «Эпическая поэма расширяет наши понятия о совершенстве человека, возбуждая наше удивление, которое возбуждается не иначе как представлением добродетельных великих характеров и действий героических, ибо все необыкновенное и наиболее добродетельное возбуждает наше удивление»⁵²⁷.

В переводе второй книги из «Энеиды» Вергилия проявляется христианизация античной картины мира в использовании русским поэтом слов и выражений с христианской коннотацией, таких как: «смирение» (ст. 105); «святотатство» (ст. 181); «благодать» (ст. 267); «святотатный» (ст. 530), «чудотворный» (ст. 676); «благовестник» (ст. 792). «С миром идите» (ст. 634) – слово

⁵²⁵ Янушкевич А. Разрушение Трои. Из «Энеиды» Вергилия («Все молчат, обратив на Энея внимательны лица...») : [примечания] / А. Янушкевич, М. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 5. С. 351.

⁵²⁶ Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 14. С. 350, 363.

⁵²⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 12. С. 65.

«мир» в этом выражении имеет Новозаветное, Евангельское наполнение⁵²⁸. Так, в Евангелии от Иоанна (14, 27) Христос в прощальной беседе со своими учениками говорит: «Мир оставляю вам: мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам» – «Εἰρήνην ἀφήμι ὑμῖν, εἰρήνην τὴν ἐμὴν δίδωμι ὑμῖν· οὐ καθὼς ὁ κόσμος δίδωσιν ἐγὼ δίδωμι ὑμῖν». В Священном Писании слово «Мир», которое в греческом тексте названо «Εἰρήνη», обозначает не просто отсутствие тревог, временное, земное благополучие, как говорит пророк Иезекииль: «... они вводят народ Мой в заблуждение, говоря: “мир”, тогда как нет мира; и когда он строит стену, они обмазывают ее грязью, скажи обмазывающим стену грязью, что она упадет»⁵²⁹ – «ἀνθ' ὧν τὸν λαόν μου ἐπλάνησαν λέγοντες Εἰρήνη εἰρήνη, καὶ οὐκ ἦν εἰρήνη, καὶ οὗτος οἰκοδομεῖ τοῖχον, καὶ αὐτοὶ ἀλείφουσιν αὐτόν, εἰ πεσεῖται, εἶπὸν πρὸς ἀλείφοντας Πεσεῖται» (Иез. 13, 10—11)⁵³⁰. «Мир» – «Εἰρήνη» – означает все, что составляет в человеческом понимании высшее благо, это Божие благословение (Гал. 5, 22). Вводя в текст Евангельское слово о «мире» как Божьем благословении, Жуковский тем самым наполняет свой перевод новым, более глубоким смыслом. У Вергилия в этом месте глагол «*discedite*» – «уходите» (ст. 644).

Благодаря удачно найденному слову русского поэта мифологический сюжет переосмысливается в контексте христианских идей смирения и всепрощения.

Таким образом, Жуковский создает образец перевода классического эпоса, перевода «в меру точного и в меру свободного». воссоздает памятник иной национальной культуры в русской литературной традиции.

2.3 «Отрывки из “Илиады”» (1828)

Серьезной работой Жуковского, продолжающей найденные им открытия в переводе классического эпоса (из Овидия и Вергилия в 1819 и 1822 годах), явился перевод в 600 стихах «Отрывков из “Илиады”» в 1828 году. Впервые «Отрывки...» были напечатаны в альманахе

⁵²⁸ См. также толкование этого выражения в переводе В. А. Жуковского в кн.: Литинская Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского ... С. 182.

⁵²⁹ Текст приводится по: Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : в русской переводе с параллельными местами и приложениями. М. : Российское библейское общество, 2006. С. 805.

⁵³⁰ Septuaginta : Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes : Duo volumina in uno / edidit Alfred Rahlfs. Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. Vol. 2. S. 788.

«Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1828. С. 76—119). К этому времени был завершен полный перевод «Илиады» Н. И. Гнедичем. Это обстоятельство позволило исследователю А. Н. Егунову указать на зависимость «Малой Илиады» Жуковского (воспользуемся удачным термином ученого) от перевода Н. И. Гнедича: «Без предшествовавшего перевода Гнедича не могла бы иметь места подобного рода попытка»⁵³¹. «Малая Илиада» Жуковского оказалась близка к переводу Н. И. Гнедича метрическим оформлением, а также содержанием переведенных эпизодов⁵³².

А. Н. Егунов убедительно показал значительность перевода «Илиады» – почти двадцатилетнего труда Н. И. Гнедича. Будучи противником «вкуса языка гостиных», Н. И. Гнедич включил в свой перевод славянские слова и обороты, областные наречия, украинизмы и вульгаризмы, богатство русского языка во всем его объеме. Тщательное изучение языка греческого оригинала помогло Гнедичу передать «краски и аромат подлинника»⁵³³, создать поистине филологический перевод, сопоставимый со сложным гомеровским ионийско-эолийским диалектом.

В «Конспекте по истории русской литературы», составленном в 1826—1827 годах Жуковский определил важность труда Н. И. Гнедича для русской словесности: «Гнедич. Его перевод Илиады гекзаметрами является большой услугой, которую он оказал русскому языку»⁵³⁴. Жуковский воспринял поэтические находки перевода Н. И. Гнедича и создал более легкий гармонический перевод, верный сформулированным им ранее теоретическим принципам гармонии перевода: «... более всего он (переводчик. – Е. К.) должен быть верен гармонии, которой, смею сказать, можно иногда жертвовать и точностью и силою»⁵³⁵. «Отрывки...» Жуковского получили признание современников, взгляды которых, как было сказано, выразили А. С. Пушкин, И. В. Киреевский.

«Малая Илиада» Жуковского представляет собой выборочный перевод отрывков из VI (стихи 390—502), XVII (стихи 708—734), XVIII (стихи 2—180, 202—242, 284—312, 315—353), XIX (стихи 1—39, 238—247, 303—424) и XX (1—66) песен «Илиады», соединенных тридцатью пятью гекзаметрическими стихами собственного сочинения русского поэта. Первый отрывок – эпизод последней встречи трагических героев «Илиады» Гектора и Андромахи. Перед нами Гектор, храбрейший защитник Трои, воин, знающий свою судьбу, однако встревоженный за дальнейшую участь жены и сына; Андромаха, с ребенком на руках, предчувствующая

⁵³¹ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 293.

⁵³² О публикациях переводов Н. И. Гнедича см. подробно в кн.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 203—240.

⁵³³ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. С. 306.

⁵³⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 12. С. 367.

⁵³⁵ Там же. С. 314.

грядущую катастрофу. Читатели и слушатели Гомера, несомненно, знающие о смерти Гектора в «Илиаде» и последующую судьбу Андромахи, воспринимали этих героев, как героев трагических, а их прощальные монологи – как преддверие страшной развязки. Далее следуют собственные стихи поэта-переводчика, посвященные гибели Патрокла от руки Гектора и перевод небольшого отрывка из XVII песни о битве греков с троянцами за тело Патрокла. Содержание XVIII песни передано Жуковским в нескольких эпизодах, частично полностью переведенных, частично сокращенных и пересказанных. Антилох сообщает Ахиллу о смерти Патрокла. Скорби и гореванию Ахилла не предела, он, потеряв на войне самое дорогое, даже готов был совершить самоубийство:

«... Антилох; заливаясь слезами, всей силой
Он Ахиллесовы руки держал, чтоб в безумии горя
Сам он себе не пронзил изощренным оружием груди»⁵³⁶.

Совет троянских воинов (у Гомера 243—284) передан Жуковским в виде небольшого пересказа в 14 строк.

Далее следуют три отрывка из XIX песни. Для перевода Жуковский выбирает трагические эпизоды о приготовлении Ахилла к участию в решающей битве с Гектором и другими троянскими воинами. Знающий свое предназначение и судьбу, предопределенную ему при рождении, полный скорби и печали, Ахилл бросается в бой. Правда, гибель Ахилла происходит за пределами «Илиады», но в «Илиаде» показаны события за несколько дней до его смерти, что делает образ Ахилла одним из самых трагических в эпической поэме.

Жуковский заканчивает «Малую Илиаду» переводом первых стихов (1—66) из XX песни, в которых описывается битва богов. Повествование прерывается изображением подземного бога Аида:

«Горы тряслись; от подошвы богатой потоками Иды
Все до вершины ее и Пергам с кораблями дрожало.
В царстве глубокой подземная тьмы Айdoneй возмутился;
Бледен с престола сбежал он и крикнул, страшася, чтоб свыше
Твердой земли не пронзил Посейдон Сокрушитель, чтоб оку
Смертных людей и богов неприступный Аид не открылся,
Страшный, мглистый, пустой и бессмертным самим ненавистный».

В примечании к первому изданию «Отрывков...» Жуковский отмечал: «Переводчик, не знающий по-гречески, старался только угадывать Гомера, имея перед глазами немецкие

⁵³⁶ Текст «Отрывков из “Илиады”» Жуковского приводится по изданию: Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. С. 273—289.

переводы «Илиады» – Фоссов и Штольбергов». Таким образом, источниками перевода Жуковского служили немецкие переводы Иоганна-Генриха Фосса (1751—1826) - немецкого, поэта-переводчика, ученого-эллиниста, филолога-классика⁵³⁷ и перевод немецкого поэта Фридриха-Леопольда цу Штольберга (1750—1819)⁵³⁸.

Также Жуковскому был известен классицистический перевод английского поэта Александра Попа (1688—1744)⁵³⁹. С переводами И. Г. Фосса и А. Попа Жуковский был знаком уже в 1810 году, о чем свидетельствует письмо поэта к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 года. В этом письме Жуковский сравнивает точный перевод И. Г. Фосса и поэтический, подчиняющийся классицистической поэтике XVIII века, перевод английского поэта: «Гомера читаю на английском, имея перед собой и Фоссов перевод. <...> Эти два перевода надобно читать вместе: один увеличит цену другого; Попова щеголеватость сделает приятнее Фоссову простоту, а Фоссова сухость сделает еще приятнее Попову блистательную поэзию. Чуть ли и я со временем не примусь за греческую грамматику, а латинская уже и очень вертится в моей голове»⁵⁴⁰. Таким образом, Жуковский при переводе «Отрывков...» Жуковский обращается именно к И. Г. Фоссу, в переводе которого «более истинного Гомерова духу и греческой простоты»⁵⁴¹.

Изучив издание перевода И. Г. Фосса в библиотеке Жуковского, Г. А. Чупина обратила внимание на подстрочный перевод и записи поэта в книге, свидетельствующие о планах Жуковского перевести и другие отрывки из «Илиады», а также дополнить повествование эпизодами из Троянского круга мифов, не вошедшими в сюжетное полотно поэмы Гомера⁵⁴².

Н. Е. Никонова в статье «Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» Фосса» (2007), тщательно исследовав издание «Илиады» в переводе И. Г. Фосса, хранящееся в библиотеке Жуковского, обнаружила дополнительно к изданным в 1829 году еще 215 стихов подстрочного перевода, недоработанных поэтом. Так, фрагмент перевода из 13 стихов предварял «историю» «Малой Илиады». Тематически эти 13 строк были посвящены изображению Аполлона и описанию воли Зевса (I, 43—52, 528—530). После 600 стихов, изданных в «Северных цветах на 1829 год», следует еще 115 подстрочного перевода из XX песни, названной в переводе

⁵³⁷ Homers Ilias von I. H. Voss. 4. verbesserte Auflage. Bde 1—4. Stuttgart u. Tübingen, J. G. Cotta, 1814. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... №. 1315. С. 188).

⁵³⁸ В библиотеке Жуковского сохранилось позднее издание «Илиады» в переводе Ф.-Л. цу Штольберга (Leipzig, 1843), без помет Жуковского-читателя (Там же. № 1319. С. 188).

⁵³⁹ The Iliad of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—5. London, J. Whiston, 1771 (Там же. № 2651. С. 365).

⁵⁴⁰ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 472.

⁵⁴¹ Там же. С. 472.

⁵⁴² На верхнем форзаце: 1) «Гомер. Филоктет; Фетида и оружие»; 2) «Предсказание коней, боги в сражении, сражение с Симоисом, сражение с Гектором, погребение Гектора, <Приам>». На странице 182 второго тома: «<нрзб.> о снятии <нрзб.>, перед сражением, сражение с Гектором, погребение, Приам». На нижнем форзаце книги: 1) «сокращение. Фетида у Ифеста. Примирение. Речь Ахиллеса, вооружение. Сражение с Энеем. Боги в бою»; 2) «Сражение с <Энеем>, – с Патроклом, – с Симоисом. Возвращение Ахилл<еса>. Сражение с Гектором. Погребение Патрокла»; 3) «Приам»; 4) I прощание Гектора с Андромахой, II <нрзб.> смерть Патроклова, III Явление Ахилл<еса> IV». На нижней крышке переплета: «Смерть Гектора. Филоктет. Смерть Ахилл<еса>. Разрушение Трои. Поликсена» (Цит. по: Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 439—440).

Н. И. Гнедича «Битва богов», а также перевод последующих стихов и отчеркивания фрагментов текста (из XX—XXIV песен). Таким образом, планы Жуковского, подстрочный перевод и отчеркивания обширных фрагментов текста позволяют судить о том, что «Отрывки из Илиады» Жуковского являются, по словам исследователя, «эскизом полного варианта эпоса»⁵⁴³.

Н. Е. Никонова характеризует перевод Жуковского с немецкого подстрочника как точный и приводит примеры грамматической перестройки предложений, передачи составных эпитетов. Обращает на себя внимание самостоятельность Жуковского в транслитерации некоторых личных имен: Эрмес, Ксант, Ифест, Посидон. В сравнении с немецким переводом И. Г. Фосса (Hermeias, Xanthos, Hafästos, Poseidon) и передачей этих имен в переводе Н. И. Гнедича (Гермес, Ксанф, Гест, Посейдон). Можно предположить, что при передаче греческих имен Жуковский обращался к греческому оригиналу. В библиотеке Жуковского хранится издание «Илиады» на греческом языке⁵⁴⁴, в котором сохранились следы чтения владельца и попытки разобраться в оригинальном тексте⁵⁴⁵. Известно, что Жуковский не знал древнегреческого языка, хотя всегда осознавал необходимость в овладении классическими языками. По наблюдению исследователя Г. А. Чупиной, письма и материалы библиотеки поэта показывают, что «он обладал элементарными познаниями в области греческого языка»⁵⁴⁶. В архиве поэта сохранились бумаги 1808 года, которые свидетельствуют о занятиях поэта греческим языком и намерении основательно его изучить: записаны названия разделов «произношение», «грамматика», «синтаксис», «диалекты», «просодия». Молодой поэт заполнил только один раздел «произношение»: записан алфавит, дана характеристика двух систем произношения древнегреческих текстов – по Рейхлину (Иоганн Рейхлин, 1455—1522, немецкий гуманист) и по Эразму (Эразм Роттердамский, 1469—1536, голландский ученый)⁵⁴⁷.

Г. А. Чупина обращает внимание, что в тексте «Малой Илиады» Жуковский выступает как виртуозный создатель сложных эпитетов в гомеровском духе: «медноогромный» (гребень), «меднолатные» (ахейне), «медленноотяжкий, пламенноокий» (Гест), «тяжкоогромное» (копье), «полнокудрый» (Феб), «космолапый» (лев)⁵⁴⁸.

При сравнении с немецким и древнегреческим текстами очевидно, что передача гомеровских эпитетов из этого списка, за единственным исключением – эпитет «меднолатные» (ахейне)

⁵⁴³ Никонова Н. Е. В. А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса // Жуковский и время ... С. 101.

⁵⁴⁴ Homeri Ilias. [In graece]. Nova editio accurata in usum praelectionum academicarum et scolarum. Т. 1—2. Lipsiae, sumptibus J. A. G. Weigelii—Lugduni Batavorum, apud S. et J. Luchtmans, 1822—1823. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 1312 С. 187).

⁵⁴⁵ О пометах Жуковского в греческом тексте «Илиады» см.: Чупина Г. А. Жуковский – читатель «Илиады» и «Одиссеи» в переводе И. Мартынова // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 3. С. 460—463.

⁵⁴⁶ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 460.

⁵⁴⁷ Отдел рукописей РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 1, 5.

⁵⁴⁸ Чупина Г. А. Жуковский – читатель «Илиады» и «Одиссеи» в переводе И. Мартынова ... С. 463.

(является калькой немецкого слова «*erzumschirmten*»), которое, в свою очередь восходит к гомеровскому «*Ἀχαιῶν χαλκοχίτων*», где «*χαλκοχίτων*» означает «одетый в медный панцирь», от «*χάλκεος*» – «медный» и «*χίτων*» – «хитон», «панцирь», II. XVIII, 105)⁵⁴⁹, является творческим экспериментом русского поэта на пути освоения «принципов передачи гомеровской поэтической лексики»⁵⁵⁰.

Так, эпитет «медноогромный» (гребень) не находит поддержки в тексте оригинала и, таким образом, является изобретением русского поэта, образованным по аналогии с другими составными эпитетами Гомеровского эпоса. Эпитет «космолапый» (лев) введен Жуковским вместо «*funkelnden Leu*» – «сверкающий (пламенный) лев» (ср. греч.: «*τι λέοντ' αἴθωνα*» – «сверкающий (рыжий) лев») (II. XVIII, 161). Эпитет «полнокудрый» (Феб) был подсказан поэту-переводчику немецким выражением «*das Haupt undeschoren*» – «нестриженная голова», восходящим к постоянному гомеровскому эпитету Аполлона «*ἀκερσεκόμης*» – «нестриженный, длинноволосый» (II. XX, 39). Также эпитеты Гефеста «медленнотяжкий, пламенноокий» были навеяны Жуковскому языком немецкого подлинника и «чувством древности». Эпитет «медленнотяжкий», по сравнению с немецким словом «*Hinkend*» – «хромающий» (ср. греч. «*χωλεύων*» – «хромающий», от «*χωλεύω*» – «хромать») делает образ Гефеста более ощутимым; «пламенноокий» (взгляд) яркий зримый образ, адекватно передающий немецкий эпитет «*wutfunkelndes Blickes*» – «взгляд, сверкающий яростью» (ср. греч. «*σθένει βλεμεαίνων*» – дословно «силой гордящийся» (внутренняя форма причастия настоящего времени действительного залога «*βλεμεαίνων*» «гордящийся» такова: «*βλέμμα*» – «взгляд» и «*αἰνός*» – «страшный») (II. XX, 36—37). Сложный эпитет «тяжкоогромное» (копьё) изобретен Жуковским самостоятельно. В немецком тексте, как и в греческом, в данном случае используются однородные прилагательные: «*schwer und gross und gediegen*» – «тяжелое и большое, и добротное» (ср. греч.: «*βριθὺ μέγα στιβαρός*» – «тяжелое, большое, крепкое») (II. XIX, 387).

Обращают на себя внимание также эпитеты, выделенные О. М. Савельевой⁵⁵¹ и Н. И. Никоновой⁵⁵² в качестве примера виртуозного перевода Жуковского и создания им новых слов, которые являются свидетельством близости Жуковского не только к немецкому образцу, но и к главному образцу – Гомеровскому эпосу: «густолесистый» (нем.: «*waldigen*»), от «*waldig*»

⁵⁴⁹ Здесь и далее греческий текст «Илиады» приводится по изданию: *Homeri Ilias / recensuit Arthur Ludwich. Lipsiae : in aedibus B. G. Teubneri, MDCCCXII. Vol. 1. 514 p. , Vol. 2. 652 p.*

⁵⁵⁰ Чупина Г. А. Жуковский – читатель «Илиады» и «Одиссеи» в переводе И. Мартынова ... С. 463.

⁵⁵¹ Савельева О. М. В. А. Жуковский – поэт и переводчик Гомера // *Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе* / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Новый хронограф, 2015. С. 339.

⁵⁵² Никонова Н. Е. В. А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса ... С. 104.

– «лесистый», греч.: «ὕληέσση», от «ὕληεις, εσσα, εν» – «лесистый») (П. VI, 425), «острогрудые» (корабли) (нем.: «geschnäbelten», от «schnabel» – «клюв, нос корабля», греч.: «κορωνίσιν», от «κορωνίς» – «загнутый, как крючок») (П. XVIII, 58), «глубокошумящий» (нем.: «tiefstrundelnd», греч.: «βαθυδίνης» – «имеющий глубокие водовороты», от «βαθύς» – «глубокий» и «δίνη» – «водоворот», «вихрь») (П. XX, 73), «гривистым шлемом украшенный» (нем.: «helmumflattert», греч.: «μέγας κορυθαίλος» – «великий, потрясающий шлемом», от «κόρυς» – «шлем» и «αἰόλλω» – «туда-сюда поворачивать») (П. VI, 440), «медноблестящий» (нем.: «erzblinkend», греч.: «χαλκείω» – «медным» (копьем), от «χάλκεος» – «медный») (П. XX, 446), «крутолобый» (нем.: «breitstirnig», греч.: «εὐρυμετώπους» – «широколобых», от «εὐρύς» – «широкий» и «μέτωπον» – «лоб») (П. XX, 495).

А. Н. Егунов признавал, что эпитеты в переводе Жуковского поистине роскошны⁵⁵³. И так, эти данные еще раз подтверждают правоту поэта и переводчика Жуковского, убежденного в том, что «переводы обогащают язык»⁵⁵⁴.

При переводе «Отрывков из “Илиады”» Жуковский сохраняет сравнения, как краткие, так и развернутые сопоставления – отличительную красоту гомеровского эпоса. Сравнения в «Отрывках из “Илиады”» разнообразны и «несравненны»⁵⁵⁵, они наполнены образами мира природы (птицы, звери, деревья, месяц, звезды, пламя пожара, волны, морская буря, гроза, снег, сладкий мед) и мира человеческого (маяк, боевая труба, костры). Приведем «морские» сравнения из «Илиады» в переводе Жуковского:

«<...> Как дым, извиваясь,

Всходит далеко на острове, ратью врагов обложенном

(Бодро весь день осажденные бьются, но сядет лишь солнце,

Всюду костры зажигают, и с яркими искрами пламя

Всходит великим столбом и, окрест отраженное морем,

Светит, чтоб видели путь корабли, приносящие помощь),

Так с головы Ахиллеса блистанье в эфир подымалось» (соответствует Гомеровскому сравнению: П. 207—214).

«<...> как далекий маяк мореходцам

Светит во мгле, пламеня один на вершине утеса –

Буря же вдаль от друзей их несет по шумящему морю –

⁵⁵³ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 327.

⁵⁵⁴ Жуковский В. А. О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 311.

⁵⁵⁵ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л. : Худож. лит., 1940. С. 345.

Так лучезарно светился божественный щит Ахиллесов,
Чудо искусства» (как у Гомера: II. 375—380).

Живым словом в переводе Жуковского выступает морская метафора «Ахейцы волнами текли, корабли покидая». Морской образ, в данном случае, был подсказан Жуковскому немецким переводом И.-Г. Фосса, где глагол «entströmten» значит «вытекать», «течь». У Гомера — «νεῶν ἐχέοντο» – «валили толпами из кораблей» (II. XIX, 356). В переводе Н. И. Гнедича этой метафоры нет: «Ахейцы ж неслись от черных судов мореходных».

Жуковский выбирает для перевода драматические сцены эпопеи, богатые психологическими элементами (психологические состояния, волнение, горевание), сцены, в которых проявляется трагическая картина мира. При переводе поэт часто опускает, сокращает, пересказывает своими словами фрагменты текста, не имеющие психологического содержания (описания, подробности, отступления, длинные диалоги).

Таким образом, создавая «Малую Илиаду» 1828 году, Жуковский перестраивает гомеровский эпос, так же как впоследствии, в 1845—1846 годы, поэт задумывает на основе «Илиады», «Одиссеи» Гомера и других сказаний создать новое эпическое произведение «Повесть о войне Троянской», заменяя эпическую «цельность действия» и жанровое единство эпизодичностью на «раздробленность действия» (Arist. Poet. 8, 1451a 35; 23, 1459b 1). Аристотель указывал: «Однако же почти большинство поэтов делают эту [ошибку]. Поэтому, как мы уже сказали, Гомер и в этом отношении представляется необычайным в сравнении с другими: он не замыслил описать всю войну, хотя она имела начало и конец, так как [рассказ] должен был бы сделаться чересчур большим и нелегко обозримым, или [войну], хотя и скромных размеров, но запутанною пестрою вереницею событий. <...> Поэтому из «Илиады» и «Одиссеи», из каждой порознь, можно составить одну трагедию или только две, а из «Киприй», – много и из «Малой Илиады» свыше восьми» (Arist. Poet. 23, 1459a 34—1459b 6)⁵⁵⁶. Видимо, чувство ошибочности подобной «деконструкции» античного эпоса, а также нехватка времени заставили поэта отложить перевод И. Г. Фосса в 1828 году и оставить замысел «Повесть о войне Троянской» в 1845—1846 годы незаконченным.

Эпизодичность повествования в «Малой Илиаде» Жуковского – качество, свойственное «киклическим поэмам» в древности, свидетельствует о «живом прочтении классики»⁵⁵⁷. Исследователь А. С. Янушкевич отметил, что «Малая Илиада» Жуковского «во многом построена по законам балладного творчества»⁵⁵⁸. Далее ученый пишет: «Отбор наиболее

⁵⁵⁶ «Поэтика» Аристотеля в переводе В. Аппельрота цит. по: Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб. : Азбука, 2000. С. 60.

⁵⁵⁷ Мальчукова Т. Г. Античность и мы ... С. 80.

⁵⁵⁸ Янушкевич А. С. Путь Жуковского к «Эпическим стихотворениям» // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 5. С. 301.

драматических эпизодов, их внутренняя авторская связь и в то же время цельность каждой части позволяют говорить об особом пути лиро-эпоса Жуковского в эпоху формирования русской романтической поэмы»⁵⁵⁹.

Перевод «Отрывков...», как и немецкий перевод И. Г. Фосса и в русской традиции перевод Н. И. Гнедича, эквиметричен – выполнен Жуковским дактило-хореическим гекзаметром. Исследователь Г. А. Чупина подсчитала, что из 600 стихов «Малой Илиады» 142 «содержат замену дактиля хореем», что «составляет почти четвертую часть всего перевода (23,7%), причем почти 3% составляют стихи, в которых приходится двойная замена»⁵⁶⁰. В ходе повествования ритмический рисунок изменяется и устраняет монотонность стиха, вызывает колебание числа слогов внутри стиха от 17 до 15, благодаря чему стих приобретает ускоренный или замедленный темп, в зависимости от характера повествования. Примеры из недоработанного подстрочника, в котором число стоп в гекзаметрических строках варьируется от 2 до 9, свидетельствуют о том, что поэт-переводчик внимательно работал над текстом посредника и желал создать эквилинеарный перевод, а не «реквием по декабризму, песнь покаяния, поминовения и памяти»⁵⁶¹. Думается, что Жуковский обратился к переводу Гомеровского эпоса, так как интересовался античным наследием и был убежден в его непреходящем эстетическом и гуманистическом значениях, видел возможность обращаться к античности в педагогической деле и в творческом созидании.

Итак, при обращении к античному эпосу Жуковский выбирает трагические эпизоды, в которых звучит тема судьбы и рока, стремится к дословности при переводе составных эпитетов – важного элемента гомеровского стиля, использует славянизмы для создания возвышенной обстановки древности, междометия, лексические повторы для драматизации событий. Античные образы, мотивы и темы в переосмыслены поэтом в контексте христианских идей милосердия, смирения и всепрощения. Таким образом, интерпретация мифологических сюжетов при переводе фрагментов из античного эпоса оказывается близкой к трактовке Жуковского античных сюжетов в балладном жанре.

⁵⁵⁹ Там же. С. 301.

⁵⁶⁰ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 453.

⁵⁶¹ Никонова Н. Е. В. А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса ... С. 103.

ГЛАВА 3. РЕЦЕПЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ПОЗДНЕМ БАЛЛАДНОМ И ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Согласно принятой классификации балладного творчества Жуковского,⁵⁶² к поздним балладам на античные сюжеты относятся «Торжество победителей» (1828), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831) и «Элевзинский праздник» (1833). Все четыре баллады являются переводами баллад Ф. Шиллера. Ф. Шиллер – немецкий поэт и философ, стоявший на пороге нового литературного направления – романтизма, в то же время обнаруживал в своем творчестве стремление к античной словесной культуре и искусству, как к никогда не устаревающему образцу, высокому примеру, помогающему эстетически осознать современность и возвысить, воспитать человеческую душу.

Как отмечалось нами ранее, выражаясь словами ученого-германиста А. В. Михайлова, в Германии на рубеже XVIII—XIX веков «прощание с античностью совершается как ее возрождение и полное торжество»⁵⁶³. Такое же явление происходило во французской, английской, а также русской литературе этого периода истории. Одним из требований романтической школы было «требование мифологических сюжетов, которые в изобилии встречались в гомеровском эпосе»⁵⁶⁴. Профессор Т. Г. Мальчукова в подтверждение этого суждения приводит в пример наблюдения писателя и теоретика романтизма Р. де Шатобриана (1768—1848)⁵⁶⁵. Шатобриан в своем «Опыте об английской литературе» говорит о Гомере как об отце европейской литературы, поэмы которого также важно изучать и понимать, как произведения Данте в Италии, Рабле во Франции, Шекспира в Англии. Эти «великие учителя» «открывают новые горизонты, и лучи света брызжут из тьмы; на посеянных ими идеях вырастают тысячи других; они даруют образы, сюжеты, стили всем искусствам; их произведения – неисчерпаемый источник, самые недра разума человеческого»⁵⁶⁶.

Так и Жуковский, идя по следам немецкого гения, Ф. Шиллера, в переводе «античных» баллад (как в ранних: «Кассандра», «Ивиковы журавли», «Ахилл», так и поздних, написанных в конце 1820-х — начале 1830-х годов: «Торжество победителей», «Поликратов перстень»,

⁵⁶² В творчестве В. А. Жуковского исследователи выделяют три «балладных взрыва»: 1808—1814, 1816—1822, 1828—1833. См.: Вётшева Н. Ж., Жиликова Э. М. Баллады Жуковского ... С. 229.

⁵⁶³ Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII—XIX вв. // Языки культуры : учеб. пособие по культурологии / [предисл. С. Аверинцева]. М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1997. С. 527.

⁵⁶⁴ Мальчукова Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века ... С. 5.

⁵⁶⁵ Там же. С. 5.

⁵⁶⁶ Шатобриан Ф. Р. Опыт об английской литературе // Эстетика раннего французского романтизма. М. : Искусство, 1932. С. 236.

«Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник») проявляет непреходящий интерес к греко-римской словесной культуре, к античной мифологии.

3.1 Поздние «античные» баллады В. А. Жуковского

3.1.1 Гомеровский эпос в балладе «Торжество победителей» (1828)

Баллада «Торжество победителей» представляет собой перевод одноименной баллады Ф. Шиллера «Das Siegesfest» (1803). Ф. Шиллер задумывал написать балладу, похожую на «античную хоровую песнь с так называемую антифонной композицией (два перекликающиеся голоса)»⁵⁶⁷. При этом Ф. Шиллер ориентировался на «принцип двойственности и множественности хоров»⁵⁶⁸, который был характерен для хоровой поэзии древних греков. Согласно исследованиям, «в первобытном хоре предполагается наличие запевала, начинающего и ведущего песнь, которую повторяет и на которую отвечает хор. С развитием текста роль запевала-корифея усиливается, причем хору приходится подхватывать какой-нибудь стих, восклицать, выражать своё участие тем, что называется припевом. Нередко выступают два хора, перепевающиеся друг с другом, откуда возникло амебейное (или амёбическое) пение отдельных певцов»⁵⁶⁹. Таким образом, Ф. Шиллер мыслит свою балладу в контексте классической традиции. Это удается благодаря сложной строфе 8 + 4. Причем 8-стишия по содержанию являются ведущими в балладе, они, с точки зрения античной хоровой песни, должны принадлежать запевале. В роли запевалы в балладе выступают греческие воины, по очереди держащие слово. 4-стишия, словно античный хор, представляющий собой то пленных троянских женщин, то греческое войско, служат своеобразным ответом на 8-стишия и их обобщением, «возвышают индивидуальное и местное до всеобщности»⁵⁷⁰.

⁵⁶⁷ Янушкевич А. Торжество победителей («Пал Приамов град священный...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 3. С. 391.

⁵⁶⁸ Энциклопедический словарь. Томъ 37А (74) Ходский – Цензура / издатели : Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6, 1903. С. 573.

⁵⁶⁹ Там же. С. 573.

⁵⁷⁰ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 615.

В мае 1803 г. в письме к Гете Ф. Шиллер сообщает об этой балладе: «“Торжество победителей” представляет собой воплощение идеи, которую подал мне ваш кружок полтора года тому назад в связи с тем, что все хоровые песни, если они только не исходят из подлинно поэтического материала, впадают в плоский тон песен вольных каменщиков. Я хотел здесь как бы бросить себя в тучные поля “Илиады”, чтобы взрастить урожай там, где мог бы лишь пожинать его»⁵⁷¹. Сюжет баллады Ф. Шиллера восходит к гомеровскому эпосу и мифам о Троянской войне. Как баллады «Кассандра» («Kassandra», 1802), «Торжество победителей» повествует о событиях, следующих за описанными в «Илиаде». В балладе греческие воины собрались у кораблей совершить тризну в честь героев минувшей войны, и в их речах оживают картины прошлого, что сближает текст стихотворения с «Илиадой» Гомера, а также выступают и картины будущего – возвращение на родину, что восходит к «Одиссее». Т. Г. Мальчукова отмечает, что «Исходная ситуация в стихотворении «Das Siegesfest» – тризна после победы над Троей, накануне отплытия ахейцев в Элладу – дает возможность объединить «Илиаду» и «Одиссею», поэму войны и поэму возвращения, и на их основе представить в главных чертах характеры и судьбы гомеровских персонажей в одной сжатой сцене»⁵⁷².

Исследователь А. С. Янушкевич указывает на то, что «связь сюжета баллады с поэтикой гомеровского эпоса разрушила каноны хоровой песни»⁵⁷³. Хоровая песнь принадлежала преимущественно к лирическим жанрам, а баллада Ф. Шиллера «Торжество победителей», ориентируемая на античные образцы, тяготеет более к эпическим произведениям, с лирическими и драматическими элементами.

«Шиллеру удалось создать героическую балладу, воскрешающую характерные черты античного мирозерцания»⁵⁷⁴, – отмечает исследователь А. С. Янушкевич. В. Г. Белинский комментирует эту особенность шиллеровской баллады: «И нигде с такою полнотою и такою силою не выразил он, не воспроизвел он поэтического образа Эллады, как в “Торжестве победителей”. Эта пьеса есть апофеоза всей жизни, всего духа Греции; эта пьеса – вместе и поэтическая тризна и победная песнь в честь отечества богов и героев. Она написана в греческом духе, облита светом мирообъемлющего созерцания греческого. Шиллер говорит не от себя: он воскресил Элладу и заставил ее говорить от самой себя и за самоё себя»⁵⁷⁵.

Шиллеру удалось воссоздать античное мирозерцание – сочетание гомеровского трагизма и оптимистичного взгляда на жизнь. Профессор А. Ф. Лосев указывал на эту особенность античного мирозерцания: «Трагизм у Гомера удивительным образом отождествляется у него

⁵⁷¹ Гёте И.-В. Переписка ... Т. 2. С. 420.

⁵⁷² Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 79.

⁵⁷³ Янушкевич А. Торжество победителей ... С. 391.

⁵⁷⁴ Там же. С. 391.

⁵⁷⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 164.

с полноценным жизнеутверждением, с глубокой любовью к жизни, с неустанной бодростью и с оптимизмом»⁵⁷⁶.

Сущность трагического в гомеровском эпосе заключается в понятии судьбы или рока. Профессор А. Ф. Лосев так комментирует это понятие: «Но будем понимать под трагическим такую жизненную ситуацию, которая создается благодаря невозможности тех или иных надличных сил реализоваться в человеческой жизни без существенной катастрофы. Здесь дело не в самой катастрофе, но в том, что она вызвана общими и внешними силами, не могущими иначе реализоваться в человеческой жизни, как только путем катастрофы»⁵⁷⁷. Подобно Гомеру, Ф. Шиллер выдвигает на первый план «индивидуальную катастрофу»⁵⁷⁸. В балладе представлены следующие трагические типы: Ахилл, Патрокл, Гектор, Аякса, Гекуба, Кассандра и сама Троянская война как грандиозная катастрофа, которая привела к гибели Трои и еще приведет к гибели многих греков-победителей, возвращающихся домой.

Профессор Т. Г. Мальчукова замечает некоторое отличие мирозерцания шиллеровской баллады от античного эпоса, которое заключается в преобладании в балладе Ф. Шиллера трагического начала: «Гомеровские герои как будто освещены у Шиллера трагическим светом. В гомеровском эпосе трагизм человеческого существования показан рядом с героическими подвигами, оттеняется комическими олимпийскими сценами, погружен в стихию космической жизни. Устраняя эпическую широту, Шиллер сделал трагическое освещение доминирующим. В этом он мог опереться на интерпретацию гомеровского эпоса в аттической трагедии»⁵⁷⁹.

Для Ф. Шиллера, «как и для немецкого неогуманизма в целом и его вершины – веймарского классицизма», показателен «устойчивый интерес и постоянное возвращение к Гомеру во всех областях писательской деятельности»⁵⁸⁰. Письма⁵⁸¹, исторические сочинения⁵⁸², эстетико-философские труды⁵⁸³, эпиграммы⁵⁸⁴, философские стихотворения⁵⁸⁵, баллады⁵⁸⁶,

⁵⁷⁶ Лосев А. Ф. Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. С. 197.

⁵⁷⁷ Там же. С. 189.

⁵⁷⁸ Там же. С. 189.

⁵⁷⁹ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 83.

⁵⁸⁰ Там же. С. 73.

⁵⁸¹ См.: письма к Лоте фон Лангефельд 27 ноября 1788 г. и Готфриду Кернеру от 10 марта 1789 г. (№ 72 и 82 по изданию: Шиллер Фридрих // Собр. соч. : в 7 т. Т. 7. С. 179 ; 206—207).

⁵⁸² См.: «Законодательство Ликурга и Солона» (1791) по изданию: Шиллер Фридрих. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. С. 409—448; «В чем состоит изучение всемирной истории и какова цель этого изучения» (1798) по изданию: Шиллер Фридрих. Собр. соч. в 7 т. Т. 4. С. 9—28.

⁵⁸³ См.: «О грации и достоинстве» (1793), «О возвышенном» (1793), «Письма об эстетическом воспитании человека» (1793—1794), «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795), «Мысли об употреблении пошлого и низкого в искусстве» (1802).

⁵⁸⁴ См.: «Ксени» («Илиада», «Вольфовский Гомер», «Гомериды»), «Одиссей», «Грекомания» (1795—1796).

⁵⁸⁵ См.: «Прощание Гектора» (1780), «Боги Греции» (1788), «Художники» (1789), «Идеал и жизнь» (1795), «Прогулка» (1795), «Мудрецы» (1795), «Гень Шекспира» (1796). «Счастье» (1798).

⁵⁸⁶ См.: «Геро и Леандр» (1801), «Кассандра» (1802), «Торжество победителей» (1803).

драматические произведения⁵⁸⁷ свидетельствуют о чтении и изучении Шиллером гомеровских поэм.

Проф. Т. Г. Мальчукова подробно исследует реминисценции гомеровского эпоса в балладе «Торжество победителей»⁵⁸⁸ и приходит к выводу, что «описание обстановки, действий и речей персонажей строится на сочетании и переосмыслении гомеровских цитат»⁵⁸⁹. Основные черты, присущие рецепции гомеровского эпоса Шиллером, следующие: «характерные гомеровские понятия, повторяющиеся выражения», эпитеты, мотивы, метафоры, характеристичные речи персонажей, передача основных событий Троянской войны через речи персонажей.

Так, в первой строфе, в которой говорится об исходе Троянской войны, обозначены элементы пейзажа, «главные черты “драматической местности”»⁵⁹⁰: разрушенный Пергам, побережье, корабли ахейцев, также «используются характерные гомеровские понятия и повторяющиеся выражения»⁵⁹¹, такие как победа (νίκη – der Sieg), добыча (έλωρ – das Raub), огромный корабль (ή ναῦς (νηῦς) μεγακήτης – hoch auf den hohen Schiffen), «гомеровские определения родины: καλή, γλυκεῖα, πατρίδος γαῖα переданы прилагательными schön, süß, väterlich»⁵⁹².

Далее в статье Т. Г. Мальчуковой рассматриваются следующие реминисценции поэм Гомера. Начальные строки баллады «варьируют лейтмотив “Илиады”»⁵⁹³ о том, что погибнет Троя (VI, 448—449, 452—453). У Шиллера предсказание о гибели Трои исполнилось: «Priams Feste war gesunken, Troja lag in Schutt und Staub» (535), у Гомера же в речах Гектора слова о гибели Трои звучат пророчески: «Будет некогда день, и погибнет священная Троя, С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама» (VI, 448—449)⁵⁹⁴ и «Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых, Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных» (VI, 452—453).

Создавая образ плачущих троянских женщин, Ф. Шиллер ориентируется на стихи из «Илиады», в которых отражаются опасения Гектора, представляющего себе плен своей супруги после падения Трои (VI, 464—465), а также «ритуальный плач Брисеиды и других пленниц над телом Патрокла»⁵⁹⁵ (XIX, 284—286, 301—302).

⁵⁸⁷ См.: Драматическая поэма «Валленштейн» (1799), драма «Разбойники» (1781), «романтическая трагедия» «Орлеанская дева» (1801).

⁵⁸⁸ См.: Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 79—84.

⁵⁸⁹ Там же. С. 79.

⁵⁹⁰ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 79.

⁵⁹¹ Там же. С. 79.

⁵⁹² Там же. С. 79.

⁵⁹³ Там же. С. 79.

⁵⁹⁴ Перевод Н. И. Гнедича приводится по: Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесловие В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. М. : Моск. рабочий, 1982. С. 101. Далее перевод Н. И. Гнедича приводится по этому изданию с указанием песни римской и стиха арабской цифрами.

⁵⁹⁵ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 79.

Жертвоприношение Калхаса в третьей строфе баллады – одно из общих мест «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Проф. А. Ф. Лосев указывает на то, что «Гомеровские поэмы наполнены разного рода молитвами, жертвами и возлияниями в честь богов»⁵⁹⁶. О «предвиденье» Калхаса также говорится в следующих стихах «Илиады»: I 69—73, I 86—87, I 106—108, I 384—385, II 322, II 300, XIII 70. Приведем один из этих стихов:

«Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.

Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,

И ахейн суда по морям предводил к Илиону

Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.

Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им» (I, 69—73).

Вместе с рецепцией жертвоприношения Калхаса Ф. Шиллер использует в этой строфе гомеровские «формульные характеристики и эпитеты богов»⁵⁹⁷: «Pallas, die die Städte gründet Und zertrümmert»⁵⁹⁸ соответствует «πολιοῦχος, ρυσίπτολις – градоохраняющий, πτολιπόρθης – градоразрушительный». «Und Neptun, der um die Länder Seinen Wogengürtel schlingt» соответствует «γαιήοχος – земледержец, обхватывающий землю». «Und den Zeus, den Schreckensender» – «μήστωρ φόβοιο (также ὅς φόβον ὄρσεν) – посылающий страх, обращающий в бегство». «Der die Ägis grausend schwingt» – «αἰγίδα σείων (ср. эгидоносный, эгидодержавный – αἰγίοχος»⁵⁹⁹.

Образ Агамемнона, обозревающего войско в четвертой строфе восходит к перечню кораблей II песни (455—779) и обходу войск IV песни «Илиады» (223—414).

Мотивы «Одиссеи» находят отражение в речах Одиссея к Агамемнону (XI, 396—465), в речах Неоптолема и Аякса Оилида (XI, 471—539; 543—564). Речь Менелая восходит к III и XIII (620—630) песням «Илиады».

Речи персонажей передают основные события Троянской войны. «Герои вспоминают отплытие из Авлиды, поединок Париса и Менелая, подвиги Аякса в битве у кораблей, героическую смерть Патрокла, гибель Гектора и Ахилла, спор между Аяксом и Одиссеем за щит Ахилла, самоубийство Аякса, прибытие Неоптолема, завоевание Трои, возвращение ахейцев, смерть Агамемнона и Кассандры, счастливое возвращение Менелая и Одиссея»⁶⁰⁰. Кроме того, речи персонажей характеристичны. Т. Г. Мальчукова отмечает: «Материал и образ высказывания наглядно обрисовывают эпические характеры, которые в целом соответствуют

⁵⁹⁶ Лосев А. Ф. Гомер ... С. 272.

⁵⁹⁷ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 80.

⁵⁹⁸ Текст приводится по изданию: Schillers Sämmtliche Werke : Vollständig in vier Bänden. Mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 139—143.

⁵⁹⁹ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 80.

⁶⁰⁰ Там же. С. 80—81.

гомеровским. Как нередко и в “Илиаде”, Агамемнон изображен у Шиллера “малодушным”, он печален и недалновиден; осторожный и умный Одиссей произносит предостерегающие речи; удачливый и благочестивый Менелай восхваляет решение Зевса; строптивый и грубый Аякс Оирид хулит богов; храбрый сын Ахилла Неоптолем славит отца; великодушный Диомед воздает должное мужеству и благородным целям врага; мудрый и миролюбивый Нестор утешает несчастную Гекубу»⁶⁰¹.

Речи персонажей Ф. Шиллер создает, используя мотивы и выражения гомеровских поэм, подвергая их незначительным изменениям. Так, речь Аякса о судьбе и равенстве всех людей перед лицом смерти частично восходит к высказываниям Ахилла:

«Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много!»
(Ил. IX, 318—320)

«Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
В жизни своей переменен и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет, - поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен».
(Ил. XXIV, 527—533)

В описании Нестора присутствует характерная черта – кубок:

«Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский».
(Ил. XI, 632—637)

Обращение Нестора к Гекубе всходит к XXIV песне «Илиады» (602—618) и «представляет метафору речи Ахилла к Приаму»⁶⁰²:

«Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,

⁶⁰¹ Мальчукова Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера ... С. 81.

⁶⁰² Там же. С. 81.

Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
 Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
 Мстящий Ниобе, а дев – Артемида, гордая луком.
 Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летою:
 Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
 Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
 Девять дней валялися трупы; и не было мужа
 Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
 Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
 Плачем по ним истомясь, и мать вспомянула о пище.
 Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
 Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
 Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут, –
 Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
 Так, божественный старец, и мы помыслим о пище».

В балладе Ф. Шиллера слова Диомеда в память Гектора дружески великодушны и полны рыцарского благородства, какими они были по отношению к противнику Главку в «Илиаде» (Ил. VI, 119—236). Ф. Шиллер в статье «О наивной и сентиментальной поэзии» вспоминает это место в шестой книге «Илиады» – «где Главк и Диомед вступают в бой, но, опознав друг в друге людей, чьи предки были связаны узами гостеприимства, обмениваются дарами»⁶⁰³. Ф. Шиллер говорит о том, что эта «победа добрых нравов над страстями» и «наивность мышления» античного человека, соблюдающего закон гостеприимства даже на войне, трогает сердце⁶⁰⁴. Таким образом, благородная речь Диомеда в память Гектора, героя из вражеского войска, характеристична:

«Der für seine Hausaltäre
 Kampfend ein Beschirmer fiel –
 Krönt den Sieger grosser Ehre,
 Ehret ihn das schönre Ziel».

Буквально:

«За домашние алтари
 боролся он, их защитник:
 если победителя венчает бóльшая честь,

⁶⁰³ Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. С. 406.

⁶⁰⁴ Там же. С. 406.

то ему делает честь лучшее намерение» (142)⁶⁰⁵.

Таким образом, баллада Ф. Шиллера ориентирована на классическую традицию, на «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

В. А. Жуковский, переводчик баллады «Торжество победителей» (1828), в том числе «античных» баллад Ф. Шиллера («Кассандра» 1809, «Ивиковы журавли» 1813, «Поликратов перстень» 1831, «Жалоба Цереры» 1831, «Элевзинский праздник» 1833), также был почитателем Гомера. На книжных полках его личной библиотеки «обнаружено больше двадцати различных изданий гомеровских поэм на шести языках (древнегреческом, русском, итальянском, английском, немецком, французском) в переводах шестнадцати авторов»⁶⁰⁶. Личная библиотека, письма, дневниковые записи, материалы архива свидетельствуют о внимании русского поэта к античному наследию, к поэмам Гомера, как «образцам и пособиям»⁶⁰⁷, на протяжении всего творческого пути.

Перевод В. А. Жуковского баллады «Торжество победителей» вышел в свет в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1928. Отд. 2, 3—9). В этом же номере альманаха были напечатаны также «Отрывки из Илиады» (СПб., 1928. Отд. 2, 76—119) В. А. Жуковского, что свидетельствует о внутреннем единстве этих двух произведений. А. С. Янушкевич отмечает взаимосвязь «Отрывков из Илиады» с «Торжеством победителей»: «Как известно, эти “отрывки”, своеобразная “Ахиллиада” Жуковского, были напечатаны в СЦ на 1829 г. вместе с “Торжеством победителей”. Вероятно, как и Шиллер, Жуковский, “бросив себя в тучные поля “Илиады””, увидел продолжение ее героики в переведенной балладе»⁶⁰⁸.

Исследователь Г. А. Чупина отмечает особую атмосферу 20-х годов XIX века, которая располагала В. А. Жуковского к гомеровским поэмам, переводам из «Илиады», написанию баллады на сюжет о Троянской войне: «... двадцатые годы отличаются необыкновенным изобилием переводов из Гомера, свидетельствующим об интересе общества к древнему поэту. Наряду с публикацией отдельных песен «Илиады», переведенных Гнедичем, появляется перевод А. Ф. Мерзлякова VII песни, комментированный прозаический перевод обеих поэм, осуществленный И. И. Мартыновым. В 1825 г. в декабрьском альманахе «Полярная звезда» вместе со стихами Рылеева, Пушкина, Языкова был напечатан отрывок из XIX песни «Илиады» в переводе Гнедича – об Ахилле, готовом отдать жизнь во исполнение своего долга. В общей атмосфере двадцатых годов, отмеченных повышенным интересом к античному эпосу, перевод Жуковского можно считать фактом, далеко не случайным. Уже само обращение к поэме, выбор

⁶⁰⁵ Перевод В. Чехихина приводится по: Чехихин В. Е. В. А. Жуковский как переводчик Шиллера ... В скобках указывается номер страницы.

⁶⁰⁶ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 431.

⁶⁰⁷ Там же. С. 437.

⁶⁰⁸ Янушкевич А. Торжество победителей ... С. 393.

отрывков, в частности, из VI и XIX песен, – все это является своеобразным откликом поэта на запросы своего времени»⁶⁰⁹.

В. Г. Белинский высоко оценивает перевод В. А. Жуковским баллады «Торжество победителей»: «Но если что составляет истинный ореол Жуковского как переводчика – это его перевод следующих трех пьес Шиллера: “Торжество победителей”, “Жалоба Цереры”, “Элевзинский праздник”. Если бы, кроме этих трех пьес, Жуковский ничего не перевел, ничего не написал, – и тогда бы имя его не было бы забыто в истории русской литературы»⁶¹⁰. И далее: «Перевод Жуковского “Торжества победителей” есть образец превосходных переводов, – так что если при тщательном сравнении иные места окажутся не вполне верно или не вполне сильно переведенными, – зато еще более найдется мест, которые в переводе лучше и сильнее выражены»⁶¹¹. Для подтверждения этого В. Г. Белинский приводит строки из второй строфы баллады: «Так, например, у Шиллера сказано просто: И в дикое празднество радующихся примешивали они (пленные жены и девы троянские) плачевное пение, *оплакивая собственные страдания и падение царства*. У Жуковского это выражено так:

«И с победной песнью дикой

Их сливался тихий стон

По тебе, святой, великой,

Невозвратный Илион» (Курсив мой. — Е. К.).

При переводе баллады В. А. Жуковский сохраняет количество стихов, размер подлинника – 4-стопный хорей, строфику – сложную строфу 8 + 4, характер рифмы (8-стишие АБАБВГВГ + 4-стишие ГддГ). Внутри сложной строфы Жуковский соблюдает правило альтернанса (франц. *alternance* – чередование) – чередование мужских и женских рифм.

Рифма баллады точная, в большинстве случаев бедная. Богатая рифма встречается один-два раза в строфе, среди богатых рифм есть оригинальные: решился – сокрушился, украшен – страшен, Фортуне – втуне, терпи – спи.

В. Е. Чешихин в труде «Жуковский, как переводчик Шиллера» так характеризует перевод «Торжества победителей»: «Перевод отличается обычными достоинствами и недостатками Жуковского. Прежде всего заметно свойственное переводчику уклонение от всех простейших жизненных явлений и ощущений»⁶¹². В. Е. Чешихин приводит ряд примеров из текста баллады, которые подтверждают смягчение переводчиком подлинника, опущение строк, которые могли показаться несколько резкими, грубыми или не соответствовали христианским взглядам

⁶⁰⁹ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 438.

⁶¹⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 164.

⁶¹¹ Там же. С. 167.

⁶¹² Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 137.

В. А. Жуковского. Обратимся к последней строфе баллады, где наблюдаются значительные расхождения с немецким текстом. Перевод первой половины последней строфы В. Чешихин называет «не особенно удачным»⁶¹³: У Шиллера:

«Rauch ist alles ird'sche Wesen;

Wie des Dampfes Säule weht,

Schwinden alle Erdengrößen,

Nur die Götter bleiben stat».

То есть:

«Дым – все земное бытие;

так, как дымный столб –

тает и исчезает все земное величие;

только боги остаются вечно» (143).

По наблюдению исследователя, Жуковский словно не замечает «последней, оптимистической мысли» и переводит этот стих пессимистически⁶¹⁴:

«Все великое, земное

Разлетается, как дым:

Ныне жребий выпал Трое,

Завтра выпадет другим».

Думается, что В. А. Жуковский намеренно не замечает строку: «Nur die Götter bleiben stat» – «только боги остаются вечно». Оптимизм «блаженных» олимпийцев, который передал немецкий автор, не нашел отклика в душе славянского поэта. Проф. А. Ф. Лосев так характеризует «внутреннюю пустоту» Олимпийских богов, которые «не знают ни печали, ни радости» и являются «пародией на человека»: «Их пороки общеизвестны. Но абсурднее всего то, что любые пороки и преступления существуют у них решительно без всякого сознания своей недостаточности, преступности или греховности. Они не знают цены жизни, потому что они никогда ее не приобретали»⁶¹⁵. Думается, поэтому В. А. Жуковский оставляет без внимания слова о бессмертии олимпийских богов, подчеркивает пессимистическую сторону античного мировоззрения и развивает мысль о несчастье человеческой жизни.

В этом контексте показательно наблюдение А. С. Янушкевича о том, что поэт «вносит в текст баллады Шиллера мотив несправедливого суда» («Суд окончен; суд решился»; «суд их часто слеп бывал»; «кто на суд явьясь кровавый, славно пал за отчий дом»), а также добавляет отсутствующие в немецком подлиннике характеристики побежденных героев,

⁶¹³ Чехихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 143.

⁶¹⁴ Там же. С. 143.

⁶¹⁵ Лосев А. Ф. Гомер ... С. 195.

(«благороднейшие пали»; «нет великого Патрокла»; «скольких бодрых жизнь поблекла»; «лучших бой похитил ярый!»; «жертва гибельного гнева», «слава Гектору во гробе!»), усиливает страдание героев («будем в гробе увядать»; «О сколь мертвые счастливы!»; «Пей страданий утолень»; «Пей, страдалица!..»; «Сколь ужасная над нею // Казнь была совершена») ⁶¹⁶.

Два стиха Жуковского в последней строфе удивительны своим оригинальным содержанием и моральным пафосом:

«Смертный, силе, нас гнетущей,

Покоряйся и терпи».

В. Чешихин считает, что эти стихи в заключительном четверостишии отзываются «чересчур ноющей нотой» ⁶¹⁷. У Шиллера в этом месте совсем другая мысль:

«Um das Ross des Reiters schweben,

Um das Schiff die Sorgen her».

То есть:

«Над конем всадника

и над кораблем (морехода) витают заботы» (145).

В словах, не соответствующих подлиннику, выразилась личная позиция переводчика, его собственное понимание вопроса смысла человеческой жизни, его христианские взгляды. В. А. Жуковский говорит о том, что необходимо терпеть жизненные трудности, смиренно переносить скорби. Исследователь С. В. Тураев замечает, что В. А. Жуковский при передаче подлинника «меняет акценты», и понятие судьбы в переводе не соответствует ее античному пониманию: «Но судьба в античном мировоззрении (как она представлена у Шиллера) и судьба в христианско-религиозном смысле (как это звучит у Жуковского) – очень разные вещи. И это отделяет романтика Жуковского от просветителя, “веймарского классика” Шиллера» ⁶¹⁸.

Заключительные строки баллады В. Чешихин называет «превосходными», в них переводчик Жуковский превосходит немецкого автора: «Но с неожиданной силой весь талант Жуковского проявляется в переводе последних двух стихов баллады. Шиллер:

“Morgen können wir’s nicht mehr,

Darum lasst uns heute leben!”

То есть:

“Завтрашнего дня мы вовсе не знаем –

⁶¹⁶ См. подробнее: Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского ... С. 180—181.

⁶¹⁷ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 144.

⁶¹⁸ Тураев С. В. Шиллер в переводах В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века ... С. 284.

будем же жить сегодня!»»

У Жуковского эти стихи, по словам исследователя, «несравненно глубже, поэтичнее и сильнее»⁶¹⁹:

«Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий».

В. Чешихин пишет о том, что в этих двух строках В. А. Жуковскому удалось проникнуть «в самую глубь авторской идеи», воссоздать «всю эллинскую житейскую философию, гармонически-уравновешенную, просвещенную и культурную»⁶²⁰.

Сложный эпитет в гомеровском духе «острогрудые» (корабли), который Жуковский открыл при переводе «Отрывков из “Илиады”», вновь встречается в «Торжестве победителей» (у Шиллера: «hohen Schiffen» – «высокие корабли»). Таким образом, два перевода Жуковского – «Отрывки из “Илиады”» и баллада «Торжество победителей» – объединяются на стилистическом уровне.

В. А. Жуковскому были близки взгляды Ф. Шиллера на поэтическое искусство. Ф. Шиллер, как философ и историк, считал, что поэзия должна быть образцом для современности, а писатель призван быть воспитателем народа. Столь же высоких взглядов на поэзию и труд сочинителя придерживался В. А. Жуковский. Он видел в балладе Ф. Шиллера перспективу, возможность благотворного воздействия античной мудрости на читателей.

3.1.2 «История» Геродота и баллада «Поликратов перстень» (1831)

Жуковский работал над балладой «Поликратов перстень» 15—17 марта 1831 года. Впервые эта баллада появилась в печати в сборнике «Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского» (В 2 ч. СПб., 1831, Ч. 2. С. 19—24). «Поликратов перстень» – это перевод одноименной баллады Ф. Шиллера «Der Ring des Polycrates» («Кольцо Поликрата» 1797).

Сюжет баллады восходит к античной легенде, которую рассказали древнегреческие историки и географы Геродот (ок. 484 г. до н. э. — ок. 425 г. до н. э.) и Страбон (ок. 64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.).

⁶¹⁹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 144.

⁶²⁰ Там же. С. 144—145.

Геродот, «первый представитель художественной историографии, труд которого дошел до нас полностью»⁶²¹, называет свое произведение «Историей». В переводе с древнегреческого языка история – ἱστορία – означает «исследование, расспрос»⁶²². С существительным ἱστορία этимологически связан глагол ἱστορέω «узнавать, исследовать, спрашивать»⁶²³, а также существительное ἵστωρ «знающий, сведущий»⁶²⁴. Заглавие труда «История» указывает на рациональный подход к изображению исторических событий, на исследовательскую деятельность автора. Впоследствии труд Геродота получил новое заглавие – «Музы» – и был разделен на девять книг, по числу Муз (Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа). Геродот предваряет свой труд замечанием, в котором обозначается цель его написания – увековечить подвиги героев, участвовавших в противостоянии Европы и Азии, эллинов и варваров: «Геродот Галикарнасский излагает сии разыскания, дабы ни события с течением времени между людьми не истребились, ни великие и дивные дела, эллинами и варварами совершенные, не остались бесславными...» (I)⁶²⁵.

В античности история – жанр художественной литературы, объединяющий в себе черты древних хроник и классического эпоса. В Греции первые хроники появились в VI в. до н.э. Это были «начатки повествовательной прозы»⁶²⁶, они «сосредоточивали свое внимание на родословиях основателей городов, достопримечательностях местностей и обычаях народов»⁶²⁷. Сведения для хроник древние авторы черпали из старинных преданий, мифов и сказов.

«Истории» Геродота присущи черты древних хроник. О. М. Фрейденберг отмечает, что «Геродот орудует больше мифом, чем документом»⁶²⁸. Исследователь поясняет, что действительность в исторической литературе «заслонена религиозным мировосприятием, и миф, обряд, традиция, театрализация навязываются в подспорье к ее расшифровке»⁶²⁹.

С эпосом «Историю» сближает космический масштаб изображаемых событий. Геродот ведет рассказ из VII века до н.э. к своей современности и сосредоточивает внимание на царствовании восточных правителей, вступавших в столкновение с греками, начиная от царя Лидии Креза до персидского царя Ксеркса.

⁶²¹ Тронский И. М. История античной литературы / изд. 4-е, испр. и доп. М. : Высшая школа, 1983. С. 167.

⁶²² Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / репринт V-го изд. 1899 г. М. : ГЛК Ю. А. Шичалина, 2006. С. 638.

⁶²³ Там же. С. 638.

⁶²⁴ Там же. С. 639.

⁶²⁵ Перевод И. Мартынова в переработке М. Гаспарова приводится по изданию: Историки Греции : Геродот : Фукидид : Ксенофонт : переводы с древнегреческого / сост. и предисл. Т. Миллер ; примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. М. : Худож. лит., 1976. С. 27.

⁶²⁶ Т. Миллер. Историческая проза Древней Греции // Историки Греции : Геродот : Фукидид : Ксенофонт : переводы с древнегреческого / сост. и предисл. Т. Миллер ; примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. М. : Худож. лит., 1976. С. 5.

⁶²⁷ Там же. С. 5—6.

⁶²⁸ Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра : период античной литературы. Л. : Гослитиздат, 1936. С. 291.

⁶²⁹ Там же. С. 291—292.

«Истории» Геродота присущи рационализм, размышление над событиями, выявление закономерностей в историческом процессе, обусловленности тех или иных событий. Словно древний врач Гиппократ (5 в. до н.э.), исследующий болезнь и ее причины, Геродот исследует действительность. В «Истории» судьба человека зависит и от него самого, от его поступков, характера, и от Высшего Предопределения. Духовное развитие народа и отдельной личности влияет на его судьбу. Вселенная не бездушна, она управляется Высшим Разумом, Божественным Провидением или, как называли древние, роком. Действие Божественного закона Геродот рассматривает на примере судеб самосского тирана Поликрата и других исторических личностей: лидийского царя Креза, царя мидян Астиага, персидских царей Камбиса, Ксеркса и других.

Рациональное отношение к действительности, объяснение мифов и рассказов о чудесах породило в Ионии VI в. до н.э. «новый тип фольклорного рассказа, в котором героями становятся, взамен древних мифологических фигур, исторические лица или бытовые персонажи, а сюжетное действие развивается по большей части без непосредственного вмешательства божественных сил»⁶³⁰. Исследователь И. М. Тронский использует средневековый термин и называет этот рассказ новеллой, а далее поясняет, что «новелла широко пользовалась сюжетами и мотивами мифа, но переносила их на фигуры недавнего прошлого и в бытовую обстановку»⁶³¹. И. М. Тронский указывает на Геродота, как на «известного греческого историка», который «ввел целый ряд новелл в состав своего повествования»⁶³².

В III книге (главы 39—43, 122—125) труда Геродота есть новелла о Поликрате, тиране с острова Самос. Согласно «Истории», Полиkrat был «сыном Эака, который стал владыкой острова, подняв народное восстание. Сначала Полиkrat разделил город на три части и правил вместе с братьями Пантагнотом и Силосонтом. Затем одного из братьев он убил, а младшего – Силосонта – изгнал. С тех пор Полиkrat стал владыкой всего Самоса» (III, 39)⁶³³. У него был большой флот, и благодаря своей военной силе «он разорял без разбора земли друзей и врагов... Так-то Поликрату удалось захватить много островов и много городов на материке» (III, 39). По свидетельству Геродота, «великий счастливец» (III, 125) Полиkrat был убит сатрапом Оретом. Орет, некогда пренебреженный Поликратом, пообещал тирану сокровища и власть над Элладой, однако обманул и убил его.

⁶³⁰ Тронский И. М. История античной литературы / изд 4-е, испр. и доп. М. : Высшая школа, 1983. С. 97—98.

⁶³¹ Там же. С. 98.

⁶³² Там же. С. 98.

⁶³³ Перевод «Истории» Геродота Г. А. Стратановского здесь и далее приводится по изданию: Геродот. История: В 9 кн. М. : Ладомир ; АСТ, 1999, 740 с. В скобках номер книги указывается римской, главы арабской цифрами.

Страбон в «Географии» (Книга XIV, глава 1, раздел 16) этот сюжет пересказывает, следуя за Геродотом: «Тирания процветала главным образом при Поликрате и его брате Силосонте. Поликрат был настолько знаменит своим счастьем и могуществом, что даже достиг господства на море. В доказательство его счастья приводят случай: он нарочно бросил в море кольцо с драгоценным резным камнем, но немного спустя какой-то рыбак принес ему рыбу, проглотившую кольцо (когда рыбу разрезали, нашли кольцо). Узнав об этом, египетский царь, говорят, как бы пророчески предсказал, что человек, достигший такой вершины удачи, в скором времени несчастливо кончит жизнь. И действительно, это так и произошло, ибо тиран был изменнически захвачен в плен одним из персидских сатрапов и повешен»⁶³⁴.

Ученые отмечают, что «непосредственным источником сюжета баллады Шиллеру послужил пересказ легенды» о кольце Поликрата, «изложенной в “Истории” Геродота, немецким моралистом Христианом Гарве (1742–1798) в его многотомном сочинении “Опыты о различных вопросах морали” (1796). Это издание есть в библиотеке Жуковского (Garve Chr. Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Literatur und dem gesellschaftlichen Leben. Von Christian Garve. Theile 1–5. Breslau, 1797—1802)»⁶³⁵.

Соглашаясь с мнением исследователей, что Ф. Шиллер был знаком с этим изданием, осмелимся предположить, что, помимо пересказа легенды, Ф. Шиллер обращался к «Истории» Геродота непосредственно. Ф. Шиллер был историком. Он оставил более двадцати различных исторических сочинений, статьи по эстетике, читал лекции по всемирной истории студентам Йенского университета (1789—1891), знал латинский и древнегреческий языки, переводил произведения античных авторов. Баллада Ф. Шиллера более подробно передает легенду о Поликрате, нежели пересказ немецкого моралиста. К таковым подробностям относятся упоминания о морских победах самосского тирана, о поражениях врагов и гибели их флота, что соответствует «Истории» Геродота: «... он одержал победу над лесбосцами в морской битве, когда они со всем своим флотом пришли на помощь Милету» (III, 39). Также победа над самосцами (изгнанниками), основавшими на Крите город Кидонию (III, 45).

«История будет тем складом, из которого я стану черпать, иначе говоря, она будет давать мне темы, на которых я смогу упражнять свое *перо*, а иногда и свой *ум*»⁶³⁶, – писал Ф. Шиллер своему другу Готфриду Кернеру. Баллады Ф. Шиллера, напоминающие античную трагедию, были с исторической и философской составляющей. В этом было новаторство Ф. Шиллера и отличие от немецкого современника Бюргера и его народных баллад.

⁶³⁴ Страбон. География : в 17 кн. / пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. проф. С. Л. Утченко ; ред. перевода проф. О. О. Крюгер. М. : Наука, 1964. С. 597.

⁶³⁵ Лебедева О. Поликратов перстень («На кровле он стоял высоко...»): [примечания] // В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 401.

⁶³⁶ Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. Письма. М., 1957. С. 167.

«Историю» Геродота Ф. Шиллер осмысливает творчески. Этим обстоятельством немецкий поэт очень близок к греческому историку. «Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации»⁶³⁷. Ф. Шиллер включает в балладу эпизоды из «Истории», напрямую не связанные с легендой о Поликрате и хронологически не соответствующие ей. Так, в балладе находит отражение военный обычай скифов, описанный Геродотом в IV книге «Истории»: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет» (IV, 64). В балладе голову врага в сосуде Поликрату приносит гонец в знак добытой победы.

Также герой баллады, царь Египта Амасис упоминает о смерти своего сына как уже свершившейся, видимо, это было предпринято Ф. Шиллером для драматизации повествования. Согласно же «Истории» Геродота, Амасис «уже не застал в живых» (III, 10) военные события, во время которых погиб его сын Псамменит.

Ф. Шиллер находит нужным сократить время действия (примерно, до суток). В «Истории» Геродота действие занимает гораздо больше времени. Это достигнуто Ф. Шиллером благодаря тому, что Поликрат не пишет послания Амасису в Египет, как в «Истории» Геродота, а беседует с ним лично как с гостем в своем дворце. Также в античном источнике рыбак поймал большую рыбу и принес ее в подарок тирану «спустя пять или шесть дней» (III, 42) после того, как Поликрат опустил перстень в море – «πέμπτη δὲ ἢ ἕκτη ἡμέρῃ ἀπὸ τούτων»⁶³⁸. У Шиллера же рыбак появляется во дворце «наутро» – «bei des nächsten Morgens Lichte». Думается, что в соблюдении единства места и времени сказало мастерство Шиллера-драматурга.

Баллады Ф. Шиллера всегда трудные, с исторической и философской составляющей. Под творческой рукой поэта «обретали жизнь» «сокровища, накопленные опытом и разумом человечества»⁶³⁹. Соединившие в себе мудрость и благородство, баллады Ф. Шиллера были не похожи на народные баллады Бюргера, его немецкого современника. Памятуя древнее изречение «Sapere aude» – «Найди в себе смелость стать мудрецом»⁶⁴⁰, Ф. Шиллер считал, что поэт должен «как воспитатель спускаться к народу, но, и в теснейшем общении с ним, никогда не отречься от своего небесного происхождения»⁶⁴¹. Предметом вдохновения и идеала

⁶³⁷ Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История : в 9 кн. / Пер. и примечания Г. А. Стратановского. М. : Ладомир ; АСТ, 1999. С. 601.

⁶³⁸ Греческий текст цитируется по изданию: Herodoti Historiarum libri IX / edidit Henr. Rudolph. Dietsch. Editio altera. Curavit H. Kallenberg. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, MDCCCLXXXVII. Vol. I. p. 253.

⁶³⁹ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 609.

⁶⁴⁰ Там же. С. 273.

⁶⁴¹ Там же. С. 613.

искусства была для Шиллера Эллада. В письме к Гёте от 23 августа 1794 года Шиллер говорит о «греческом духе» и постижении идеала красоты греческой культуры как особого творческого пути. Этот путь делает «произведения искусства произведениями мудрости»⁶⁴²: «Если б вы родились греком или даже только итальянцем и еще с колыбели были окружены избранной природой и идеализирующим искусством, то ваш путь был бы бесконечно короче, а быть может, он стал бы и вовсе излишним. Уже при первичном созерцании вещей вы восприняли бы форму их необходимости, и с первыми вашими опытами в вас развился бы великий стиль. Но раз вы родились немцем, раз ваш греческий дух заброшен в этот мир северного творчества, то вам не остается другого выбора, как или самому стать северным художником, или силою мышления возместить вашему воображению то, чего не дала вам действительность, и таким образом рациональным путем изнутри создать Элладу»⁶⁴³.

«Античная» баллада Ф. Шиллера по характеру близка ионической новелле Геродота, а именно вниманием к индивидуальной человеческой судьбе и философским осмыслением событий.

Рассматривая борьбу между Европой и Азией и концентрируя повествование вокруг этой главной темы, Геродот размышляет о движущих силах исторического процесса. В этом заключался особый замысел «Истории» Геродота, отличающий ее от произведений хронистов. Т. Миллер поясняет, что труд Геродота «был задуман не как история местностей, а как история народов, и грекам V века она не только сообщала более точные сведения о знакомых им странах, но и давала ключ к пониманию событий современности. На протяжении трехсотлетней смены поколений Геродот улавливал повторение одной и той же закономерности и благодаря этому получал возможность изобразить греко-персидские войны в их неразрывной связи с общим ходом мировой истории»⁶⁴⁴. Победу эллинов над варварами Геродот истолковывает с этической точки зрения: греческие воины «сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете» (VII, 104), так как они свободны и подчиняются закону.

Геродот был понятен и близок Ф. Шиллеру, историку и философу. В трудах Шиллера история рассматривается целостно, а исторический процесс представлен «закономерной цепью событий, связанных между собой как причина и следствие»⁶⁴⁵.

В статье «Музей антиков в Мангейме. (Письмо датского путешественника)» (1785) немецкий поэт-классик выделяет характерные черты античных ваятелей: «покой», «красоту», «правдивость», «истину», «устремление к благородному», «гармонию». Взгляд поэта

⁶⁴² Шарьпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX—XX вв. Н. Новгород, 1995. С. 26.

⁶⁴³ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 7. С. 306.

⁶⁴⁴ Миллер Т. Указ. соч. С. 12.

⁶⁴⁵ Тер-Акопян Н. Шиллер как историк // Ф. Шиллер. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. С. 547.

приковывают фигура Геркулеса Фарнесского, группа Лаокоона, фигура Аполлона Ватиканского, а также бюсты других великих греков и римлян. Даже выражение страдания Лаокоона и его сыновей воспринимается поэтом «без малейшего недовольства»⁶⁴⁶. Выражение смерти в лице Ниобы «благородно и трогательно»⁶⁴⁷. В каменных торсах героев, статуях богов, созданных две тысячи лет назад, но сохранивших свою красоту и истину, Ф. Шиллер видит «неоспоримое вековечное свидетельство о божественной Элладе, вызов, брошенный этим народом всем народам земли»⁶⁴⁸.

Примечательно заканчивается статья Ф. Шиллера «Музей антиков в Мангейме», которая, возможно, приоткрывает авторское понимание античного человека и его трагической судьбы: «Создать нечто непреходящее, продолжать свое существование, когда всё вокруг рушится, – о друг, ни обелисками, ни завоеванными странами, ни открытыми мирами не дано мне славиться в потомстве, я не могу напоминать о себе великими творениями, я не могу вылепить голову к этому торсу – но, быть может, смогу сделать доброе дело без свидетелей!»⁶⁴⁹. В этих строках, особенно в желании «сделать доброе дело без свидетелей», Ф. Шиллер ассоциирует себя с современной ему христианской культурой.

Баллада «Поликратов перстень» в переводе В. А. Жуковского датируется 15–17 марта 1931 г. Жуковский замыслил перевести балладу «Поликратов перстень» Жуковский уже в 1814 году. К 1814 году относится перечень названий баллад, задуманных поэтом для перевода или подражания. Под названием «Греческ<ие>» значатся следующие баллады: «Дамон и Пифия. Поликратово кольцо». Из двух баллад впоследствии была написана лишь одна – «Поликратов перстень». «Дамон и Пифия» – это античный сюжет о дружбе. Указывая название данного сюжета, Жуковский ориентировался на балладу Ф. Шиллера «Die Bürgschaft» («Порука»), опубликованную в 1799 году в *Musen-Almanach*. Сюжет о Дамоне и Пифии (Пифиасе, или Финтии) о дружбе и верности данному обещанию заимствован немецким автором из книги римского мифографа Гигина «Мифы» (фабула 257), о чем свидетельствуют письма Шиллера к Гете 1797–1798 годов. Книга Гигина написана по-латински, однако является переводом и переработкой сочинения неизвестного греческого автора. Примечательно, что Гигин называет героев 257 фабулы Мойр и Селинунтий. Тогда как Мойра обычно называют Пифием (или Финтием), а Селинунтия – Дамоном:

«В Сицилии Дионисий был жесточайшим тираном и мучительно казнил своих подданных. Мойр решил убить тирана. Стражники захватили его с оружием и привели к царю. На вопросы царя он ответил, что хотел убить его. Царь приказал распять его. Мойр попросил у него

⁶⁴⁶ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 544.

⁶⁴⁷ Там же. С. 546.

⁶⁴⁸ Там же. С. 547.

⁶⁴⁹ Там же. С. 547.

отсрочки на три дня, чтобы выдать замуж сестру, и предложил царю оставить вместо себя своего друга и товарища Селинунтия, который будет порукой, что он на третий день вернется. Царь дал ему отсрочку, чтобы выдать замуж сестру, и сказал Селинунтию, что если Мойр не вернется в срок, он казнит его той же казнью, а Мойра отпустит. Когда, выдав замуж сестру, Мойр возвращался, неожиданно началась непогода и дождь и река так переполнилась, что ее нельзя было ни перейти, ни переплыть. Мойр сел на берегу и стал плакать, что его друг погибнет вместо него. Фаларид же приказал распять Селинунтия, потому что был уже шестой час третьего дня, а Мойр не пришел. Селинунтий ответил ему, что день еще не кончился. Когда было уже девять часов, царь приказал отвести Селинунтия на крест. Когда его привели туда, Мойр, перешедший реку, едва успел остановить палача, закричав издали: «Стой, палач! Вот я, за которого он поручился!» Об этом сообщили царю. Царь приказал привести их к себе, даровал Мойру жизнь и попросил их принять его в их дружеский союз» (Гигин «Мифы», 257. Перевод Д. Торшилова).

Имя *Damon* в балладе Шиллера указывает на знакомство поэта с более ранними античными интерпретациями сюжета. Распространенный в античной словесной культуре, данный сюжет восходит к древнегреческому философу Аристоксену Тарентскому (Ямвлих «Жизнь Пифагора», 234). Затем он был унаследован Цицероном в философском трактате «Об обязанностях» (3, 45) и Диодором Сицилийским, древнегреческим историком и мифографом, в «Исторической библиотеке» (10, 4). Шиллер обновляет унаследованный им античный сюжет — в балладе «*Die Bürgschaft*» («Порука») *Damon* выступает в роли Пифиаса (Финтия).

Этот сюжет был популярен в античности, к нему несколько раз обращался Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) в трактатах «Об обязанностях» (III, 45)⁶⁵⁰, «О пределах добра и зла» (II, 79)⁶⁵¹, «Тускуланские беседы» (V, 63)⁶⁵². Также этот сюжет упоминает римский

⁶⁵⁰ «Пифагорейцы Дамон и Финтий, по рассказам, относились друг к другу так, что когда тиран Дионисий назначил день казни одного из них, и приговоренный попросил его об ее отсрочке на несколько дней, чтобы обеспечить своих близких, то другой поручился за него — с тем, чтобы умереть, если тот не возвратится. Когда он вернулся к назначенному сроку, то тиран, изумленный их взаимной верностью, попросил их принять его третьим в их дружеский союз» (Текст приводится в переводе В. О. Горенштейна по изданию: Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / предисл. Е. И. Темнова. М. : Мысль, 1999. С. 394.

⁶⁵¹ «Станешь ли ты заложником за друга, готовым умереть за друга перед тираном, как это сделал тот пифагорец перед лицом сицилийского тирана» (Текст приводится в переводе Н. А. Федорова по изданию: Цицерон М. Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова ; коммент. Б. М. Никольского ; вступ. ст. Н. П. Гринцера. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 109).

⁶⁵² «Как он мечтал о настоящей дружбе, в которой можно не бояться неверности, показывает известный случай с двумя пифагорейцами, из которых один остался заложником смерти другого, а второй пришел к сроку казни, чтобы освободить друга: «О, если бы я мог быть третьим в вашей дружбе!» (Текст приводится в переводе М. Л. Гаспарова по изданию: Цицерон М. Т. Избранные соч. / пер. с латин. ; сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнина ; вступ. ст. Г. Кнабе. М. : Худож. лит., 1975. С. 341).

писатель I века н. э. Валерий Максим в сочинении «Достопамятные деяния и изречения» (IV, 7,7)⁶⁵³.

Думается, что Жуковский объединил два сюжета – «Дамон и Пифия. Поликратово кольцо», так как заметил, что действие этих легенд разворачивается в одно историческое время – эпоху правления Поликрата Самосского (VI век до н. э.).

Исследователь Р. Ю. Данилевский пишет, что «в юности обаяние Шиллера боролось у Жуковского с любопытством к Бюргеру – к его мрачным балладам, фантастика которых восходила к фольклору»⁶⁵⁴. Однако в 1832 году (август 9/21) датируется запись в дневнике В. А. Жуковского: «Шиллер идеал поэта»⁶⁵⁵.

Дореволюционный исследователь-филолог В. Е. Чешихин называет талант В. А. Жуковского осуществлять перевод с «близостью (если не всегда к подлиннику, то обязательно к намерениям автора)» «свободой мастера»⁶⁵⁶.

Жуковский точно воспроизводит стихотворный размер подлинника (4-стопный пиррихированный ямб), сохраняет строфическую структуру (шестистишная строфа с рифмовкой ААБВВБ). Рифма точная (фонетически), в абсолютном большинстве бедная. Случаи оригинальной богатой рифмы: гонец – венец; врагами – богами, драгоценный – поглощенный.

Сравнение баллады Ф. Шиллера с переводом В. А. Жуковского выявляет идею произведения и особенности рецепции античности немецким и русским поэтом. Ф. Шиллер воспроизводит античное религиозное мировоззрение, верование в то, что чрезмерное счастье человека вызвало зависть богов. Тиран Поликрат у Ф. Шиллера счастлив. «Сознайся, что я счастлив» (145)⁶⁵⁷ –

⁶⁵³ «Дамон и Финтий, только что посвященные в мудрость Пифагора, были связаны друг с другом теснейшими узами дружбы. Дионисий Сиракузский пожелал одного из них казнить, но согласился предоставить ему время, чтобы уладить семейные дела. Если он не вернется вовремя, второй погибнет. Голова одного уже была под мечом, а второй, который мог спасти себе жизнь, и свою голову положил под тот же меч. И вот все, и прежде всего Дионисий, ожидают развязки этой сомнительной истории. Когда же пришел назначенный день и отсутствующий все еще не появился, решили, что он отверг своего глупого друга, но тот заявил, что совершенно не опасается за дружескую твердость. И когда уже настал назначенный Дионисием момент времени, второй неожиданно явился. К изумлению обоих Дионисий отменил казнь и, более того, попросил их принять его в их дружеское сообщество, пообещав свято соблюдать свое третье место с благоговением. Разве это не сила дружбы? Она может внушить презрение к смерти, обратить жестокость в прощение, ненависть в любовь, наказание уравновесить благодеянием. К ней следует относиться с тем же почтением, что и к культу богов: в последнем — благо общества, в первой — частное благо. Богам посвящаются храмы, а дружбе — преданные сердца людей, подобные святилищам, исполненным святости духа». (Текст приводится в переводе С. Ю. Трохачева по: Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения [Электронный ресурс] / пер. и коммент. С. Ю. Трохачева. Электрон. дан. [Россия], 2010. URL: <http://simposium.ru/ru/node/808>. Яз. рус. (01.09.2016).

⁶⁵⁴ Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 89—90.

⁶⁵⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 13. С. 325.

⁶⁵⁶ Чешихин. В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 35, 41.

⁶⁵⁷ Перевод В. Е. Чешихина приводится по изданию: Жуковский как переводчик Шиллера. В скобках указывается страница текста.

«Gestehe, dass ich glücklich bin»⁶⁵⁸, – таково первое обращение Поликрата к Амасису. Далее слова «счастье» и «счастливый» повторяются в тексте баллады многократно. Амасис отвечает на гордую похвальбу Поликрата: «Язык мой не повернется назвать тебя счастливым, пока бодрствует око врага» (146) – «Dich kann mein Mund nicht glücklich sprechen, So lang des Feindes Auge wacht». В пятой строфе баллады вновь упоминается о счастье: «Все же я остерегаю тебя – не доверять счастью» (147) – «Doch warn ich dich, dem Glück zu trauen». В седьмой строфе Амасис говорит о счастье Поликрата: «Счастье сегодня к тебе благосклонно» (148) – «Dein Glück ist heute gut gelaunet». В десятой строфе Амасис говорит о гибели сына: «Я заплатил свой долг счастью» (149) – «Dem Glück bezahlt ich meine Schuld». В одиннадцатой строфе: «Моли Незримых, чтобы они к счастью придали горя» (149) – «So flehe zu den Unsichtbaren, Dass sie zum Glück den Schmerz verleihn». В тринадцатой строфе в речи Поликрата о своем кольце вновь встречается упоминание о счастье: «Я посвящу его Эринниям: быть может, они простят мне мое счастье» (149—150) – «Ihn will ich den Erinnen weihen, Ob sie mein Glück mir dann verzeihen». В предпоследней строфе в восклицании повара, нашедшего кольцо Поликрата в рыбе также есть слово «счастье»: «О, счастье твое безмерно»⁽¹⁵⁰⁾ – «O, ohne Gränzen ist dein Glück». Многократное упоминание слов «счастье» и «счастливый» сближает балладу Ф. Шиллера с античным текстом. В «Истории» Геродота применительно к легенде о Поликрате слово «счастье» (ἡ εὐτυχία) и его производные употребляются более 10 раз. Этимологически εὐτυχία состоит из двух корней εὖ «хорошо» и τύχη «случай», «участь», «жребий», «доля», «судьба».

Жуковский в переводе баллады один раз переводит слово «счастье» в первой строфе: «Сколь счастлив я между царями»⁶⁵⁹. В последующих строфах Жуковский заменяет его словом «судьба», «судьбина», «Фортуна», «рок», «невидимые власти», «незримые власти», либо оставляет без перевода. Исследователь О. Б. Лебедева оценивает труд Жуковского с эстетической стороны и называет слова «судьба», «судьбина», «Фортуна», «рок», «невидимые власти», «незримые власти» «во всех случаях их употребления в русском переводе» «лексическими новациями»⁶⁶⁰ Жуковского. Подобное изменение немецкого подлинника происходит в строках, где говорится о зависти богов. Так, в десятой строфе баллады Ф. Шиллера в уста Амасиса вложены следующие слова: «Страшусь я зависти богов; неподмешанная радость жизни не была уделом ни одного смертного» (148) – «Mir grauet vor der

⁶⁵⁸ Немецкий текст баллады Ф. Шиллера приводится по изданию: Schillers Sämtliche Werke : Vollständig in vier Bänden. Mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 151—153.

⁶⁵⁹ Текст баллады Жуковского «Поликратов перстень» приводится по: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 165—168.

⁶⁶⁰ Лебедева О. Поликратов перстень («На кровле он стоял высоко...») ... С. 402.

Götter Neide; Des Lebens ungemischte Freude Ward keinem Irdischen zu Theil». Здесь Ф. Шиллер очень близок к античному тексту, к «Истории» Геродота, где также делается намек на представление древних о зависти богов в речи Амасиса: «Но все же твои успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво [к человеческому счастью] божество» (III, 40) – «ἐμοὶ δὲ αἶσαὶ μεγάλαι εὐτυχίαι οὐκ ἀρέσκουσι, τὸ θεῖον ἐπισταμένῳ ὡς ἔστι φθονερόν». «Философия греков была безнадежна, религия еще безнадежнее, а поведение, конечно, не менее благородно, чем наше», – пишет Ф. Шиллер в Письме датского путешественника «Музей антиков в Мангейме». – «Достаточно задуматься над созданиями их искусства – и проблема будет решена. Греки изображали своих богов в виде облагороженных людей и тем самым приближали своих людей к богам. Это были отпрыски *одной семьи*»⁶⁶¹. Таким образом, древнее верование в зависть богов не отвращало Ф. Шиллера, а наоборот, восхищало и вселяло в него мысли об истине, красоте, правдивости, благородстве героев и произведений искусства античности.

Жуковский оставляет без внимания представление о зависти богов, мстивших человеку за его чрезмерное счастье и блаженство. «Вместо этого, чисто-античного воззрения, в переводе Жуковского – общее место»:⁶⁶².

«Здесь вечны блага не бывали
И никогда нам без печали
Не доставались оне».

Думается, эта строфа раскрывает особую «идейную концепцию» Жуковского. Вместо шиллеровской «неподмешанной (чистой) радости» – «вечны блага» – славянизм, приобретенный Жуковским из церковных книг, духовных песен и отеческих поучений. «Вѣчныхъ благъ давьць» (Пандект Антиоха Воскресенскаго Новоіерусамискаго, по сп. XI в. гл. 126)⁶⁶³. Как церковно-славянизм отмечают в «Словаре русского языка XVIII века» *временные, вечные блага: «Согласно христианским верованиям — конечная благополучная жизнь на земле и бесконечное блаженство по смерти на небе. Приносятся Бгу прошения временных и вѣчных благ»*. (Первое учение отроком В немже буквы и слоги. СПб., 1723. 8)⁶⁶⁴.

В. А. Жуковский в балладе использует некоторые слова, принадлежащие высокой славянской норме, отмеченные в словарях пометами «устар.», «церк.», «поэтич.». Например, «око... преклонял», «взыскан... богами», «главу», «брег», «благодееет», «мздоимец», «дар заветный», «денницы», «рыбарь», «благоволение». Слова высокой славянской нормы могли

⁶⁶¹ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 546—547.

⁶⁶² Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 148.

⁶⁶³ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. М. : Знак, 2003. Т. I. А—К. С. 90.

⁶⁶⁴ Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. Вып. 2 (Безпристрастный—Вейер). С. 31.

быть употребительны в среднем штиле речений, которым писали «стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии», «где потребно изобразить геройство или высокие мысли»⁶⁶⁵.

Балладам Жуковского свойственна опоэтизированность предметов, смягчение грубых, «простонародных» элементов стиля и содержания переводимого текста. Жуковский опоэтизирует мир, создает романтическую атмосферу, делает читателя сопричастным к возвышенной и таинственной жизни, описываемой в балладах, и этому способствует употребление слов высокого стиля.

Осмелимся предположить, что славянизмы в античной балладе приближали античный материал к русскому читателю, и его христианскому мировоззрению.

«Эстетическую пользу для души» несут в себе переводы и оригинальные произведения В. А. Жуковского на античный сюжет, особенно перевод поэмы Гомера «Одиссея». Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал «Об Одиссее, переводимой В. А. Жуковским», и о христианском осмыслении античного наследия: «<...> “Одиссея” есть вместе с тем самое нравственнейшее произведение и что единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах начертать законы действий тогдашнему человеку. Греческое многобожие не соблазнит нашего народа»⁶⁶⁶. Уроки добродетели, перенесения трудностей жизни, борьбы с унынием, непрестанного труда и уроки внутренней молитвы для всякого человека увидел Н. В. Гоголь в поэме Гомера. Как книгу для «образования юношества» представлял «Одиссею» Жуковский, таковой была для него и «История» Геродота.

Жуковский осмысливает античный миф с позиции христианского мировоззрения. В его переводе нет «зависти богов», видимо, это выражение смутило русского поэта, он посчитал недопустимым оставить его в переводе баллады. У Жуковского боги «благоприятны» и «благоденствуют». Вместо земного, временного благополучия, счастья поэт вспоминает о вечности, о «вечных благах», а «печаль» видится поэту необходимой и естественной на жизненном пути. Таким образом, баллада на античный сюжет становится у Жуковского балладой-притчей. Не случайным видится время написания «Поликратова перстня» – 15—17 марта 1831 года – время Великого поста, время духовных размышлений. Жуковский наполняет жанр баллады «священным содержанием», «религиозным видением»⁶⁶⁷, так как мыслил поэзию как просвещение, как маяк, указывающий истинный путь.

⁶⁶⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. С. 589.

⁶⁶⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 8 т. / сост. О. Дорофеев ; примеч. Ю. Манн. М. : Терра—Книжный клуб, 2001. Т. 7. С. 68.

⁶⁶⁷ Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 6. С. 176.

Таким образом, при написании баллады Ф. Шиллер опирался на классическую традицию, имея перед собой высокий образец античного рассказа новеллистического характера, в котором соединяются миф, история и философия, а для В. А. Жуковского и урок христианской жизни.

3.1.3 Античные источники баллады «Жалоба Цереры» (1831)

С 17 по 19 марта 1831 года Жуковский переводит балладу Ф. Шиллера «Жалоба Цереры» («Klage der Ceres»). Впервые баллада была опубликована в сборнике «Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского (В 2 ч. СПб., 1831. Ч. 2. С. 35—40) с указанием источника перевода «Из Шиллера».

Ф. Шиллер написал балладу «Klage der Ceres» 10 июня 1796 года. 13 июня Шиллер посылает Гёте это стихотворение – «первый поэтический плод этого года», которое «своеобразным реквиемом»⁶⁶⁸ по умершей 23 марта 1796 года младшей сестре Шиллера – Нанетте.

В основу сюжета баллады Ф. Шиллер положил античный миф о похищении Прозерпины (или Коры, в переводе с греческого «Κόρη» значит «дочь»), дочери богини земледелия и плодородия Цереры. Когда Прозерпина собирала цветы на лугу со своими подружками, бог подземного царства Плутон схватил ее, посадил на свою колесницу и увез в недра земли как свою жену. Таким образом, Прозерпина стала богиней смерти. Церера долго искала дочь, блуждая по земле, и, узнав, что та под землей в царстве Аида, стала страдать еще больше. Юпитер сжалился над Церерой и разрешил Прозерпине часть года проводить с матерью. Растения же уходят корнями под землю, в царство Аида, а листвой и цветами поднимаются в царство Цереры и таинственным образом соединяют два мира, мир мертвых и мир живых, дочь и мать.

Ученые отмечают, что перевод лирической шиллеровской баллады «Жалоба Цереры» «вполне удался»⁶⁶⁹ русскому романтику. Перевод Жуковского «точен»⁶⁷⁰ и «очень близок к

⁶⁶⁸ Янушкевич А. Жалоба Цереры («Снова гений жизни веет...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. С. 403.

⁶⁶⁹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 151.

⁶⁷⁰ Янушкевич А. Жалоба Цереры ... С. 404.

подлиннику»⁶⁷¹. По оценке В. Г. Белинского, перевод выполнен В. А. Жуковским с «изумительным совершенством»⁶⁷².

Жуковский сохраняет объем подлинника (132 стиха), строфику – 12-стишную строфу, рисунок стиха – четырехстопный пиррихированный хорей с рифмовкой АБАБВгВгДеДе. В фонетическом плане рифма везде точная, в большинстве случаев бедная. Приведем случаи оригинальной богатой рифмы: весна – волна, ночи – лучи, печальной – погребальной, нетленных – блаженных, напрасный – прекрасный, доволен – волен, весны – обнажены, спешу – приношу, весна – семена, привет – свет, весны – глубины, младость – радость.

«Быть может, никогда Шиллер не был так близок к Жуковскому, как в то время, когда писал он свою “Жалобу Цереры”, – отмечает дореволюционный исследователь П. Загарин. – И понятно: весной того года, когда он слагал эту балладу-элегию (1796), умерла младшая сестра Шиллера – Наннетта... <...> Выражение, в котором нашла себя поэтическая скорбь Шиллера в этой элегии, не могло не привлечь Жуковского. Это стремление в далекое туда, томление души, разлученной с милыми умершими, и, наконец, исход этой скорби – в красоте создания – художественно сочетает мысль романтической философии с чувством романтической любви, поэта-мыслителя с поэтом-страдальцем. Они должны были доставить Жуковскому то удовлетворение, которого он искал, ощутив в душе холодное дыхание хаоса, для него всегда невыносимое»⁶⁷³.

Исследователь А. С. Янушкевич обращает внимание на «автобиографический подтекст» в истории перевода баллады Шиллера русским поэтом: «...перевод баллады был закончен в годовщину смерти М. А. Протасовой-Мойер (умерла 18 марта 1823 г.)»⁶⁷⁴.

В. Г. Белинский в этой балладе поэт «воспроизвел романтический образ элевзинской Цереры – нежной и скорбящей матери, оплакивающей утрату дочери своей, Прозерпины, похищенной мрачным владыкою подземного царства, суровым Аидом»⁶⁷⁵. Также исследователь творчества Жуковского Ц. С. Вольпе отмечает, что поэт в своих стихотворениях «вслед за Шиллером даже богов и героев превращает в своих современников – романтиков. Так, греческая богиня Церера (Деметра) была превращена в романтический образ матери, тоскующей по своей умершей дочери»⁶⁷⁶.

Миф о богине Церере (Деметре) находит отражение в некоторых античных памятниках: в поэмах Гомера «Илиада» (V, 499 и сл., X, 536 сл.) и «Одиссея» (V, 125 слл.), в поэмах Гесиода «Теогония» (453 и 969 сл.) и «Труды и дни» (391 и сл. и 465), в «Описании Эллады» Павсания

⁶⁷¹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 151.

⁶⁷² Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 168.

⁶⁷³ Загарин П. (Поливанов Л. И.) В. А. Жуковский и его произведения. М. : Лев. Поливанов, 1883. С. 400.

⁶⁷⁴ Янушкевич А. Жалоба Цереры ... С. 404.

⁶⁷⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 168.

⁶⁷⁶ Вольпе Ц. С. Жуковский // История русской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 362.

(2, 5, 8 и 8, 25, 5); в поэме Овидия «Метаморфозы» (VI, 650), в «Мифологической библиотеке» Гигина (259). Также важным свидетельством является «Гомеровский гимн Деметре» (V), сочиненный в Аттике не позднее 7 в. до Р. Х⁶⁷⁷. В V Гомеровском гимне этот миф представлен подробно.

Церера была очень древней земной (хтонической) богиней плодородия. Эллы верили, что особенно оберегает она зерновые злаки. Ее греческое имя – Деметра. Имя «Δημήτηρ» имеет значение «земля-мать», так как происходит от двух греческих слов: «Δᾶ» (синоним слова «γῆ») «земля» и «μήτηρ» «мать». Уменьшительное имя богини было «Део» – «Δηώ». Латинское имя богини – Церера – восходит к латинскому глаголу *creare* «творить», «производить», «порождать»⁶⁷⁸ и имеет метонимические значения «дары полей», «жатва», «урожай», «зерно», «хлебные злаки», «хлеб». Напротив, имя ее дочери – Прозерпина – в латинском языке связано с произрастанием семян и восходит к глаголу «*proserpro*» – «выползать», «вылезать на свет». Другое имя Прозерпины – Персефона (Περσεφόνη, ή Φερσεφόνη, ή Φερσέφασσα, ή Πηριφόνα, ή Πηρεφόνεια⁶⁷⁹) не было греческим по происхождению и имело метонимическое значение «смерть». Таким образом, Прозерпина (Персефона) был богиней зерна, посаженного в землю, умирающего там и прорастающего, а Церера (Деметра) была богиней урожая, жатвы. Церера отвечала за созревание зерна в колосьях. Имя похитителя – «Аид» от греческого «Ἄιδης» «невидный», «ужасный», более мягкое его название «Плутон» («πλοῦτος» – «богатство»). Имя Плутон указывает «на заключенную в нем силу плодородия»⁶⁸⁰, оно употреблялось в обыденной жизни и в культовой поэзии⁶⁸¹.

С незапамятных времен люди задумывались над извечным круговоротом жизни. Ежегодное умирание и возрождение природы, казалось, приоткрывало человеку тайну его собственного земного существования, и потому «Древние люди упорно стремились разгадать эту тайну, овладеть бессмертием или приобщиться к нему»⁶⁸². Грандиозные празднества в честь Деметры проходили во многих местах Греции. Наибольшее значение имели Элевсинские празднества – Великие Элевсинии (в сентябре—октябре) и Малые Элевсинии (в феврале—марте).

⁶⁷⁷ Нильссон М. Указ. соч. С. 63.

⁶⁷⁸ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 2000. С. 134, 208.

⁶⁷⁹ Ελληνική μυθολογία : [Ελληνική μυθολογία : Οι θεοί / Συλλογικό έργο, Ιωάννης Θ. Κακριδής, Ευάγγελος Ν. Ρούσος, Αικατερίνη Καμαρέττα, Αριστόξενος Δ. Σκιαδάς, Νικόλαος Παλαχατζής](#); επιμέλεια Ιωάννης Θ. Κακριδής. — 1η έκδ. — Αθήνα : Εκδοτική Αθηνών, 1986. — σ. 130.

⁶⁸⁰ Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней : собр. первоисточников, ст. и комментарий : энцикл. олимпийс. богов / А. Ф. Лосев. М. : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2005. С. 916.

⁶⁸¹ Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М. : Эксмо, 2005. С. 31.

⁶⁸² Мень А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. М, 1991. Т. 4. С. 32.

Облачившись в траурные одежды, которые когда-то носила сама Деметра, процессия мистов отправлялась «на поиски Прозерпины», на поиски «новой» жизни. Автор V Гомерова гимна, несомненно, один из посвященных, говорит о сих таинственных обрядах:

«Святы они и велики. Об них ни расспросов

Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:

В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают,

Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.

Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки

Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном» (477—482)⁶⁸³.

Французский историк Шарль Диль в книге «По Греции: Археологические прогулки» отмечает следующее: «По правде сказать, нет религии без тайн; всюду религиозное чувство жадно стремится познать неизвестное; всюду вместе с привычным благочестием живет вера более восторженная и мистическая, жаждущая разгадать таинственную загадку судеб человеческих. Вполне естественно, что за разрешением тайны жизни и смерти человека греки должны были обращаться к подземным божествам, руководящим вечной сменой жизни и смерти природы; за этим-то отправлялись благоговейно в Элевсин благочестивые эллины»⁶⁸⁴. Элевсин – это город, где жила и страдала Деметра. Исследователь продолжает: «То были очищения и искупления, предназначенные сократить расстояние, отделяющее человека от божества; то были жертвоприношения и процессии, сопровождающиеся пением и танцами, причем иногда воодушевление доходило до экстаза; то были в особенности ночные празднества, устраивавшиеся, чтобы поражать воображение верных, священные бдения и мистические ночи; то были зрелища великолепия необычайного, глубоко волновавшие души. Главные сцены легенды о Деметре, ее пребывании на земле, ее страдание, служили главным содержанием этих символических представлений, где мисты были одновременно актерами и зрителями. К этому присоединялись священные повествования, темные и таинственные формулы, понятные лишь одним посвященным, и относящиеся к этой мистической легенде»⁶⁸⁵. Во время священнодействия человек словно переживал то, что ожидало его в сумрачном царстве Аида, и через это получал избавление.

На десятый день пост прекращался, и вслед за скорбной печалью следовали радость и веселье.

⁶⁸³ Текст приводится в переводе В. Вересаева по изданию: Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 108.

⁶⁸⁴ Диль Ш. По Греции: археологические прогулки / пер. М. Безобразовой. М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. С. 327—328.

⁶⁸⁵ Там же. С. 332—333.

Ф. Шиллер избирает для баллады драматический сюжет – поиски Деметрой своей исчезнувшей дочери. Этот драматический сюжет «лежит в основе древнейших элевсинских мистерий, установленных в честь Деметры и ставших одним из источников греческой трагедии»⁶⁸⁶.

При написании баллады Ф. Шиллер опирался на изложение сюжета в V Гомеровском гимне «К Деметре», однако изменил имя героини в соответствии с европейской (то есть латинской) традицией – Церера.

Молодой Жуковский планировал перевести эту балладу Ф. Шиллера еще в 1814 году. В росписи названий баллад для перевода или подражаний 1814 года значится: «Церерина жалоба»⁶⁸⁷. Жуковский также был знаком с Гомеровским гимном «К Деметре» в немецком переводе. В составе его библиотеки имеется следующее издание Гомеровских гимнов 1815 года: *Homerus Hymnen, Epigramme und Batrachomyomachie. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen von F. Kammerer. Marburg, Krieger, 1815. XVIII, 409 [5] с.* (см. Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 1334). Также Жуковский хорошо знал мифологический сюжет о похищении Прозерпины по поэме Овидия «Метаморфозы» (5 книга, стихи 360—408) и, возможно, даже планировал сделать гекзаметрический перевод этого отрывка.

Баллада, как и Гомеровский гимн «К Деметре» (стихи 1—32), начинается описанием природы, идиллической атмосферы.

«Ist der holde Lenz erschienen?
 Hat die Erde sich verjüngt?
 Die besonnten Hügel grünen,
 Und des Eises Rinde springt.
 Aus der Ströme blauem Spiegel
 Lacht der unbewölkte Zeus,
 Milder wehen Zephyrs Flügel,
 Augen treibt das junge Reis.
 In dem Hain erwachen Lieder...»⁶⁸⁸.

То есть:

«Возвратилась ли милая весна?
 помолодела ли земля? –
 зеленеют, облитые солнцем, холмы

⁶⁸⁶ Тахо-Годи А. А. Античная гимнография : жанр и стиль // Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 18.

⁶⁸⁷ РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25 (Ветшева Н. Ж., Жилякова Э. М. Баллады Жуковского ... С. 233).

⁶⁸⁸ Текст приводится по изданию : *Schillers Sämmtliche Werke : Vollständig in vier Bänden : mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 143—146.*

и лопают ледяная кора.

Из голубого зеркала потоков

смеется безоблачный Зевес,

мягче веют крылья Зефира,

юная лоза пустила почки.

В роще звучат песни» (151—152)⁶⁸⁹.

Перевод Жуковского более отвлеченный, без реалистических подробностей:

Снова гений жизни веет;

Возвратилась весна;

Холм на солнце зеленеет;

Лед разрушила волна;

Распустившийся дымится

Благовониями лес,

И безоблачен глядится

В воды зеркальны Зевес;

Все цветет...⁶⁹⁰

В русском тексте нет «лопающего льда», «почек лозняка», «песен в рощах», зато есть философское понятие «гений жизни». Однако Жуковскому удастся передать «настроение подлинника»⁶⁹¹:

«Und die Oreade spricht:

Deine Blumen kehren wieder,

Deine Tochter kehret nicht».

То есть:

«и Ореада говорит (мне):

твои цветы вернутся,

но дочь твоя не вернется» (152).

Жуковский усиливает трагизм в конце строфы повторением слов «Прозерпины, Прозерпины» (у Шиллера в этом случае «Tochter» – «дочь»):

«... лишь мой единый

не взойдет прекрасный цвет:

Прозерпины, Прозерпины

⁶⁸⁹ Перевод В. Е. Чешихина приводится по: Чешихин, В. Е. В. А. Жуковский как переводчик Шиллера. В скобках указывается номер страницы.

⁶⁹⁰ Текст баллады Жуковского «Жалоба Цереры» приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 168—172.

⁶⁹¹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 152.

На земле моей уж нет».

Описание поисков Церерой своей дочери во второй строфе соответствует стихам 39—97 из Гомеровского гимна «К Деметре».

Однако Ф. Шиллер обогащает античный миф – в третьей строфе добавляет отсутствующее в Гомеровском гимне «К Деметре» описание подземных рек, Харона. Церера в балладе желает участи смертных матерей, погребального костра:

«Mütter, die aus Pyrrhas Stamme
 Sterbliche geboren sind,
 Dürfen durch des Grabes Flamme
 Folgen dem geliebten Kind;
 Nur was Jovis Haus bewohnt,
 Nahet nicht dem dunkeln Strand,
 Nur die Seligen verschonet,
 Parcen, eure strenge Hand.
 Stürzt mich in die Nacht der Nächte
 Aus des Himmels goldnem Saal!
 Ehret nicht der Göttin Rechte,
 Ach, sie sind der Mutter Qual!»

Жуковский переводит эту строфу очень близко к подлиннику. Поэт-романтик отзывается на призыв к страданию всею душою:

«Сколь завидна мне, печальной,
 Участь смертных матерей!
 Легкий пламень погребальный
 Возвращает им детей;
 А для нас, богов нетленных,
 Что усладою утрат?
 Нас, безрадостно-блаженных,
 Парки строгие щадят...
 Парки, Парки, поспешите
 С неба в ад меня послать;
 Прав богини не щадите:
 Вы обрадуете мать».

Жуковский усиливает стремление героини к страданию с помощью восклицаний: «Сколь завидна мне, печальной, Участь смертных матерей!»; «А для нас, богов нетленных, Что усладою утрат?»; «Парки, Парки, поспешите С неба в ад меня послать». Благодаря

эмоциональным эпитетам: «Сколь завидна мне, печальной // Участь смертных матерей!», «Нас, безрадостно-блаженных, // Парки строгие щадят...» и анафорам «русский поэт драматизирует ситуацию и выявляет философию романтического двоемирия»⁶⁹². В. Чешихин отметил, что «Призыв к Паркам, т. е. к страданию, в переводе сильнее, чем в подлиннике»⁶⁹³.

Желание смерти Церерою напоминает сетование Фетиды и Ахиллеса в «Илиаде» Гомера (песнь XVIII, 52—60 и 86—90). Приведем эти стихи в переводе Жуковского:

«Милые сёстры, Нерея бессмертные дочери, много,
Много печали на сердце моём; о, горе мне бедной!
Мне, Ахиллеса великого матери! Мною рожденный
Сын, столь душой благородный, столь мужеством славный, в героях
Первый... он цвёл, как младое прекрасное древо; с любовью
Нежной воспитанный, вырос и, мной наконец к Илиону
Посланный, поплыл туда в кораблях острогрудых... и вечно
Мне уж его не увидеть в отеческом доме Пелея».

«Было бы лучше, когда б ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не бессмертной супруги супругом
Был Пелей: бесконечной тоской по утраченном сыне
Будешь ты ныне крушиться; уж вечно его не увидишь
В доме отца»⁶⁹⁴.

В балладе Ф. Шиллера похищенная дочь Цереры не возвращается к матери из подземного царства, как это было в античном мифе (V Гомеровский гимн «К Деметре» 334—433) и являлось ключевым моментом в древнегреческой религии, в честь этого события отмечались Элевсинские мистерии. В «Гомеровском гимне» (V) богиня мать устремляется навстречу Прозерпине, радостная, «словно менада» (386). Ф. Шиллер же примиряет героиню со смертью дочери. Происходит душевное просветление Цереры при виде природы, оживающей после зимнего сна. Жуковский усвоил настроение баллады Ф. Шиллера, чувствуя в возрождении природы христианское утешение в скорби. Приведем последнюю строфу в переводе Жуковского:

«О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;
Вы тоски моей услада,

⁶⁹² Янушкевич. А. Жалоба Цереры ... С. 404.

⁶⁹³ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера ... С. 152, 153.

⁶⁹⁴ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. С. 277, 278.

Образ дочери моей;
 Вас налью благоуханьем,
 Напою живой росой
 И с Аврориным сияньем
 Поравняю красотой;
 Пусть весной природы младость,
 Пусть осенний мрак полей
 И мою вещают радость,
 И печаль души моей».

В архаическую эпоху в древнем аграрном культе вечное умирание и возрождение природы, прораствание молодого колоска из старого зерна вселяли «надежду на бессмертие и вечную жизнь – но не личности, а вырастающих одно из другого поколений»⁶⁹⁵. В период же наивысшего расцвета Афин (5 в. до н. э.), в период развития торговли и ремесленничества, человечество перестает связывать основу цивилизации с земледелием. «Человеку уже не достаточно было вечной жизни, осуществляемой в смене поколений, ему хотелось личного бессмертия»⁶⁹⁶. Согласно исследованиям мифологов Мартина Нильссона и Карла Кереньи, элевсинский культ, связанный с почитанием богини зерна Деметры и ее дочери, удовлетворял этой потребности души. Участие в священных таинствах гарантировало посвященным личное бессмертие.

Думается, что образ прорастающего зерна Жуковский понимал в христианском ключе. Образ зерна в Новом Завете встречается в Евангелии от св. Иоанна (12: 24) («Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода») и в Первом послании св. ап. Павла к Коринфянам (15: 35—38) («Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело»). Жуковский обогащает подлинник – добавляет в текст баллады эпитеты, характеризующие метаморфозу зерна, смерть как великую тайну: «тайные узы», «тайный дар», «таинственно слита область тьмы с страной дня».

Показательно, что Ф. Шиллер оставляет без внимания «биографические» подробности мифа – описание Цереры в образе старушки няньки во дворце Келея, где она воспитывает Демофонта, затем в величественном образе перед людьми, а вскоре всю в черном одеянии в

⁶⁹⁵ Нильссон М. Греческая народная религия / пер. с англ. и указатель С. Клементьевой ; отв. ред. проф. А. И. Зайцев. СПб. : Алетейя, 1998. С. 87.

⁶⁹⁶ Там же. С. 87.

храме. Немецкий поэт опускает рассказ о голоде и решении Зевса вернуть Прозерпину. Шиллер воссоздает образ Цереры как скорбящей матери и как дружественной богини – покровительницы земледелия.

Баллада заканчивается примирением. Церера засекает поля и приветствует новые всходы. Так и в конце Гомеровского гимна «К Деметре» земля покрывается зеленью, цветами, колосьями, а Деметра учит жителей Элевсина творить священные обряды. Таким образом, идиллическая картина природы в первой и последней строфах баллады (кольцевая композиция) придает завершенность произведению, которая было присуща и Гомеровскому гимну «К Деметре».

Возможно, что в примирении богини Цереры со смертью дочери Ф. Шиллер видел нравственную красоту и истину античного мира. В статье «Музей антиков в Мангейме» (Письмо датского путешественника) Шиллер размышляет о греческом искусстве и выделяет характерные его черты на примере произведений античных ваятелей: «покой», «красоту», «правдивость», «истину», «устремление к благородному», «гармонию». Взгляд поэта приковывают фигура Геркулеса Фарнесского, группа Лаокоона, фигура Аполлона Ватиканского, а также бюсты других великих греков и римлян. Даже выражение страдания Лаокоона и его сыновей воспринимается поэтом «без малейшего недовольства»⁶⁹⁷. Выражение смерти в лице Ниобы «благородно и трогательно»⁶⁹⁸. В каменных торсах героев, статуях богов, созданных две тысячи лет назад, но сохранивших свою красоту и истину, Ф. Шиллер видит «неоспоримое вековечное свидетельство о божественной Элладе, вызов, брошенный этим народом всем народам земли»⁶⁹⁹. На восприятие античности Ф. Шиллера, возможно, повлияла концепция «античного классического мироощущения» Иоганна Иоахима Винкельмана (1717—1768), который, глядя в фигуру Лаокоона, увидел в ней «величие души». И мы хотели бы уметь переносить страдания, как этот великий человек», – пишет И. И. Винкельман⁷⁰⁰.

Ф. Шиллер явил религиозный взгляд на античный миф в балладе «Жалоба Цереры», что было близко русскому романтику Жуковскому. По словам исследователя, русский поэт «вполне усвоил настроение баллады (мистическое предчувствие связи между жизнью земною и загробною)», и потому перевод его вполне удался⁷⁰¹, то есть является эквивалентным.

⁶⁹⁷ Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 544.

⁶⁹⁸ Там же. С. 546.

⁶⁹⁹ Там же. С. 547.

⁷⁰⁰ Винкельман И. И. Указ. соч. С. 88.

⁷⁰¹ Чешихин В. Е. Жуковский как переводчик Шиллера. С. 154, 151.

3.1.4 Баллада «Элевзинский праздник» в свете античных традиций (1833)

В. А. Жуковский работал над текстом баллады в январе 1833 года, что зафиксировано самим поэтом в дневниковых записях. 9 (21) января появляется запись в дневнике: «9 (21), понедельник. <...> Начал Eleusisches Fest»⁷⁰². 17 (29) января (это был день рождения В. А. Жуковского) отмечается: «<...> конец Eleusisches Fest»⁷⁰³, а также подсчитан объем работы: «27 куп.<летов> 216 ст.<ихов>».

«Элевзинский праздник» Жуковского представляет собой перевод одноименной баллады Ф. Шиллера «Das Eleusische Fest». Дневники поэта и прижизненные публикации⁷⁰⁴ отражают эту преемственность. Жуковский планировал перевод этой баллады уже в 1814, когда в росписи баллад, задуманных для перевода или подражания, молодой поэт указал: «Элевзинское таинство» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25).

Стихотворение, написанное Ф. Шиллером 7 сентября 1798 г., первоначально было опубликовано в «Musenalmanach für das Jahr 1799» и имело название: «Bürgerlied» («Песня граждан»). Во втором издании «Стихотворений» Шиллера в 1804 г. оно приобрело другой заголовок: «Das Eleusische Fest». По словам исследователя А. С. Янушкевич, «первоначальное заглавие выявило поэтическую установку Шиллера – баллада была написана «в честь гражданского самосознания». Созданная в годы великих политических потрясений (Великая французская революция), она базировалась на философии немецкого идеализма, противопоставлявшего метафизическому мировоззрению французских просветителей теорию исторического развития»⁷⁰⁵.

Как замечает исследователь А. С. Янушкевич, «философская идея шиллеровского стихотворения» заключается в «связи человеческой цивилизации и прогресса с развитием гражданственности от ранних ее форм к позднейшим»⁷⁰⁶. Для выражения философской идеи о развитии человечества художник слова обращается к античному мифу. Мифологический образ

⁷⁰² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 13. С. 348.

⁷⁰³ Там же. С. 348.

⁷⁰⁴ Новоселье. СПб., 1834. Кн. 2. С. 107—116 – с пометой: «Из Шиллера», датой: «1833», указанием места создания: «Верне на берегу Женевского озера» и подписью: «В. Жуковский». Стихотворения Василия Жуковского : в 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1849. Т. 5. С. 126—135 – с пометой в оглавлении: «Из Шиллера»; с указанием в тексте: «Баллада»; в подборке стихотворений 1833 г. (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 436).

⁷⁰⁵ Янушкевич А. Элевзинский праздник. («Свивайте венцы из колосьев златых...»: [примечания] // В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 436.

⁷⁰⁶ Там же. С. 436—437.

богини плодородия Цереры (в греческой мифологии Деметры), использованный Ф. Шиллером ранее в балладе «Жалоба Цереры» («Klage der Ceres» 1796 г.) (а вслед за Шиллером и В. А. Жуковским в 1831 г.), в «Элевзинском празднике» приобретает новые черты. Развитие образа античной богини в балладе Ф. Шиллера «Элевзинский праздник» отметил В. Г. Белинский, где «она является божеством благотворно деятельным – очеловечивает и одухотворяет подобных троглодитам людей, научая их земледелию, соединяет их в общество, дает им богов и храмы, низводит к ним ремесла и искусства и посеивает между ними семена гражданственности»⁷⁰⁷.

В основе сюжета стихотворения Ф. Шиллера – изображение празднества в честь богини плодородия и земледелия Цереры (в греческой мифологии Деметры), проводившегося благочестивыми эллинами в Элевзине, городе, где, по преданию, она жила и страдала. Шиллер вновь избирает имя «Церера», закрепившееся в европейской литературной традиции (от латинского Ceres). Название баллады «Das Eleusische Fest» – «Элевзинский праздник» связывает это произведение с древними элевзинскими мистериями, установленными в честь богини Демеры (Цереры). Это были «Великие Элевсинии в течение девяти дней в боэдромионе (сентябрь-октябрь) и Малые Элевсинии в анфестерионе (февраль-март)»⁷⁰⁸.

При написании баллады Ф. Шиллер ориентировался на V Гомеровский гимн «К Деметре», структура которого восходит к древнейшей культовой практике. Античные гимны, как правило, начинаются приветственными возгласами, «хайретизмами» (по определению А. А. Тахо-Годи, от греческого «χαῖρέτω» – «пусть здравствует!»), «анаклезами» (от греч. ἀνάκλησις – «воззвание», «призывание»). Так и баллада «Элевзинский праздник» начинается хайретизмами. Приведем первую строфу в переводе Жуковского:

«Свивайте венцы из колосьев златых;
 Цианы лазурные в них заплетайте;
 Сбирайтесь плясать на коврах луговых
 И пенем благу Цереру встречайте.
 Церера сдружила враждебных людей;
 Жестокие нравы смягчила;
 И в дом постоянный меж нив и полей
 Шатер подвижной обратила»⁷⁰⁹.

Такими же инвокациями (от лат. «invoco» – «взывать», «призывать»), призывами почтить божество, проникнута последняя строфа. Таким образом, баллада повторяет структуру

⁷⁰⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 169.

⁷⁰⁸ Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней ... С. 918.

⁷⁰⁹ Текст баллады Жуковского «Элевзинский праздник» приводится по изданию: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 218—225.

античного гимна, который также был обрамлен хайретизмами. Вот последняя строфа в переводе Жуковского:

«Свивайте венцы из колосьев златых;
 Цианы лазурные в них заплетайте;
 Сбирайтесь плясать на коврах луговых;
 И с пеньем благу Цереру встречайте:
 Всю землю богинин приход изменил;
 Признавши ее руководство,
 В союз человек с человеком вступил
 И жизни постиг благородство».

Драматический характер элевсинских мистерий передается в балладе Ф. Шиллера особым строфическим оформлением текста, «строфы, написанные Шиллером дактилем, отличаются от остальных, написанных хореем, лирическим характером и, благодаря амебейной композиции, напоминают строфы хора в античной трагедии»⁷¹⁰.

Работая над переводом баллады, Жуковский в целом сохранил форму подлинника: объем (216 стихов), строфику (27 8-стиший), рифму, полиметрию. Правда, первая, четырнадцатая и двадцать седьмая строфы, написанные у Ф. Шиллера дактилем, Жуковский передал балладным размером – разностопным амфибрахией (первые четыре стиха – четырехстопный амфибрахий с рифмовкой аБаБ, следующие четыре стиха – чередование четырехстопного и трехстопного амфибрахия с рифмовкой вГвГ). Метрический облик строф, написанных Ф. Шиллером 4-стопным хореем, частотным размером в метрическом репертуаре баллад⁷¹¹, в переводе Жуковского не претерпевает изменений (четырёхстопный пиррихированный хорей с рифмовкой АбАбВгВг). «Элевзинский праздник» – единственная полиметрическая среди сорока баллад Жуковского, остальные – монометричны. Сохраненная поэтом-переводчиком полиметрия оригинала способствует драматизации лирического текста.

Во второй строфе баллады описывается состояние первобытного общества:

«Робок, наг и дик скрывался
 Троглодит в пещерах скал;
 По полям Номад скитался
 И поля опустошал;
 Зверолов с копьем, стрелами,
 Грозен, бегал по лесам...

⁷¹⁰ Жуковский В. А. Стихотворения : в 2 т. / вступ. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л. : Сов. писатель, 1939—1940. Т. 1. С. 414.

⁷¹¹ Матяш С. А. Стих баллад В. А. Жуковского // В. А. Жуковский. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 3. С. 241—262.

Горе брошенным волнами
К неприятным берегам!»

Жуковский заостряет характеристику догражданского общества: в первом стихе в русском тексте сразу три эпитета: «Робок, наг и дик», в то время как в немецком тексте один эпитет: «Scheu» – «робкий».

Описание первобытного несчастного, обездоленного человечества, лишённого божественной милости, восходит к античной культурной традиции. Подобное описание находим в трагедии Эсхила «Прометей прикованный»:

«Они глаза имели, но не видели,
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой долгий век
Ни в чем не смысля. Солнечных не строили
Домов из камня, не умели плотничать,
А в подземельях, муравьями юркими,
Они без света жили, в глубине пещер» (стихи 447—453)⁷¹².

Также в диалоге Платона «Протагор» говорится о том, как боги взглянули на землю, и перед их взорами открылась страшная картина человеческого бытия: «Человек же наг и не обут, без ложа и без оружия» (321 С)⁷¹³.

В строфах с третьей по тринадцатую описывается, как богиня Церера учит элевсинцев земледелию. Согласно античному мифу, рассказанному в V Гомеровском гимне, Церера (Деметра) посвятила в свои таинства Триптолема. Триптолем – говорящее имя, обозначает «тот, кто вспахивает землю три раза» («πολύω» – «вспахивать»). В Гомеровском гимне «К Деметре» Триптолем – один из царей Элевсина (473—474). В позднейшие времена его представляли как сына Келея, который получает от Цереры (Деметры) и Прозерпины (Коры) приказ распространить земледелие и выращивание злаков по всей земле. С помощью Деметры и Коры герой создает первый плуг, вспахивает землю, сеет, жнет и обмолачивает хлеб в первый раз в Рарийской долине возле Элевсина (Павсаний, 1, 38, 6)⁷¹⁴, а затем на колеснице, которую везут

⁷¹² Текст трагедии Эсхила «Прометей прикованный» приводится в переводе С. Апта по изданию: Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. ; коммент. Н. Поздемской. М. : Искусство, 1978. С. 154.

⁷¹³ Перевод Вл. С. Соловьева приводится по изданию: Платон. Избранное : пер. с древнегреч. / вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М. : Изд-во АСТ, 2004. С. 418.

⁷¹⁴ Приведем цитату из «Описания Эллады» Павсания: «У элевсинцев есть храм Триптолема, есть и Посейдона-Отца. Есть и водоем, называемый Каллихорон, где элевсинские женщины учредили первый хоровод и стали петь гимны в честь богини. Рарийское же поле, говорят, было засеяно первым и первым дало плоды. Поэтому у них установлено пользоваться мукой с того поля и готовить лепешки для жертвоприношений из продуктов с него. Там же показывают ток Триптолема и его жертвенник» (Пер. С. П. Кондратьева цит. по: Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. С. 97).

крылатые змеи, начинает ездить по миру и учить людей, как им сеять, жать и обмолачивать «культурное растение» — пшеницу (Ср. Павсаний 7, 18, 2 и 8, 4, 1)⁷¹⁵.

То, что один аттический герой учил земледелию и выращиванию хлебных злаков других людей и помог им, чтобы и они прекратили жить, как дикие звери, было одним из привычных доказательств античных ораторов, когда они хотели подчеркнуть важную роль, которую сыграла их отчизна в развитии культуры. Приведем некоторые примеры:

Исократ (4, 28): «Скитаясь после похищения Коры, Деметра пришла в эту страну и милостиво отнеслась к нашим предкам, оказавшим ей услуги, о которых никому не дозволено слышать, кроме посвященных. Она дала им два величайших дара: полевые злаки, благодаря которым мы не живем как звери, и мистерии, внушающие причастным к ним более светлые надежды о конце жизни и всей вечности»⁷¹⁶.

Демосфен (60, 5): «Насколько я знаю, и плоды, какими кормятся люди, впервые появились у нас; это, оказавшись само по себе величайшим благом для всех, бесспорно доказывает, что эта страна – мать наших предков. Ведь по установлению самой природы все рождающее одновременно дает и пищу рожденному; так произошло и с нашей страной»⁷¹⁷.

Ксенофонт («Греческая история» 6, 3, 6): «Было бы справедливее всего, если бы мы вовсе не подымали оружия друг против друга, так как, по сказанию, наш предок Триптолем открыл сокровенные дары Деметры и Коры из всех иностранцев прежде всего вашему родоначальнику Гераклу и вашим согражданам Диоскурам, а семя злака Деметры прежде всего было подарено Пелопоннесу. Так разве же справедливо было, что вы пришли уничтожить посевы тех, у кого вы получили семена, и что мы не желаем, чтобы вы имели в изобилии тот плод, который мы вам когда-то дали?»⁷¹⁸

Четырнадцатая строфа баллады, также как первая и последняя, словно партия хора античной трагедии, описывает поклонение народа богине Церере (Деметре), видимо, совершаемое во время Элевсинских мистерий:

«И чудо проникло в сердца дикарей;

Упали во прах перед дивной Церерой;

⁷¹⁵ «На расстоянии приблизительно 80 стадий от реки Пира находится город Патры. Недалеко от него река Главк впадает в море. Те из жителей Патр, которые помнят древнейшие сказания, говорят, что первым в этой области жил “из земли рожденный” Эвмел и что царствовал он над небольшим числом подданных. Когда же сюда приехал из Аттики Триптолем, то Эвмел получил от него зерно для посева...»; «... власть над страной (Пеласгией, затем Аркадией. – Е. К.) принял Аркад, сын Каллисто. О ввел хлебопашество, научившись ему у Триптолема». (Пер. С. П. Кондратьева цит. по: Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 2. С. 187, 225).

⁷¹⁶ Текст в переводе К. М. Колобовой приводится по изданию: Исократ. Малые аттические ораторы : речи, письма / под общей ред. Э. Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013. С. 50.

⁷¹⁷ Текст приводится по изданию : Демосфен. Речи : в 3 / пер. с греческого В. Г. Боруховича, М. Н. Ботвинника, А. И. Зайцева, В. В. Вальченко, Л. М. Глускиной, А. Я. Тыжова, И. А. Шишовой. М. : Памятники исторической мысли, 1994. Т.2. С. 314.

⁷¹⁸ Ксенофонт. Греческая история / пер. С. Я. Лурье. СПб. : Алетей, 2000. С. 398.

Исторгнулись слезы из грубых очей,
 И сладкой сердца растворилися верой.
 Оружие кинув, теснятся толпой
 И ей воздают поклоненье;
 И с видом смиренным, покорной душой
 Приемлют ее поученье».

Русский поэт бережно и совестливо относился к творческому дарованию, внимательно и ответственно трудился над каждым словом своих произведений. Потому примечательно появление в переводе Жуковского слова *чудо* («И *чудо* проникло в сердца дикарей»), отсутствующего в оригинале баллады Ф. Шиллера. Чудесное, загадочное, сверхъестественное, характерное для поэтической системы жанра баллады⁷¹⁹, приобретает в балладе Жуковского значение изменения, преобразования человеческой души.

Важно в четырнадцатой строфе также слово *вера* (И сладкой сердца растворилися *верой*), которое является авторской находкой Жуковского и не соответствует немецкому тексту. Разумеется, Жуковский не верил в богов Древней Греции и Рима. За языческим многобожием стоит твердая вера русского поэта в христианского Бога. Одним из первых почувствовал глубину античных образов в поэзии Жуковского друг, духовно близкий поэту, Н. В. Гоголь. В письме к Н. М. Языкову («Об “Одиссее”, переводимой Жуковским»), напечатанном трижды в 1846 году в литературных журналах⁷²⁰ Н. В. Гоголь писал: «Греческое многобожие не соблазнит нашего народа. Народ наш умен: он растолкует, не ломая головы, даже то, что приводит в тупик умников. Он здесь увидит только доказательство того, как трудно человеку самому, без пророков и без откровения свыше, дойти до того, чтобы узнать Бога в истинном виде, и в каких нелепых видах станет он представлять себе лик Его, раздробивши единство на множество признаков и сил. Он даже не посмеется над тогдашними язычниками, признав их ни в чем не виноватыми: пророки им не говорили, Христос тогда не родился, апостолов не было. Нет, народ наш скорей почешет у себя в затылке, почувствовав то, что он, зная Бога в Его истинном свете, имея в руках уже письменный закон Его, имея даже истолкователей закона в отцах духовных, молится ленивее и выполняет долг свой хуже древнего язычника. Народ смекнет, почему та же верховная сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, несмотря на то что он, по невежеству, взывал к ней в образе Посейдонов, Кронионов,

⁷¹⁹ Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966. С. 13.

⁷²⁰ В «Современнике» (1846. Т. 43. С. 175—188), «Москвитянине» (1846. № 7, отд. 5. С. 19—27), «Московских ведомостях» (1846. № 89. 25 июля).

Гефестов, Гелиосов, Киприд и всей вереницы, которую наплело играющее воображение греков»⁷²¹.

Ф. Шиллер обогащает античный миф о богине Церере аретологическими (от греч. ἀρετή – доблесть, добродетель) мифами о других античных божествах: о Фемиде, Прометее, Афине Палладе, Диане, Посейдоне, Аполлоне, Каменах, Цибеле, Юноне. Думается, что в данном случае Ф. Шиллер следует древнейшему жанру античной поэзии – гимнической песне. Истоки гимна – в древнем ритуале. Исследователь отмечает, что «гимн так же древен, как молитва, мольба, зов человека, который обращается за помощью к божеству и заранее, желая задобрить своего покровителя, возносит ему благодарственную хвалу, прославляет его мощь и милостивую щедрость»⁷²². Поэты древности писали гимнические песни многим богам: Аполлону, Гермесу, Афине, Гефесту, Дионису, Зевсу, Посейдону, Прометею, Афродите, Аресу, Гераклу и другим. В честь богов устраивались празднества, спортивные состязания, театральные представления, священные процессии, мистерии.

Ф. Шиллер сочетает «похвалы богам» в едином произведении. В балладе богиня Фемида учит людей справедливости. Бог пиров Ком объединяет людей в веселье. Прометей тайно похищает из кузницы Гефеста священный огонь, чтобы отныне и руки смертного человека смогли овладеть искусством. Богиня Афина с радостью содействует объединению разрозненных племен и кладет первый камень в основание будущего города. Нимфы Ореады вместе с богиней Дианой обучают первых людей охоте и рубке леса. Посейдон возводит стены городов. Искусство музыки и песен исходит от Аполлона. Камены покровительствуют искусствам. Богиня Цибела защищает города, строит ворота. Юнона спускается с небес в высокий храм и скрепляет первые семейные узы людей.

По наблюдению исследователя Е. Эткинда, «смысловое содержание» перевода Жуковского «вполне соответствует подлиннику», однако поэт «изменил стилистическую структуру: увеличил открытую эмоциональную экспрессию, выдвинув на передний план эпитеты и музыкальность слова»⁷²³.

Эпитеты, используемые В. А. Жуковским в балладе «Элевзинский праздник» не соответствуют шиллеровским. Е. Эткинд отметил, что изменение стилистического строя особенно наглядно в 22-й строфе, которая посредством эпитетов становится эмоционально ярче подлинника⁷²⁴:

Aber aus den *goldnen* Saiten

И вливает в струны пенье

Lockt Apoll die Harmonie

Светлоглавый Аполлон;

⁷²¹ Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 7. С. 68.

⁷²² Тахо-Годи А. А. Античная гимнография: Жанр и стиль // Античные гимны. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 5.

⁷²³ Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина ... С. 92.

⁷²⁴ Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина ... С. 92—93.

Und das <i>holde</i> Maß der Zeiten,	Пробуждает вдохновенье
Und die Macht der Melodie.	Их <i>согласно-мерный</i> звон;
Mit <i>neunstimmigem</i> Gesange	И <i>веселые</i> Камены
Fallen die Kamönen ein;	<i>Сладким</i> хором с ним поют –
<i>Leise</i> nach des Liedes Klange	И <i>красивых</i> зданий стены
Füget sich der Stein zum Stein ⁷²⁵ .	Под напев их встают.

«Эпитет – центр стилистической системы Жуковского»⁷²⁶. Эпитет в балладе Жуковского служит не только увеличению эмоциональной экспрессии, но и созданию античного колорита. Составные эпитеты отсылают читателя к гомеровской традиции. В 17-й строфе несколько таких эпитетов:

«И вослед ему Паллада
Копьеносная идет
 И богов к строенью града
Крепкостенного зовет,
 Чтоб *приютно-безопасный*
 Кров толпам бродящим дать
 И в один союз *согласный*
 Мир рассеянный собрать».

У Шиллера нет гомеровских эпитетов. В его стихотворении, как отмечает исследователь Е. Эткинд, колорит античности достигается благодаря «сложной образности» и «введению деталей греческой мифологии»⁷²⁷.

Греческие составные эпитеты вошли в русскую поэтическую традицию благодаря рецепции грецизмов через переводы христианских текстов и произведений античных авторов.

Введение составных (гомеровских) эпитетов в текст баллады Жуковского может быть обусловлено особым вниманием русского поэта к Гомеру, «наиболее почитаемому и волновавшему поэтическое воображение В. А. Жуковского»⁷²⁸ среди других древних авторов. В нашей работе уже упоминалось о составе библиотеки поэта, важное место в которой занимали поэмы Гомера.

С переводами Гнедича из «Илиады» Жуковский, как и его современники, знакомился по публикациям больших отрывков и целых песен в журналах и альманахах с 1813 по 1829 год, в 1830 году выходит в свет полный перевод «Илиады» Гнедичем. Перевод Жуковского

⁷²⁵ Текст приводится по изданию: Schillers Sämmtliche Werke : Vollständig in vier Bänden ; mit Einleitungen von Karl Goedeke. Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. Erften Band. S. 146—151.

⁷²⁶ Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина ... С. 93.

⁷²⁷ Там же. С. 93.

⁷²⁸ Чупина Г. А. Первый опыт перевода Гомера ... С. 434.

«Отрывков из “Илиады”», выполненный не с греческого подлинника, а с немецких переводов XVIII века, как указывалось нами ранее, изобилует составными (гомеровскими эпитетами).

Видимо, Жуковский признавал за составными эпитетами одну из особенностей древней мифологической поэтики и использовал их при работе над балладой «Элевзинский праздник». Составные эпитеты придают переводу эпический характер.

Ученые отмечают, что в поэтическом мире Жуковского человек лишается «национальных, социальных и временных признаков»⁷²⁹. Определяющими становятся «общечеловеческие нравственные ценности: добродетель, истина, великое, прекрасное»⁷³⁰.

Жуковский сохраняет в переводе неоднократно употребленное Ф. Шиллером существительное *человек* (*der Mensch*), которое получает в тексте баллады обобщающее, онтологическое значение *человечества*:

«Чтоб из низости душою
Мог подняться **человек**...»

«И куда печальным оком
Там Церера ни глядит:
В унижении глубоко
Человека всюду зрит».

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный **человек**?»

«В союз **человек с человеком** вступил».

«В лесе ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон – закон природы.
Человек, приняв в залог
Зоркий ум – звено меж ними, –
Для гражданства сотворен».

В балладе «Элевзинский праздник» нет описания индивидуальной человеческой судьбы, изображения конкретного героя и частных человеческих отношений, а, наоборот, за

⁷²⁹ Разуменко И. В. А. В. Никитенко о стиле В. А. Жуковского // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX—начале XX века : сб. науч. трактатов. Свердловск, 1986. С. 13.

⁷³⁰ Там же. С. 13.

обобщенным словом «человек» стоит масштабный эпический образ целого народа и его судьбы.

И. М. Семенко в работе «Жизнь и поэзия Жуковского» указывает, что обращение «к этой балладе Шиллера, где в ярких эпизодах изображен прогресс цивилизации»⁷³¹, связано с мировоззрением русского поэта. Для Жуковского был характерен оптимистичный взгляд на «судьбу человечества в целом, чем на земную участь отдельного человека»⁷³². Размышления о цивилизации и гражданском обществе находят отражение в дневниках и письмах поэта. В письме к великому князю Александру Николаевичу 4 (16) января 1833 года Жуковский рассуждает о человеческом обществе сквозь призму «горной философии». Это словосочетание поэт употребил в указанном письме к великому князю, вводя его «в арсенал “ключевых слов” русской культуры»⁷³³. Подробно описывая природу (берег Женевского озера, горы, долины) и свои впечатления, произведенные ею, поэт задумывается и обращает свой взгляд от мира физического на мир духовный. Горы, устремляющиеся в небо, по наблюдению А. С. Янушкевича, становятся обозначением «вертикали и символом духовного (душевного) пространства. “Горное” последовательно трансформируется в “горнее”»⁷³⁴. А. С. Янушкевич поясняет: «Холмогорье Жуковского в его балладах антропологизируется. Борение человека с судьбой, философия рока в балладном мире рождает оппозицию бездны и высоты. Герои баллад то низвергаются в бездну, в пропасти земли, то устремляются к горным высотам духа»⁷³⁵.

Так, в балладе «Элевзинский праздник», написанной немного позднее письма к великому князю (9 (21) — 17 (29) января 1833 года), находит свое отражение «горная философия» Жуковского. Мера духовного (душевного) развития героев баллады определяется местом их жительства, частого пребывания. Первобытные люди, «троглодиты», в балладе Жуковского скрывались «**в пещерах скал**», как и в немецком оригинале Ф. Шиллера «in des Gebirges Klüften». «**По полям** номад скитался». У Ф. Шиллера: «Der Nomade ließ **die Triften**». «Зверолов с копьем, стрелами, Грозен бегал **по лесам...**». У Ф. Шиллера: «durch das Land».

Жуковский включает в перевод баллады некоторые детали, отсутствующие в подлиннике Ф. Шиллера, указывающие на существование высшего, горного (горного) мира, главным образом, при описании появления античных богов перед первобытным человечеством:

«С Олимпийския вершины

Сходит мать Церера...»

⁷³¹ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского ... С. 224.

⁷³² Там же. С. 224.

⁷³³ Янушкевич А. С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма : В. А. Жуковский — М. Ю. Лермонтов — Ф. И. Тютчев // Жуковский и время ... С. 133—134.

⁷³⁴ Там же. С. 134.

⁷³⁵ Там же. С. 135—136.

«С **высоты небес** нисходит
Олимпийцев светлый сонм...»

«И Юнона, с оком ясным
Низлетев **от высоты**...»

«И с **небес** благословляет
Первый брак отец богов».

Человеческая природа изменяется благодаря приобщению к горному миру. Низкие и приземленные качества уходят из души преображенного человека. Глаза поднимаются к небу, мысли становятся чистыми, растет душа. Не случайно Жуковский сохраняет шиллеровский образ холма, на котором строится город. Образ холма и города на нем приобретает в балладе Жуковского «сакральный смысл»⁷³⁶, становится символом устремленности человеческого духа к добру, символом обретения человеком своего образа.

В отрывке из письма к великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1833 года есть слова Жуковского, которые применимы к балладе «Элевзинский праздник» и раскрывают ее нравственный смысл: «... человек создан не для тихой счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он должен завоевать свое достоинство, должен пробиваться к добру сквозь страсти и неразлучные с ними заблуждения и бедствия»⁷³⁷.

Таким образом, Жуковский понимал историческое развитие как «нравственное образование»⁷³⁸, как развитие в людях лучших личностных качеств, как духовное возрождение, можно сказать, восхождение.

В поздних «античных» балладах Жуковский более осторожен, сдержан в употреблении слов высокой славянской нормы. Поздние баллады «наименее декоративны», как отмечают исследователи, «наиболее философски», «интеллектуальны»⁷³⁹. Славянизмы в античных балладах 1828—1833 годов встречаются в небольшом количестве. Сюда относятся краткие прилагательные: «насыщенны», «полны», «вечны»; слова: «око», «мздоимец», «рыбарь», «денницы», «заветный», «зиждущей», «втуне»; синтаксические архаизмы: «око преклонял», «взыскан богами». Сложные слова с корнем «благо», заимствованные из греческого языка и

⁷³⁶ Янушкевич А. С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма ... С. 136.

⁷³⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 13. С. 346.

⁷³⁸ Канунова Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 17.

⁷³⁹ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М. : Художественная литература, 1975. С. 165.

используемые в богослужении и духовных книгах – «благоволье» («Поликратов перстень»), «благовониями», «благоуханьем» (Жалоба Цереры), «благословляет», «благородство» («Элевзинский праздник») – наполняют вечные сюжеты «античных» баллад христианским смыслом.

3.2 Миф о царе Эдипе в творчестве В. А. Жуковского

«Мифологическая библиотека» Аполлодора во французском переводе Клавье была пособием и руководством по античной мифологии для Жуковского еще на заре его творческого пути. Ученые определяют временные рамки чтения Жуковским «Мифологической библиотеки» – 1805—1811 годы⁷⁴⁰. Это было время самообразования молодого поэта, когда он систематически знакомился с античной мифологией, античной литературой и ее критическим осмыслением.

Издание «Мифологической библиотеки» 1805 года сохранилось в библиотеке Жуковского (Apollodore. Bibliothèquе d'Apollodore l'Athénien. Traduction nouvelle, avec le texte grec revu et corrigé, des notes et une table analytique, par E. Clavier. Т. 1—2, Paris, chez Delance, an. XIII (1805))⁷⁴¹. Ряд помет, оставленных поэтом в этой книге, свидетельствует об углубленном и вдумчивом изучении античной мифологии читателем.

Исследователь античной литературы В. Г. Борухович в статье «Античная мифография и “Библиотека” Аполлодора» определяет место «Библиотеки» в кругу античных мифографических сочинений: «“Библиотека” представляет собой единственное из всех дошедших до нас античных сочинений по мифологии, где мифы Древней Греции излагаются в наиболее полном и систематизированном виде»⁷⁴². В. Г. Борухович относит «Библиотеку» Аполлодора к «числу мифографических сочинений, излагавших в прозаическом пересказе основные сюжеты “эпического кикла”»⁷⁴³.

Термин «Эпический цикл» возник уже в классическую эпоху (5 век до н. э.) и встречается у Аристотеля («Аналитики»).

⁷⁴⁰ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 464—469.

⁷⁴¹ Библиотека В. А. Жуковского: описание ... № 558. С. 88.

⁷⁴² Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Издание подготовил В. Г. Борухович. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М. : Ладомир ; Наука, 1993. С. 106.

⁷⁴³ Там же. С. 105.

Слово цикл происходит от древнегреческого κύκλος «круг». Таким образом, эпический цикл – это круг сказаний. Сохранилось замечание древнего схолиаста Клемента Александрийского об этом термине: «Киклическими поэтами называют тех, которые описали все, что вокруг (κύκλω) “Илиады”, все, что происходило до или после описанных ею событий» (Schol. Clem. Alex. Protr. II, 30)⁷⁴⁴.

Автор «Библиотеки» излагает мифы кратко, без подробностей, без философского и художественного их осмысления. «Очень просто, сжато, иногда скороговоркой (в ущерб содержанию)»: так В. Г. Борухович комментирует эту особенность воспроизведения мифов у греческого мифографа⁷⁴⁵. Миф в рассказе Аполлодора «выступает в качестве сюжетной схемы»⁷⁴⁶. Античный автор концентрирует внимание читателя на генеалогии мифологических героев. В основу повествования положен «генеалогический принцип»⁷⁴⁷.

При чтении «Мифологической библиотеки» Жуковский делает три генеалогические схемы интересующих его мифологических циклов на страницах 71, 73 первого тома и 385 второго тома, соответствующих § 11, § 13 девятой главы первой книги и § 8, § 9 третьей главы третьей книги. Впервые эти схемы были опубликованы О. Б. Лебедевой в 1988 году⁷⁴⁸.

В. А. Жуковского интересуют родственные связи героев следующих мифологических циклов: Иолкский, Аргосский и Фиванский циклы. Генеалогическая таблица Иолкского цикла воспроизводит родословие Ясона, предводителя похода аргонавтов за золотым руном.

Вторая генеалогическая таблица воспроизводит род Амифаонидов, участников похода Семерых против Фив и похода Эпигонов.

Исследовательница библиотеки Жуковского О. Б. Лебедева размышляет о причинах внимания Жуковского к генеалогии героев названных мифологических циклов: «Представляется, что целью генеалогических изысканий Жуковского в процессе чтения Аполлодора было именно это выявление генетических связей между отдельными мифологическими циклами через участников их событий»⁷⁴⁹. О. Б. Лебедева, обращая внимание на вдумчивое изучение текста «Библиотеки» русским поэтом, говорит о том, что активный «читательский интерес» «очень часто переходил у Жуковского в творческий эксперимент»⁷⁵⁰. Таким образом, чтение «Мифологической библиотеки» Аполлодора можно рассматривать как приготовление Жуковского к реализации творческого потенциала.

⁷⁴⁴ Цит. по: Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора ... С. 104.

⁷⁴⁵ Там же. С. 106.

⁷⁴⁶ Там же. С. 108.

⁷⁴⁷ Там же. С. 106.

⁷⁴⁸ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 467—468.

⁷⁴⁹ Там же. С. 468.

⁷⁵⁰ Там же. С. 465.

При составлении родословий героев мифологических циклов Жуковский оставляет комментарии к ним на страницах указанного издания. О. Б. Лебедева указывает на записи поэта на страницах 71, 73 и 77: «Так, на с. 71 первого тома рассказ о браках Кретея и Тиро, Амитаона и Идомены он сопровождает двукратной записью: “племянница”»⁷⁵¹. Названные герои – Кретея и Тиро⁷⁵², Амитаон и Идомена⁷⁵³ – участники Иолкского цикла мифов, их имена входят в родословное древо Ясона. На странице 73 «Мифологической библиотеки» Аполлодора Жуковский делает запись относительно брака Бианта и Перо⁷⁵⁴: «Почти родная сестра»⁷⁵⁵. История этого брака относится уже ко второй родословной таблице В. А. Жуковского, где показано родословие Амифаонидов (Аргосский цикл). Четвертый сюжет, отмеченный записью В. А. Жуковского на странице 77 – «племянница»⁷⁵⁶, описывает брак Талая и Лисимахи⁷⁵⁷.

О. Б. Лебедева интерпретирует интерес В. А. Жуковского к проблематике этих мифологических сюжетов биографическими данными, что позволяет датировать чтение Аполлодора и особенно комментарии поэта на страницах 71, 73 и 77 1810 и 1811 годами: «Если предположить связь этих записей с биографией Жуковского, его намерением жениться на М. А. Протасовой, которая приходилась ему именно племянницей по отцовской линии, чтение Аполлодора можно датировать несколько более поздним периодом: 1810–1811 годом, когда

⁷⁵¹ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 469.

⁷⁵² Рассказ о браке Кретея и Тиро у Аполлодора звучит так: «Тиро, дочь Салмонея и Алкидики, воспитывалась у Кретея, который приходился Салмонею родным братом. Она влюбилась в речного бога Энипея и в сокрушении постоянно ходила на реку. Посейдон, приняв образ Энипея, сошелся с ней, и она, родив тайно двух близнецов, подкинула их. Вблизи подкинутых близнецов проходили пастухи, гнавшие табун лошадей, и кобылица задела копытом лицо одного из близнецов, на котором от этого осталось темное пятно. Пастух поднял и вырастил обоих мальчиков и того, который был с пятном, назвал Пелием, другого же Нелеем. Когда близнецы выросли и узнали, кто их родная мать, они убили свою мачеху, которую звали Сидеро. Они напали на нее после того, как узнали, что та оскорбила их мать. Мачеха пыталась найти убежище в храме Геры, но Пелий заколол ее у самых алтарей. И вообще он всячески оскорблял Геру. <...> Кретея же, основав город Иолк, женился на Тиро, дочери Салмонея, от которой у него родились сыновья Эсон, Амитаон и Ферет» (§8, §11, 9 глава, 1 книга) (Текст приводится по изданию: Аполлодор. Мифологическая библиотека / изд. подгот. В. Г. Борухович. М. : Ладомир, Наука, 1993. С. 16).

⁷⁵³ Рассказ о втором привлечшем внимание В. А. Жуковского близкородственном браке Амитаона и Идомены тесно связан с предыдущей историей, так как в нем принимают участие сыновья Кретея и Тиро – Амитаон и Ферет. У Аполлодора эти события передаются очень кратко: «Амитаон, живший в Пилосе, женился на Идомене, дочери Ферета, и у него родились сыновья Биант и Мелампод» (§11, 9 глава, 1 книга) (Там же. С. 16).

⁷⁵⁴ Согласно генеалогическим описаниям Аполлодора, Биант – внук Тиро от брака с Кретеем, Перо – внучка Тиро от брака с Посейдоном. В «Мифологической библиотеке» рассказывается романтическая история сватовства Бианта: «Биант же, сын Амитаона, посватался к Перо, дочери Нелея. Так как многие добивались ее руки, Нелей обещал отдать свою дочь за того, кто пригонит ему принадлежащее Филаку стадо коров. Стадо это находилось в области Филаке, и его охраняла собака, к которой ни человек, ни зверь не смел близко подойти. Биант не смел украсть этих коров и попросил брата помочь. Мелампод пообещал, но предсказал, что он будет пойман при совершении кражи и после того, как пробудет в заключении целый год, получит стадо». Через год Мелампод, обладающий даром прорицания, вышел из заключения и получил заветное стадо коров Филака. «Коров же Мелампод пригнал в Пилос, и взяв дочь Нелея, отдал ее брату» (§12, 9 глава, 1 книга) (Там же. С. 16—17).

⁷⁵⁵ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 469.

⁷⁵⁶ Там же. С. 469.

⁷⁵⁷ У Аполлодора в §13 читаем: «Сыном Бианта и Перо был Талай, женившийся на Лисимахе, дочери Абанта, сына Мелампода. От этого брака родились Адраст, Партенопей, Пронакс, Мекистойей, Аристомах и Эрифила, на которой женился Амфиарай» (Цит. по: Аполлодор. Мифологическая библиотека ... С. 17).

впервые возникли мысли о браке»⁷⁵⁸. Таким образом, В. А. Жуковский осмысливал собственную жизнь через приобщение к античности. Возможно, поэт обратил внимание на то, что браки внутри одного рода считались допустимыми в древности. Браки между дядей и племянницей, между двоюродными братом и сестрой были естественным и частым явлением жизни.

Возможно, что интерес к темам кровосмешения, преступления, губительного Рока и наказания был обусловлен у В. А. Жуковского появлением в русской и европейской литературе в конце XVIII — начале XIX века произведений, которые «отличает особая атмосфера загадочности, таинственности»⁷⁵⁹, в которых присутствует мотив инцеста, «для русской литературы не вполне обычный»⁷⁶⁰ (например, «Мипамонд» Ф. Эмина, «Замок Отранто», «Таинственная мать» Уолпола, «Монах» Льюиса, «Дикарь» Мерсье, «Манфред» Байрона и др.). Среди произведений, поднимающих проблему кровосмешения, в русской литературе выделяется повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793).

Можно также предположить, что внимание В. А. Жуковского к мифологическим родословиям из «Библиотеки» Аполлодора и комментарии к ним были обусловлены интересом русского поэта к жанру баллады. Заметим также, что чтение «Библиотеки» Аполлодора (1805—1811 годы) хронологически соответствует появлению и утверждению в творчестве В. А. Жуковского балладного жанра. В 1808—1814 годы В. А. Жуковский пишет следующие баллады: «Людмила», «Кассандра», «Пустынник», «Адельстан», «Светлана», «Ивиковы журавли», «Варвик», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа», «Двенадцать спящих дев».

В балладах В. А. Жуковского показаны предопределенность человеческой судьбы, психологический конфликт, стойкость и свобода личности перед лицом испытаний.

Исторически жанр баллады предполагал драматические сюжеты. Как «сюжетная песня драматического содержания»⁷⁶¹, баллада бытовала в эпоху средневековья. Древний мотив кровосмешения, связанный с мифологическим сознанием, находил отражение в балладе, которая на примере индивидуальных судеб освещала «события общенародного значения, этические, социальные и философские проблемы»⁷⁶². Так, мотив кровосмешения встречается в

⁷⁵⁸ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 469.

⁷⁵⁹ Кудреватых А. Н. Новаторство Н. М. Карамзина-психолога в повести «Остров Борнгольм» // Филологический класс. 2013. №4 (34). С. 46.

⁷⁶⁰ Вацура В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век / под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л. : Наука, 1969. Сб. 8.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. С. 204.

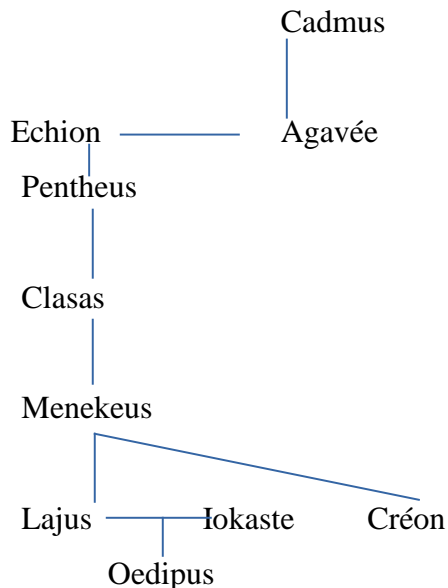
⁷⁶¹ Никонов В. А. Баллада // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1962. . Т. 1. С. 422.

⁷⁶² Балашов Д. М. История развития жанра ... С. 10.

старинной русской балладе, соответствующей балладам Англии и Шотландии, возникшим в XIII–XIV века. Д. М. Балашов указывает на эти баллады и говорит о христианском осмыслении в них вышеназванного мотива: «“Братья-разбойники и сестра”, сюжет, отразивший развитые социальные контрасты и бытовые отношения средневековья; “Царь Давыд и Олена”, сюжет, созданный целиком на христианско-религиозной основе; “Охотник и сестра” – редкая баллада позднего сочинения; “Брат женился на сестре”, также поздняя средневековая баллада по характеру сюжета и бытовым реалиям. Анализ этих сюжетов, а также ряда европейских баллад на ту же тему показывает, что все подобные конфликты, имеющие обычно трагический конец (неизбежные позор и смерть согрешивших), подаются в очень ясном средневековом оформлении»⁷⁶³.

Таким образом, античные мифы о Крете и Тиро, Амитаоне и Идомене, Бианте и Перо, Талае и Лисимахе, близкие к проблематике средневековых баллад и повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм», рассматривались Жуковским в перспективе балладного творчества, но они не были реализованы, возможно, потому что мотив кровосмешения, центральный в этих мифах, показался русскому поэту рискованным.

Третья генеалогическая таблица, выполненная Жуковским на страницах «Мифологической библиотеки», посвящена родословию царя Эдипа

Среди мифов, исследуемых Жуковским в «Мифологической библиотеке» Аполлодора, только история Эдипа считалась страшным преступлением. Причем Эдип был неволен в своем грехе. К гибели Эдипа, его родителей и его детей привело родовое проклятие, Рок. Согласно мифу, «Фиванский царь Лай украл ребенка и был проклят отцом этого ребенка. Проклятие

⁷⁶³ Балашов Д. М. История развития жанра ... С. 17.

лежало на всем роде Лая: сам он погиб от руки собственного сына Эдипа. Покончила с собой Иокаста – жена сначала Лая, а потом Эдипа, узнав, что Эдип – ее сын. Вступив в единоборство, погибли оба сына Эдипа – Этеокл и Полиник, потом погибли и их сыновья»⁷⁶⁴.

Изучение мифического родословия Фиванского цикла было приготовлением поэта к работе с греческой драматургией⁷⁶⁵, к работе над переводом трагедии Софокла «Царь Эдип».

Об интересе Жуковского к драматургии Софокла свидетельствует состав личной библиотеки поэта, в которой имелось несколько изданий трагедий на французском и немецком языках: Sophokles. Oedipe roi. Texte en regard. Avec deux traductions, l'une interlinéaire et l'autre correcte, et des notes critiques et grammaticales. Précédé d'une notice sur la vie et les écrits de Sophocle. Par E. Boutmy. Paris, Mansut fils. 1828. 8, 376 с.; Sophokles Werke. Im Versmass der Urschrift übersetzt von Dr. Minkwitz zu Leipzig. Stuttgart, J. B. Metzler, 1835–1844. 923, [4] с.; **Sophokles [Werke. Übersetzt] von J. J. C. Donner. Bde 1–2. Heidelberg, C. F. Winter, 1842. 1. с. 73–302. 2. [8], 200 с.; Des Sophokles Tragödien. Übersetzt- von K. W. F. Solger. Tolger. Theile 1–2. Berlin, in der Realschulbuchhandlung, 1808. 1. CXXIV, [4], 260 с. 2. [4], 358 с.; Des Sophokles Antigone. Übersetzt von Victor Strauss. Bielefeld, Velhagen u. Klasing, 1842. [4], 73 с.; Sophokles König Oedipus. Nach neuen Grundsätzen der Prosodie bearbeitet und herausgegeben von Dr. E. Ehth. Stuttgart, Chr. Belser, [1851]. VII, 87 с. (см.: Описание. № 2146–2151).** Издания трагедий на французском и немецком языках позволяют говорить о двух традициях восприятия Жуковским древнегреческой драматургии и античной словесности в целом. Французская традиция перевода – это, в первую очередь, вольный перевод, перевод-подражание, немецкая же традиция – это традиция точного, адекватного перевода.

Трагедии Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» в немецком переводе Зольгера (Des Sophokles Tragödien. Übersetzt- von K. W. F. Solger. Tolger. Theile 1–2. Berlin, in der Realschulbuchhandlung, 1808. 1. CXXIV, [4], 260 с. 2. [4], 358 с.) сохранили пометы Жуковского-читателя⁷⁶⁶, которые, вероятно, относятся к 1811 году. Таким образом, Жуковский обращается к точному переводу-посреднику, более близкому к греческому оригиналу. По наблюдению исследователя, в трагедии «Царь Эдип» Жуковский выделяет фрагменты текста, связанные с так называемым «поворотом» действия, фиксируя тем самым основные события драмы. Также поэт отмечает эмоционально насыщенные партии хора, в которых звучит тема «упадка веры в Фивах», «тема рока и неверности человеческого счастья»⁷⁶⁷. В текст трагедии «Эдип в Колоне»

⁷⁶⁴ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Боги и герои Древней Греции. М. : Слово, 2002. С. 27–28.

⁷⁶⁵ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805–1811 гг. ... С. 469.

⁷⁶⁶ См.: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805–1811 гг. ... С. 500–501.

⁷⁶⁷ Там же. С. 500–501.

русский поэт отчеркивает стихи, связанные с очищением от греха, молитвами и оправданием вины Эдипа⁷⁶⁸.

Результатом чтения «Мифологической библиотеки» Аполлодора и трагедий Софокла явилось составление в 1811 году оригинального плана трагедии «Царь Эдип», в котором Жуковский объединил два перевода трагедии Софокла «Царь Эдип» – немецкий адекватный перевод Зольгера и французский перевод-переделку Вольтера (1718)⁷⁶⁹. Но в 1811 году и на протяжении более тридцати лет замысел поэта не был воплощен.

К 1843 году ученые относят черновой перевод фрагмента трагедии «Царь Эдип». В библиотеке Жуковского появилось новое гейдельбергское издание Софокла в переводе Доннера: Sophokles [Werke. Übersetzt] von J. J. C. Donner. Bde 1—2. Heidelberg, C. F. Winter, 1842. 1. с. 73—302. 2. [8], 200 с. Этот точный немецкий перевод послужил для русского поэта переводом-посредником.

Жуковский переводит 179 стихов пролога и 1 эпизода трагедии белым пятистопным ямбом, в отличие от немецкого белого шестистопного ямба с мужскими окончаниями. Эти стихотворным размером Жуковский перевел драму Шиллера «Орлеанская дева» (1817—1822).

⁷⁶⁸ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 501.

⁷⁶⁹ Приведем план трагедии Жуковского, напечатанный в статье О. Б. Лебедевой «Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского». С. 504:

«I.

Явление I.

[Народ. Хор. Изображ<ение> язвы]

Эдип. Иокаста. Жрец. Народ.

Креон. Посылает за Терезием и за Форбасом.

Из Вольтера.

Народ. Хор о Эдипе. Молитва.

II.

Тирезий и хор.

Эдип. Тирезий. Иокаста. Креон. Пророчество.

Из Вольт<ера>

Эдип один.

Эдип. Иокаста. Конфиденция.

Из Вольтера

[Пойду за Тирезием. Форбас и те же]

Хор.

III.

1. Эдип и Иокаста.

2. Фобас. Иокаста. Эдип.

Из Вольт<ера>

[Димас. Корин<фянин>]

3. Креон. Коринфянин и те же.

Из Вольт<ера>

4. Эдип. Креон. Народ.

Из Вольтера

5. Креон. Хор. [Приносят жезл].

6. Вестник и те же. Принос<ят> жезл правит<еля>.

7. Эдип и те же.

8. [Эд<ип> и] Дети Эдипа и те же».

У русских поэтов в начале XIX века также были образцы использования 5-стопного нерифмованного ямба в драматических произведениях. Например, «Кровавая ночь» Нарезного в 1799 году, перевод Востоковым «Ифигении» Гете в 1810 году, «Пир Иоанна Безземельного» Катенина в 1821 году, «Испанцы» Лермонтова написаны белым пятистопным ямбом. Однако «решительное торжество этому размеру принес “Борис Годунов” А. С. Пушкина»⁷⁷⁰.

Жуковский делит переведенный отрывок на три явления: в первом явлении – диалог Эдипа и верховного жреца; во втором явлении – диалог Эдипа и Креона. Третье явление открывается монологом Эдипа, обращенным к народу.

В начальных стихах трагедии Эдип прославлен между людьми. Как отмечает В. Я. Пропп, в трагедии Софокла «Эдип не только царствует, а в царствовании своем возносится на необычайную высоту»⁷⁷¹. У Софокла, как и в немецком переводе, Эдип слышит такие слова в свой адрес:

«ἀνδρῶν δὲ πρῶτον ἔν τε συμφοραῖς·
κρίνοντες ἔν τε δαίμονων συναλλαγαῖς» (33—34)⁷⁷² –

«Но чту тебя **первейшим** в бедах жизни,
Первейшим и в общении с богами»⁷⁷³;

«ὦ βροτῶν ἄριστ'» (46) –
«**О лучший между смертными**»⁷⁷⁴

В первом случае Жуковский переводит почти дословно:

«... для нас во дни напасти,
Ниспосланной судьбою строгой
На жизненном изменчивом пути
Ты первый из людей»⁷⁷⁵.

Во втором случае русский поэт немного меняет фразу: вместо «**О лучший между смертными**», у Жуковского «**наш многочтимый царь**».

С. С. Аверинцев говорит, что Эдип «опьянен своей мудростью, своей славой, своей властью»⁷⁷⁶. В начале трагедии Эдип – герой.

⁷⁷⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха : метрика, ритмика, рифма, строфика. М. : Наука, 1984. С. 118.

⁷⁷¹ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор. Литература. История. М. : Лабиринт, 2002. С. 46.

⁷⁷² Текст приводится по изданию : Σοφοκλέους Οἰδίλους Τύραννος : текст с примеч. по Науку и словарем по Эллендту / сост. для употребления в гимназиях О. Петрученко. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. С. 42.

⁷⁷³ Трагедия Софокла «Царь Эдип» в переводе С. В. Шервинского цит. по изданию: Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С. Шервинского ; коммент. Н. Подземской. М. : Искусство, 1979. С. 8.

⁷⁷⁴ Пер. С. В. Шервинского.

⁷⁷⁵ Текст приводится по: Σοφοκλέους Οἰδίλους Τύραννος : текст с примечаниями по Науку и словарем по Эллендту / сост. для употребления в гимназиях О. Петрученко. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. С. 42.

⁷⁷⁶ Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность : к 80-летию Федора Александровича Петровского. М. : Наука, 1972. С. 92.

В монологе первого эпизода Эдип говорит о себе такие слова:

ὑστερος γὰρ ἀστὸς εἰς ἀστοῦς τελῶ... (221)

«Я стал у вас всех позже гражданином...»

... νῦν δ' ἐπεὶ κυρῶ γ' ἐγὼ

ἔχων μὲν ἀρχὰς ἅς ἐκεῖνος εἶχε πρῖν,

ἔχων δὲ λέκτρα καὶ γυναῖχ' ὁμόσπορον... (258—260)

«... Поскольку

Я принял Лая царственную власть,

Наследовал и ложе и супругу...»⁷⁷⁷

В греческом тексте, как и в немецком переводе Доннера, Эдип – «прежде всего царь»⁷⁷⁸.

Жуковский на основе перевода-посредника несколько меняет акценты и создает свой текст обращения Эдипа к народу:

«Мне до сих пор из чаши роковой

Завидный выпал жребий. Чужеземец,

Отечества лишенный, произвольный

Изгнанник, здесь отечество и славу,

И царский трон из рук благого бога

Я разом получил: то было мне наградю»⁷⁷⁹.

Эдип у Жуковского исполнен чувства благодарности Богу и новому отечеству за приют, славу и власть. Русский поэт обогащает образ Эдипа, подчеркивает его смирение, скромность, нравственную чистоту. Потому трагедия, которая должна постигнуть Эдипа в этой интерпретации становится еще ужаснее.

В первом явлении перевода Жуковского Эдип узнает, что фиванцы приносят жертвы богам, так как над городом снова витает смерть. Умирают люди, домашний скот гибнет целыми стадами, посевы засохли в семенах. Во втором явлении Креон возвращается от оракула Аполлона и объявляет, что причина мора в том, что среди фиванского народа есть тайный убийца царя Лая, который правил Фивами до Эдипа. Эдип желает выяснить обстоятельства преступления. Жуковскому удалось передать драматическое напряжение диалога:

«К.<реон> Лай от руки неведомых убийц

Погиб. Их гибели желают боги.

Э.<дип> Но где ж они? Кто темные отыщет

⁷⁷⁷ Пер. С. В. Шервинского.

⁷⁷⁸ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 549.

⁷⁷⁹ Цит. по: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 547.

Следы давно минувшейся вины?

К.<реон> *Бог говорит, чтобы свою мы землю*

Очистили: итак убийцы здесь.

Ищи – найдешь; что мы пренебрегаем,

То в руки не дается нам»⁷⁸⁰.

В конце второго явления Эдип отправляет гонца за Тересием, человеком, который был угоден богам, слепцом, которому многое было открыто. Так начинается постепенное разоблачение Эдипа-царя. На последовательном разоблачении, узнавании, прозрении построена трагедия Софокла. Итогом этого прозрения становится ослепление Эдипа. Он обратил взгляд внутрь себя. Ведь, для того, «чтобы прозреть – надо ослепить себя»⁷⁸¹.

В сюжете об Эдипе Жуковского интересует стойкость человека в несчастье. Именно это достоинство героев Софокла Жуковский отметил для себя еще в начале творческого пути при чтении статьи «Софокл»⁷⁸² немецкого филолога Христиана-Фридриха-Вильгельма Якобса (1764–1847): «Филоктет и Аякс, Электра, Антигона и Эдип сходны между собою той твердостью духа, которая не позволяет им уклоняться ни от каких страданий и опасностей, но заставляет противопоставлять им упорное сопротивление... благородство и возвышенность (высокость и величие) преобладают в софокловских характерах». «Софокл хотел представлять людей такими, какими они могли бы быть и какими должны быть все, если бы в каждом была достигнута цель создания»⁷⁸³. Нравственный пафос трагедий Софокла оказывается близок этическому кодексу «Одиссеи», над переводом которой Жуковский трудился с 1842 по 1849 годы. Составные эпитеты в переводе фрагмента — важная черта гомеровской эпической традиции – роднят трагедию Софокла в переводе Жуковского с античным эпосом: многотимый (царь), беспечальносладостный (сон), плодоносные (ветви), достопочтенный (сын), благородный (князь), бедоносная (вина).

Русский поэт не ограничивается трагедией «Царь Эдип», а планирует перевести также трагедию «Эдип в Колоне», где показан, если использовать термин В. Я. Проппа, «второй апофеоз Эдипа»⁷⁸⁴, искупление им страшного греха великими страданиями. Эдип умирает, а останки становятся священными – они защищают город от врагов. Также для Жуковского был

⁷⁸⁰ Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 545.

⁷⁸¹ Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа о Эдипе ... С. 92.

⁷⁸² Эта статья входит в состав «Прибавлений в всеобщей истории изящных искусств Зульцера» – «Charaktere der vornehmsten Dichter aller Nationen; <...> Von einem Gesellschaft von Gelehrten. Bde 1–8. Leipzig, Dyk, 1792—1806. (Nachträge zu Sulzers allgemeine Theorie der schönen Künste) (см.: Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 2595. С. 356).

⁷⁸³ Пер. О. Б. Лебедевой цит. по: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 478—479.

⁷⁸⁴ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. М. : Лабиринт, 2002. С. 48.

важен образ дочери Эдипа – Антигоны, которая разделила тяготы добровольного изгнания отца, будучи рядом с ним до его смерти в Колоне. Затем Антигона вернулась в Фивы, где совершила подвиг самоотверженной любви – вопреки запрету нового царя Фив, она предала погребению тело убитого брата Полиника, за что её приговорили к смерти. Жуковский составляет новый план, объединяющий три трагедии Софокла – «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона»⁷⁸⁵. Этот план позволяет говорить о живом прочтении классики и об экспериментальном характере замысла русского поэта. Установка на эксперимент не раз проявлялась в творчестве Жуковского. Напомним здесь новаторство Жуковского по отношению к гомеровскому эпосу в 1828 году – «Отрывки из *Илиады*», в 1840-е годы – желание издать «очищенную» «Одиссею» для юношества и замысел «Повести о войне Троянской», объединяющей сюжеты античного эпоса и драмы.

Таким образом, мифологический сюжет в переводе фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» переосмыслен Жуковским с свете христианской этики и аксиологии. Поэт несколько меняет акценты в речи главного героя, подчеркивает смирение Эдипа, скромность. Нравственный пафос трагедий Софокла, который Жуковский отметил для себя еще в начале творческого пути при чтении статьи «Софокл» немецкого филолога Христиана-Фридриха Вильгельма Якобса (1764–1847), оказывается близок этическому кодексу «Одиссеи», над переводом которой Жуковский трудился с 1842 по 1849 годы, а также осмыслению мифологических сюжетов в балладах и переводах фрагментов из античного эпоса.

⁷⁸⁵ «Жертва
Тиресий-слепец
Эдип. Иокаста
Коринфский посол
Пастух
Хор
Вестник
Эдип и Креонт
Эдип и Антигона
Жители Колона
Тесей
Креонт
Полиник
Тесей
Вестник
Антигона
Вестник и Антигона
Антигона и Исмена
Эмон
Вестник
Креонт и Антигона
Креонт и Эмон
Тиресий

Антигона» (Цит. по: Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского 1805—1811 гг. ... С. 552—553).

ГЛАВА 4. ПОЭМА ГОМЕРА «ОДИССЕЯ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Перевод «Одиссеи» Гомера венчает творчество Жуковского и является вершиной освоения русским поэтом классического наследия. Над переводом «Одиссеи» Жуковский трудился с 1842 по 1849 годы. Первые двенадцать песен поэмы Жуковский переводил три года с января 1842 до конца 1844 года. К переводу второй половины «Одиссеи» поэт приступил после трехлетнего перерыва и выполнил его «с поразительной быстротой»⁷⁸⁶ – с октября 1848 по апрель 1849 года. Объяснить длительность работы Жуковского над первой половиной «Одиссеи» можно тем, что в 1842 году поэт поставил перед собой новую задачу – не только выполнить поэтический перевод греческого подлинника, но и соблюсти при этом лексическую точность. Хотя, как известно, Жуковский «отнюдь не старался добиться лексического буквализма, полагая, что важна целостность поэмы, ее стилистическое единство»⁷⁸⁷. Эту задачу Жуковский решил, приступая к переводу второй половины «Одиссеи», о чем писал в письме к Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 года: «Вторая половина кажется мне свежее первой: я врезался в свойство гомеровских стихов (и этим обязан я Пушкину, то есть его критике на некоторые стихи мои в первых опытах подражания Гомеру)»⁷⁸⁸.

Жуковский переводил «Одиссею» по немецкому подстрочнику, который сделал для него в Дюссельдорфе эллинист Карл Грасгоф. В письме к графу С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 года русский поэт поделился с антиковедом, министром народного просвещения секретами своего перевода древнего памятника: «Мне помогла немецкая совестливая, трудолюбивая ученость. В Дюссельдорфе я нашел профессора Грасгофа, великого эллиниста, который в особенности занимается объяснением Гомера. Он взял на себя помочь моему невежеству. Собственноручно, весьма четко он переписал мне в оригинале всю «Одиссею»; под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким – грамматический смысл оригинального»⁷⁸⁹.

Кроме подстрочного немецкого перевода профессора Грасгофа, Жуковский также располагал многими переводами-посредниками⁷⁹⁰, в частности немецким переводом

⁷⁸⁶ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 324.

⁷⁸⁷ Тахо-Годи А. А. Об эстетической пользе души или «Одиссея» в переводе Жуковского // Музы у зеркала : античные мотивы в русской литературе / отв. Ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Новый хронограф, 2015. С. 351.

⁷⁸⁸ Письмо Жуковского к Вяземскому цит. по: Литературное наследство. М. : Наука, 1952. Т. 58. С. 111. В чем состояла критика Пушкина, Жуковский не раскрывает, но можно предположить, что она касалась лексического уровня перевода.

⁷⁸⁹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 658—659.

⁷⁹⁰ В 1842 году Жуковский писал великому князю Константину о том, что из подстрочного перевода Грасгофа: «... выходит немецкая галиматья; но эта галиматья дает мне порядок слов оригинала и его буквальный смысл,

И. Г. Фосса⁷⁹¹, французскими переводами Анны Дасье⁷⁹² и Поля Битобе⁷⁹³, а также русскими – П. Соколова⁷⁹⁴ и И. И. Мартынова⁷⁹⁵.

По объему перевод «Одиссеи» – 12110 гекзаметрических стихов – превосходит прежние переводы Жуковского из античного эпоса: «Цейкс и Гальциона» (из «Метаморфоз» Овидия, 1819 год) – 328 стихов, «Разрушение Трои» (из «Энеиды» Вергилия, 1822 год) – 794 стиха, «Отрывки из Илиады» (1828 год) – 600 стихов.

В отличие от перечисленных выше переводов Жуковского, испытавших на себе влияние «зазубренного спондеями» гекзаметра Н. И. Гнедича, стих «Одиссеи» более гладок. Приведем для иллюстрации первые 11 строк из второй песни поэмы на греческом языке и в переводе Жуковского:

1. Ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος Ἥως,
2. ὄρνυτ' ἄρ' ἐξ εὐνήφιν Ὀδυσσεύος φίλος υἱός
3. εἶματα ἑσάμενος, περὶ δὲ ξίφος ὄξυθ' ἔτ' ὤμω,
4. ποσσὶ δ' ὑπὸ λιπαροῖσιν ἐδήσατο καλὰ πέλδια,
5. βῆ δ' ἴμεν ἐκ θαλάμοιο θεῶν ἐναλίγκος ἄντην.
6. αἶψα δὲ κηρύκεσσι λιγυφθόγγοισι κέλευσεν
7. κηρύσσειν ἀγορήνδε κάρη κομόωντας Ἀχαιοὺς.
8. οἳ μὲν ἐκήρυσσον, τοὶ δ' ἠγείροντο μάλ' ὤκα.
9. αὐτὰρ ἐπεὶ ῥ' ἠγερθεν ὀμηγερέες τε γέροντο,
10. βῆ ῥ' ἴμεω εἰς ἀγορήν, παλάμη δ' ἔχε χάλκεον ἔγχος,
11. οὐκ οἶος, ἅμα τῶ γε δύω κύωες ἀργοὶ ἔποντο⁷⁹⁶.

поэтический же смысл даст мне немецкий перевод Фосса и несколько других переводом в прозе: один немецкий и два французский и еще один архиглупый русский (в прозе). Из всего этого я угадываю истинный смысл греческого оригинала и стараюсь в переводе своем наблюдать не только верность поэтическую – что главное, – но и верность буквальную, сохраняя по возможности и самый порядок слов...» (Жуковский В. А. Сочинения : в 6 т. Т. 6. С. 362).

⁷⁹¹ См.: Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 1315, 1318, 1319, 1321, 1322. С. 188—189.

⁷⁹² L'Odysse d'Homère. Suivie du Combat des rats et des grenouilles, des Hymnes, des Epigrammes et des Fragments. Traduits par Mme Dacier, MM. Trianon et E. Falconnet. Paris, Lefèvre et Charpentier, 1841. VI, 503 с. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... №. 1329. С. 189).

⁷⁹³ Перевод «Одиссеи», выполненный французским поэтом Битобе (Paul Jérémie Bitaubé, 1732–1808), находим в библиотеке А. С. Пушкина: Oeuvres complètes d'Homère traduites en français par Bitaubé, avec des remarques, une notice sur Homère, et des réflexions sur la traductions des poètes. V. I—IV. Paris, 1829 (См.: № 999 в каталоге Б. Л. Модзалевского. Библиотека А. С. Пушкина. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 252).

⁷⁹⁴ В библиотеке Жуковского имелось следующее издание: Одиссея, или странствования Улисса, героическое творение Гомера / [Пер. с греч. Петр Соколов]. Изд. 2-е, вновь исправл. Ч. 1—2. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, 1815. 1. [4], 176, [2] с. 2. [2], 188 с. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... № 86. С. 21).

⁷⁹⁵ Оморова Одиссея, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Ч. 1—4. СПб., тип. Деп. Народного просвещения, 1826—1828. 1. 1826. [4], XX, 333 с. 2. 1827. 327 с. 3. 1828. 312 с. 4. 1828. 278 с. (Библиотека В. А. Жуковского : описание ... №. 88. С. 22).

⁷⁹⁶ Текст приводится по изданию: Homeri Odyssea : [pars 1—2]. — Ed. 2. — Petropoli : apud A. S. Suvorinum, MDCCCLXXXVI. Pars. 1. p. 14.

1. -- | -UU | -UU | -UU | -UU | --
2. -UU | -- | -UU | -- | -UU | -U
3. -UU | -UU | -UU | -UU | -UU | --
4. -UU | -UU | -UU | -UU | -UU | -U
5. -UU | -UU | -UU | -UU | -UU | --
6. -UU | -- | -UU | -- | -UU | -U
7. -- | -UU | -UU | -UU | -UU | --
8. -UU | -- | -- | -- | -UU | -U
9. -UU | -- | -UU | -UU | -UU | -U
10. -UU | -UU | -UU | -UU | -UU | -U
11. -- | -UU | -UU | -UU | -UU | -U

В гекзаметре Гомера обыкновенно чередуются дактили со спондеями, однако дактили у Гомера преобладают – нередко попадаются стихи, состоящие из одних дактилей. Известно, что «слишком много дактилей делают ритм слишком подвижным, а слишком много спондеев – слишком медленным, тяжелым»⁷⁹⁷.

Перевод В. А. Жуковского:

1. Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
2. Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
3. Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
4. После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
5. Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
6. Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
7. Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
8. Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
9. Все собралися они и собрание сделалось полным,
10. С медным в руке он копьём перед сонмом народным явился –
11. Был не один, две лихие за ним прибежали собаки⁷⁹⁸.

Метрическая схема:

⁷⁹⁷ Греческая и римская метрика : для старших классов гимназий и для начинающих филологов : с приложением : об историческом ходе развития древней метрики / обработ. Лукианом Миллером.. СПб. : У Карла Риккера, 1880. С. 15.

⁷⁹⁸ Текст приводится по изданию: Гомер. Одиссея. М. : Белый город, 2004. С. 9. Далее текст «Одиссеи» в переводе Жуковского цитируется по этому изданию с указанием в скобках номера песни — римской, строки — арабскими цифрами.

1. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
2. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
3. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
4. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
5. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
6. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
7. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
8. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
9. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
10. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u
11. – u u | – u u | – u u | – u u | – u u | – u

В приведенном отрывке перевода Жуковского нет случаев замены дактиля на хорей, благодаря чему стих Жуковского легкий, «вальсирующий», подвижный. По нашим подсчетам, в гекзаметрическом переводе Жуковского встречается примерно один случай замены дактиля на хорей на каждые сто стихов текста.

«Анжамбеманное» течение фразы в переводе, так же как и в греческом тексте, способствует смысловому единению обширных фрагментов текста.

Переводу «Одиссеи» предшествуют переводы гекзаметром элегии «Сельское кладбище» Т. Грея (1839), повести «Ундины» Фр. Ламотт-Фуке (1832—1836), индийской повести «Наль и Дамаянти» – отрывка из древнеиндийского эпоса «Махабхарата» (1837—1843). Эти переводы способствовали выработке «сказочного», виртуозного гекзаметра Жуковского.

По сравнению с «Илиадой», героической эпопеей по своему содержанию, Одиссея знакомит читателей с домашней мирной жизнью героических времен. Несмотря на описание удивительных событий то на Олимпе, то в подземном царстве, то на суше, то на море, почти всегда повествование сосредоточивается на Одиссее, на его желании вернуться в лоно домашнего очага, увидеть верную жену, достойного сына, здоровых родителей, добрых друзей. А бесконечная вера героя в верховные божественные силы помогает ему претерпеть любые трудности на жизненном пути, проявить необыкновенную стойкость.

Приведем некоторые гомеровские сравнения как из мира природы, так и семейного быта, в переводе Жуковского, наполненные атмосферой любви к домашнему очагу, дружбы и верности, близкие русскому поэту, обретшему семейное счастье на склоне лет:

«Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,

Сияясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
 Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и, прижавшись
 Грудью к нему, злополучная стонет; враги же, нещадно
 Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
 Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
 Там от печали и плача ланиты ее увядают.
 Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы».

(VIII, 523—531)

«Шагом поспешным пришел к кораблю на песчаное взморье,
 Близ корабля я на берегу нашел всех товарищей верных,
 Стонущих громко, из глаз избыточные слезы лиющих.
 Как запертые в закутах телята, увидя идущих
 С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговой,
 Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
 Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
 Так побежали толпою, увидя меня издалека,
 Спутники все мне навстречу».

(X, 407—415)

«Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
 Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
 Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
 Тащится тяжелой стопою домой он готовить свой ужин.
 Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
 Дня».

(XI, 31—36)

«Телемак в несказанном волнении

Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
 В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
 Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
 Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
 Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
 Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
 Громко...»

(XVI, 213—220)

«... как рычит, оценившись,
 Злобная сука, щенок своих защищая, когда их
 Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
 Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало».

(XX, 13—16)

«Одиссея» обращает на себя внимание более выдержанной структурой по сравнению с «Илиадой», а также привлекает внимание развитыми религиозными и нравственными понятиями своих героев, что дало основания исследователям разделить эти поэмы большим промежутком времени и считать «Одиссею» значительно моложе «Илиады»⁷⁹⁹, и даже приписывать авторство «Одиссеи» одному из талантливых последователей Гомера⁸⁰⁰. О поэмах Гомера написаны тысячи книг и статей, и это число продолжает расти и в наше время. Ученые обнаруживают всё новые и новые сведения о Гомере⁸⁰¹ и гомеровском обществе, по-новому оценивают и вглядываются в поэзию Гомера. Однако, несмотря на различие двух поэм, обе они, по мнению ученых, возникли из древнейших сказаний о Троянской войне, которые делились на два цикла. Первый цикл включал в себя сказания о событиях Троянской войны, второй цикл – сказания о возвращении героев из-под Трои. На основе этих сказаний были созданы две эпопеи – «Илиада» и «Одиссея». Народные истоки гомеровских поэм обусловили их стилистическое сходство – обилие так называемых эпических «формул» – постоянных эпитетов и повторяющихся выражений, развернутых сравнений. Воссоздание эпических «формул» в русском переводе представляло для Жуковского серьезную задачу, при решении которой существенно помог опыт «Русской Илиады Гнедича».

Эпитетов в «Одиссее» очень много, более 5 тысяч, мы остановимся лишь на некоторых группах – эпитетах героев, богов, моря и корабля. Центральным героем повествования

⁷⁹⁹ Радецкий С. Введение Гомер. Одиссея [Текст] : песнь 2 : с введением, примечаниями и 12 рисунками : [ч. 1—2] / объяснил С. Радецкий, преподаватель Лазарев. ин-та вост. яз. и Моск. 4-ой гимназии. Царское село: В тип. В. Безобразова и Комп., 1891. — Ч. 1. С. 14.

⁸⁰⁰ О так называемом «гомеровском вопросе» см. подробнее: Борухович В. Г. История древнегреческой литературы: [учеб. пособие для ун-тов]. 2-е изд., испр. и доп. . Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1982. С. 62—81; История греческой литературы : в 3 т. / под ред. С. И. Соболевского и др. М.; Л. : Изд. и 1-я тип. Изд-ва АН СССР в Лг., 1949. Т. 1. С. 73—152; Лосев А. Ф. Гомер. М. : Молодая гвардия, 1996. С. 40—60; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. С. 32—72; Тронский И. М. История античной литературы / изд 4-е, испр. и доп. М. : Высшая школа, 1983. С. 34—61; Дилите Д. Античная литература. М. : Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2003. С. 46—68; Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. С. 9—158; Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. Л. : Наука, 1990. С. 395—416; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М. : Восточная литература, 1996. С. 3—41.

⁸⁰¹ Большинство исследователей сходятся на том, что «Гомер жил в VIII веке до н.э. в Ионии – на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов» (Маркиш С. Путь к Гомеру // Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского ; вступит. ст. С. Маркиша ; примеч. С. Ошерова. М. : Эксмо, 2013. С. 11.

является, несомненно, Одиссеей, излюбленный герой греческого народа, в котором соединились истинно греческие, как высокие, так и низкие, качества характера: гибкий ум и хитрость, смелость и лукавство, находчивость, терпеливость, мужество и отвага, качества, которые помогли Одиссею выйти из всех затруднительных обстоятельств. Эпитеты у Гомера, которые характеризуют ум и душевные качества Одиссея в переводе Жуковского:

ἀλιτρός (ε 182) – «хитрец» (V, 182);

ἀγχινοός (ν 332) (ἄγχι – близко, νόος – ум, разум, мысль) – «понятлив» (XIII, 332);

ἀμύμων (β 225) (ἀ – не, μῶμος – *насмешка, порицание, срам, позор*) – «беспорочный» (II, 225);

δαΐφρων (α 48, χ 202) (δαΐς – *война, битва*, φρήν – *душа, сердце, ум*) – «хитроумный» (I, 48);

ἐχέφρων (ν 332) (ἔχω имею, φρήν ум) – «смел в исполнении» (XIII, 332);

πολύμητις (η 207, σ 312, τ 585, β 173) (πολύ – *очень, весьма*, μῆτις – *мудрость, разум*) – «хитроумный» (VII, 207), «хитромысленный» (XVIII, 312), «многохитростный» (XIX, 585), «многоумный» (II, 173). Эпитет πολύμητις был дан Одиссею еще в «Илиаде». Н. И. Гнедич предложил такие варианты перевода этого эпитета: «многоумный» (II, I, 311), «хитроумный» (II, X, 488), «благородный» (II, I, 440). Опора на опыт Гнедича чувствуется у Жуковского при переводе этого постоянного эпитета.

πολυμήχανος (α 205, ε 203) – (πολύ – *очень, весьма*, μηχανή – *вымысел, хитрость*) – «на вымыслы хитроумен» (I, 201), «многохитростный» (V, 203);

πολύτροπος (κ 330, α 1) – (собств. *многоизворотливый*, πολύ – *очень, весьма*, τροπός – *поворот*) «многохитростный» (X, 330), «многоопытный» (I, 1);

πολύφρων (α 83) – (πολύ – *очень, весьма*, φρήν – *душа, сердце, ум*) «хитроумный» (I, 81).

Эпитеты Одиссея у Гомера, выражающие сострадание к герою:

δειλός (λ 618) – «злополучный» (XI, 618);

δὴν οἰχομένοιος (ο 270) – (δὴν – *долго*, οἰχόμενος – *ушедший*) «долго отсутствующий» (XV, 270);

δύσμορος (ω 290) – (δυσ – *несчастно, трудно*, μόρος – *судьба, жребий*) «злополучный» (XXIV, 290);

δύστηνος (ζ 206) – «злополучный» (VI, 206);

κάμμορος (ε 160) – (κακός – *плохой, худой, злой*, μόρος – *судьба, жребий*) «злополучный» (V, 160);

οἴζυρώτατος (ε 105) – (превосходная степень от οἴζυρός – *несчастный, жалкий*) «злополучнейший самый» (V, 105);

πολύτλας (ε 171, π 225, ω 537, ζ 249, η 177) – (πολύ – *очень, весьма*, ἔτλην – *терпеть, выносить*) «постоянный в бедах» (V, 171), «в испытаниях твердый» (XVI, 258), «непреклонный в напастях» (XXIV, 537), «твердый в бедах» (VI, 250), «многославный страдалец» (VII, 177);

ταλασίφρων (δ 269, δ 241) – (τάλας – *терпящий, страждущий*, φρήν – *душа, сердце, ум*) «твердый в бедствиях муж» (IV, 270), «непреклонный в бедах» (IV, 241).

Эпитеты, подчеркивающие величие Одиссея в переводе Жуковского:

ἀντίθεος (α 21) (ἀντί – *подобно*, Θεός – *Бог*) – «богоподобный» (I, 21);

διογενής (ε 203, λ 60, θ 3) – (*происходящий от Зевса*, Διός – *Зевс*, γίγνομαι – *рождаться*) «благородный» (V, 203), «многославный» (XI, 60); «божественный муж» (VIII, 3);

διός (θ 494, ν 56, ε 354, ν 56) – (собств. *божественный*) «хитроумный» (VIII, 494), «хитромысленный» (XIII, 56), «богоравный» (V, 354), «хитромысленный» (XIII, 56);

θεῖος (π 53, α 64, от Θεός *Бог*) – «божественный» (XVI, 53), «бессмертным подобный муж» (I, 64);

μεγαλήτωρ (ε 81) – «могучий» (V, 81);

πτολιπόρθης (ξ 447, θ 3) – (*разрушитель городов*, πόλις – *город*, πέρθω – *разрушать, опустошать*) «градоразрушитель» (XIV, 448), «городов сокрушитель» (VIII, 3).

Приведем эпитеты героев, участников Троянской войны, при переводе которых Жуковский следует за Н. И. Гнедичем:

Эпитет Агамемнона в «Одиссее» в переводе Жуковского ποιμένι λαῶν (γ 156) – «пастырь многих народов» (III, 156) созвучен переводу Н. И. Гнедича в «Илиаде»: «владыка народов» (II, II, 85) – (ποιμήν λαῶν, B 85) и «пастырь мужей» (II, II, 402) – (ἄναξ ἀνδρῶν, B 402). Эпитет εὐρύκρειων (γ 248) – Жуковский вслед за Н. И. Гнедичем переводит «пространнодержавный» (III, 248).

Однако, чтобы избежать дословного совпадения с текстом «Илиады», Жуковский варьирует перевод Гнедича гомеровской «формулы», почтительного обращения к Агамемнону: «Ἄτρεΐδη κύδιστε, ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγάμεμνον». В переводе Гнедича: «Царь знаменитый Атрид,

повелитель мужей Агамемнон» (II, II, 434). У Жуковского: «Сын Атреев, владыка мужей, государь Агамемнон» (XI, 397).

Менелай называется в «Одиссее» Ἀτρεΐδῃ Μενέλαε διοτρεφής, ὄρχαμε λαῶν (δ, 156), что в переводе Жуковского обозначает «многославный Атрид богоизбранный пастырь народов» (IV, 156). Русский поэт также предлагает варианты перевода этой формулы, в частности слово διοτρεφής (δ, 26) Жуковский переводит как «питодец Зевеса» (IV, 26) и словосочетание ὄρχαμε λαῶν (ο 167) – «повелитель людей» (XV, 167). Перевод Жуковского в некоторой степени соотносится с переводом этой гомеровской формулы у Гнедича: «Зевсов питодец Атрид, повелитель мужей» (II, XVII, 12).

ἀντίθεος (θ 518) – (ἀντί – *подобно*, Θεός – *Бог*) «божественно-грозный в бою» (VIII, 518);

βοήν ἀγαθός (ο 14) – (βοή – *боевой крик*, ἀγαθός – *хороший, храбрый*) «вызыватель в сраженье» (XV, 14), более точный перевод в отличие от общего понятия в переводе Гнедича: «знаменитый воитель» (II, II, 563).

Эпитет, касающийся внешности героя – ξανθός (α 281) – в переводе Жуковского звучит как «златовласый» (I, 281). В переводе этого эпитета Жуковский отходит от Гнедича. В переводе Гнедича ξανθός – «светловласый» (II, III, 284).

δοῦρικλειτός (ο 52) – (δόρυ – *древко копья, копье*, κλυτός – *славный*) «метатель славный копья» (XV, 51—52);

κυδάλιμος (δ 16) – (κῦδος *слава, честь*) «великий славой» (IV, 16).

Эпитеты Ахиллеса Жуковский переводит так:

Ἀχιλεῦ, Πηλέος υἱέ, μέγα φέρτατ' Ἀχαιῶν (λ 478) – «сын Пелеев, меж всеми данаям первый» (XI, 478);

ἴσα θεοῖσιν (λ 484, ἴσος *равный*, Θεός *Бог*) – «богоравный» (XI, 486);

ποδώκεως Αἰακίδαο (λ, 471) – (πούς – *нога*, ὠκύς – *скорый, быстрый*) «быстроногий внук Эака» (XI, 471). Эпитет «быстроногий» для характеристики Ахиллеса был предложен Гнедичем в «Илиаде» при переводе синонимичных эпитетов – «πόδας ὠκύς» А 58, «ποδάρκης» А 121.

Эпитеты Нестора у Гомера в переводе Жуковского – δῖος (α 280) – «божественный» (I, 280), ἵππόδαμος (γ 17) (от ἵππος *конь* и δαμάω *укрощать, обездживать*) – «коней обуздатель» (III, 17), ποιμήν λαῶν (ο 151, ρ 109) – «пестун многих народов» (XV, 151), «пастырь людей многославный» (XVII, 109), σκῆπτρον ἔχων (γ 412) – «скиптроносный» (III, 411), οὖρος Ἀχαιῶν (γ 411) – «пестун ахейян» (III, 412), ποιμένα λαῶν (γ 469) – «пастырь многих народов»

(III, 469), ὁ γέρον (γ 226, δ 191) – «старец» (III, 226), «отец престарелый» (IV, 191), ἀνήρ ... παλαιά τε πολλά τε εἰδώς, Νέστωρ, οὗ καὶ ἀρίστη φαίνεται βουλή (ω 51—52) – «многознающий старец, всегда подававший советы разумные» (XIV, 51—52), εὖ φρονέων (ω 53) – «полный мыслей благих» (XIV, 52—53). Жуковский переводит эпитеты Нестора не всегда буквально, например Γερήνιος ἵπποτα Νέστωρ (γ, 68) (буквально «Геренейский всадник Нестор») – «герой геренейский» (III, 68). Этот же эпитет, встречающийся в «Илиаде», Гнедич переводит более точно: «конник геренский», (II, II, 433). Также стих «Одиссеи» «ὦ Νέστωρ Νηληιάδη, μέγα κῦδος Ἀχαιῶν» (γ 79), который повторяет строку «Илиады» (К 87) – Жуковский варьирует («сын Нелеев, о Нестор, великая слава Ахеев» (III, 79), видимо, опасаясь дословного совпадения с Гнедичем («Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев» II, X, 87).

Эпитет Диомеда ἵππόδαμος (γ 181) (от ἵππος – лошадь, конь и δαμάζω – укрощать, приучать к ярму, обзавивать) Жуковский переводит неологизмом «коней обуздатель» (III, 181), избегая тем самым совпадения с переводом Гнедича – «укротитель коней» (II, V, 781).

Ахейцы – Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων (α 286) (от χαλκός *медь* и χιτών *хитон, панцирь*) – в переводе Жуковского, как и у Гнедича (II, IV 285), «меднолатные» (I, 282).

Эпитет Афины γλαυκῶπις (α 44) (от γλαυκός *сверкающий, блестящий, светлый*, ὤψ *взгляд, вид, лицо*) Жуковский переводит вслед за Гнедичем – «светлоокая» (I, 44).

εὐπλόκαμος (η 41) – (дословно: *с прекрасными кудрями, εὔς хороший, πλόκαμος локон, кудри*) «светлокудрявая» (VII, 41);

ἀγελεΐη (ν 359) – (дословно: *уводящая добычу, добычица, от ἄγω вести, уводить, λεία добыча*) «броненосная» (XIII, 359), в отличие от Гнедича, который переводит этот эпитет так: «богиня победы» (II, V, 765), «добычелюбивая» (II, VI, 279).

Эпитеты Посидона (Посейдона)⁸⁰² в переводе Жуковского:

ἄναξ (γ 43) – «владыка» (III, 43);

γαίφοχος (α 68, θ 322, γ 55) – (γαῖα *земля, ἔχω имею, владею*) «обволнитель земли» (I, 67), «земледержец» (VIII, 322), «царь» (III, 55). Среди вариантов перевода этого эпитета один – «земледержец» – был подсказан Жуковскому «Илиадой» в переводе Гнедича (II, XIII, 43).

⁸⁰² О передаче Жуковским греческих имен и названий по византийской традиции см. подробнее в статье В. Н. Ярхо в издании «Одиссеи» (2000), стр. 353—354.

ἐνοσίχθων (α 74, ε 366) – (ἔνοσις *движение, потрясение*, χτῶν *земля*) «колебатель земли» (I, 72), «потрясающий землю» (V, 366). Неологизм «колебатель земли» при переводе ἐνοσίχθων встречается в тексте «Русской Илиаде Гнедича» (II, XX, 318).

κρείων (ε 375) – (дословно: *царь, повелитель*) «могучий» (V, 375);

κυανοχαίτης (γ 6) – (κυάνεος *темносиний*, χαίτη *длинные волосы*) «лазурнокудрявый» (III, 6).

При переводе эпитета Аполлона ἀργυρότοξος (η 64) (ἀργύρεος *серебряный*, τόξον *лук*) «сребролукий» (VII, 64) Жуковский использует перевод Н. И. Гнедича «сребролукий» (I, 37). В передаче эпитетов ἐκάεργος (θ 323) (ἐκάς *далеко*, ἐργάζομαι *действовать*) – «издалека разящий стрелами» (VIII, 323), ἐκατηβόλος (θ 339) (ἐκάς *далеко*, βάλλω *бросать, кидать стрелу или копье*) «стреловержец» (VIII, 339), κλυτότοξος (φ 267) (κλυτός *славный*, τόξον *лук*) – «лука сгибатель» (XXI, 267) Жуковский отходит от найденных Гнедичем эквивалентов: ἐκάεργος – «дальновержец» (V, 439), ἐκατηβόλος – «далеко разящий» (V, 444).

Один из постоянно повторяющихся стихов у Гомера – Ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος Ἦώς – Жуковский переводит: «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос» (III 491). Жуковский предлагает варианты перевода прилагательного ῥοδοδάκτυλος – «с перстами пурпурными» (IX, 152), «с перстами багряными» (IV, 431), «светоносная» (V, 121), Этот стих обозначает начало нового дня и дважды встречается в «Илиаде» (Α 477, Ω 788). Гнедич перевел его так:

«Но лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра» (II, I, 477);

«Рано, едва розоперстая вестница утра явилась» (II, XXIV, 788).

Критик А. Н. Егунов в монографии «Гомер в русских переводах» указывает на неточность Жуковского в передаче этого стиха, совсем не обращая внимания на его поэтичность и живость: «У Жуковского “Эос с перстами пурпурными” (II, 1) в других местах – “с багряными” (IV, 431), а надо: “С розовыми перстами”»⁸⁰³. Возможно, что при выборе русского эквивалента Жуковский учитывал античные комментарии И. И. Мартынова к прозаическому переводу «Илиады», где об этом стихе русский переводчик пишет: «Привыкшим зарю называть багряною или пурпурною, может быть, покажется мое прилагательное “шафранноризый” смелым, но я основываюсь не на одном своем заключении. Эвстафий говорит, что заря называется “κροκορρολος” тогда, когда в ней остается еще несколько ночной теплоты, и от солнечных лучей видится в ней златоцветная шафранная краска. Таковая заря называется, –

⁸⁰³ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 344.

говорит он, – первую, за коею последует заря, яснее первой, называемая “rhododaktylos”, “розоперстою”, которая вполне освещает и как розовым цветом багровеет. Вот эту зарю можно называть “багряноризою” или “пурпурноризою”, а “krokoreplos” приличнее перевести “златоризою”»⁸⁰⁴.

Из других эпитетов богини Ἥως, встречающихся у Гомера в переводе Жуковского следует отметить: εὐθρονος «светлотронная» (XV, 496), «златотронная» (VI, 48); χρυσόθρονος «златопрестольная» (XIV, 502), «златотронная» (X, 541), «златовласая» (XX, 91); εὐπλόκαμος «лучезарнокудрявая» (V, 390), «светлозарнокудрявая» (IX, 76); φαινή «лучезарная» (IV, 188); ἠριγένεια «в раннем тумане рожденная» (IV, 195); δία «божественная» (IX, 306).

Самостоятельность Жуковского в передаче гомеровских формул проявляется также в переводе часто повторяющегося стиха: ἔπεα πτερόεντα προσηύδα (α 122) – «бросил крылатое слово» (I, 120). В греческом языке глагол προσηύδα – 3 л. ед. ч. impf. глагола προσ-αυδάω τινά *обращаться к кому-нибудь* (αὐτῷ *кричать*). При переводе этого стиха Жуковский снова расходится с Гнедичем, который предложил несколько вариантов перевода ἔπεα πτερόεντα προσηύδα:

- устремил он крылатые речи (II. I, 201);
- крылатые речи вещает (II. II, 7);
- говорили крылатые речи (II. III, 155);
- произнес крылатые речи (II. X, 163);
- вещал к ним крылатое слово (II. XVII, 707);
- крылатую речь обратил (II. XIX, 341);
- измолвил крылатое слово (II. XII, 365);
- устремил крылатое слово (II. XX, 292).

Ни одна из этих фраз Гнедича не совпадает с живым выражением Жуковского, которое приобрело «вполне самостоятельную поэтическую жизнь»⁸⁰⁵.

Среди переводов постоянных эпитетов Зевса в «Одиссее» мы находим как традиционный эпитет «громовержец», так и много новых слов, которые Жуковский изобрел, взглядываясь в подстрочный немецкий перевод греческого текста:

αἰγίοχος (γ 394, ω 164) (αἰγίς *эгида*, ἔχω *иметь, держать*) – «эгидодержавец» (III, 394), «эгидоносите́ль» (XXIV, 164);

⁸⁰⁴ Цит. по: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 288. Эвстафий, на которого ссылается И. И. Мартынов, – Евстафий, архиепископ Фессалоникийский (XII века), автор комментария к Гомеру.

⁸⁰⁵ Савельева О. М. В. А. Жуковский – поэт и переводчик Гомера // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе. М. : Новый хронограф, 2015. С. 347.

ἐρίγδυοπος (ο 112) (ἐρι *сильно*, γδοῦπος *шум*) – «громоогненный» (XV, 112);

κελαινεφής (ν 147) (κελαινός *черный*, νέφος *облако*) – «чернооблачный» (XIII, 147);

νεφεληγερέτα (α 63) (νεφέλη *облако, туча*, ἀγείρω *собирать*) – «туч собиратель» (I, 62);

ξένιος (ι 271) «гостелюбец (IX, 271);

τερπικέραυνος (η 164, ρ 437, τ 365) (τέρπω *радоваться*, κεραυνός *гром, громовой удар*) – «громолюбец» (VII, 164), «веселящийся громом» (XVII, 437), «громоигратель» (XIX, 365);

ὑψιβρεμέτης (ε 3) (ὑψι *вверху*, βρέμω *шуметь, гудеть*) «в тучах гремящий» (V, 4).

Так, внимательно изучая гомеровские эпитеты, Жуковский изобретает часто новые слова, неологизмы, и тем самым обогащает словарь русского литературного языка. В письме 1848 года (апрель—май) к П. А. Ширинскому-Шихматову по поводу издания «Словаря церковно-славянского и русского языка» Жуковский писал: «Я с своей стороны желал бы заняться этой работой, ибо в ней много привлекательного; но едва ли у меня хватит на это досуга. Еще на мне лежит работа, которую желал бы кончить прежде, нежели смерть навсегда остановит всякую работу – окончание “Одиссеи”, которой двенадцать песней уже напечатаны. Но эта работа почти входит в составление Русского лексикона: слова творятся необходимостью и утверждаются счастливым их употреблением. Переводя Гомера, необходимо нужно изобретать или самые слова, или их новое соединение; это обогащает и самый язык»⁸⁰⁶.

Приведем еще некоторые сложные эпитеты (как прилагательные, так и существительные) богов и героев в переводе Жуковского:

«аргосоубийца» (I, 81), «сразитель Аргуса» (V, 75) – ἀργεϊφόντης (Эрмий) (α 84, ε, 75, от Ἄργος *Аргус*, πεφνεῖν *убить*);

«благомысленный» (XVIII, 125) – πεπνυμένος (Анфином) (σ 125 от πέπνυμαι – *быть одушевленным, разумным*);

«благородный» (XI, 461) – δῖος (Орест λ 461, собств.: *божественный*);

«богоподобный» (III, 307) – δῖος (Орест γ 306);

«волнователь народов» (XV, 244) – λαοσσόος (Амфиарай ο 244, λαός – *народ*, σεύω – *приводить в движение, волновать*);

«дароносец» (VIII, 322) – ἐριούνης (Эрмий θ 322, собств.: *весьма полезный, виновник полезного*, ἐρι – *весьма, сильно*, ὀνίνημι – *быть полезным, помогать*);

«длинноодеянная» (XII, 375) – τανύπεπλος (Лампетия μ 375, ταναός *длинный*, πέπλος *покрывало, платье*);

⁸⁰⁶ Цит. по: Айзикова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время ... С. 249.

«длиннопокрывная» (XV, 171) – τανύπεπλος (Елена о 171);

«златоискусник» (III, 425) – χρυσοχόος (Лаэркос γ 425, собственно: *мастер золотых дел*, χρυσός – *золото*, χέω – *лить*);

«златотронная» (V, 123) – χρυσόθρονος (Артемида ε 123, χρύσεος *золотой*, θρόνος *престол, трон*);

«знойно-блестящий» (XIX, 441) – φαέθων (Гелиос τ 441, собств.: *сияющий, блестящий*);

«кознодей» (X, 137) – ὀλοόφρων (Ээт κ 137, от ὀλοός – *гибельный*, φρήν – *душа, сердце, ум*);

«копьевержец» (XV, 544) – δουρικλυτός (Пирей ο 544, дословно: *славный в метании копья*, от δόρυ – *древко копья, копье* и κλέω – *славить, прославлять*); εὐμμελής (Писистрат γ 400, дословно: *имеющий хорошее копье*, εὖ – *хорошо*, μελία – *древко копья, копье*);

«многовластный» (VIII, 4) – ἡγεμών (Алкиной θ 4, собств.: *вождь, полководец, повелитель*);

«многосильный» (III, 448) – ὑπέρθυμος (Фрасемид γ 448, *весьма мужественный*, ὑπέρ – *сверх, выше, больше*, θυμός – *дух, мужество*);

«многославный» (VI, 299) – μεγαλήτωρ (Алкиной ζ 299, от μέγας – *большой, великий, сильный*);

«многославный художник» (VIII, 286) – κλυτοτέχνης (Гефест, θ 286, κλυτός *славный, знаменитый* и τέχνη *искусство*) и περικλυτός (Гефест θ 287, περί *кругом, очень* и κλυτός *славный, знаменитый*);

«многоумный» (VIII, 301) – πολύφρωνος (Гефест θ 297, πολύ *много* и φρήν *дух, сердце, ум*);

«остроокий» (I, 37) – ἔϋσκοπος (Эрмий α 38, от εὖ *хорошо*, σκοπέω *смотрю*);

«прекрасновенчанная» (VIII, 287) – εὐστέφανος (Киприда θ 288, от εὖς *хороший* и στέφανος *венок*);

«прекраснокудрявая» (V, 125; X, 220) – εὐπλόκαμος (Деметра ε 125, от εὖς *хороший* и πλόκαμος *локон, кудри*) и καλλιπλόκαμος (Цирцея κ 220, от καλός *прекрасный* и πλόκαμος *локон, кудри*);

«светлокудрявая» (VII, 246; XX, 81) – εὐπλόκαμος (Калипсо η 246, Артемида υ 80);

«сладкоречивая» (XII, 449) – αὐδήεσσα (Калипсо μ 449, от αὐδή *голос, речь*);

«стрелоносная» (VI, 102) – ἰοχέαιρα (Артемида ζ 102, от ἰός *стрела* и χέω *сыпать*);

«хитроковарная» (VII, 245) – δολόεσσα (Калипсо, η 245, от δόλος *хитрость, коварство*);

«хромоногий» (VIII, 357) – ἀμφιγυήεις (Гефест, θ 357, от ἀμφί *с обеих сторон* и γυίος *кривой*).

Пенелопа является важным лицом поэмы после своего супруга Одиссея. Добродетельная, чистая, верная своему долгу, мужу, пропавшему без вести, отсутствующему двадцать лет, нежно любящая сына, Пенелопа – один из самых симпатичных образов поэмы Гомера:

«τῶ οἱ κλέος οὐ ποτ' ὀλεῖται

ἧς ἀρετῆς, τεύξουσι δ' ἐπιχθονίοισιν ἀοιδῆν

ἀθάνατοι χάριεσσιν ἐχέφρονι Πηνελόπειᾳ» (ω 196—198).

«... и будет

Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится

Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе» (XXIV, 196—198).

Постоянные эпитеты Пенелопы характеризуют образ этой идеальной женщины:

ἄλοχος πολύδωρος, ἐχέφρων Πηνελόπεια (ω 294, от ἄλοχος – *супруга*, πολύδωρος – дословно: *получивший большое приданое*, πολύ – *много*, δῶρον – *дар, подарок*) – «дорогокупленная, верная жена Пенелопа» (XXIV, 294);

ἀμύμων (ν 42, от ἀ и μῶμος *позор*) – «без порока» (XIII, 43);

ἐχέφρων (δ 111, ἔχω – *имею*, держу, φρήν – *ум*) – «разумная» (IV, 111);

κούρη Ἰκαρίοιο (π 435, κόρη *дочь*) – «старца Икария дочь» (XVI, 435);

λίην γὰρ πινυτή (λ 445, λίην *слишком*, πινυτός *разумный*) – «слишком разумная» (XI, 445);

περίφρων (ψ 285, α 326, ε 216, ρ 562, λ 446, дословно: *весьма умная*, περι – *очень, весьма*, φρήν – *ум*) – «умная» (XXIII, 285), «многоумная» (I, 236), «разумная» (V, 216), «многоразумная» (XVII, 562), «благонравная» (XI, 446);

σὺν μεγάλῃ ἀρετῇ (ω 193, σύν *с*, μέγας *большой*, ἀρετή *доблесть, добродетель*) – «нравами чистая» (XXIV, 193);

εὖ μήδεα (λ 445, собств.: *у нее хорошие мысли*, εὖ *хорошо*, μήδεα *мысли*) – «слишком незлобна» (XI, 445);

φίλη μήτηρ (β 88, φίλη – *дорогая, любимая*, μήτηρ *мать*) – «хитроумная мать» (II, 88).

Телемак является истинным наследником Одиссея. Он сохраняет честь, достоинство в испытаниях и несчастьях. Его рассудительность вызывает удивление славных героев Нестора и Менелая. Телемак становится первым помощником своего отца, вернувшегося домой.

Постоянные эпитеты Телемака у Гомера в переводе Жуковского подчеркивают достоинства этого юноши:

θεοειδής (γ 343) (от Θεός – *Бог*, εἶδος – *вид, наружность*) – «благородный» (III, 343);

Ὀδυσσῆος φίλος υἱός (β 2, γ 398) – «возлюбленный сын Одиссеев» (II, 2), «разумный сын царя Одиссея» (III, 398);

παῖς τοῖος Απόλλωνός γε ἔκητι, Τηλέμαχος (τ 86) – «младой Телемак, Аполлонов питомец» (XIX, 86);

πεπνυμένος (β 129, π 262, γ 201) (собственно: *одушевленный*, т. е. *разумный*, от πνέω – *дышать, дуть*, πνεῦμα – *дух*) «рассудительный» (II, 129), «богоравный» (XVI, 262), «благородный» (III, 201);

φαίδιμος (π 308) (дословно: *светлый, блестящий, славный*) – «многославный» (XVI, 308).

Жуковский также добавляет при переводе свои эпитеты Телемака, навеянные ему эпитетами других героев, в том числе самого Одиссея: «богоподобный» (IV, 740), «подобный богам, Телемак благородный» (XV, 63), «любимец богов» (XVI, 438), «любезный богам» (XVII, 2), «многомудрый» (XX, 381).

Таким образом, Жуковский подходит к передаче постоянных эпитетов с некоторой степенью свободы, но эта свобода не выходит за рамки античного мифа и, что важно, греческого текста⁸⁰⁷. Переводчик старается вникнуть, вдуматься в гомеровское слово и донести до русского читателя звучание, окраску, мысль, суть греческого подлинника.

Жуковский использовал составные эпитеты для характеристики моря, корабля, оружия, и множества других явлений, всегда с опорой на гомеровскую традицию, учитывая свой прежний опыт перевода классических текстов и баллад на античную тему. Хотя Жуковскому не всегда удавалось перевести сложный греческий эпитет эквивалентным русским словом, но поэт пользовался всегда правилом так называемого «строгого вознаграждения», сказанным им еще в юности. Согласно этому правилу, переводчик «обязан, сколько возможно, представить нам если не те же самые красоты, то по крайней мере такое же количество красот»⁸⁰⁸. С. С. Аверинцев отмечал «крайнюю изысканность двусоставных эпитетов, вводимых и там, где в подлиннике не было ничего подобного, – «звонко-пространные сени», «пустынно-соленое море» и т. п. – это как раз ... поэтичность слова...»⁸⁰⁹. С. П. Шестаков, русский филолог-классик, византист

⁸⁰⁷ О взглядах современного литературоведения на переводы античных текстов см.: Шабага И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. № 2. С. 21—37.

⁸⁰⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 12. С. 314.

⁸⁰⁹ Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского ... С. 139.

конца XIX – начала XX века, справедливо заметил, что «эти эпитеты вычитаны у Гомера вдохновением Жуковского»⁸¹⁰.

Море в «Одиссее» – один из героев повествования, наравне с богами и смертными людьми. Во все времена море манило человека бесконечными просторами, возможностью узнать окружающий мир, «и эта тяга к познанию мира была сильнее страха перед бурями и неизвестными опасностями, подстерегающими мореплавателя»⁸¹¹. Красота составных эпитетов моря и корабля в переводе Жуковского многообразна, «изумительна»⁸¹². Жуковский вслед за Гомером «рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо»⁸¹³. У Жуковского «простые эпитеты часто уступают у него место двусоставным»⁸¹⁴. Приведем примеры двусоставных эпитетов моря и корабля.

Море:

«бесплодно-соленое» (V, 53) – ἀλὸς ἀτρογέτοιο (ε 53) (ἄλς *соль*, метонимически *море*, ἀτρογέτος *бесплодный*, т. е. где ничего не пожнешь, τρογᾶω *жаты*);

«беспредельно-пустынное» (V, 132) – οἶνοψ (ε 132) (*имеющий вид или цвет вина*, οἶνος *вино*);

«бесприютно-пустынное» (IV, 393) – δολιχὴν ὁδὸν ἀργαλέην τε (δ 393) (дословно: *долгий и трудный путь*, ὁδὸς *дорога, путь*, δολιχός *длинный, долгий*, ἀργαλέος *трудный, тяжелый*);

«виноцветное» (XIX, 172) – οἶνοψ (τ 172) (*имеющий вид или цвет вина*, οἶνος *вино*, ὄψις *вид, зрение*);

«глубокозеленое» (XXII, 385) – πολιός (χ 385) (*седой от пенящихся волн*);

«многоводное» (III, 158) – μεγακήτης (γ 158) (*с большим чревом*, μέγας *большой*, κῆτος *выпуклость, чрево*, т. е. *глубокое*);

«многоиспытное» (XII, 2) – εὐρύπορος (μ 2) (*с широкими путями*, εὐρύς *широкий*, πόρος *путь*);

«многорыбное» (X, 458) – ἰχθυόεις (κ 458) (*обильный рыбою*, ἰχθύς *рыба*);

«многошумное» (VI, 272; XIII, 85) – πολιός (ζ 272) (*седой от пенящихся волн*), (ν 85) – πολύφλοισβος (*весьма шумный*);

«пустынно-соленое» (I, 70) – ἄλς (α 72) (*соль*, метонимически *море*);

⁸¹⁰ Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. С. 12.

⁸¹¹ Нейхардт А. Предисловие // Гомер. Одиссея / пер. В. Жуковского. М. : Изд-во АСТ, 2003. С. 14.

⁸¹² Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 327.

⁸¹³ Маркиш С. Путь к Гомеру // Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского ; вступ. ст. С. Маркиша ; примеч. С. Ошерова. М. : Эксмо, 2013. С. 18.

⁸¹⁴ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 327.

«рыбообильное» (IV, 381) – ἰχθυόεις (δ 381) (*обильный рыбою, ἰχθύς рыба*);

«темно-лазурное» (XI, 107) – ἰοειδής (λ 107) (*фиолетового, фиалкового цвета, ἴον фиалка εἶδος вид*);

«темно-туманное» (III, 106) – ἠεροειδής (γ 105) (*туманный, тёмный, ἀήρ – воздух, туман, мрак, εἶδος вид*);

«темно-широкое» (XXIV, 118) – εὐρύς (ω 118) (*широкий*);

«широкошумящее» (IV, 510) – ἀπείρονα κυμαίνοντα (δ 510) (*ἀπείρων беспредельный, бесконечный, κυμαίνω волноваться*);

«широко-туманное» (V, 56) – ἰοειδής (ε 56) (*фиолетового, фиалкового цвета, ἴον фиалка εἶδος вид*);

«шумно-широкое» (IV, 354) – πολύκλυστος (δ 354) (*сильно волнующийся, πολύ – много, сильно, κλύζω – плескать, ударять, волноваться*);

Корабль:

«быстро бегущий» (XVI, 357) – παρερχομένην (π 357, *проходящий мимо, παρέρχομαι проходить мимо, пролетать мимо*);

«быстролетный» (XVI, 472) – θοός (π 472, *быстрый*);

«быстроходный» (I, 256) – θοός (α 260, *быстрый*);

«длинновесельный» (XIX, 339) – δολοχήρετμος (τ 339, т. е. *имеющий длинные весла, δολιχός длинный, ἔρετμός весло*);

«красногрудый» (IX, 125) – μιλτοπάρηος (ι 125, *собственно: со щеками, окрашенными суриком, краснощекий, краснобокий, μίλτος сурик, красный мел, παρειά щека*);

«крепкозданный» (VIII, 500) – εὖσελμος (θ 500, *с хорошей палубой, εὖ – хорошо, σέλμα – палуба*);

«крутобокий» (I, 207) – κοῖλος *вместительный* (α 211), γλαφυρός *выдолбленный, выпуклый* (γ 287);

«крутоносый» (XIX, 181) – κορωνίς (τ 181, *загнутый*);

«легкоходный» (IX, 65) – ἀμφιέλισσα (ι 64, *со всех сторон погоняемый веслами, с обеих сторон загнутый*);

«многовесельный» (III, 164) – ἀμφιέλισσα (γ 162, *со всех сторон погоняемый веслами, с обеих сторон загнутый*);

«мореходный» (XIV, 339) – ποντοπόρος (ξ 339, дословно: *мореходный, плавающий по морю, πόντος – море, πορεύω совершать путь*);

«островесельный» (XIV, 224) – ἐπήρετμος (ξ 224, дословно: *находящийся при веслах, ἐπί у, при, ἔρετμός весло*);

«остроносый» (XIV, 311)– κυανοπρόρειος (ξ 311, дословно: *с черным носом, κύανεος – темносиний, темный, черный, πρόρρα – нос корабля*);

«пурпурногрудый» (XXIII, 271) – φοινικοπάρηος (ψ 271, т. е. *с пурпуровыми или красными щеками или боками, φοινός – красный, περήϊον – щека*);

«скоротечный» (VII, 36) – ὠκεῖα (η 36, *скорый, быстрый*);

«темногрудый» (XIII, 425) – μέλαινα (ν 425, собственно: *черный*);

«темноносый» (III, 299) – κυανοπρόρειος (γ 299, *с черным носом, κύανεος – темносиний, темный, черный, πρόρρα – нос корабля*);

«чернобокий» (VIII, 34) – μέλαινα (θ 34, *черный*).

Жуковский изобретает неологизмы для характеристики корабля:

«обтекатель морей» (XII, 161), «облетатель моря» (XIV, 295) при переводе слова ποντοπόρος (*мореходный, плавающий по морю, от πόντος – море, πορεύω совершать путь*);

«оплыватель морей» (XV, 473) при переводе ὠκύαλος (*от ὠκύς скорый, быстрый, ἄλς море, солёная морская вода*).

А. Н. Егунов говорит о том, что эпитеты-существительные у Жуковского «не менее изысканы», чем двусоставные эпитеты-прилагательные. Так эпитеты сна в переводе Жуковского говорят о непревзойденном таланте поэта-переводчика: «Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий» (XXIII, 343). У Гомера: γλυκὺς ὕπνος λυσιμελῆς ἐπόρουσε, λύων μελεδήματα θυμοῦ (ψ 342—343, то есть: *сладкий сон усыпляющий напал, разрешающий заботы души, γλυκὺς сладкий; ὕπνος сон; λυσιμελῆς усыпляющий от λύω развязывать, ослаблять и τὰ μέλη члены; λύων развязывающий, освобождающий, разрешающий, ослабляющий; μελεδήμα забота; θυμός дух, душа, жизнь*).

Создавая новые слова и сложные эпитеты Жуковский не насаждал в русской речи нечто чуждое ей, но он обращался к глубинным стихиям русского языка, к его истории. Русский язык, как ни какой другой, оказался близок языку Гомера, так как русский язык, по природе своей, по происхождению своему, – язык эллинистический. М. В. Ломоносов в «Предисловии о пользе

книг церковных в российском языке» отмечал «в славенском языке греческое изобилие»⁸¹⁵. О. Мандельштам писал о русском языке: «Русский язык – язык эллинистический. По целому ряду исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив запад латинским влияниям и не надолго загощаясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения. Тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью»⁸¹⁶. С. С. Аверинцев в специальной статье «Славянское слово и традиция эллинизма» отмечал: «Красота целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово, – это очень греческая вещь; и она-то была принята к сердцу славянскими народами, и притом принята на века»⁸¹⁷. Составными эпитетами изобилуют тексты древней русской литературы, язык православного богослужения и церковных книг. Именно словообразовательную красоту русской речи, восходящую к греческому языку, думается, имел в виду А. С. Пушкин, когда приветствовал перевод «Илиады» Н. И. Гнедичем:

«Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой»⁸¹⁸.

Жуковский создает новые составные эпитеты, в том числе воскрешает свой прежний опыт, использует эпитеты, открытые им при переводе античного эпоса, драмы и баллад на античные сюжеты. Небольшое количество сложных слов было воспринято Жуковским из перевода Н. И. Гнедича, однако подавляющее большинство Жуковский изобретает сам, находя их в греческом тексте при чтении немецкого подстрочника и воссоздавая их в русском языке. Многие слова, изобретенные Жуковским вошли в словарь русского литературного языка. В письме к С. С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 года Жуковский писал о своей работе с немецким подстрочным переводом: «И вот в чем состоял, собственно, труд мой: мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиогномии оригинала»⁸¹⁹.

Жуковский был убежден, что «переводы обогащают язык»⁸²⁰, что перевод это ступень к познанию языка.

Обращение к истокам родного языка обусловило использование в переводе исконно русских слов и выражений.

⁸¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7 : Труды по филологии. 1739—1758. С. 587.

⁸¹⁶ Мандельштам О. О поэзии : сб. ст. Л. : Academia, 1928. С. 31.

⁸¹⁷ Аверинцев С. С. Славянское слово и традиция эллинизма ... С. 158.

⁸¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. Т. 3, кн. 1. С. 256.

⁸¹⁹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 659.

⁸²⁰ Жуковский В. А. О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 12. С. 311.

Хотя Жуковский был приверженцем «нового слога» Н. М. Карамзина и очень сдержанно относился к использованию славянизмов в своей поэтической речи, однако он признавал славянизмы как средство архаического стиля. Так, академик В. В. Виноградов, опираясь на материалы В. И. Резанова, писал о том, что Жуковский для некоторых своих произведений заготавливал словарный материал слов и выражений высокой славянской нормы⁸²¹. Черты высокого стиля проявили себя на разных языковых уровнях перевода «Одиссеи», что мы наблюдали и в других переводах Жуковского из античного эпоса, а также в «античных» балладах. Черты высокого стиля сообщаются переводу «Одиссеи» на уровне фонетики и морфологии (например, «брег», «глад», «град», «злато», «избраздивши», «младая», «праги домов» и т. д.), на уровне грамматики (падежные окончания: «вечерняя пищи», «жизнию», «от далекия Трои» и т. д., обращения: «отче Дий», «старче», «царю Менелаете» и т. д., усеченные формы прилагательных: «пурпурны», «отчужденны» и т. д.), и на уровне лексики («верви», «выя», «десница», «ланиты», «рамена», «перси», «паче», «шуйца» и т. д.)⁸²².

Жуковский вводит слова, характерные для русского патриархального быта («государыня», «князь», «тризна», «вено» и т. д.), христианские понятия («пастырь», «святотатство», «смирение», «теплая молитва»), реалии и обычаи русского народа («дворня», «кравчий», «круговые чаши», «оржаная мука», «палата», «постав», «пуховая постель», «садиться по чину», «сорочка», «спальники» и т. д.), так и слова просторечные («деревенщина грубая», «нашел бы управу», «моих кулаков отвеждать», «нашему брату», «не чета тебе», «ошалел», «побродяга», «поднял ты нос», «сволочь», «слабый, гнилой старикашка», «умничать вздумал», «шалевой» и т. д.), слова и выражения русской народной поэзии («браный стол», «ретивые кони», «погибель горькая», «студеная вода», обращение: «Свет наш, царица» (IV, 743), тогда как в оригинале: «νύμφα φίλη» – «милая дева!», δ 743). Таким образом, Жуковский считал возможным ввести в свой перевод живую устную разговорную речь. Этот опыт был знаком Жуковскому, например, по басенному языку И. А. Крылова, по живому языку произведений А. С. Пушкина. По наблюдению академика В. В. Виноградова, «широкий влив просторечия в литературу создавал условия для образования единого самобытного национально-литературного языка, доступного широким массам»⁸²³.

А. Н. Егунов выступил с критикой русификации «Одиссеи» Жуковским, считая язык перевода неподходящим для античного эпоса⁸²⁴. Все же думается, Жуковский не унизил

⁸²¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. : пособие для высших педагогических учебных заведений / изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1938. С. 192.

⁸²² См. подробнее: Савельева О. М. В. А. Жуковский – поэт и переводчик Гомера // Музы у зеркала ... С. 343.

⁸²³ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. ... С. 216.

⁸²⁴ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 326.

гомеровский текст. В его переводе «живые» слова, с помощью которых поэту удалось воссоздать Гомера в русской литературе. К этому стремился Жуковский.

Также исследователь А. Н. Егунов отметил как недочет дополнительные эпитеты, сообщающие повествованию элегический тон: «душа Телемак»; «золотое дитя»; «сердечный мой друг»; «наш милый, желанный»⁸²⁵. Ученый признает, что Жуковский «пересластил» перевод⁸²⁶. В. М. Жирмунский справедливо обратил внимание на то, что «Жуковский подвергает переводимое им... эмоциональной стилизации»⁸²⁷. Так, в первой песне, Жуковский ввел следующие эпитеты, отсутствующие в греческом тексте и придающие тексту эмоциональную окраску: «благосклонная» (Муза), «милая» (жена), «произвольная» (сила), «верные» (друзья), «светоносный» (бог), «пышная» (гекатомба), «тучные» (быки), «широкое» (море), «единая» (смерть), «богатые», «искусной работы» (кресла), «светлый» (напиток), «лакомая» (пища), «добрый мой» (гость), «бранные» (товарищи), «неизбежная» (судьба), «осмотрительный» (ум), «возлюбленный» (друг), «милый» (гость), «добрый» (отец), «глубокое» (внимание), «милая» (мать), «высокий» (дух), «знаменитые» (воины), «высокое» (вдохновение), «желанный» (возврат)⁸²⁸. Думается, что введение дополнительных слов в текст перевода было также вызвано большей вместимостью русского гекзаметра, по сравнению с греческим метрическим, и желанием русского поэта соблюсти эквилинеарность перевода.

В 1844 году в письме к И. В. Киреевскому Жуковский писал: «Я переводом доволен; он кажется мне простее всех существующих; верен, как проза, но поэтический, и поэтический по образу и подобию Гомера; язык же русский, а не греческий, как у немцев, и не такой, какой во всех переводах французских и у Попа»⁸²⁹.

Филолог-классик Н. В. Ярхо, сторонник точного перевода, в статье «В. А. Жуковский – переводчик “Одиссеи”» также выискивает «просчеты» в переводе Жуковского, однако признает, что «... лучшего перевода “Одиссеи”, чем выполненный Жуковским (при всех его просчетах), у нас до сих пор нет, и никто не знает, когда он появится»⁸³⁰.

В 2003 году вышло очередное издание «Одиссеи» в переводе Жуковского, в предисловии к которому современный исследователь пишет о непревзойденном значении классического

⁸²⁵ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков ... С. 326.

⁸²⁶ Там же. С. 326.

⁸²⁷ Жирмунский В. М. Гете в русской поэзии // Литературное наследство. 1932. № 3—4. Цит. по: Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского : в 2 т. М. : Радуга, 1985. Т. 2. С. 529.

⁸²⁸ См.: Голикевич Н. Т. Читаем Гомера : Одиссея : песнь первая : комментарий с переводом и словарем. М. : Высшая школа, 1996. 224 с.

⁸²⁹ Жуковский В. А. Соч. : в 6 т. Т.6. С. 59.

⁸³⁰ Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского ; изд. подгот. В. Н. Ярхо. М. : Наука, 2000. С. 346.

перевода Жуковского, несмотря на появившиеся позже варианты В. Вересаева и П. Шуйского⁸³¹.

Среди современников Жуковского был Н. В. Гоголь, который с восторгом оценил перевод «Одиссеи» еще до появления ее в печати. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал о художественном мастерстве Жуковского-переводчика: «“Одиссея” своей русской одеждой, в которую облек ее Жуковский, может подействовать значительно на очищение языка. Еще ни у кого из наших писателей, не только у Жуковского во всем, что ни писал он доселе, но даже у Пушкина и Крылова, которые несравненно точней его на слова и выражения, не достигала до такой полноты русская речь. Тут заключались все ее извороты и обороты во всех видоизмененьях. Бесконечно огромные периоды сжатые, краткие, которые у другого были бы черствы, обрублены, ожесточили бы речь, у него так братски улегаются друг возле друга, все переходы и встречи противоположностей совершаются в таком благозвучии, все так и сливается в одно, улетучивая тяжелый громозд всего целого, что, кажется, как бы пропал вовсе всякий слог и склад речи: их нет, как нет и самого переводчика. Наместо его стоит перед глазами, во всем величии, старец Гомер, и слышатся те величавые, вечные речи, которые не принадлежат устам какого-нибудь человека, но которых удел вечно раздаваться в мире»⁸³². Гоголь называл «Одиссею» не просто переводом, но «воссозданием, восстановленьем, воскресеньем Гомера»⁸³³. Помимо художественных достоинств перевода Н. В. Гоголь выделил также воспитательную значение поэмы для человеческой души.

В 1972 году вышла в свет статья В. Н. Ярхо с парадоксальным названием «Была ли у древних греков совесть?»⁸³⁴, в которой автор доказывает, что понятие «совести», как голоса Бога в душе человека, не существовало в античном мире. Также теологическую трактовку понятия «совесть» ученый считает неприемлемой для «филолога-атеиста»⁸³⁵. Понятию «совести» советский филолог-классик противопоставляет «стыд», который предполагает, в отличие от совести, внешнюю оценку поступка – похвалу или порицание общества. Хотя, осмелимся заметить, что резкое противопоставление «стыда» и «совести» в трактовке ученого очень смелое, так как обычно чувство вины перед Богом и людьми и чувство позора идут друг с другом рука об руку и отсутствуют обычно вместе, потому и говорят о человеке, что у него «ни стыда, ни совести». Как говорил богослов XX века протоиерей А. Мень: «И очень важно, что нет литературы духовной и не духовной, “светской”, а есть духовная и бездуховная, хорошая и

⁸³¹ Гринцер Н. П. Первые поэмы Европы // Гомер. Илиада. Одиссея. М. : Пушкинская библиотека ; АСТ, 2003. С. 16.

⁸³² Гоголь Н. В. Указ. соч. в. 7. С. 71—72.

⁸³³ Там же. С. 67.

⁸³⁴ Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? : к изображению человека в аттической трагедии // Античность и современность : к 80-летию Федора Александровича Петровского. М. : Наука, 1972. С. 251—263.

⁸³⁵ Там же. С. 252.

плохая. И истинно хорошая литература всегда может быть соотнесена с вечными проблемами»⁸³⁶.

Свт. Василий Великий (IV век н. э.) в специальном сочинении «Юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями»⁸³⁷ писал об «Одиссее» Гомера, как «стихотворении», где всё ведет к добродетели: «А слышал я у одного искусно изучившаго мысли стихотворца, что как все стихотворение Омирово есть похвала добродетели, и все у Омира, кроме придаточного, ведет к сей цели». Также святитель Василий Великий приводит некоторые сцены из «Одиссеи», как примеры добродетели: «... то место, где Омир представил, что вождь Кефалленян спасся нагим от кораблекрушения, и что сперва царица, когда надлежало бы ей застыдиться, увидев его нагим, при самом его появлении, ощутила к нему уважение; потому что стихотворец представил его вместо одежды украшенным добродетелию; потом и прочие Феакеане столько почли его достойным, что, оставив роскошь, в какой жили, стали все на него смотреть и ему подражать, и ни один Феакеанин ничего более не желал тогда, как соделаться Одиссеем, и притом спасшимся от кораблекрушения. В этом месте, как говорил истолкователь стихотворцевой мысли, Омир, едва не в слух всем вопия, говорит: “о добродетели должно стараться вам, люди: она и с претерпевшим кораблекрушение спасается от потопления, и на суше доведенного до наготы кажет более досточестным, нежели счастливых Феакеан”. Такова-то добродетель!» Говоря об избирательном отношении к античным сочинениям, что было близко также В. А. Жуковскому, святитель Василий приводит еще один пример добродетели из «Одиссеи»: «... когда доходит у них речь до людей злонравных, должно избегать подражания сему, так же затыкая уши, как Одиссей, по словам их, заградил слух от песней сирен. Ибо привычка к словам негодным служит некоторым путем и к делам. Посему со всяким охранением надобно оберегать душу, чтоб, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитыя вещества». Заканчивает же святитель свою работу заключением, что не надо «убегать от людей, которые рассуждают право».

К сходной точке зрения о высоком духовном значении гомеровских поэм приходит и современное литературоведение. Так и в новом издании 2013 года перевод «Илиады» и «Одиссеи» предваряет вводная статья переводчика и литературоведа XX века С. Маркиша «Путь к Гомеру»⁸³⁸. Автор этой статьи говорит о «вечной и непреходящей» ценности Гомера

⁸³⁶ Мень А. Два пути понимания христианства [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], 1999. URL: http://www.krotov.info/library/13_m/myen/00110.html. Яз. рус. (01.09.2016).

⁸³⁷ Василий Великий (архиепископ Кессарии Каппадокийской). Беседа 22. Юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], 2010. URL: <http://www.orthlib.ru/Basil/beseda22.html>. Яз. рус. (30.09.2016). Далее цитаты из сочинения свт. Василия Великого приводятся по этому источнику.

⁸³⁸ Маркиш С. Путь к Гомеру // Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского ; вступ. ст. С. Маркиша; примеч. С. Ошерова. М. : Эксмо, 2013. С. 7—26.

для всех последующих веков. С. Маркиш восхищается широтой взгляда на мир античного поэта, его «желанием понять разные точки зрения», его «добротой и человечностью», «призывом к доброте и осуждением жестокости»⁸³⁹.

В последние десятилетия в филологической науке проблемы перевода привлекают внимание исследователей⁸⁴⁰, многие из которых обращают внимание на работы культуролога и литературоведа Вальтера Беньямина. В. Беньямин в 1923 году написал работу, которая привлекла к себе внимание ученых филологов только во второй половине XX века – «Задача переводчика. Предисловие к переводу Парижских картин Бодлера»⁸⁴¹. В. Беньямин в своей работе ставит важные вопросы перевода. С одной стороны, ученый признает невозможность точного перевода, так как буквальный перевод отдельных слов никогда не передает полноту их смысла». В слове всегда остается нечто непередаваемое, непереводимое, глубинное. Также дословная передача синтаксиса оригинала затрудняет понимание переводимого текста и часто лишает его всякого смысла. В то же время В. Беньямин подчеркивает важность труда переводчика, так как перевод «расширяет и углубляет», «преображает» родной язык. В этой же работе В. Беньямин говорит о том, что перевод это не что-то «приземленно-механистическое», это не просто передача информации для людей, не знающих языка оригинала. Перевод есть нечто большее, необъяснимое, творческое воссоздание подлинника, дающее оригиналу новую жизнь в веках. Приведем некоторые цитаты из работы В. Беньямина:

⁸³⁹ Там же. С. 14.

⁸⁴⁰ См., напр.: Автономова Н. С. Познавание и перевод: опыты философии языка. М. : РОССПЭН, 2008. 702 с.; Библихин В. В. Слово и событие : писатель и литература. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 416 с.; Дубин Б. Перевод как стратегия литературной инновации // [Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 117—122](#); Дутли Р. Муха в янтаре : перевод как магический акт : заметки о поэтике перевода // Вопросы литературы. 2009. № 2. Март—апрель. С. 86—108; Литинская Е. П. Перевод фразеологии романа Ф. М. Достоевского "Бедные люди" на греческий язык // [Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 \(142\). С. 79—81](#) ; Литинская Е. П. Переводы В. А. Жуковского из римских авторов: христианские традиции в интерпретации женских образов // [Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2008. Вып. 8. С. 197—201](#); Махлин В. Л. Перевод и образование // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 118—168; Мильчина В. Слова свои и чужие. Ассимиляция «чужого» художественного текста : пятое чтения памяти Е. Г. Эткинда // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 419—440; Никонова Н. Е. Три "Узника" В. А. Жуковского : о стратегиях поэтического автоперевода / Н. Е. Никонова, П. А. Ковалев, Д. Е. Крупницкая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 138—153; Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. 2-е изд. М. : Наследие, 2001. 252 с.; Шайтанов И. Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема // Вопросы литературы. 2009. № 2. Март—апрель. С. 5—26; Шугаева Н. Ю. Передача семантики и прагматики говорящих имен Н. В. Гоголя при переводе на английский язык : [на материале произведений "Мертвые души" и "Ревизор"] / Н. Ю. Шугаева, Н. В. Кормилина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2015. № 1 (85). С. 63—72; Эмерсон К. «Переводимость» // Бахтинский сборник. М. : Языки славянской культуры, 2004. V. С. 186—192; Юрина Е. А. Межъязыковая образность в речевой деятельности переводчика : (на материале русского перевода турецкого романа О. Памука "Черная книга") / Е. А. Юрина, А. В. Боровкова, Г. Шенкал // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 61—71.

⁸⁴¹ Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / пер. с немецкого Е. Павлова [Электронный ресурс] // [Klinamen. Сетевой аналитический журнал. Раздел «Инфра_Философия». Электрон. дан. \[Россия\], 2009. URL: <http://dironweb.com/klinamen/fila10.html>. Яз. рус. \(01. 09. 2016\). Статья В. Беньямина цитируется нами по этому источнику.](#)

«Перевод рождается позже оригинала и, ввиду того, что значительные произведения никогда не находят избранных переводчиков в эпоху своего появления на свет, знаменует собой стадию продолжения их жизни».

«Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда произведение достигает периода славы. Вопреки утверждениям плохих переводчиков, такие переводы не находятся в услужении у произведения, а скорее обязаны ему своим существованием. Жизнь оригинала каждый раз достигает в них еще более полного расцвета».

«Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую языковую атмосферу».

«Настоящий перевод прозрачен, он не заслоняет собой оригинал, не закрывает ему свет, а наоборот, позволяет чистому языку, как бы усиленному его опосредованием, сообщать оригиналу свое сияние все более полно».

Взгляды В. Беньямина на задачу переводчика помогают нам глубже понять работу Жуковского и оценить его заслуги. Рассуждения В. Беньямина о переводе оказываются близки эстетике романтизма. Ученый писал о романтиках, что «они больше, чем кто бы то ни было обладали глубоким пониманием жизни произведений искусства, высочайшим свидетельством которой является перевод». И далее: «Несмотря на то, что теоретические труды романтиков почти не затрагивают перевод, их собственные великие переводы проникнуты ощущением сути и достоинства этой формы».

Таким образом, ученый XX века оказывается в своих рассуждениях близок романтическим взглядам Жуковского на перевод как претворение иноязычного подлинника в родном языке и дарование ему «вторичной» жизни в русской литературе.

Русский перевод «Одиссеи» эквиметричный, эквилинеарный. Жуковский стремился к буквальной точности в передаче важных элементов гомеровского стиля – лексико-метрических формул, постоянных эпитетов, сравнений. На перевод «Одиссеи» оказали влияние предыдущие опыты Жуковского в интерпретации античных сюжетов: переводы из античной лирики (перевод второй оды Сапфо и оды Горация «К Делию»), баллады о Троянской войне («Кассандра», «Ахилл», Торжество победителей»), баллады на сюжеты из греческой истории и мифологии («Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»), переводы фрагментов из античного эпоса («Цеикс и Гальциона», «Разрушение Трои», «Отрывки из “Илиады”») и драмы («Царь Эдип»). Творческие открытия Жуковского в «античных» балладах оказались близки осмыслению мифологического материала при переводе «Одиссеи» Гомера. Использование составных эпитетов, славянизмов, междометий, лексических

повторов, христианское осмысление античных тем и образов широко и многообразно воплотилось в переводе итоговой «Одиссеи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трудах ученых и литературных критиков XIX века, XX века и, можно с уверенностью сказать, XXI века, Жуковский по праву признается основоположником русского романтизма, поэтом, утвердившим это новое литературное направление в русской словесности. Однако, думается, при оценке творчества Жуковского в целом, и при оценке его «античных» баллад и переводов из античных авторов в частности необходимо иметь в виду их связь с источником, греко-римской античной словесностью, которая была образцом для европейской, а также русской словесной культуры.

Античность привлекала внимание Жуковского всю его жизнь. Уже в ранних записях 1800-х годов молодой поэт планирует чтение и переводы латинских и греческих авторов, а также чтение книг по истории и теории античной словесности. О значении античной культуры в становлении европейского искусства было известно Жуковскому из чтения и конспектирования им теоретических трактатов западноевропейских теоретиков, философов, писателей и поэтов XVIII — начала XIX века (Ш. Баттё, Х. Блера, И.-Г. Зульцера, Ж.-Ф. Лагарпа, Ж.-Ф. Мармонтеля, И.-И. Эшенбурга).

Существенное место в штудиях Жуковского занимали вопросы высоких классицистических жанров поэзии: поэмы и трагедии, что нашло отражение в мечтах юного Жуковского написать поэму. С 1811 года поэт составлял планы оригинальной поэмы «Владимир», желая следовать античным образцам национального эпоса – «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, «Энеиде» Вергилия, сознавая, что именно этот жанр может упрочить его имя в истории русской литературы. К сожалению, этот замысел не был осуществлен поэтом, как и план перевести античных трагиков. На протяжении многих лет (с 1810-х по 1840-е годы) внимание Жуковского занимали трагедии Софокла «Филоклет» и «Царь Эдип».

Античные образцы воспринимались поэтом через посредство более ранних литературных отражений античных памятников в английской, немецкой, французской и русской литературе, «но и рядом с ними»⁸⁴². Не зная древних языков, Жуковскому трудно было переводить древних авторов. Поэт неоднократно сетовал друзьям на свое «классическое невежество»⁸⁴³, поэтому

⁸⁴² Мальчукова Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы) ... С. 15.

⁸⁴³ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой ; Томский гос. ун-т. М. : Знак, 2009. С. 589.

всю жизнь занимался самообразованием, самостоятельным изучением классических языков, в полной мере сознавая необходимость получения «фундаментального знания»⁸⁴⁴.

В ранний период творчества Жуковский переводит вторую оду Сапфо и оду Горация «К Делию». Поэт понимал жанр оды не в духе классицистической системы жанров, а как жанр античной лирики (в переводе с греческого языка ода – ὕμνῳ – песня). Замены в тексте второй оды Сапфо обусловлены желанием поэта «очистить» подлинник сделать произведение греческой поэтессы более целомудренным. При переводе оды Горация «К Делию» Жуковский расходится с римским поэтом-философом в решении главного вопроса человеческого существования: о ценности и скоротечности жизни. Изменения античного подлинника Жуковским свидетельствуют о религиозности русского поэта, хотя и не высказанной достаточно откровенно, однако угадываемой читателем. Первые переводы Жуковского из античной поэзии (стихотворение «Сафина ода» и ода «К Делию») неэквиметричны. Эпитеты, метафоры, олицетворения Жуковского являются эквивалентами элементов стилистики оригинальных текстов и их европейских переводов. Главные темы античной поэзии – темы любви, дружбы, жизни и смерти переосмыслены в переводах Жуковского в контексте христианской этики.

Изучения теоретических работ Жуковского о переводе 1809—1810 годов «О басне и баснях Крылова» (1809), «Радамист и Зенобия» (1810), «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810), позволило определить, что в первоначальных опытах перевод воспринимался Жуковским как *воссоздание* духа и формы подлинника, что давало возможность переводчику проявить свое творческое дарование, создать совершенное произведение и выступить соперником оригинального автора. Позднее, приступая к работе над переводами эпических памятников («Слово о Полку Игореве» в 1817—1819 годы, «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, «Отрывки из “Илиады”» в 1828 году, «Одиссея» в 1842—1849 годы и др.), Жуковский по возможности соблюдает также дословную верность. «Античные» баллады, хронологически и тематически близкие к переводам Жуковского из античного эпоса, обнаруживают искусство поэта передать оригинальные тексты языком «гармонической точности».

Желая переводить античные эпические произведения и постичь античный образец в полной мере, Жуковский осваивает античный гекзаметр и достигает в этом деле совершенства, хотя и признает несоответствие русского гекзаметра античному.

В 1819 году Жуковский переводит (1819) отрывок из латинского эпоса, из XI книги «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (стихи 410—748) – «Цейкс и Гальциона». А в 1822 году

⁸⁴⁴ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной ... С. 651.

переводит II песню из «Энеиды» Публия Вергилия Марона – «Разрушение Трои». Жуковский делал переводы этих отрывков с латинского подлинника, имея перед глазами также европейские переводы-посредники. Переводы Жуковского из латинского эпоса «Цейкс и Гальциона» и «Разрушение Трои» читались Н. И. Гнедичем на торжественных собраниях Российской Академии в 1820, 1822 и 1823 годах и получили высокую оценку слушателей⁸⁴⁵.

Еще одной формой претворения античной словесности в творчестве Жуковского стала трактовка античных мифологических сюжетов в балладном жанре. Жуковский перевел шесть «античных» баллад Ф. Шиллера («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Торжество победителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник»), а одну, «Ахилл», сочинил по их образцу.

Веймарскому классику Ф. Шиллеру, творчество которого формировалось «в атмосфере европейского предромантизма»⁸⁴⁶, также был присущ устойчивый интерес к античной культуре и словесности. Письма, исторические, эстетико-философские сочинения Шиллера свидетельствуют о внимательном чтении и изучении памятников античной словесной культуры. Античность постоянно присутствует в художественном творчестве Шиллера в виде сюжетов, образов, метафор, мотивов. Эпиграммы, философские стихотворения, баллады, драматические произведения являются «яркими примерами романтического классицизма»⁸⁴⁷ и свидетельствуют о глубоком изучении Шиллером античной литературы. Русская эстетическая мысль также воспринимала фигуру Шиллера как поэта-классика, но не чуждого и современных романтических взглядов.

В 1809 году Жуковский переводит балладу Ф. Шиллера «Кассандра» на сюжет из троянского круга мифов, а в 1813 году – балладу «Ивиковы журавли», сюжет которой восходит к древнегреческой легенде о смерти поэта 2-ой половины VI в. до н. э. Ивика. Оригинальная баллада «Ахилл», написанная по образцу Шиллеровых в 1812–1814 годы, была навеяна Жуковскому чтением «Илиады» Гомера.

В 1828 году Жуковский перевел «Отрывки из “Илиады”». Выбрав из эпического полотна кульминационные сцены, поэт соединил их стихами собственного сочинения. Работа над переводом «Отрывков...» и мечта о создании «образовательной книги для юношества» вдохновили Жуковского в более поздний период творчества (четвертый) вновь обратиться к переводу «античных» баллад Ф. Шиллера – «Торжество победителей» (1828, сюжет этой баллады продолжает события «Илиады» Гомера), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831), «Элевзинский праздник» (1833).

⁸⁴⁵ См.: Айзикова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время ... С. 238—249.

⁸⁴⁶ Мальчукова Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы). С. 16.

⁸⁴⁷ Там же. С. 16.

В результате исследования материалов библиотеки Жуковского, его эпистолярного наследия и критико-эстетических работ, а также творческой биографии Ф. Шиллера устанавливаются новые источники «античных» баллад. Так, в балладе «Кассандра» обнаружены отсылки к «Илиаде» Гомера и трагедии Эсхила «Агамемнон». В балладе «Ахилл» выявлены реминисценции из «Илиады» Гомера и трагедии Софокла «Филоклет». Определены источники баллады «Поликратов перстень» – «История» Геродота и «География» Страбона. Сюжет баллады «Жалоба Цереры» соотнесен с V Гомеровым гимном «К Деметре». В балладе «Элевзинский праздник» выявлены отсылки к V Гомерову гимну, «Описанию Эллады» Павсания, трагедии Эсхила «Прометей прикованный».

В «античных» балладах Ф. Шиллера Жуковский усматривал философскую глубину и «неисчерпаемое богатство мыслей»⁸⁴⁸, сочетающееся со стремлением поэта к нравственному идеалу», «к высшей правде»⁸⁴⁹.

Новаторство русского поэта, его художественные открытия в балладном жанре, вклад в русскую литературу признавали как современники поэта, так и ученые и литературные критики последующих времен, вплоть до нашего времени. Показательно, что 1 мая 1837 года члены Российской Академии присудили Жуковскому золотую медаль с памятной надписью «Принесшему отличными стихотворениями своими немалую пользу и славу российской поэзии»⁸⁵⁰.

Современный исследователь д. и. н. А. В. Подосинов в работе «Античность в русской поэзии XIX века (переводы античных поэтов)» анализирует рецепцию «античных тем, жанров, образов, мотивов и реминисценций»⁸⁵¹ в русской литературе и среди поэтов XIX века выделяет творчество В. А. Жуковского, как поэта, который ставил перед собой задачу освоения античного наследия. В творчестве Жуковского, согласно классификации А. В. Подосинова⁸⁵², представлены все возможные способы рецепции античной поэзии: 1. «точный перевод» (например, переводы из латинского эпоса «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году и «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, перевод «Одиссеи» Гомера с 1842 по 1849 годы); 2. «сокращенный перевод» (например, «Отрывки из *Илиады*» в 1828 году); 3. «свободная передача» (например, переводы второй оды Сапфо в 1807 году и оды Горация «К Деллию» в 1809 году); 4. «подражание» (например, подражание эпиграммам Греческой Антологии – «Судьба» и «Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе...» в

⁸⁴⁸ Вейнберг П. И., Вейнберг А. А. Всеобщая история поэзии. СПб. : Паровая скоропечатня Г. Пожарова. 1903. С. 216.

⁸⁴⁹ Там же. С. 216.

⁸⁵⁰ Айзикова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время ... С. 244.

⁸⁵¹ См.: Бугаева Н. В. «Круглый стол «Античность и Россия», посвященный 1150-летию образования Российского государства // Аристей : вестник классической филологии и античной истории. М. : Логос ; Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. Т. VII. С. 225.

⁸⁵² Там же. С. 226.

1837 году); 5. «использование отдельных мотивов» (например, гораццианские мотивы в посланиях 1814 года «К Воейкову» и «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»). Думается, можно добавить еще один пункт в эту классификацию – использование Жуковским греческих сюжетов в балладном творчестве. Освоение Жуковским «античных» баллад способствовало воскресению античности в русской литературе. Баллады на сюжеты из античной мифологии явились открытием Жуковского в русской литературе. Жуковский расширил тематические возможности жанра баллады.

«Античные баллады», а также переводы отрывков из античной лирики, эпоса и драмы явились классическим контекстом к переводу «Одиссеи», главного поэтического труда русского поэта. В «античных» балладах Жуковский приобрел опыт перевода на русский язык важного элемента гомеровского стиля – составных эпитетов. Ориентируясь на теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова, Жуковский использует славянизмы как средство архаизации и создания высокого стиля, а также вводит в мифологический сюжет «живое» слово – антитезы, лексические повторы, эмоциональные междометия. В переводах фрагментов из античного эпоса и драмы Жуковский учился воссозданию эпического гекзаметра в русской литературной традиции, дословной передаче развернутых сравнений, олицетворений, метафор, составных эпитетов.

Перевод «Одиссеи» Жуковский называл своим «лучшим и удачнейшим трудом»⁸⁵³. «Одиссея останется моим памятником»⁸⁵⁴, – писал Жуковский к А. П. Елагиной 6 (18) августа 1848 года.

Поэт не стеснялся признать свое «невежество» в классических языках и возможные ошибки в своем переводе, так как не получил классического образования в Московском благородном пансионе при Университете, в отличие от своих литературных товарищей, хорошо знающих древние языки. Хотя знания в классических языках были несовершенны, однако это не помешало Жуковскому глубоко понимать текст и создавать гениальные переводы. В письме к А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1845 года Жуковский писал: «Спросите: как же я перевожу? С Греческого и не с Греческого... Передо мною весь порядок греческих слов со всеми их инверсиями, я даже, читая стихи, могу иметь и понятие о гармонии звуков... имея всю материальную сущность стиха: смысл и порядок слов, я в самом себе должен находить его поэтическую сущность, то именно, что непереводаемо, что надобно создать самому, чего нельзя взять из оригинала, что должно уже иметь в самом себе. Кажется, что здесь мое чутье меня не обнаружило»⁸⁵⁵. Жуковский говорит здесь, что в тексте оригинального автора всегда есть что-то «непереводаемое», почувствовать и передать которое может только поэтическая интуиция,

⁸⁵³ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной ... С. 552.

⁸⁵⁴ Там же. С. 577.

⁸⁵⁵ Там же. С. 525—526.

высокий талант переводчика, а также глубокое знание родного языка и любовь к русскому слову. Главное для Жуковского было «не изменить и законному государю моему, русскому языку»⁸⁵⁶. Как справедливо отметили современные исследователи о переводе «Одиссеи» Жуковским: «Проблема поэтического перевода – в центре переводческих принципов русского поэта»⁸⁵⁷.

Жуковский планировал написать дополнение к «Одиссеи» – перевести «Илиаду», и написать гекзаметром (частью прозой) «Повесть о войне Троянской», включающей материалы античного эпоса и аттической трагедии на сюжеты Троянского круга мифов, начиная с «предыстории и истории Троянской войны до начала странствий Одиссея»⁸⁵⁸. Однако этот труд не был закончен поэтом. Жуковский успел перевести первые две песни «Илиады» и написать первые 97 стихов «Повести о войне Троянской». Хотя планы Жуковского не осуществились, «Одиссея», без добавлений, сама по себе рассматривалась русским поэтом как «самая привлекательная и в то же время самая образовательная детская книга»⁸⁵⁹. Так и древние греки видели в Гомере не только великого поэта и философа, но и, что особенно важно, педагога.

Вся жизнь Жуковского была связана с учительствованием. С юных лет поэт занимался обучением и воспитанием своих племянниц Марии и Александры Протасовых. В 1817 году Жуковский стал учителем русского языка принцессы Шарлотты, будущей императрицы Елизаветы Федоровны. В 1826 году Жуковский был назначен наставником наследника русского престола, будущего императора Александра II. В 1827 году Жуковскому поручили обучение великих княжон Марии Николаевны и Ольги Николаевны. А в конце жизни Жуковский занимался воспитанием своих детей, Александры и Павла. «Жуковский был ярким и самобытным педагогом, – отмечает исследователь. – Он считал, что культура в целом и поэзия в частности выполняют важнейшую воспитательную роль»⁸⁶⁰. Античное наследие открывало широкие возможности для воспитания молодого поколения.

В письме к П. А. Плетневу от 1 июля 1845 года Жуковский писал о значимости своего труда: «По своей важности в этом отношении “Одиссея” может обратить на себя внимание Русской

⁸⁵⁶ Письмо П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 года приводится по: Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры : новые открытия. 1979. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 44.

⁸⁵⁷ Киселев В. С., Янушкевич А. С. Эстетические принципы и поэтике перевода «Одиссеи» В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 73. См. также работы Н. Е. Никоновой о переводе как диалоге культур: «“Одиссея” В. А. Жуковского : перевод как территория фронта» и о сравнении перевода Жуковского с немецким подстрочником: «Перевод с подстрочника: “Одиссея” В. А. Жуковского и посредничество интерлинейного перевода К. Грасгофа» в кн.: Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е. Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820—1840-х гг. : проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 109—128.

⁸⁵⁸ Лебедева О. Б. 1840-е годы : перевод фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» и использование драматургии Эврипида в рамках замысла «Повести о войне троянской» // Библиотека В. А. Жуковского в Томске ... Ч. 3. С. 565.

⁸⁵⁹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 662.

⁸⁶⁰ Дудникова О. Г. Писатели – воспитатели и учителя царских детей // Литература в школе. 2016. № 6. С. 10.

Академии и министерства просвещения, понеже она может быть полезною образовательною книгою в руках юношества. Мне даже хочется сделать из нее книгу для первого отроческого возраста: перевод прост и, при всей своей верности, кажется мне удобопонятен, ибо язык не исковеркан греческими формами, хотя они и все сохранены с благоговением»⁸⁶¹.

Почетные члены Российской Академии признали перевод «Одиссеи» особой заслугой русского поэта. В отчетах Российской Академии «Одиссея» в переводе Жуковского называлась «украшением отечественной литературы», проливающим «чистый свет для суждений об искусстве», упрочивающим «господство лучшего вкуса», углубляющим «область знаний о человеке», а сам Жуковский назывался «любимым русским поэтом», «лучшим из современных поэтов»⁸⁶².

Одобрение Российской Академией переводов Жуковского из классического эпоса позволяет говорить о признании образованной общественностью значимости классицизма в русской литературе, уникальности поэтического таланта Жуковского – способности воссоздать иноязычный текст, сделать достоянием русской литературы лучшие образцы мировой поэзии, создать классические переводы античных памятников, что отвечает актуальным представлениям филологической науки о художественном переводе.

В результате изучения языка перевода и оригинальных текстов в работе приведены списки новых составных эпитетов, неологизмов, поэтических формул, эквивалентов иноязычных поэтических формул, которые обновляли поэтический стиль и обогащали русский литературный язык.

В настоящей работе творчество Жуковского исследовано в русле актуальных вопросов литературоведения о претворении традиций греко-римской античности в русской литературе.

В качестве перспективы изучения творчества Жуковского можно указать на трансформацию мифологических сюжетов в произведениях поэта под влиянием христианской этики и аксиологии и на проникновение христианских идей в ткань русского перевода «Одиссеи».

⁸⁶¹ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 649—650.

⁸⁶² Отчеты ИАН по ОРЯС за первое десятилетие с его учреждения, составленные ... П. А. Плетневым. СПб., 1952. С. 44, 253. Цит. по: Айзикова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время ... С. 245.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литературные источники

1. Жуковский, В. А. Полн. собр. соч. и писем [Текст] : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки русской культуры, 1999. — Т. 1 : Стихотворения 1797—1814 годов. — 760 с. ; 2000. — Т. 2 : Стихотворения 1815—1852 годов. — 840 с. ; 2008. — Т. 3. : Баллады. — 456 с. 2010. — Т. 5 : Эпические стихотворения. — 432 с. ; 2012. — Т. 12 : Эстетика и критика. — 544 с. ; 2004. — Т. 13 : Дневники, письма-дневники, записные книжки 1814—1833 годов. — 608 с. ; Т. 14 : Дневники, письма-дневники, записные книжки 1834—1847 годов. — 768 с.
2. Жуковский, В. А. Полн. собр. соч. [Текст] : в 12 т. / В. А. Жуковский ; под ред., с биографич. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. — Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Маркса, 1902. — Т. 1. — XXX, 112 с. ; Т. 2. — 146 с. ; Т. 3. — 150 с. ; Т. 4. — 177 с. ; Т. 5. — 164 с. ; Т. 6. — 119 с. ; Т. 7. — 111 с. ; Т. 8. — 129 с. ; Т. 9. — 152 с. ; Т. 10. — 148 с. ; Т. 11. — 144 с. ; Т. 12. — 168 с.
3. Жуковский, В. А. Полн. собр. соч. [Текст] : в 2 т. / В. А. Жуковский. — Санкт-Петербург : А. А. Каспари, 1902. — Т. 1. — 722 с. ; Т. 2. — 744 с.
4. Жуковский, В. А. Сочинения [Текст] : в 6 т. / В. А. Жуковский. — 7-е изд., испр. и доп., под ред. П. А. Ефремова. — Санкт-Петербург : И. И. Глазунов, 1878.
5. Жуковский, В. А. Собр. соч. [Текст] : в 4 т. / В. А. Жуковский ; [вступ. ст. И. М. Семенко ; подгот. текста и примеч. В. П. Петушкова]. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1959. — Т. 1. — 479 с. ; Т. 2. — 486 с. ; 1960. — Т. 3. — 571 с. ; Т. 4. — 782 с.
6. Жуковский, В. А. Стихотворения [Текст] : в 2 т. / В. А. Жуковский ; вступ. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. — Ленинград : Советский писатель, 1939—1940. — Т. 1. — XLVIII, 420 с. ; Т. 2. — 557 с.
7. Жуковский, В. А. Стихотворения [Текст] / В. А. Жуковский ; вступ. ст., ред. и примеч. Ц. С. Вольпе. — Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1936. — 328 с.
8. Жуковский, В. А. Стихотворения [Текст] / В. А. Жуковский ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Измайлова. — 2-е изд. — Ленинград : Сов. Писатель, 1956. — 847 с.

9. Жуковский, В. А. Отрывки из «Илиады» [Текст] / В. А. Жуковский. — Северные цветы на 1829 год. — Санкт-Петербург : И. Сленин, 1829. — С. 76—119.
10. Жуковский, В. А. Письмо к П. А. Вяземскому от 19 февраля (3 марта) 1849 г. [Текст] / В. А. Жуковский // Литературное наследство. — Т. 58. — Москва : Наука, 1952. — С. 110—111.
11. Жуковский, В. А. Эстетика и критика [Текст] / В. А. Жуковский ; вступ. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича, подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. — Москва : Искусство, 1985. — 431 с.
12. Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского [Текст] : в 2 т. — Москва : Радуга, 1985. — Т. 1. — 606 с. ; Т. 2. — 640 с.
13. Немецкая поэзия в переводах В. А. Жуковского [Текст] : сборник. — Москва : Рудомино ; Радуга, 2000. — 624 с.
14. Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой ; Томский гос. ун-т. — Москва : Знак, 2009. — 728 с.
15. Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу [Текст] / В. А. Жуковский. — Москва : Изд. «Русского архива», 1895. — 322 с.
16. Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. — Москва : Изд-во МГУ, 1988. — 362 с.
17. Аполлодор. Мифологическая библиотека [Текст] / Аполлодор / изд. подгот. В. Г. Борухович. — Репр. воспр. текста изд. 1959 года. — Москва : Ладомир ; Наука, 1993. — 212 с.
18. Батюшков, К. Н. Сочинения [Текст] : в 2 т. / К. Н. Батюшков. — Москва : Художественная литература, 1989.— Т. 1 : Опыты в стихах и прозе ; Произведения, не вошедшие в «Опыты в стихах и прозе» / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Кошелева — 510 с. ; Т. 2 : Из записных книжек ; письма / [сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина]. — 719 с.
19. Бестужев, А. А. <Эпиграмма на Жуковского> [Текст] / А. А. Бестужев // Поэты-декабристы : [сб. стихов] / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. М. Семенко]. — Ленинград : Сов. писатель, 1960. — С. 173.
20. Библия [Текст] : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : в русской переводе с параллельными местами и приложениями. — Москва : Российское библейское общество, 2006. — 1377 с.
21. Брюсов, В. Ахиллес у алтаря [Текст] // Собр. соч. : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского. — Москва : Худож. лит., 1973. — Т. 1. — С. 625.
22. Вергилий, П. М. Собр. соч. [Текст] / Публий Вергилий Марон ; вступит. ст. д. ф. н. Дурова В. С. — Санкт-Петербург : Биографический институт «Студия Биографика», 1994. — 474 с.

23. Вигель, Ф. Ф. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля [Текст] : в 7 Ч. / Ф. Ф. Вигель. — Москва : Унив.тип. (Катков и К^о), 1864. — Ч. 3. — 186 с.
24. Винкельман, И.-И. Избр. произведения и письма [Текст] / И.-И. Винкельман ; пер. А. А. Алявдиной ; вступ. ст. и ред. Болеслава Пшибышевского. — Москва ; Ленинград : Academia, 1935. — 683 с.
25. Виргилий [Текст] : в изложении Лукаса Коллинза / пер. с английского ; под ред. проф. С.-Петербургского ун-та И. Помяловского. — Москва : Изд. В. Ковалевского, 1876. — 228 с.
26. Воейков, А. Ф. К Ж<уковскому> [Текст] / А. Ф. Фоейков // Поэты 1790—1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана ; подгот. текста М. Г. Альтшуллера. — Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1971. — С. 277.
27. Гаспаров, М. Л. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу Энеиды) [Текст] / М. Л. Гаспаров // Мастерство перевода. — Москва : Сов. писатель, 1971. — Сб. 8. — С. 88—128.
28. Гердер, И. Г. [Из старого предисловия к сборнику народных песен] [Текст] / И. Г. Гердер // Избранные сочинения / И. Г. Гердер / сост. В. М. Жирмунский. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — С. 83—87.
29. Гердер, И. Г. [О народных песнях] [Текст] / И. Г. Гердер / пер. Е. Г. Эткинда // Избранные сочинения / И. Г. Гердер / сост. В. М. Жирмунский. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — С. 72—82.
30. Гердер, И. Г. О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем [Текст] / И. Г. Гердер / пер. Н. А. Сигал // Избранные сочинения / И. Г. Гердер / сост. В. М. Жирмунский. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — С. 60—70.
31. Гёте, И.-В. Переписка [Текст] / И.-В. Гёте, Ф. Шиллер : в 2 т. / вступ. ст. А. А. Аникста ; пер. с нем. и коммент. И. Е. Бабанова. — Москва : Искусство, 1988. Т. 1. — 539 с. ; Т. 2. 586 с.
32. Гигин. Мифы [Текст] / Гигин ; пер. с лат. Д. Торшилова ; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. — 369 с.
33. Гоголь, Н. В. Собр. соч. [Текст]: в 8 т / Н. В. Гоголь ; сост. О. Дорофеев ; примеч. Ю. Манн. — Москва : Terra-Книжный клуб, 2001. — Т. 7 : Статьи (1836—1837) ; Выбранные места из переписки с друзьями ; Не напечатанное при жизни и незавершенное (1840-е годы). — 384 с.
34. Гомер. Илиада [Текст] / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; предисл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. — Москва : Моск. Рабочий, 1982. — 448 с.

35. Гомер. Одиссея [Текст] : песнь 2 : с введением, примечаниями и 12 рисунками : [ч. 1—2] / Гомер ; объяснил С. Радецкий, преподаватель Лазарев. ин-та вост. яз. и Моск. 4-ой гимназии. — Царское село: В тип. В. Безобразова и Комп., 1891. — Ч. 1.— [2], 15, [1], 91 с.
36. Гомер. Одиссея [Текст] / Гомер ; пер. В. А. Жуковского, изд. подгот. В. Н. Ярхо ; [Рос. акад. наук]. Москва : Наука, 2000. — 482 с. — (Литературные памятники).
37. Гомер. Одиссея [Текст] / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Жуковского ; предисл. А. Нейхардта ; примеч. С. Ошерова. — Москва : Изд-во АСТ, 2003. — 364 с.
38. Гомер. Одиссея [Текст] : иллюстрированное энциклопед. изд. / Гомер ; пер. В. А. Жуковского ; подгот. изд. В. В. Бутромеева, В. П. Бутромеева. — Москва : Белый город, 2004. — 671 с. — (Большая иллюстрированная библиотека классики).
39. Гораций [Текст] / К. Гораций Флакк ; в переводе и с объяснениями А. Фета. — Москва : Тип. М. П. Щепкина, 1883. — XVIII, 485 с.)
40. Демосфен. Речи [Текст] : в 3 / Демосфен ; пер. с греческого В. Г. Боруховича, М. Н. Ботвинника, А. И. Зайцева, В. В. Вальченко, Л. М. Глускиной, А. Я. Тыжова, И. А. Шишовой. — Москва : Памятники исторической мысли, 1994. — Т.2. — 544 с.
41. Державин, Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии [Текст] / Г. Р. Державин // Сочинения Державина: в 9 т. / Г. Р. Державин ; с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — Санкт-Петербург : В тип. Имп. Акад. Наук, 1872. — Т. 7 : Сочинения в прозе. С. 516—628.
42. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; В. Г. Базанов (гл. ред.). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. — Т. 23. — 420 с.
43. В. А. Жуковский в воспоминаниях современников [Текст] / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. — Москва : Наука, Языки русской культуры, 1999. — 726 с.
44. Исократ. Малые аттические ораторы [Текст] : речи, письма / Исократ ; под общей ред. Э. Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013. — 1071 с.
45. Катулл. Книга стихотворений [Текст] / Гай Валерий Катулл Веронский. — Москва : Наука, 1986. — 301 с.
46. Ксенофонт. Греческая история [Текст] / Ксенофонт ; пер. С. Я. Лурье. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 891 с.
47. Мандельштам, О. О поэзии [Текст] : сб. ст. / О. Мандельштам. — Ленинград : Academia, — 1928. — 97 с.
48. Мерзляков, А. Ф. Письмо из Сибири [Текст] / А. Ф. Мерзляков // Литературная критика 1800—1820-х годов / сост., примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. — Москва : Художественная литература, 1980. — С. 187—188.

49. Мерзляков, А. Ф. «Равный бессмертным кажется оный...» [Текст] // Стихотворения / А. Ф. Мерзляков ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. — Ленинград : Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1958. — С. 299.
50. Муравьев-Апостол, И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород [Текст] / И. М. Муравьев-Апостол ; изд-е подг. В. А. Кошелев. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 269 с.
51. Овидий. Метаморфозы [Текст] / Публий Овидий Назон ; пер. с лат. С. Шервинского ; вступит. Статья С. Ошерова ; примеч. Ф. Петровского. — Москва : Худож. лит., 1977.
52. Павсаний. Описание Эллады [Текст] : в 2 т. / Павсаний. — Москва : Ладомир, 1994. — Т. 1. — 491 с. ; Т. 2. — 503 с.
53. Платон. Избранное [Текст] / Платон ; пер. с древнегреч. ; вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. — Москва : Изд-во АСТ, 2004. — 491 с.
54. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. [Текст] : в 17 т. / А. С. Пушкин ; [ред. ком. М. Горький и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — [Переизд.]. — Москва : Воскресенье, 1995. — Т. 3, кн. 1. — 635 с. ; 1996. — Т. 11. — 587 с. ; Т. 12. — 588 с. ; Т. 13. — 684 с.
55. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву ; Вольность : [ода] [Текст] / А. Н. Радищев ; изд. подгот. В. А. Зайцев. — Санкт-Петербург : Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1992. — 670 с. — (Литературные памятники).
56. Семенов-Тянь-Шанский, А. П. «Хранить старайся духа спокойствие...» [Текст] / А. П. Семенов-Тянь-Шанский // Гораций в избранных текстах и переводах / Т. Г. Мальчукова, М. М. Кислова. — Петрозаводск, 1995 : Изд-во ПетрГУ. — С. 16.
57. Словацкие народные разбойничьи песни и баллады [Текст] / пер. со словацкого ; сост., предисл., и примеч. П. Г. Богатырева. — Москва : Художественная литература, 1976. — 210 с.
58. Софокл. Трагедии [Текст] / пер. с древнегреч. С. Шервинского ; коммент. Н. Подземской. — Москва : Искусство, 1979. — 456 с.
59. Цицерон. Избранные сочинения [Текст] / Марк Туллий Цицерон ; пер. с лат. ; сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнова ; вступ. ст. Г. Кнабе. — Москва : Худож. лит., 1975. — 456 с.
60. Цицерон. О государстве ; О законах ; О старости ; О дружбе ; О обязанностях ; Речи ; Письма [Текст] / Марк Туллий Цицерон ; предисл. Е. И. Темнова. — Москва : Мысль, 1999. — 782 с.
61. Цицерон. О пределах блага и зла ; Парадоксы стоиков [Текст] / Марк Туллий Цицерон ; пер. Н. А. Федорова ; коммент. Б. М. Никольского ; вступ. ст. Н. П. Гринцера. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. — 474 с. — (Памятники мировой культуры).

62. Шиллер, Ф. Собр. соч. [Текст] : в 7 т. / Ф. Шиллер ; под общ. ред. Н. Н. Вильмонта и В. М. Самарина ; пер. с немецкого под. ред. Л. Е. Пинского ; послесл. В. Ф. Асмуса. — Москва : Государственное изд-во художественной литературы, 1955. — Т. 1. — 780 с. ; Т. 2. — 848 с. ; 1956. — Т. 3. — 698 с. ; Т. 4. — 495 с. ; 1957. — Т. 5. — 584 с. ; Т. 6. — 791 с. ; Т. 7. — 786 с.
63. Эллинские поэты VIII—III века до н. э. : эпос, элегия, ямбы, мелика / изд. подгот. М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. — Москва : Ладомир, 1999. — 516 с.
64. Эсхил. Трагедии [Текст] / Эсхил ; пер. с древнегреч. ; коммент. Н. Поздемской. — Москва : Искусство, 1978. — 368 с.
65. Эсхил. Трагедии [Текст] / Эсхил ; пер. В. Иванова. — Москва : Наука, 1989. — 589 с.
66. Языков, Н. М. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) [Текст] / Н. М. Языков ; под ред. и с объясн. примеч. [вступ. ст.] Е. В. Петухова. — Санкт-Петербург : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук, 1913. — VIII, 26, 502 с.
67. *Anthologia lyrica graeca* / ed. E. Diehl. Lipsiae : in aedibus B. G. Teubneri. — Athenis : D. N. Papadimas, MCMXXXV. — Vol. 1. — 492 p.
68. *Catullus. Carmina* / Gaius Valerius Catullus ; iterum ed. H. Bardon. — Stuttgartiae : in aedibus B. G. Teubneri? 1873. — 173 p.
69. *Q. Horati Flacci Opera* / Quintus Horatius Flaccus ; ed. S. Borzsak. — Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri — Athenis : D. N. Papadimas, 1984. — 362 p.
70. *Homeri Ilias* : [Vol. 1—2] / Homer ; recensuit Arthurus Ludwich. — Lipsiae : in aedibus B. G. Teubneri, MDCCCCII. — Vol. 1. — 514 p. , Vol. 2. — 652 p.
71. *Homeri Odyssea* : [partes 1—2] / Homer. — Ed. 2. — Petropoli : apud A. S. Suvorinum, MDCCCLXXXVI. Pars 1. — 181 p. ; Pars 2. — 172 p.
72. *P. Ovidii Nasonis Metamorphoses* / Publius Ovidius Naso ; edidit William S. Anderson. — Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1982. — 420 p.
73. *Schillers Sämmtliche Werke* : Vollftändig in vier Bänden / Friedrich Schiller ; mit Einleitungen von Karl Goedeke. — Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1883. — Erften Band. — 726 s.
74. *Septuaginta* : Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes : Duo volumina in uno / edidit Alfred Rahlfs. — Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. — LXIX, [3], Vol. 1. 1184 s., [2], Vol. 2. 941 s.
75. *Σοφοκλέους Οιδίπους Τύραννος* : текст с примечаниями по Науку и словарем по Эллендту / Σοφοκλής ; сост. для употребления в гимназиях О. Петрученко. — Москва : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. — 196 с.

76. P. Vergilii Maronis Opera : cum appendice : in usum scholarum / Publius Vergilius Maro iterum recognovit Otto Ribbeck, praemisit de vita et scriptis poetae narrationem. — Editio stereotypa. — Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, MCMIII. — 493 p.

Научная литература

77. Абдуллаев, Е. «Прекрасно только то, чего нет ...» : «эстетический манифест» Жуковского и его восприятие Пушкиным [Текст] / Е. Абдуллаев // Вопросы литературы. — 2015. — № 4. — С. 131—151.

78. Аверинцев, С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература [Текст] / С. С. Аверинцев // Поэтика Древнегреческой литературы: [сб. ст.]. — Москва : Наука, 1981. — С. 3—14.

79. Аверинцев, С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе [Текст] / С. С. Аверинцев // Античность и современность : [сб. ст.] / редкол. : М. Е. Грабарь-Пассек и др. — Москва : Наука, 1972. — С. 90—102.

80. Аверинцев, С. С. Размышления над переводами Жуковского [Текст] / С. С. Аверинцев // Поэты / С. С. Аверинцев. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 137—164.

81. Аверинцев, С. С. Славянское слово и традиция эллинизма [Текст] / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. — 1976. — № 11. — С. 152—162.

82. Автономова, Н. С. Познание и перевод : опыты философии языка [Текст] / Н. С. Автономова. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 702 с.

83. Адольф, А. Главные моменты в истории преподавания древних языков [Текст] / А. Адольф // Аристей : вестник классической филологии и античной истории. — Москва : Логос ; Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. — Т. VIII. — С. 211—225.

84. Айзикова, И. А. Евангельские идеи, мотивы и образы в «святой прозе» В. А. Жуковского [Текст] / И. А. Айзикова // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — Вып. 8 : Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 5. — С. 168—196.

85. Айзикова, И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии [Текст] / И. А. Айзикова // Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — С. 238—249.

86. Айзикова, И. А. Философско-исторические и религиозно-нравственные проблемы в прозе В. А. Жуковского [Текст] / И. А. Айзикова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — Сер. : Гуманитарные науки (филология). — 2003. — Вып. 1 (33). — С. 9—14.
87. Айналов, Д. В. Эллинистические основы византийского искусства [Текст] / Д. В. Айналов. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1900. — IV, 229 с.
88. Алексеев, М. П. Народные баллады Англии и Шотландии [Текст] / М. П. Алексеев // Литература средневековой Англии и Шотландии / М. П. Алексеев. — Москва : Высшая школа, 1984. — С. 290—309.
89. Алексеев, М. П. Русская культура и романский мир: избранные труды [Текст] / М. П. Алексеев. — Ленинград : Наука, 1985. — 542 с.
90. Алексеев, М. П. Сравнительное литературоведение [Текст] / М. П. Алексеев. — Ленинград : Наука, 1983. — 447 с.
91. Алентьева, М. А. Восприятие инокультурных фольклорных мотивов и образов в русской литературе 1800–1830-х гг. [Текст] / М. А. Алентьева // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2008. — Вып. 1 (29). — С. 80—84.
92. Альбрехт фон М. История римской литературы : от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи : в 3 т. [Текст] / М. фон Альбрехт ; пер. с нем. А. И. Любжина. — Москва : Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2002—2005.
93. Аминова, В. Р. Лирика В. А. Жуковского : понятие о романтизме [Текст] / В. Р. Аминова // Литература в школе. — 2016. — № 9. — С. 11—15.
94. Анисимова, Е. Е. Эхо Жуковского и Гоголя в прозе И. А. Бунина 1910-х гг. : поэтика баллады и эстетика «страшного» [Текст] / Е. Е. Анисимова, К. В. Анисимов // Вестник Томского государственного университета. — Сер. : Филология. — 2015. — № 1 (33). — С. 88—113.
95. Аношкина, В. Н. Православные основы русской литературы XIX века [Текст] / В. Н. Аношкина-Касаткина. — Москва : Пашков дом, 2011. — 383 с.
96. Афанасьев, В. В. Жуковский [Текст] / В. В. Афанасьев. — 2-е изд. — Москва : Молодая гвардия, 1987. — 397 с.
97. Бадьина, К. Ю. Любовная баллада в русской и англо-шотландской народных традициях : опыт сравнительного анализа [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / К. Ю. Бадьина ; Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. — Ульяновск, 2012. — 21 с.
98. Балашов, Д. М. История развития жанра русской баллады [Текст] / Д. М. Балашов. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. — 72 с.

99. Балашов, Д. М. Русская народная баллада [Текст] / Д. М. Балашов // Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. — С. 5—41.
100. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : [сб. избр. трудов] [Текст] / М. М. Бахтин ; [примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — 444 с. — (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
101. Белинский, В. Г. Собр. соч. [Текст] : в 9 т. / В. Г. Белинский В. Г. ; [редкол.: Н. К. Гей и др.]. М. : Художественная литература, 1976. — Т. 1. — 736 с.; 1977. — Т. 2. — 632 с.; 1979. — Т. 4. — 654 с. ; 1981. — Т. 6. — 678 с.; 1982. — Т. 8. — 783 с.
102. Белоногова, Е. С. Балладное творчество В. А. Жуковского в оценке англоязычных литературоведов [Текст] / Е. С. Белоногова // Актуальные проблемы современной науки. — 2009. — № 1. — С. 42—46.
103. Берковский, Н. Я. О романтизме и его основах [Текст] / Н. Я. Берковский // Проблемы романтизма : сб. ст. — Москва : Искусство, 1871. — Вып. 2. — С. 5—18.
104. Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии [Текст] / Н. Я. Берковский. — Ленинград : Худож. лит., 1973. — 567.
105. Бессараб, М. Я. Жуковский [Текст] / М. Я. Бессараб. — Москва : Современник, 1975. — 316 с.
106. Биbihин, В. В. Слово и событие [Текст] : писатель и литература / В. В. Биbihин. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 416 с.
107. Библиотека В. А. Жуковского [Текст] : описание / сост. В. В. Лобанов. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. — 416 с.
108. Болгова, Н. С. Цеикс и Гальциона : отрывок из Овидиевых «Превращений» («Цеикс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений...») [Текст] : [примечания] / Н. Болгова // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.) — Москва : Языки славянских культур, 2010. — Т. 5 : Эпические стихотворения. — С. 331—339.
109. Борухович, В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора [Текст] / В. Г. Борухович // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Аполлодор / изд. подгот. В. Г. Борухович. — Москва : Ладомир, Наука, 1993. — С. 99—120.
110. Борухович, В. Г. История древнегреческой литературы [Текст] : [учеб. пособие для ун-тов] / В. Г. Борухович. — 2-е изд., испр. и доп. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1982. — 454 с.
111. Бугаева, Н. В. «Круглый стол «Античность и Россия», посвященный 1150-летию образования Российского государства [Текст] / Н. В. Бугаева // Аристей : вестник классической

- филологии и античной истории. — Москва : Логос ; Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. — Т. VII. — С. 223—226.
112. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века [Текст] : фонетика, морфология, ударение, синтаксис / Л. А. Булаховский. — 2-е изд., испр. — Leipzig : Zentralantiquariat der DDR, 1976. — 467 с.
113. Ванслов, В. В. Эстетика романтизма [Текст] / В. В. Ванслов. — Москва : Искусство, 1966. — 403 с.
114. Вацуρο, В. Э. Лирика пушкинской поры [Текст] : «Элегическая школа» / В. Э. Вацуρο. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 238 с.
115. Вацуρο, В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» [Текст] / В. Э. Вацуρο // XVIII век / под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. — Ленинград : Наука, 1969. — Сб. 8 : Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. — С. 190—210.
116. Вацуρο, В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» [Текст] / В. Э. Вацуρο // XVIII век / под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Ленинград : Наука, 1969. — Сб. 8. : Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. — С. 190—210.
117. Вейнберг, П. И. Всеобщая история поэзии [Текст] / П. И. Вейнберг, А. А. Вейнберг. — Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. — 267 с.
118. Веселовский, А. Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» [Текст] / А. Н. Веселовский. — Москва : INTRADA, 1999. — 448 с.
119. Ветшева, Н. Ж. Баллады Жуковского [Текст] / Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилиякова // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 3. — С. 229—240.
120. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций [Текст] / Дж. Вико ; пер. с итал. и коммент. А. А. Губера. — Ленинград : Худож. лит., 1940. — 619 с.
121. Виноцкий, И. Ю. Дом толкователя [Текст] : поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского / И. Ю. Виноцкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 322 с.
122. Виноцкий, И. Ю. Дымящийся Пергам [Текст] : «Торжество победителей» и общественные настроения 1828 г. / И. Ю. Виноцкий // Поэтика русской литературы. — Москва : 2006. — С. 288—314.
123. Виноцкий, И. Ю. Радость и печаль в жизни и в поэзии Жуковского [Текст] / И. Ю. Виноцкий // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 1996. — Т. 55, № 5. — С. 31—47.

124. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. [Текст] : пособие для высших педагогических учебных заведений / В. В. Виноградов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1938. — 448 с.
125. Власенко, Т. Л. Типология сюжетов русской романтической баллады [Текст] / Т. Л. Власенко // Проблемы типологии литературного процесса : межвузовский сб. науч. Трудов. — Пермь : Пермский гос. ун-т, 1982. — С. 20—29.
126. Волков, И. Ф. Романтизм как творческий метод [Текст] / И. Ф. Волков // Проблемы романтизма : сб. ст. — Москва : Искусство, 1971. — Вып. 2. — С. 19—62.
127. Воронина, И. П. К проблеме специфики поэтического перевода первой половины XIX века [Текст] : переводы В. А. Жуковского из Гёте / И. П. Воронина // Молодой ученый. — 2012. — № 7 (42). — С. 138—144.
128. Вяземский, П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. — Москва : Искусство, 1984. — 463 с.
129. Гаврилов, А. К. Из новейшей историографии русского антиковедения [Текст] / А. К. Гаврилов // О филологах и филологии : статьи и выступления разных лет / А. К. Гаврилов. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. — С. 79—100.
130. Гаврилов, А. К. *Lenati pedes* и позднее возмездие богов [Текст] / А. К. Гаврилов // *Philologia classica* : межвуз. сб. — Санкт-Петербург, 1992. — Вып. 4 : *Noratiana*. — С. 159—182.
131. Гарбовский, Н. К. Исповедь великого переводчика или Первый европейский трактат о переводе [Текст] / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. — 2009. — № 3. — С. 2—36.
132. Гарбовский, Н. К. Перевод как художественное творчество [Текст] / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2010. — № 3. — С. 4—16.
133. Гарбовский, Н. К. Новый перевод : свобода и необходимость [Текст] / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2011. — № 1. — С. 3—16.
134. Гарбовский, Н. К. Теория перевода [Текст] : учебник / Н. К. Гарбовский. — 2-е изд. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 542 с.
135. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха [Текст] : метрика, ритмика, рифма, строфика / М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1984. — 319 с.
136. Гижицкий, А. В. А. Жуковский и ранние немецкие романтики [Текст] / А. Гижицкий // Русская литература. — 1979. — № 1. — С. 120—128.
137. Гиллельсон, М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) [Текст] / М. И. Гиллельсон // Памятники культуры : новые открытия : 1979. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 34—75.

138. Гиндин, Л. А. Гомер и история Восточного Средиземноморья [Текст] / Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. — Москва : Восточная литература, 1996. — 326 с.
139. Гнедич, Н. И. О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» [Текст] / Н. И. Гнедич // Критика первой четверти XIX века / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. М. Л. Майофис, А. Р. Курилкина. — Москва : Олимп ; АСТ, 2002. — С. 290—300. — (Библиотека русской критики).
140. Гнедич, Н. И. Разсуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности [Текст] / Н. И. Гнедич. — Санкт-Петербург : В типографии Императорского театра, 1814. — 48 с.
141. Голинкевич, Н. Т. Читаем Гомера [Текст] : Одиссея : песнь первая : комментарий с переводом и словарем / Н. Т. Голинкевич. — Москва : Высшая школа, 1996. — 224 с.
142. Голованова, Н. Ф. Эволюция жанра баллады в эпической поэзии Мордвы [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Н. И. Голованова ; Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. — Ульяновск, 2009. — 22 с.
143. Гордезиани, Р. В. Проблемы гомеровского эпоса [Текст] / Р. В. Гордезиани. — Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. — 394 с.
144. Греческая и римская метрика : для старших классов гимназий и для начинающих филологов : с приложением : об историческом ходе развития древней метрики / обработ. Лукианом Миллером. — Санкт-Петербург : У Карла Риккера, 1880. — 108 с.
145. Гринцер, Н. П. Первые поэмы Европы [Текст] / Н. П. Гринцер // Гомер. Илиада. Одиссея / Гомер. — Москва : Пушкинская библиотека ; АСТ, 2003. С. 5—16.
146. Гугнин, А. А. Жуковский и немецкая литература [Текст] / А. А. Гугнин // Немецкая поэзия в переводах В. А. Жуковского : сб. / сост., предисл. и коммент. А. Гугнина. — Москва : Рудомино ; Радуга, 2000. — С. 9—17.
147. Гугнин, А. А. Постоянство и изменчивость жанра [Текст] / А. А. Гугнин // Эолова арфа : антология баллады. — Москва : Высшая школа, 1989. — С. 7—26.
148. Гудкова, С. П. Жанровая природа баллады в теоретическом осмыслении отечественного литературоведения [Текст] / С. П. Гудкова, Е. В. Пивкина // Гуманитарные науки и образование. — 2015. — № 2 (22). — С. 104—108.
149. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики [Текст] / Г. А. Гуковский. — Москва : Художественная литература, 1965. — 354 с.
150. Гуревич, А. М. На подступах к романтизму [Текст] : о русской лирике 1820- годов / А. М. Гуревич // Проблемы романтизма : сб. ст. / сост. У. Р. Фохт. — Москва : Искусство, 1967. — С. 154—231.

151. Гуртева, Т. Б. Художественный перевод как составляющая культурного диалога [Текст] / Т. Б. Топер // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2009. — № 1. — С. 10—15.
152. Данилевский, Р. Ю. В. А. Жуковский [Текст] : тема человека / Р. Ю. Данилевский // Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — С. 12—20.
153. Данилевский, Р. Ю. Современность В. А. Жуковского [Текст] : о сб. работ к юбилею Ф. З. Кануновой : рец. на кн. : Жуковский и время: сб. ст. / Р. Ю. Данилевский // Русская литература. — 2008. — № 3. — С. 233—235.
154. Данилевский, Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма [Текст] / Р. Ю. Данилевский // Ранние романтические веяния : из истории международных связей русской литературы : [сб. ст.] / [отв. ред. акад. М. П. Алексеев] ; АН СССР ; Ин-т рус. литературы ; (Пушкинский дом). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. — С. 3—95.
155. Демидов, Д. Г. Славянизмы в составе русской речи : творчество народа и творчество поэтов [Текст] / Д. Г. Демидов // Христианство и русская литература / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; отв. ред. В. А. Котельников. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — Сб. 4. — С. 68—86.
156. Дерюгин, А. А. В. К. Третьяковский — переводчик [Текст] : становление классицистического перевода в России / А. А. Дерюгин. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1985. — 191 с.
157. Дилите, Д. Античная литература [Текст] / Д. Дилите / пер. с литов. Н. К. Малинаускене. — Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003. — 478 с.
158. Диль, Ш. По Греции [Текст] : археологические прогулки / Ш. Диль ; пер. М. Безобразовой. — Москва : М. и С. Сабашниковы, 1913. — 437 с.
159. Долгушин, Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский [Текст] : из истории религиозных исканий русского романтизма / Д. В. Долгушин. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 352 с.
160. Дубин, Б. Перевод как стратегия литературной инновации [Текст] / Б. Дубин // [Новое литературное обозрение](#). — 2015. — № 2. — С. 117—122.
161. Дудникова, О. Г. Писатели — воспитатели и учителя царских детей [Текст] / О. Г. Дудникова // Литература в школе. — 2016. — № 6. — С. 8—12.
162. Дунаев, М. М. Православие и русская литература [Текст] / М. М. Дунаев : в 5 ч. — Москва : Христианская литература, 1996. — Ч. 1. — 320 с.
163. Дутли, Р. Муха в янтаре [Текст] : перевод как магический акт : заметки о поэтике перевода / Р. Дутли // Вопросы литературы. — 2009. — № 2 : Март—апрель. — С. 86—108.

164. Душечка, Е. В. «При мысли о Светлане» [Текст] : баллада Жуковского в общественном и литературном обиходе / Е. В. Душечка // Имя — сюжет — миф. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 45—64.
165. Егунов, А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков [Текст] / А. Н. Егунов — 2-е изд. — Москва : Индрик, 2001. — 400 с.
166. Жилиякова, Э. М. «Медный всадник» А. С. Пушкина и баллады В. А. Жуковского 1830-х годов [Текст] / Э. М. Жилиякова // Вестник Томского государственного университета. — 2004. — № 282. — С. 169—173.
167. Жилиякова, Э. М. Эстетика Х. Блера в восприятии В. А. Жуковского [Текст] / Э. М. Жилиякова // Библиотека В. А. Жуковского в Томске Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 121—139.
168. Жиркова, М. А. Преображающая сила молитвы : стихотворная повесть В. А. Жуковского «Капитан Бопп», 1843 [Текст] / М. А. Жиркова // Проблемы исторической поэтики / отв. ред. В. Н. Захаров. — Вып. 12. Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 9. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — С. 352—368.
169. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе [Текст] / В. М. Жирмунский // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского : в 2 т. — Москва : Радуга, 1985. — Т. 2. — С. 520—535.
170. В. А. Жуковский в воспоминаниях современников [Текст] / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. — Москва : Наука, Языки русской культуры, 1999. — 727 с.
171. Зайцев, А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера [Текст] / А. И. Зайцев // Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. — Ленинград : Наука, 1990. С. 395—416.
172. Зайцев, Б. К. Жуковский [Текст] / Б. К. Зайцев // Далекое / Б. К. Зайцев. — Москва : Советский писатель, 1991. — 511 с.
173. Замкова, В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века [Текст] / В. В. Замкова ; АН СССР. Отд-ние литературы и яз. Науч. совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т рус. яз. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. — 223 с.
174. Замотин, И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе [Текст] : в 2 т. / И. И. Замотин. — 2-е изд. испр. и доп. — Санкт-Петербург ; Москва : Т-во М. О. Вольф, 1913. — Т. 1. — 389 с.

175. Захаров, Н. В. Шекспиризм русской классической литературы [Текст] : тезаурусный анализ / Н. В. Захаров ; отв. ред. Вл. А. Луков ; Моск. Гуманит. ун-т. ; Ин-т фундамент. и прикл. исследований ; Межд. акад. наук (IAS). — Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 320 с.
176. Зелинский, Ф. Ф. История античных религий [Текст] : древнегреческая религия : религия эллинизма : Рим и его религия : римская империя и христианство / Ф. Ф. Зелинский. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 480 с.
177. Зорин, А. Л. «Вслед шествуя Анакреону» [Текст] / А. Л. Зорин // Цветник : русская легкая поэзия XVIII — нач. XIX века. — Москва : Книга, 1987. — С. 5—53.
178. Иезуитова, Р. В. Баллада в эпоху романтизма [Текст] / Р. В. Иезуитова // Русский романтизм: сб. ст. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 138—163.
179. Иезуитова, Р. В. В. А. Жуковский [Текст] / Р. В. Иезуитова // История русской литературы : в 4 т. / редкол. : А. С. Бушмин, Е. Н. Купреянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. К. Д. Муратова, Н. И. Пруцков (гл. ред.). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. — Т. 2 : От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 104—134.
180. Ильичев, А. В. Русская поэзия XVIII—XX веков [Текст] : интертекстуальные связи : опыт анализа / А. В. Ильичев. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гуманитарный ун-т профсоюзов, 2007. — 200 с.
181. Ионин, Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина [Текст] / Г. Н. Ионин // XVIII век / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. — Сб. 8. — С. 162—178.
182. Ионин, Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800—1810 годов [Текст] / Г. Н. Ионин // Проблемы историзма в русской литературе : конец XVIII — начало XIX в. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. — С. 192—204.
183. Исаева, Н. А. Современные подходы к изучению переводческого наследия В. А. Жуковского : анализ баллады «Уллин и его дочь» [Текст] / Н. А. Исаева // Вестник Московского государственного областного университета. — Сер. : Русская филология. — 2011. — № 2. — С. 131—137.
184. История греческой литературы [Текст] : в 3 т. / под. ред. С. И. Соболевского и др. — Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва АН СССР в Ленинграде, 1949. — Т. 1. — 487 с.
185. Канунова, Ф. З. В. А. Жуковский в исследованиях и изданиях Томской филологической школы [Текст] / Ф. З. Канунова, Ю. М. Прозоров // Русская литература. — 2008. — № 1. — С. 263—269.
186. Канунова, Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского [Текст] / Ф. З. Канунова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. — 182 с.

187. Канунова, Ф. З. Новые проблемы идейного и творческого развития В. А. Жуковского [Текст] : на основе новых материалов библиотеки поэта / Ф. З. Канунова // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 3—14.
188. Канунова, Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия [Текст] : 1820—1840-е годы / Ф. З. Канунова. — Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2001. — 303 с.
189. Канунова, Ф. З. О философско-исторических воззрениях Жуковского [Текст] : по материалам библиотеки поэта / Ф. З. Канунова // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 32—45.
190. Канунова, Ф. З. Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В. А. Жуковского [Текст] : 1830—1840 / Ф. З. Канунова // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. трудов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. — С. 159—169.
191. Канунова, Ф. З. Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820—1840-х гг. : проблемы диалога, нарратива и мифопоэтики [Текст] / Ф. З. Канунова, И. А. Айзикова, Н. Е. Никонова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. — 438 с.
192. Касаткина, В. Н. Поэзия В. А. Жуковского [Текст] : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. Н. Касаткина. — 2-е изд. — Москва : Изд-во МГУ, 2002. — 112 с.
193. Кереньи, Карл. Элевсин [Текст] : архитепический образ матери и дочери / Карл Кереньи / пер. с англ. — Москва : Рефл-бук. — 288 с.
194. Кибальник, С. А. Античная поэзия в России [Текст] : XIX — первая половина XIX века : очерки / С. А. Кибальник. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2012. — 416 с.
195. Кибальник, С. А. Антологическая поэзия Жуковского [Текст] / С. А. Кибальник // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 261—272.
196. Киреевский, И. В. Критика и эстетика [Текст] / И. В. Киреевский ; [вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна]. — Москва : Искусство, 1979. — 438 с. — (История эстетики в памятниках и документах).
197. Киселев, В. С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» В. А. Жуковского [Текст] : 1808—1811 / В. С. Киселев // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2012. — № 1 (17). — С. 61—73.

198. Киселев, В. С. Эстетические принципы и поэтике перевода «Одиссеи» В. А. Жуковского / В. С. Киселев, А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2010. — № 2 (10). — С. 68—80.
199. Киселева, Л. Н. К проблеме пересмотра роли Жуковского в русской литературе первой половины XIX в. [Текст] / Л. Н. Киселева // Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — С. 209—216.
200. Кнабе, Г. С. Русская античность [Текст] : содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России : программа-конспект лекц. курса / Г. С. Кнабе ; [Рос. Гос. гуманитар. ун-т ; Ин-т высш. гуманитар. исслед.]. — Москва : РГГУ, 1999. — 238 с.
201. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение [Текст] : курс лекций / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЭСТ, 2000. — 192 с.
202. Коровин, В. «Его стихов пленительная сладость...» [Текст] / В. Коровин // Жуковский В. А. Эолова арфа : стихи / В. А. Жуковский / сост., предисл., примеч. и словарь В. Коровина. — Москва : Детская литература, 1980. — С. 5—24.
203. Костикова, О. И. История перевода [Текст] : предмет, методология, мест в науке о переводе / О. И. Костикова // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2011. — № 2. С. 3—22.
204. Косяков, Г. Н. Диалог земного и горнего миров в лирике В. А. Жуковского [Текст] / Г. Н. Косяков // Высшее образование сегодня. — 2007. — № 3. — С. 62—64.
205. Кравцов, Н. И. Славянская народная баллада [Текст] / Н. И. Кравцов // Проблемы славянского фольклора / Н. И. Кравцов ; отв. ред. Б. П. Кирдан. — Москва : Наука, 1972. С. 167—198.
206. Крестова, Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа посадница» [Текст] / Л. В. Крестова // Исследования и материалы по древнерусской литературе : сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького ; [отв. ред. В. Д. Кузьмина]. — Москва : АН СССР, 1961. — [Вып. 1]. — С. 193—226.
207. Кудреватых, А. Н. Новаторство Н. М. Карамзина-психолога в повести «Остров Борнгольм» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Филологический класс. — 2013. — №4 (34). — С. 46—52.
208. Кулешов, В. И. Типология русского романтизма [Текст] / В. И. Кулешов // Романтизм в славянских литературах : [сб. ст.] / [редкол. : проф. В. И. Кулешов и др.]. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1973. — С. 6—28.
209. Лазарев, В. В. Византийское и древнерусское искусство [Текст] : статьи и материалы / В. В. Лазарев. — Москва : Наука, 1978. — 335 с.

210. Латышев, Л. К. Перевод [Текст] : теория, практика и методика преподавания : учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. — 2-е изд., стер. — Москва : Академия, 2005. — 192 с.
211. Лебедева, О. Б. «Жизнь мне изменяет : уцепился за бессмертие!..» [Текст] : о Долбинской осени В. Жуковского / О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич // Вопросы литературы. — 2015. — № 4. — С. 152—185.
212. Лебедева, О. Б. Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах В. А. Жуковского [Текст] / О. Б. Лебедева // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. — Ч. 3. С. 464—568.
213. Лебедева, О. Ивиковы журавли («На Посидонов пир веселый...») [Текст] / О. Лебедева // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 291—298.
214. Лебедева, О. Кассандра («Все в обители Приама...») [Текст] : [примечания] / О. Лебедева // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 271—276.
215. Лебедева, О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского [Текст] / О. Б. Лебедева // Библиотека В. А. Жуковского в Томске Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. — Ч. 3. — С. 466—499.
216. Лебедева, О. Б. Неопубликованные переводы Жуковского из Софокла [Текст] / О. Б. Лебедева // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 272—293.
217. Лебедева, О. Поликратов перстень («На кровле он стоял высоко...») [Текст] : [примечания] / О. Лебедева // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 400—403.
218. Лебедева, О. Б. «Принципы литературы» Шарля Баттё в чтении и осмыслении В. А. Жуковского [Текст] / О. Б. Лебедева // Библиотека В. А. Жуковского в Томске: в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 97—120.
219. Лебедева, О. Б. 1840-е годы : перевод фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» и использование драматургии Эврипида в рамках замысла «Повести о войне троянской» [Текст] /

- О. Б. Лебедева // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. — Ч. 3. С. 542—568.
220. Левин, Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма [Текст] / Ю. Д. Левин // От классицизма к романтизму : из истории международных связей русской литературы / отв. ред. академик М. П. Алексеев. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. — С. 195—297.
221. Левин, Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода [Текст] : к истории переводческой мысли в России / Ю. Д. Левин // Международные связи русской литературы : сб. ст. / под ред. академик М. П. Алексеева. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1963. — С. 5—63.
222. Левин, Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода [Текст] / Ю. Д. Левин ; отв. ред. А. В. Федоров. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. — 299 с.
223. Левин, Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма [Текст] / Ю. Д. Левин // Ранние романтические веяния : из истории международных связей русской литературы : [сб. ст.] / [отв. ред. академик М. П. Алексеев] ; АН СССР ; Ин-т рус. литературы ; (Пушкинский дом). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. — С. 222—284.
224. Либинзон, З. Е. Фридрих Шиллер [Текст] / З. Е. Либинзон. — Москва : Просвещение, 1990. — 175 с. — (Биография писателя).
225. Литинская, Е. П. Вторая ода Сафо в художественной интерпретации В. А. Жуковского [Текст] / Е. П. Литинская // Россия и Греция : диалоги культур : материалы I Международной конференции. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 100—106.
226. Литинская, Е. П. Малые античные лирические жанры в творчестве В. А. Жуковского [Текст] / Е. П. Литинская // [Античные жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв.](#) — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. — Ч. 3. — С. 21—39.
227. [Литинская Е. П. Перевод фразеологии романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на греческий язык \[Текст\] / Литинская Е. П. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2014. — № 5 \(142\). — С. 79—81.](#)
228. Литинская, Е. П. Переводы В. А. Жуковского из римских авторов : христианские традиции в интерпретации женских образов [Текст] / Е. П. Литинская // [Проблемы исторической поэтики](#) : сб. науч. трудов / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозавод. гос. ун-т ; [редкол. : В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — Вып. 8. — С. 197—201.
229. Литинская, Е. П. Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского [Текст] / Е. П. Литинская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. — 312 с.

230. Лобанов, В. В. История и состав библиотеки В. А. Жуковского [Текст] / В. В. Лобанов // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. — Ч. 1. — С. 3—14.
231. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. [Текст] / М. В. Ломоносов ; АН СССР. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 7. — 993 с.
232. Лосев, А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней [Текст] : собрание первоисточников, статей и комментариев: энциклопедия олимпийских богов / А. Ф. Лосев. — Харьков : Фолио ; Москва : Эксмо, 2005. — 1040 с.
233. Лосев, А. Ф. Боги и герои Древней Греции [Текст] / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. — Москва : Слово, 2002. — 279 с.
234. Лосев, А. Ф. Гомер [Текст] / А. Ф. Лосев. — Москва : Учпедгиз, 1960. — 351 с.
235. Лосев, А. Ф. Романтические идеи в элегиях и балладах Жуковского [Текст] / А. А. Лосев // Московский журнал. — 1999. — №12. — С. 2—6.
236. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии [Текст] : анализ. поэтич. текста : статьи и исслед., заметки, рецензии / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1996. — 846 с.
237. Лотман, Ю. М. О соотношении поэтической лексики русского романтизма и церковнославянской традиции [Текст] / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — Т. 4. — С. 807—810. — (Язык. Семиотика. Культура).
238. Любжин, А. И. История русской школы императорской эпохи [Текст] : в 3 т. / А. И. Любжин. — Москва : Ника, 2014. — Т. 1 : Русская школа XVIII столетия. — Кн. 2. — 656 с.
239. Любжин, А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века [Текст] / А. И. Любжин. Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. — 224 с.
240. Любимов, Н. М. Перевод — искусство [Текст] / Н. М. Любимов. — 2-е изд., доп. — Москва : Сов. Россия, 1982. — 128 с.
241. Макушкина, С. Ю. В. А. Жуковский и Гомер : путь к эпосу [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Макушкина Софья Андреевна ; Томск. гос. ун-т. — Томск, 2002. — 22 с.
242. Малинаускене, Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период) [Текст] : курс лекций : материалы для практических занятий / Н. К. Малинаускене. — Москва : ГЛК, 2006. — 272 с.
243. Мальчукова, Т. Г. Античность и мы [Текст] : книга для учителя / Мальчукова Т. Г. — Петрозаводск : Карелия, 1991. — 245 с.

244. Мальчукова, Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы [Текст] : опыт истолкования проблемы / Т. Г. Мальчукова // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. Москва : Новый Хронограф, 2015. С. 6—50.
245. Мальчукова, Т. Г. Гомеровские мотивы в творчестве Гете и Шиллера [Текст] / Т. Г. Мальчукова // Филология как наука и творчество / Т. Г. Мальчукова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. — С. 71—84.
246. Мальчукова, Т. Г. Гораций в избранных текстах и переводах [Текст] / Т. Г. Мальчукова, М. М. Кислова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. — 124 с.
247. Мальчукова, Т. Г. Греческая классика и наша культура [Текст] / Т. Г. Мальчукова : учебное пособие. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2005. — 164 с.
248. Мальчукова, Т. Г. Классицизм и неоклассицизм в истории русской литературы [Текст] : к постановке проблемы и определению путей и методов изучения / Т. Г. Мальчукова // Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. / [редкол. : Т. Г. Мальчукова, А. В. Дехтяренко, А. Ю. Нилова]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. — С. 3—152.
249. Мальчукова, Т. Г. О своеобразии и формах рецепции античной словесности в русской литературе [Текст] / Т. Г. Мальчукова // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. / [редкол. : Т. Г. Мальчукова, А. Ю. Нилова, А. В. Дехтяренко]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. — С. 3—30.
250. Мальчукова, Т. Г. Роль гомеровского эпоса в формировании русской литературы XIX века [Текст] / Т. Г. Мальчукова // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. Ч. 2. — С. 4—54.
251. Мальчукова, Т. Г. Стихотворение «19 октября» 1825 года в контексте античных и христианских традиций [Текст] / Т. Г. Мальчукова // Лирика А. С. Пушкина : (опыты интерпретации) / Т. Г. Мальчукова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — С. 18—43.
252. Манн, Ю. В. Библиотека В. А. Жуковского в Томске [Текст] / Ю. В. Манн // Литературное обозрение. — 1986. — № 8. С. 78—79.
253. Манн, Ю. В. Русская литература XIX века [Текст] : эпоха романтизма : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ю. В. Манн. — Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. — 519 с.
254. Маркиш, С. Путь к Гомеру [Текст] / С. Маркиш // Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского ; вступ. ст. С. Маркиша; примеч. С. Ошерова. — Москва : Эксмо, 2013. — С. 7—26.
255. Маркович, В. М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма [Текст] / В. М. Маркович // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН

- СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 138—166.
256. Маркович, В. М. Книга Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении [Текст] / В. М. Маркович // Наследие Александра Веселовского : исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Наука, СПб. отд-е, 1992. — С. 202—203.
257. Маркович, В. М. Трансформация русской лирики в первые десятилетия XIX века [Текст] / В. М. Маркович // Русская литература. — 2015. — № 2. — С. 5—28.
258. Матяш, С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского [Текст] / С. А. Матяш // Русское стихосложение XIX в. : материалы по метрике и строфике русских поэтов / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; [редкол. : М. Л. Гаспаров (отв. ред.), М. М. Гиршман, Л. И. Тимофеев]. — Москва : Наука, 1979. — С. 14—96.
259. Матяш, С. А. Стих баллад В. А. Жуковского [Текст] / С. А. Матяш // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 241—262.
260. Махлин, В. Л. Перевод и образование [Текст] / В. Л. Махлин // Вопросы литературы. — 2009. — № 2. — С. 118—168.
261. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1976. — 408 с.
262. Миллер, Т. Историческая проза Древней Греции [Текст] / Т. Миллер // Историки Греции : Геродот : Фукидид : Ксенофонт : переводы с древнегреческого / сост. и предисл. Т. Миллер ; примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. — Москва : Худож. лит., 1976. — С. 5—24.
263. Мильчина, В. Слова свои и чужие [Текст] : ассимиляция «чужого» художественного текста : пятое чтение памяти Е. Г. Эткинда / В. Мильчина // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 94. — С. 419—440.
264. Мень, А. В. История религии [Текст] : в поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. М, 1991. Т. 4. — 270 с.
265. Михайлов, А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX веков [Текст] / А. В. Михайлов // Языки культуры : учеб. пособие по культурологии / А. В. Михайлов ; [предисл. С. Аверинцева]. — Москва : Языки рус. культуры, 1997. — С. 509—521. — (Язык. Семиотика. Культура).
266. Михайлов, А. В. Идеал античности и изменчивость культуры [Текст] : рубеж XVIII—XIX веков / А. В. Михайлов // Языки культуры : учеб. пособие по культурологии / А. В. Михайлов ; [предисл. С. Аверинцева]. — Москва : Языки рус. культуры, 1997. — С. 522—563. — (Язык. Семиотика. Культура).

267. Михайлов, А. В. Н. М. Карамзин в общении с Гомером и Клопштоком [Текст] / А. В. Михайлов // Обратный перевод : русская и западно-европейская культура : проблемы взаимосвязей / А. В. Михайлов ; сост., подгот. текста и комм. Д. Р. Петрова и С. Ю. Хурумова. — Москва : Языки рус. культуры, 2000. — С. 265—268. — (Язык. Семиотика. Культура).
268. Михайлов, А. В. Стиль и интонация в немецкой романтической лирике [Текст] / А. В. Михайлов // Обратный перевод : русская и западно-европейская культура : проблемы взаимосвязей / А. В. Михайлов ; сост., подгот. текста и комм. Д. Р. Петрова и С. Ю. Хурумова. — Москва : Языки рус. культуры, 2000. — С. 58—90. — (Язык. Семиотика. Культура).
269. Михайлов, А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII—XIX веков [Текст] / А. В. Михайлов // Обратный перевод : русская и западно-европейская культура : проблемы взаимосвязей / А. В. Михайлов ; сост., подгот. текста и комм. Д. Р. Петрова и С. Ю. Хурумова. — Москва : Языки рус. культуры, 2000. — С. 19—33. — (Язык. Семиотика. Культура).
270. Надеждин, Н. И. Литературная критика. Эстетика [Текст] / Н. И. Надеждин ; [вступ. ст., сост. и коммент. Ю. Манна]. — Москва : Художественная литература, 1972. — 575 с.
271. Нелюбин, Л. Л. Наука о переводе : история и теория с древнейших времен до наших дней [Текст] : учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. — 2-е изд. — Москва : Флинта ; МПСИ, 2008. — 416 с.
272. Никонов, В. А. Баллада [Текст] / В. А. Никонов // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. — Москва : Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. — С. 422—423.
273. Никонова, Н. Е. В. А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса [Текст] / Н. Е. Никонова // Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — С. 96—106.
274. Никонова, Н. Е. Веймарский след В. А. Жуковского [Текст] / Н. Е. Никонова // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 1. — С. 157—183.
275. Никонова, Н. Е. Литература немецкого благочестия и ее роль в житнетворческих исканиях В. А. Жуковского [Текст] / Н. Е. Никонова // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 3. — С. 50—57.
276. Никонова, Н. Е. Письма В. А. Жуковского К. К. Зейдлицу [Текст] : русско-немецкий диалог / Н. Е. Никонова // Русская литература. — 2011. — № 2. — С. 135—159.
277. Никонова, Н. Е. Подстрочный перевод [Текст] : типология, функции и роль в межкультурной коммуникации / Н. Е. Никонова ; Федер. агентство по образованию, Томский гос. Ун-т. — Томск : Томский государственный университет, 2008. — 110 с.
278. Никонова, Н. Е. Три "Узника" В. А. Жуковского [Текст] : о стратегиях поэтического автоперевода / Н. Е. Никонова, П. А. Ковалев, Д. Е. Крупницкая // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2015. — № 2 (34). — С. 138—153.

279. Нильссон, М. П. Греческая народная религия [Текст] / М. П. Нильссон ; пер. с англ. С. Клементьевой ; отв. ред. А. И. Зайцев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 218 с.
280. Огарков, В. В. В. А. Жуковский [Текст] : Его жизнь и литературная деятельность / В. В. Огарков. — Санкт-Петербург : Тип. высочайше утвержден. товарищества «Общественная польза», 1894. — 80 с.
281. Пинчук, А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина [Текст] / А. Л. Пинчук // Ученые записки Томского ун-та. — 1955. — № 24. — С. 71—86
282. Плетнев, П. А. Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова [Текст] / П. А. Плетнев // Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1822. — С. 307—314.
283. Полевой, Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского [Текст] / Н. А. Полевой // Литературная критика : статьи и рецензии 1825—1842 / Н. А. Полевой, Кс. А. Полевой. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 194—224.
284. Прозоров, Ю. М. «Занялся от страха дух...» [Текст] : «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского / Ю. М. Прозоров // Русская литература. — 2016. — № 2. — С. 19—50.
285. Прозоров, Ю. М. «И меланхолии печать была на нем...» [Текст] : к характеристике художественного мышления В. А. Жуковского / Ю. М. Прозоров // Русская литература. — 2009. — № 1. — С. 3—48.
286. Прозоров, Ю. М. «... Мой избранный род поэзии» [Текст] : баллады В. А. Жуковского / Ю. М. Прозоров // Литература в школе. — 2016. — № 1. — С. 11—16.
287. Пропп, В. Я. Эдип в свете фольклора [Текст] / В. Я. Пропп // Фольклор. Литература. История / В. Я. Пропп ; сост., науч. ред., коммент., библиогр. указ. В. Ф. Шевченко. — Москва : Лабиринт, 2002. — С. 6—53.
288. Пыпин, А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов [Текст] : исторические очерки / А. Н. Пыпин. — 4-е изд. — Санкт-Петербург : Тип М. М. Стасюлевича, 1909. — 519 с.
289. Радциг, С. И. Античное влияние в древнерусской культуре [Текст] / С. И. Радциг // Вопросы классической филологии. — Москва, 1971. — Вып. 3—4. — С. 3—65.
290. Радциг, С. И. История древнегреческой литературы [Текст] / С. И. Радциг. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. — 404 с.
291. Разуменко, И. В. А. В. Никитенко о стиле В. А. Жуковского [Текст] / И. В. Разуменко // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX — начала XX веков : сб. науч. трудов. / Свердловск : Свердлов. пед. ин-т., 1986. — С. 11—14.

292. Разумова, Н. Е. В. А. Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля [Текст] / Н. Е. Разумова // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 35—74.
293. Ратгауз, Г. И. Немецкая поэзия в России [Текст] / Г. И. Ратгауз // Золотое перо : немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах : 1812—1970 / сост., вступ. ст., справки о поэтах и замеч. Г. И. Ратгауза. — Москва : Прогресс, 1974. — С. 5—55.
294. Резанов, В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского [Текст] / В. И. Резанов. — Санкт-Петербург : Сенат. Тип., 1906. — Вып. 1. — 369 с.; 1916. — Вып. 2. — С. 621 с.
295. Реизов, Б. Г. В. А. Жуковский, переводчик Вальтера Скотта («Иванов вечер») [Текст] / Б. Г. Реизов // Русско-европейские литературные связи : сб. ст. к 70-летию академика М. П. Алексеева. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — С. 439—446.
296. Реморова, Н. Б. Характер чтения В. А. Жуковского [Текст] : система помет / Н. Б. Реморова // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. С. 14—31.
297. Рыжкина, З. А. Эпическая традиция в творчестве Ивика [Текст] / Рыжкина З. А. // Ранняя греческая лирика (миф, культ, мировоззрение, стиль). — Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. — С. 101—113.
298. Савельева, Л. И. Античность в русской романтической поэзии : (поэты пушкинского круга) [Текст] / Л. И. Савельева. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1986. — 77 с.
299. Савельева, Л. И. Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. [Текст] / Л. И. Савельева. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1980. — 120 с.
300. Савельева, О. М. В. А. Жуковский – поэт и переводчик Гомера [Текст] // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Новый хронограф, 2015. — С. 335—350.
301. Садовников, А. Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. Г. Садовников ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2009. — 25 с.
302. Сахарный, Н. Гомеровский эпос [Текст] / Н. Сахарный. — Москва : Художественная литература, 1976. — 397 с.
303. Светашова, Ю. А. Субстантиваты в произведениях В. А. Жуковского [Текст] / Ю. А. Светашова // Русский язык в школе. — 2008. — № 1. — С. 45—50.
304. Свиясов, Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков [Текст] / Е. В. Свиясов ; Рос. акад. наук ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Ю. Д. Левин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 397 с.

305. Семенко, И. М. Жизнь и поэзия Жуковского [Текст] / И. М. Семенко. — Москва : Художественная литература, 1975. — 256 с.
306. Семенов, А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности [Текст] : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / А. Л. Семенов. — Москва : Академия, 2008. — 160 с.
307. Славятинская, М. Н. Греко-славянские культурно-политические и языковые отношения [Текст] / М. Н. Славятинская // Учебное пособие по древнегреческому языку / М. Н. Славятинская. — Москва, 1988. — С. 121—239.
308. Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков [Текст] / А. И. Соболевский. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1903. — VIII, 460 с.
309. Соловьев, С. Взгляды В. А. Жуковского на поэзию [Текст] / С. Соловьев. — Харьков : Тип. «Печатное Дело» кн. К. Н. Гагарина, 1902. — 15 с.
310. Тарланов, Е. З. Анализ поэтического текста [Текст] : учеб. пособие / Е. З. Тарланов. — Петрозаводск, 2000. — 140 с.
311. Тахо-Годи, А. А. Античная гимнография [Текст] : жанр и стиль / А. А. Тахо-Годи // Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во МГУ, 1988. — С. 5—55.
312. Тахо-Годи, А. А. Об эстетической пользе души или «Одиссея» в переводе Жуковского [Текст] / А. А. Тахо-Годи // Музы у зеркала : античные мотивы в русской литературе / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. — Москва : Новый хронограф, 2015. — С. 351—353.
313. Творогов, О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. [Текст] / О. В. Творогов // Труды отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Ленинград : Изд-во АН СССР, 1979. Т. 33. С. 3—31.
314. Творогов, О. В. Троянские сказания в древнерусской литературе [Текст] / О. В. Творогов // Троянские сказания : средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков : [тексты и переводы] / подгот. текста и ст. О. В. Творогова ; коммент. М. Н. Ботвинника, О. В. Творогова. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. — С. 148—160.
315. Тихонравов, Н. С. О пребывании В. А. Жуковского в Университетском благородном пансионе [Текст] / Н. С. Тихонравов // Сочинения : в 3 т. — Москва : Н. и С. Сабашниковы, 1898. — Т. 3. — Ч. 2 : Русская литература XVIII и XIX вв. — С. 149—162.
316. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения [Текст] / П. М. Топер ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — 2-е изд. — Москва : Наследие, 2001. — 252 с.
317. Тронский, И. М. История античной литературы [Текст] : [учеб. для филол. спец. ун-тов] / И. М. Тронский. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 1983. — 464 с.

318. Тураев, С. В. Шиллер в переводах В. А. Жуковского [Текст] / С. В. Тураев // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. В. Ю. Троицкий. — Москва : Наука, 1988. — С. 275—288.
319. Федотова, Л. В. Жанровая специфика произведений русских романтиков [Текст] / Л. В. Федотова // Вестник Адыгейского государственного университета. — Вып. 6. — С. 130—133.
320. Фонкич, Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. [Текст] : греческие рукописи в России / Б. Л. Фонкич ; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. — Москва : Наука, 1977. — 247 с.
321. Фрейденберг, О. Поэтика сюжета и жанра : период античной литературы [Текст] / О. Фрейденберг. — Ленинград : Гослитиздат, 1936. — 454 с.
322. Фридлиндер, Г. М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского [Текст] / Г. М. Фридлиндер // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 5—31.
323. Хвостов, А. О стихотворстве [Текст] / А. Хвостов // Чтение в беседе любителей русского слова. — Санкт-Петербург : В медицинской типографии, 1811. — Кн. 3. — С. 3—30.
324. Цветаева, М. И. Два «Лесных царя» [Текст] / М. И. Цветаева // Просто сердце : стихи зарубежных поэтов в переводе Марины Цветаевой / [предисл. В. Иванова]. — Москва : Прогресс, 1967. — С. 88—95.
325. Чешихин-Ветринский, В. Е. Жуковский, как переводчик Шиллера [Текст] : критический этюд (увенчанный Императорскою Академиею Наук, премией за сочинение о В. А. Жуковском) / В. Е. Чешихин-Ветринский. — Рига : Типо-литография Б. Серенсена, 1895. — 172 с.
326. Чуковский, К. И. Высокое искусство [Текст] : принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. — СПб. : Авалонъ ; Азбука-классика, 2008. — 488 с.
327. Чупина, Г. А. Первый опыт перевода Гомера [Текст] / Г. А. Чупина // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. Ч. 3. — С. 434—455.
328. Шабага, И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) [Текст] / И. Ю. Шабага // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2009. — № 2. — С. 21—37.
329. Шайтанов, И. Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема [Текст] / И. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2009. — № 2 : Март—апрель. — С. 5—26.

330. Шаманская, Л. П. Жуковский и Шиллер [Текст] : поэтический диалог в контексте русской литературы : моногр. исслед. / Л. П. Шаманская. — Москва : Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2000. — 95 с.
331. Шарыпина, Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX—XX вв. [Текст] : материалы спецкурса / Т. А. Шарыпина. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 1995. — 114 с.
332. Шаталов, Д. Г. Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. [Текст] : метафоры идентичности / Д. Г. Шаталов // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2011. — № 1. — С. 67—84.
333. Шаталов, Д. Г. По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв. [Текст] / Д. Г. Шаталов // Вестник Московского университета. — Сер. 22 : Теория перевода. — 2010. — № 4. — С. 38—47.
334. Шаталов, С. Е. Романтизм Жуковского [Текст] / С. Е. Шаталов // История романтизма в русской литературе : возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825) / [С. Е. Шаталов, А. С. Курилов, В. И. Федоров и др. ; редкол. : А. С. Курилов (отв. ред.) и др.]. — Москва : Наука, 1979. — С. 110—144.
335. Шаталов, С. Е. Характерология элегий и баллад Жуковского [Текст] : к вопросу о единстве художественного мира поэта / С. Е. Шаталов // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века : сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. Ред. В. Ю. Троицкий ; [предисл. В. Ю. Троицкого] — Москва : Наука, 1988. — С. 48—69.
336. Шатобриан Ф. Р. де Опыт об английской литературе и суждение о духе людей, эпох и революций [Текст] / Ф. Р. де Шатобриан // Эстетика раннего французского романтизма / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Мильчиной. — Москва : Искусство, 1932. — С. 220—247. — (История эстетики в памятниках и документах).
337. Шевырев, С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов [Текст] / С. П. Шевырев. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1887. — IV, 271 с.
338. Шестаков С. П. Жуковский как переводчик Гомера [Текст] / С. П. Шестаков. — Казань : Типо-лит. Имп. Ун-та, 1902. — 43 с.
339. Шугаева, Н. Ю. Передача семантики и прагматики говорящих имен Н. В. Гоголя при переводе на английский язык [Текст] : [на материале произведений "Мертвые души" и "Ревизор"] / Н. Ю. Шугаева, Н. В. Кормилини // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. — 2015. — № 1 (85). — С. 63—72.
340. Эйхенбаум, Б. О поэзии [Текст] / Б. Эйхенбаум. — Ленинград : Сов. Писатель, Ленингр. отд-ние, 1969. — 552 с.

341. Эмерсон, К. «Переводимость» [Текст] / К. Эмерсон // Бахтинский сборник. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — V. — С. 186—192.
342. Энгельгардт, Н. История русской литературы XIX столетия [Текст] : критика, роман, поэзия и драма / Н. Энгельгардт. — Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1902. — Т. 1 : 1800—1850. — 631 с.
343. Эткинд, Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина [Текст] / Е. Г. Эткинд. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. — 248 с.
344. Юрина, Е. А. Межъязыковая образность в речевой деятельности переводчика [Текст] : на материале русского перевода турецкого романа О. Памука «Черная книга» / Е. А. Юрина, А. В. Боровкова, Г. Шенкал // Язык и культура. — 2015. — № 1 (29). — С. 61—71.
345. Янушкевич, А. Ахилл («Отуманилася Ида...») [Текст] / А. С. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 315—320.
346. Янушкевич, А. С. В. А. Жуковский [Текст] : семинарий / А. С. Янушкевич. — Москва : Просвещение, 1988. — 175 с.
347. Янушкевич, А. С. В мире Жуковского [Текст] : творчество В. А. Жуковского как художественная система / А. С. Янушкевич. — Москва : Наука, 2006. — 523 с.
348. Янушкевич, А. С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев) / [Текст] / А. С. Янушкевич // Жуковский и время : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — С. 133—161.
349. Янушкевич, А. Жалоба Цереры («Снова гений жизни веет...») [Текст] : [примечания] / А. С. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 403—405.
350. Янушкевич, А. С. Жуковский и Ломоносов [Текст] / А. С. Янушкевич // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. — Ч. 1. — С. 52—70.
351. Янушкевич, А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского [Текст] / А. С. Янушкевич // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. / ред. Ф. З. Канунова (отв. ред.), Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. — Ч. 2. — С. 140—225.
352. Янушкевич, А. С. «При свете Жуковского» [Текст] : обзор отечественных и зарубежных исследований 2009—2013 гг. : к 230-летию со дня рождения В. А. Жуковского / А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2014. — № 6 (32). — С. 183—192.

353. Янушкевич, А. С. Путь Жуковского к эпосу [Текст] / А. С. Янушкевич // Жуковский и русская культура : сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т рус. лит (Пушкинский Дом) ; [редкол. : Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др.]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — С. 166—179.
354. Янушкевич, А. Разрушение Трои : из «Энеиды» Вергилия (Все молчат, обратив на Энея внимательны лица...») [Текст] : [примечания] / А. Янушкевич, М. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.). — Москва : Языки рус. культуры, 2010. — Т. 5 : Эпические стихотворения. — С. 50—61.
355. Янушкевич, А. С. Романтизм В. А. Жуковского как художественная система [Текст] : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Янушкевич Александр Сергеевич ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва, 1985. — 35 с.
356. Янушкевич, А. С. Торжество победителей («Пал Приамов град священный...») [Текст] : [примечания] / А. С. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.) — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 391—394.
357. Янушкевич, А. Элевзинский праздник («Свивайте венцы из колосьев златых...») [Текст] : [примечания] / А. Янушкевич // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; А. С. Янушкевич (гл. ред.) — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 3 : Баллады. — С. 436—238.
358. Янушкевич, А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского [Текст] / А. С. Янушкевич. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. — 285 с.
359. Ярхо, В. Н. Была ли у древних греков совесть? [Текст] : к изображению человека в аттической трагедии / В. Н. Ярхо // Античность и современность : к 80-летию Федора Александровича Петровского : [сб. ст.] / редкол. : М. Е. Грабарь-Пассек и др. — Москва : Наука, 1972. — С. 251—263.
360. Ярхо, В. Н. Жуковский — переводчик «Одиссеи» [Текст] / В. Н. Ярхо // Гомер. Одиссея / Гомер ; пер. В. А. Жуковского ; изд. подгот. В. Н. Ярхо ; [Рос. акад. Наук]. — Москва : Наука, 2000. — С. 330—346.
361. Ярхо, В. Н. Поэзия культового содружества : Сапфо и Алкей [Текст] / В. Н. Ярхо // Ранняя греческая лирика : миф, культ, мировоззрение, стиль / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Центр изучения античности ; отв. ред. И. В. Шталь. — Санкт-Петербург : Алетей, 1999. — С. 130—191.

Справочная литература

362. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь [Текст] : репринт V-го издания 1899 г. / А. Д. Вейсман. — Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. — 1371 с.
363. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. — 6-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 2000. — 846 с.
364. Лосев, А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней [Текст] : собр. первоисточников, ст. и комментар : энцикл. олимпийс. богов / А. Ф. Лосев. — Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2005. — 1040 с.
365. Лосев, А. Ф. Боги и герои Древней Греции [Текст] / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. — Москва : Слово, 2002. — 280 с.
366. Любкер, Ф. Иллюстрированный словарь античности = Reallexicon des klassischen Alterthums [Текст] / Фридрих Любкер. — Изд. испр. и доп. — Москва : Эксмо, 2005 (Ульяновск : Ульяновский Дом печати). — 1341 с. — (Русский Webster).
367. Краткая литературная энциклопедия [Текст] / глав. ред. А. А. Сурков. — Москва: Сов. Энциклопедия. 1962—1978. — Т. 1—9.
368. Мифы народов мира [Текст] : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — Москва : Рос. энцикл., 1994. — Т. 1. — 671 с. ; Т. 2. — 719 с.
369. Словарь древней и новой поэзии [Текст] / сост. Н. Остолопов. — Санкт-Петербург : В Тип. Имп. Российской Акад., 1821. — Ч. 1.— [2], IV, III, [1], 531, [3] с.
370. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984—2015. — Вып. 1—21.
371. Словарь современного русского литературного языка [Текст] / [гл. ред. : чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (гл. ред.), акад. С. П. Обнорский и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва акад. наук СССР в Ленинграде, 1948—1943. — Т. 1—17.
372. Срезневский, И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст] : в 3 т. / И. И. Срезневский. — Москва : Знак, 2003. — Т. 1. — 1419, 49 с. ; Т. 2. — 1801 с. ; Т. 3. — 1683, 271, 13 с.
373. Энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). — Санкт-Петербург : Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6, 1903. — Томъ 37А (74) : Ходскій — Цензура. — [4], II, 479—962, II, 2 с., [17] л. ил.

374. Ελληνική μυθολογία : [Ελληνική μυθολογία : Οι θεοί](#) / Συλλογικό έργο, [Ιωάννης Θ. Κακριδής](#), [Ευάγγελος Ν. Ρούσσος](#), [Αικατερίνη Καμαρέττα](#), [Αριστόξενος Δ. Σκιαδάς](#), [Νικόλαος Παπαχατζής](#)· επιμέλεια [Ιωάννης Θ. Κακριδής](#). — 1η έκδ. — Αθήνα : [Εκδοτική Αθηνών](#), 1986. — 374σ.

Литература на иностранных языках

375. Wes, M. A. Classics in Russia 1700—1855 : between Two Bronze Horsemen / M. A. Wes. — Leiden ; Köln ; NY : E. J. Brill, 1992. .p 336—

Библиографические указатели

376. Свиясов, Е. В. Антична поэзия в русских переводах XVIII—XX вв. [Текст] : библиогр. указ. / Е. В. Свиясов. — Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. — 398 с.

Электронные ресурсы

377. Беньямин, В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / В. Беньямин ; пер. с немецкого Е. Павлова // [Klinamen](#). Сетевой аналитический журнал. Раздел «Инфра_Философия» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — [Россия], 2009. — URL: <http://dironweb.com/klinamen/fila10.html>. — Яз. рус. — (01. 09. 2016).

378. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения [Электронный ресурс] / Валерий Максим ; пер. и коммент. С. Ю. Трохачева. — Электрон. дан. — [Россия], 2010. — URL: <http://simposium.ru/ru/node/808>. — Яз. рус. — (01.09.2016).
379. Василий Великий (архиепископ Кессарии Каппадокийской). Беседа 22. Юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями [Электронный ресурс] / свт. Василий Великий, архиеп. Кессарии Каппадокийской. — Электрон. дан. — [Россия], 2010. — URL: <http://www.orthlib.ru/Basil/beseda22.html>. — Яз. рус. — (30.06.2016).
380. Канунова, Ф. З. В. А. Жуковский в современном мире : итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском университете // Вестник Томского государственного Университета [Электронный ресурс] / Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич. — Электрон. дан. — [Томск], 1998. — Т. 266. — URL: [http://violin.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/zhukovsky.html](http://violin.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/zhukovsky.html). — Яз. рус. — (22. 06. 2016).
381. Мень, А. (протоиерей) Два пути понимания христианства [Электронный ресурс] / А. Мень. — Электрон. дан. — [Россия], 1999. — URL: http://www.krotov.info/library/13_m/myen/00110.html. — Яз. рус. — (01.09.2016).
382. Новикова, Е. Г. «Все такой же последний из романтиков» : статья М. М. Достоевского «Жуковский и романтизм» [Электронный ресурс] / Е. Г. Новикова. — Электрон. ст. — Томск, 2013. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000458050>, свободный. — Аналог печ. изд. (Жуковский : исследования и материалы : сб. науч. трудов / [А. С. Янушкевич (гл. ред)]. Томск : Изд-во Томского ун-та. 2013. — Вып. 2. — С. 262—290). — (01.08.2016).